

СОЧИНЕНІЯ ИММОКЕНТІЯ

АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ТАВРИЧЕСКАГО.

ТОМЪ VII.

ПАДЕНІЕ АДАМОВО. — О ГРѢХѢ И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯХЪ. — БЕСѢДЫ О СМЕРТИ.
МЫСЛИ О БЕЗСМЕРТІИ. — ЗАМѢТКИ.

ИЗДАНИЕ МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Гостиный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.

МОСКВА,
Кузнецкій Мостъ, д. Рудякова.

1874.

189097.

ОГЛАВЛЕНІЕ VII ТОМА.

ПАДЕНІЕ АДАМОВО.

	стр.
Слово въ недѣлю сыропустную. Огласительное.	1
Слово въ среду 1-й недѣли великаго поста	7
Слово въ пятокъ 1-й недѣли великаго поста	15
Бесѣда въ среду 2-й недѣли великаго поста.	21
Бесѣда въ пятокъ 2-й недѣли великаго поста	30
Бесѣда въ среду 3-й недѣли великаго поста	36
Бесѣда въ пятокъ 3-й недѣли великаго поста	41
Бесѣда въ среду 4-й недѣли великаго поста	49
Бесѣда въ пятокъ 4-й недѣли великаго поста	59
Бесѣда въ среду 5-й недѣли великаго поста	66
Бесѣда въ пятокъ 5-й недѣли великаго поста	74
Слово въ субботу 5-й недѣли великаго поста или похвальную	81
Бесѣда въ среду 6-й недѣли великаго поста.	87
Бесѣда въ пятокъ 6-й недѣли великаго поста	93
Бесѣда въ великій понедѣльникъ	98
Бесѣда въ великій вторникъ.	102
Слово въ великую среду, заключительное	108

О ГРѢХѢ И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯХЪ.

Слово огласительное	117
Слово о существѣ грѣха, его видахъ, степеняхъ и различныхъ грѣховныхъ состояніяхъ	122
Слово о томъ, какъ произошелъ грѣхъ въ міръ и въ родъ человѣчскій	127
Слово о томъ, чѣмъ грѣхъ соблазняетъ человѣка	134
Слово о пагубныхъ дѣйствіяхъ грѣха.	139
Слово о томъ, что грѣхъ распространяетъ по всему существу человѣка тьму	144

II

	стр.
Слово о томъ, что грѣхъ, обѣщая челоуѣку вольность и независимость, лишаетъ его истинной свободы	153
Слово о томъ, что радости грѣховныя привременны	158
Слово о томъ, что грѣхъ есть главною и первоначальною причиною всѣхъ болѣзней	164
Слово о томъ, что грѣхъ неминуемо подвергаетъ челоуѣка мучительному владычеству діавола	171
Слово о лютой кончинѣ, ожидающей грѣшника	177
Слово о томъ, что за грѣхомъ послѣдуетъ наконецъ для челоуѣка вѣчное мученіе	182

БЕСѢДЫ О СМЕРТИ.

Слово о смерти вообще	189
Слово о смерти	197
Слово о томъ, что такое смерть	197
Слово о томъ, что такое смерть	201
Слово о томъ, что такое смерть	203
Слово о происхожденіи смерти	206
Слово о происхожденіи смерти	210
Слово о томъ, какъ произошла смерть въ родѣ челоуѣческомъ	213
Слово о томъ, какимъ образомъ грѣхъ породилъ смерть	217
Слово о томъ, что сдѣлалъ Іисусъ Христосъ со смертію	219
Слово объ участи самой смерти	220

МЫСЛИ О БЕЗСМЕРТІИ.

I—XII	223—236
-----------------	---------

- ЗАМѢТКИ.

I—XC	237—277
----------------	---------

СЛОВО

ВЪ ПОДЪЛН СЫРОПУСТНУ.

ОГЛАСИТЕЛЬНОЕ.

сли когда, братіе мои, довѣло бы намъ начать бесѣду съ вами не словами, а воздыханіемъ и слезами, то въ настоящій день, когда св. Церковь воспоминаетъ и оплакиваетъ злополучное грѣхонаніе прародителей нашихъ, а въ лицѣ ихъ и всего рода человѣческаго, слѣдовательно — каждого изъ насъ.

Паденіе Адамово!... Когда произносишь слова сіи, то, кажется, весь міръ возстаетъ противъ тебя: со всѣхъ сторонъ несутся вопли, стоны и упреки; всюду представляются потоки крови и слезъ, нами пролитыхъ; все злое и преступное—въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ—является на лице и требуетъ отъ себя отвѣта; небо и земля, солнце и звѣзды, растенія и животныя идутъ на судъ противъ тебя и говорятъ: ты лишилъ насъ первоначальнаго совершенства!

Въ самомъ дѣлѣ, братіе мои, не это ли злополучное грѣхонаніе прародителей нашихъ низринуло съ высоты богоподобія и блаженства и повергло во прахъ и тѣніе весь родъ человѣческій? Не оно ли помрачило благолѣпіе и возмутило порядокъ всей видимой вселенной, измѣнило первоначальное опредѣленіе о насъ Творца, лишило всѣ твари земныя ихъ совершенства первоначальнаго и слѣлаю наконецъ необходимымъ то, что *земля* и всѣ, *иже на ней, дѣла* (2 Петр. 3, 10) должны нѣкогда сгорѣть, солнце и луна—померкнуть, звѣзды яко листвіе спастъ съ не-

бесе, и самыя силы небесныя подвигнуться (Мат. 24, 29)? Не оно ли наконецъ нарушило, въ нѣкоемъ отношеніи, величественный покой седьмага дня для самого Творца, побудило Всемогущаго къ новымъ чудесамъ любви и премудрости и какъ бы къ новому творенію, заставило Сына Божія сойти съ неба на землю, облечься бѣдною плотію человѣческою, претерпѣть уничиженіе и муку, и умереть за насъ на крестѣ? Ужасно было паденіе Ангеловъ:—но грѣхопаденіе человѣка, по его злополучнымъ послѣдствіямъ для всего міра, могло быть еще ужаснѣе, если бы въ безднахъ премудрости и любви Божіей не обрѣлось средства возставить насъ отъ паденія.

Но, какъ ни злополучно было паденіе въ раю Адама, оно въ тоже время есть мое собственное паденіе. Напрасно хотѣлъ бы я разлучиться на сей разъ съ прародителемъ моимъ: союзъ природы связуетъ меня неразрывно.—Напрасно, происшедъ на свѣтъ послѣ многихъ поколѣній, хотѣлъ бы я потому усомниться въ моемъ участіи во грѣхѣ эдемскомъ: казнь, мною несомая, непрестанно напоминаетъ мнѣ о немъ.

Какая казнь?—Увы, самый вопросъ сей обнаруживаетъ уже крайнюю глубину нашего паденія!.. Значитъ, мы пали въ такую пропасть, что уже не видимъ болѣе той святой и блаженной высоты, на коей поставлены были нѣкогда творческою десницею, такъ оглушены паденіемъ, что не чувствуемъ даже боли, отъ него происшедшей, и не замѣчаемъ той бездны, въ коей находимся.—Какая казнь? А развѣ награда, что всѣ мы приходимъ на свѣтъ сей самымъ плачевнымъ образомъ: съ воплемъ оставляемъ утробу матернюю, дабы явиться на краткое время на лицѣ земли, и среди воплей расторгаемъ утробу земли, дабы сокрыть въ ней свое тѣлѣніе отъ среды живыхъ?—Какая казнь?—А развѣ награда, что большая часть изъ насъ, созданныхъ по образу Божію и видимо предназначенныхъ къ господству надъ всѣмъ, насъ окружающимъ, принуждены теперь влечить всю жизнь свою въ узахъ рабства духовнаго и тѣлеснаго, бороться непрестанно со всякаго рода нуждами и скорбями, искупать едва не каждый день бытія потомъ и слезами? Какая казнь?—А развѣ награда, что люди братія терзаютъ нерѣдко, какъ тигры, другъ друга, что цѣлыя племена и царства должны непрестанно стоять одно противъ другаго на стражѣ и не знать вышшаго искусства, какъ отражать и поражать людей, себѣ подобныхъ?—Какая казнь?—А что въ сердцѣ у каждаго изъ насъ? Непрестанная борьба добра со зломъ, духа съ плотію, ума и со-

вѣсти со страстями; и гдѣ побѣда? Большею частію на сторонѣ грѣха и плоти. *Не еже хочу (доброе), сіе творю: не еже ненавижду (злое), то содѣлаю. Еже хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣлати доброе, не обрѣтаю* (Рим. 7, 15—18). Такъ жалуются не себя самые лучшіе изъ людей:—что же должны сказать худшіе?.. Увы, куда ни обращаюсь, вездѣ вижу слѣды моего паденія: вижу и въ разрушительной для меня борьбѣ бездушныхъ стихій, и въ нѣкоемъ постоянномъ враждованіи противъ меня существъ одушевленныхъ;—вижу и въ грозныхъ явленіяхъ надо мною неба, и въ безплодіи воздѣлываемой мною земли;—вижу и въ брѣнности моего ума, и въ ломкости моихъ произведеній;—вижу и въ силѣ страстей человѣческихъ, и въ безсиліи законовъ человѣческихъ, и въ недостаткѣ вѣры и въ избыткѣ сомнѣній; вижу въ хижинѣ и на престолѣ, у алтаря и плуга, въ минуту радости и печали, на яву и въ самомъ снѣ.... Тяжко, тяжело иго на всѣхъ сынѣхъ Адамлихъ (Сирах. 40, 1—2)! Ужасна работа истлѣнію, отъ коей стенаетъ вся тварь (Рим. 8, 22)!

Кто же виною сего? Откуда и какъ возникло зло, облажающее меня и весь міръ со мною? Не у Творца ли моего не достало, быть можетъ, силъ и средствъ создать меня чистымъ и праведнымъ, бессмертнымъ и блаженнымъ? Но одинъ простой взглядъ на несобѣятность міра, на порядокъ и красоту вселенной уже ясно показываетъ, что десница, меня создавшая, была всемогуща и всеблага; ибо ею не забыто и снабжено всѣмъ нужнымъ самомалѣйшее твореніе. А я между тѣмъ томлюсь и стражду; стражду такъ, что самъ по себѣ не вижу конца моимъ страданіямъ.... Не я ли самъ потому и виною сего? Во мнѣ есть и теперь способность, по коей могу я—усовершенствовать свое состояніе, или превращать его и губить себя. Это моя свобода!... Въ ней же по сему самому, въ ней должна быть причина и моего бѣдственнаго состоянія на землѣ. Была нѣкогда, была злополучная минута, въ которую я, злоупотребивъ произволомъ своимъ, разорвалъ нагло первобытный союзъ, соединявшій меня и весь міръ съ Источникомъ истинной жизни и блаженства; существовала ужасная минута, въ которую я ринулся безумно съ высоты природнаго совершенства моихъ и увлекъ за собою въ бездну зла тварь, мнѣ подчиненную.

Когда и какъ послѣдовало это несчастное паденіе? Напрасно сталъ бы я вопрошать о семъ природу, меня окружающую: она въ семъ случаѣ безмолвна, какъ поле послѣ сраженія, нанемъ проис-

ходившаго. Вездѣ видны слѣды пораженія; слышны даже отголоски стона и воплей:—но кто и какъ сражался? — неизвѣстно. Одно заключаю изъ всего видимаго въ природѣ,—чтоэто все бѣдствіе должно было произойти и не такъ давно, чтобы совершенно забыть его, и не такъ недавно, чтобы можно было сохранить о немъ ясную память. Обращаюсь къ исторіи и древнѣйшимъ преданіямъ рода человѣческаго. Тутъ со всѣхъ концовъ вселенныя слышу, что родъ человѣческій былъ не таковъ, какъ видимъ его нынѣ; что на землѣ не было тѣхъ золь и бѣдствій, отъ коихъ страдаетъ теперѣ все живущее; что настоящій порядокъ, или паче безпорядокъ, вещей есть слѣдствіе грѣхопаденія первыхъ человѣковъ. Но когда, не довольствуясь симъ, любопытствую знать, какимъ именно образомъ послѣдовало мое паденіе, то нахожу въ древнихъ преданіяхъ столько разнообразія, противорѣчій и мрака, что не знаю, на чемъ остановиться; не вижу, гдѣ конецъ истинному свидѣтельству, и откуда начинается вымыселъ. Одно боговдохновенное бытописаніе Моисея, какъ лучезарный свѣтильникъ среди моря, возвышается надъ мутными волнами древнихъ сказаній и тьмою, покрывающею первобытное состояніе рода человѣческаго. Не смотря на краткость сего бытописанія, въ немъ столько свѣта, что всѣ главные вопросы о происхожденіи зла въ нашемъ мірѣ разрѣшаются изъ него столь же любомуудрственно, какъ и благочестиво.

Сію-то священную повѣсть о грѣхопаденіи прародителей нашихъ намѣрены мы, братіе мои, повторить и разсмотрѣть вмѣстѣ съ вами въ наступающіе дни святаго и великаго поста. Не радостная картина ожидаетъ насъ! И предъ нами, какъ нѣкогда предъ Пророкомъ, раскроется свитокъ, въ коемъ вписаны рыданіе, жалость и горе (Іезек. 2, 10). Узримъ змія съ его ужасною клеветою—пріемлемаго, а Творца и Благодѣтеля съ Его святою заповѣдію отвергнутаго; узримъ праматерь всѣхъ живущихъ, легкомысленно простирающую руку къ плоду запрещенному и за сіе осуждаемую въ болѣзняхъ родити чада; узримъ прародителя нашего, убѣгающаго отъ лица Божія, слагающаго вину на самого Создателя и за сіе подвергаемаго на всю жизнь труду въ потѣ лица, съ возвращеніемъ наконецъ въ землю, отъ нея же взять бысть;—узримъ обоихъ стыдящимися своей наготы, а не грѣха, отъ коего нагота и смерть,—изгоняемыхъ изъ рая сладости и влачащихся остатокъ бѣдственной жизни среди проклятія всей земли; узримъ наконецъ Херувима съ пламеннымъ оружіемъ, поставленнаго у вратъ рая и стрегущаго путь къ древу жизни,

навсегда потерянному для тѣхъ, кои не умѣли пользоваться плодами его. Но въ тоже время услышимъ ужасный приговоръ и врагу нашему, увлекшему насъ въ преступленіе, приговоръ—показывающій, что за насъ есть Отмститель, что мы не беззащитны; услышимъ радостотворное обѣтованіе о Сѣмени жены, имѣющимъ сокрушить главу змія, то обѣтованіе, въ коемъ, какъ въ сѣмени древо, заключена вся тайна нашего спасенія. Такимъ образомъ свитокъ первобытія нашего, хотя въ немъ вписано рыданіе, жалость и горе, будетъ наконецъ, подобно свитку Іезекіилеву, сладокъ въ устахъ нашихъ, и можетъ напитать насъ пищею нетлѣнною. Ибо ученіе слова Божія о паденіи Адамовомъ, кромѣ того что изъясняетъ намъ тайну настоящаго бытія нашего на землѣ, указываетъ начало и причину, ничѣмъ иначе неизъяснимыхъ, бѣдствій и страданій нашихъ, и тѣмъ самымъ примиряетъ насъ съ тяжкою судьбою своею и удерживаетъ отъ ропота и хулы на Провидѣніе; это же ученіе служитъ основаніемъ тому животворному благовѣстію, которое составляетъ сущность вѣры христіанской, то есть, ученію объ искупленіи насъ Сыномъ Божиимъ, который для того и облекся въ плоть нашу, да побѣдитъ врага нашего и упразднитъ всѣ слѣдствія грѣхопаденія адемскаго. Чтобы возчувствовать въ полной мѣрѣ цѣну сего божественнаго искупленія, для сего надобно прежде познать всю великость злыхъ, насъ сокрушающихъ. Второй Адамъ, *иже есть Господь съ небесе* (1 Кор. 15, 43), является во всемъ божественномъ величіи не прежде, какъ первый Адамъ, иже отъ земли, прародитель нашъ, предстанетъ намъ во всемъ своемъ униженіи и клятвѣ.

Для сего-то, безъ сомнѣнія, и св. Церковь, общая наша Матерь и Наставница, нынѣ, предъ самымъ вступленіемъ нашимъ во св. постъ, приводитъ намъ на память не другое какое либо событіе, а паденіе Адамово. Симъ самымъ она какъ бы такъ говоритъ каждому изъ насъ: если ты сынъ Адамовъ, то, кто бы ни былъ, ты существо падшее; тебѣ нужно возстать изъ бездны, уврачевать все разбитое въ паденіи, и начать восходить на прежнюю высоту и совершенство, посредствомъ таинства покаянія и причащенія животворящаго Тѣла и Крови Христовой. Для сей же самой цѣли,—то есть, чтобы произвести въ насъ сознаніе своего грѣховнаго безпомощнаго состоянія и расположить всѣхъ и каждого къ смиренію, вѣрѣ и усердной молитвѣ о помощи свыше,—въ продолженіе будущихъ дней поста св. Церковь не престанетъ ежедневно оглашать слухъ нашъ чтеніемъ изъ бытописанія

Моисеева. Итакъ, занимаясь избраннымъ нами предметомъ, мы будемъ идти по слѣдамъ св. Церкви, проповѣдывать тоже самое, что внушается ею.

Воззовемъ же, братіе мои, едиными усты и единымъ сердцемъ ко Господу, да, внушивъ нѣкогда возлюбленному рабу своему Моисею—начертать для насъ святую повѣсть о грѣхопадѣніи прародителей нашихъ, даруетъ и намъ, недостойнымъ рабамъ своимъ, благодать—воспользоваться ею, какъ должно, уразумѣть изъ нея всю бѣдность нашей падшей природы, познать грѣховное окаянство свое, дабы потомъ съ вѣрою и смиреніемъ обратиться къ Тому, кто единъ силенъ возставить все падшее и возвести насъ, какъ обѣщаетъ св. Церковь, къ первому нашему *достоянію съ раствореніемъ*, чего да достигнемъ всѣ мы Его всемошною благодатію. Аминь.

СЛОВО

ВЪ СРЪДѢ НѢ ПОДЪДѢВАННАГО ПОСТА.

О ЗАПОВѢДИ ВЪ РАЮ.

мополучное грѣхопаденіе прародителей нашихъ въ Эдемѣ состояло, какъ извѣстно, въ преступленіи заповѣди Божіей о невкушеніи отъ плода запрещеннаго. Посему, прежде нежели приступимъ къ разсмотрѣнію сего злосчастнаго событія, подобаетъ обратить вниманіе на сію заповѣдь и показать, въ чемъ именно состояла она и для чего дана. Должно возникнуть въ эту заповѣдь и потому, что касательно ея существуетъ не мало предразсудковъ и мнѣній, кои, кромѣ того, что ложны, служатъ къ нареканію на святыи промыслъ Божій. Одни говорятъ: зачѣмъ было давать сію заповѣдь? Другіе: для чего было не предохранить человѣка отъ ея преступленія? Вопреки сего, мы должны показать, что заповѣдь была необходима, и что все, нужное къ предохраненію человѣка отъ нарушенія ея, было сдѣлано. Оставалось только развѣ связать свободу человѣка; но тогда добродѣтель потеряла бы всю цѣну, а человѣкъ— все свое нравственное достоинство.

Заповѣдь эдемская изображена у Моисея такъ: *и заповѣда Господь Богъ Адаму, глаголя: отъ всякаго древа, еже въ раю, свѣдію свѣси: отъ древа же, еже разумѣти доброе и лукавое, не свѣсте отъ него: въ оныже бо еще день свѣсте отъ него, смертію умрете* (Быт. 2, 16—17). Видите, въ чемъ состояла заповѣдь. Въ томъ, чтобы не вкушать отъ плодовъ одного извѣстнаго древа. Отсюда тотчасъ обнаруживается вся легкость запо-

вѣди къ исполненію. Ибо, что за трудность не вкушать отъ плодовъ одного дерева, когда ихъ въ раю находились тысячи, и притомъ всякаго рода? Прародители наши, и безъ запрещенія, не успѣли еще, конечно, вкусить отъ плода многихъ древъ райскихъ; тѣмъ легче было воздержаться отъ плода запрещеннаго. Воображать, что запрещенное дерево было по плодамъ своимъ самое лучшее изъ всѣхъ, нельзя: ибо самымъ лучшимъ, безъ сомнѣнія, было дерево жизни. Правда, что Евѣ запрещенное дерево показалось потомъ *добрымъ въ снѣдь*, угоднымъ очамъ—*еже видѣти, и красно, еже разумѣти*: но оно показалось такимъ уже тогда, когда въ несчастной прародительницѣ нашей, отъ лѣстивой бесѣды съ нею змѣя-искусителя, возбуждено было въ высшей степени любопытство и чувственное вождельніе. Въ такомъ случаѣ и обыкновенное само въ себѣ кажется человѣку отличнымъ и привлекательнымъ. Притомъ самая слова Евы, если вникнуть въ нихъ поглубже, выражаютъ не столько похвалу отличнымъ качествамъ дерева, сколько нѣкую какъ бы защиту отъ нареканія и презрѣнія, то есть, что оно показалось на глаза Евы не такъ отвратительнымъ, чтобы уже не пожелать вкусить отъ него, не такъ безобразнымъ, чтобы на него нельзя было посмотрѣть безъ неудовольствія, и не такъ наконецъ ничтожнымъ, чтобы не полюбопытствовать, что въ немъ и почему оно запрещено. Такимъ образомъ, съ какой стороны ни смотрѣть на заповѣдь о деревѣ, выходитъ одно и тоже—что исполнить ее было крайне легко, и слѣд. нарушить, вопреки явному повелѣнію Божію, крайне постыдно и безумно.

Но что же значить послѣ сего запрещеніе? Для чего не велѣно вкушать отъ сего дерева? Вопросъ важный, и мы должны рассмотреть его съ надлежащею подробностію, дабы устранить всѣ неправыя мнѣнія касательно сего предмета.

Очевидно, что дерево запрещено не потому, якобы самъ Господь имѣлъ, такъ сказать, какую либо нужду въ этомъ запрещеніи, какъ будетъ клеветать змѣй-искуситель. Ибо какая могла быть въ семъ нужда для Господа? Чтобы чрезъ вкушеніе отъ плодовъ его Адамъ и Ева не получили новыхъ совершенствъ и не сравнялись съ Нимъ? Такъ именно будетъ утверждать змѣй: но что можетъ быть цѣльнѣе сей мысли? Не говоря уже о томъ, что совершенно невозможно достигнуть не только богоподобія, но и другаго какого либо совершенства духовнаго, отъ вкушенія какого бы то ни было плода,—что препятствовало Господу не творить опаснаго для него дерева, если бы оно въ самомъ дѣлѣ бы-

ло таково, или сотворивъ, не помѣщать его въ рай? Все это—и всецѣло—зависѣло отъ воли самого Творца. Посему одинъ только змій, или, прямѣе сказать, диаволъ, могъ составить въ своемъ умѣ такую нечестивую мысль, что древо запрещено было потому, якобы въ семъ запрещеніи имѣлъ нужду и выгоду самъ Запрещавшій. Это ложь и хула змѣиная!

Значить, древо запрещено ради пользы и нужды самыхъ прародителей нашихъ. Какой? Не заключалось ли въ немъ чего либо смертоноснаго? Не были-ль плоды его ядовиты?—Подобная мысль представляется тотчасъ, коль скоро вспоминаешь объ угрозахъ Божіей прародителямъ, что за вкушеніемъ отъ древа должна послѣдовать для нихъ смерть. Въ такомъ случаѣ самое запрещеніе представляется уже не только правильнымъ, но и необходимымъ: ибо какъ не воспретить вкушенія плодовъ ядовитыхъ?—Между тѣмъ, и сей мысли нельзя принять, не смотря на ея благовидность. Ибо, скажите, что бы подумали вы объ отцѣ, который, имѣя въ своемъ саду такое ядовитое древо, употребилъ бы его для испытанія въ послушаніи своего сына? Не то ли, что онъ легкомысленно подвергаетъ своего сына величайшей опасности? Ибо самымъ запрещеніемъ древа наводилось уже вниманіе на него, и слѣд. приближалась къ человѣку опасность. Не будемъ же думать объ Отцѣ небесномъ того, чего не можемъ предположить въ разумномъ и добромъ отцѣ земномъ. Плоды запрещеннаго древа произвели смерть въ человѣкѣ; но они произвели ее не сами по себѣ, а потому, что вкушеніе отъ нихъ составляло для человѣка преступленіе воли Божіей;—грѣхъ всякое древо сдѣлалъ бы ядоноснымъ для человѣка.

Можно и еще возымѣть одну мысль касательно запрещенія древа—изъ самаго его названія. Ибо, какъ оно называется? Древо мѣ познанія добра и зла. Не потому ли, слѣд., оно и запрещено, что вкушеніе отъ плодовъ его могло сообщить человѣку какое либо вѣдѣніе, для него еще преждевременное и потому бесполезное? Но касательно сего довольно припомнить, что не въ природѣ древа—сообщать какія либо познанія, равно какъ и не въ свойствѣ познанія,—сообщаться посредствомъ вкушенія чего либо. Вкушеніе и яства суть дѣло устъ и чрева, а познаніе есть дѣло ума и размышленія. Спросятъ: отъ чего же древо получило такое названіе? Всего вѣроятнѣе, отъ своихъ послѣдствій для человѣка, то есть, не отъ непосредственнаго свойства и дѣйствія его плодовъ, а отъ того, что произошло въ человѣкѣ послѣ ихъ вкушенія:—ибо прародители наши дѣйствительно познали тогда

на опытѣ, что добро и что зло;—узнали цѣну того блага, которое потеряно чрезъ преступленіе заповѣди Божіей, и силу того зла, о коемъ прежде не вѣдали и коему теперь за сіе подверглись.

Почему же наконецъ запрещено оно? Потому что необходимо было воспретить что либо для человѣка. Отъ чего необходимо? Для испытанія его свободы и для упражненія воли его въ покорности волѣ Божіей. А это къ чему? Къ тому, чтобы открылось наконецъ, способенъ ли человѣкъ стоять на той высотѣ чести и достоинства, на которую онъ имѣлъ быть возведенъ по испытанію. Изъяснимся подробнѣе.

Для чего созданъ и къ чему предназначенъ былъ человѣкъ? Къ тому ли, чтобы быть обладателемъ и хранителемъ сада, насажденнаго въ Эдемѣ *на востокѣхъ* (Быт. 2, 8)? Если такъ, то для сего не стоило украшать будущаго садовника такимъ великимъ и непримѣрнымъ отличіемъ, каковы образъ и подобіе самого Творца. Величественный образъ сей требовалъ для себя не сада, а храма; предъ нимъ должны были преклониться — современемъ—не древа токмо эдемскія съ ихъ плодами, а всѣ твари, даже всѣ стихіи земныя, съ ихъ чуднымъ разнообразіемъ. Нося въ себѣ образъ Божій, человѣкъ имѣлъ быть самъ яко нѣкій земный Богъ. Такое существо не могло имѣть другого назначенія, какъ быть ближайшимъ наперсникомъ своего Создателя, представлять Его собою видимо и служить органомъ и намѣстникомъ Его для всѣхъ низшихъ тварей, кои, по свойству природы своей и мѣсту, ими занимаемому, не могутъ видѣть своего Творца и бесѣдовать съ Нимъ лицомъ къ лицу. Такому высокому назначенію должныствовали соотвѣтствовать въ человѣкѣ власть и полномочіе его надъ всѣми видимыми тварями. Что мы, утверждая сіе, водимся не воображеніемъ и догадками, а дѣйствительною истиною, доказательство и порука за то дѣянія святыхъ людей, кои, будучи возсозданы благодатію Христовою, *вообразившись*, какъ выражается св. Церковь, *первою добротою*, единымъ словомъ останавливали солнце, бездны морскія прелагали въ сушу, угашали пламень огня, воскрешали мертвыхъ. Тоже самое внушаетъ и св. Павелъ, когда, обращаясь къ вѣрующимъ, какъ бы отъ лица самого Христа, взываетъ: *міръ, или животъ, или смерть, или настоящая, или будущая: все ваша суть; вы же Христовы, Христосъ же Божій* (1 Кор. 3, 23).

Если же такъ, то судите теперь—можно ли было новосоздан-

наго человѣка вдругъ вознестъ на такую высоту и отдать въ руки его столько могущества, не давъ раскрыться предварительно въ немъ способности къ тому и не доведши его, посредствомъ испытанія, до непоколебимой ничѣмъ вѣрности въ употребленіи великихъ силъ и преимуществъ, его ожидавшихъ? Хотя человѣкъ созданъ былъ невиннымъ и самымъ естествомъ своимъ предрасположенъ къ добру; но, по свободѣ своей, этому высочайшему дару, который составляетъ основаніе всѣхъ прочихъ совершенствъ духовныхъ и паче всѣхъ ихъ уподобляетъ человѣка Богу, по свободѣ, говорю, своей, человѣкъ могъ сдѣлать изъ себя, что угодно; могъ остаться во всегдашнемъ тѣсномъ союзѣ съ Творцемъ своимъ, въ добровольномъ подчиненіи всѣхъ дѣйствій своихъ Его премудрой и всесвятой волѣ; но могъ, подобно падшему Ангелу, пойти и противнымъ путемъ, уклонить волю свою отъ воли Божіей, начать дѣйствовать вопреки намѣреніямъ Создателя. И что было бы въ послѣднемъ случаѣ съ сонмомъ тварей, ему подчиненныхъ? Противникъ Бога, куда бы привелъ за собою все свое владычество?...

Потому, прежде возведенія человѣка на высоту чести и могущества, его ожидавшихъ, надлежало подвергнуть его, въ родѣ испытанія, нѣкоему предварительному упражненію въ употребленіи своей свободы. Для сего требовалось указать ему на что либо, противоположное волѣ Божіей, дабы онъ могъ сдѣлать выборъ и показать или свое всецѣлое согласіе съ нею и совершенную покорность Творцу, или оказаться преслушникомъ и, слѣд., неспособнымъ къ тому, чтобы ему ввѣрено было господство надъ міромъ дольнымъ.

Такъ дѣйствительно и поступлено съ прародителемъ нашимъ. Господство его ограничено въ началѣ только однимъ Эдемомъ: потомъ приведены предъ будущаго владыку земли всѣ животныя для принятія отъ него именъ; но полного управленія всѣмъ дольнымъ въ рукахъ Адама еще не видимъ. Это долженствовало произойти уже по окончаніи опыта, тогда, когда человѣкъ соблюденіемъ заповѣди Божіей доказалъ бы, что онъ будетъ вѣрнымъ исполнителемъ на землѣ уставовъ небснаго Самодержца.

Для сего прародитель нашъ поставленъ въ такое состояніе, гдѣ воля Божія и его собственная предстали ему не только въ видимой и осязательной отдѣльности, но даже въ нѣкоей какъ бы противоположности, такъ что изъ повиновенія волѣ Творца надлежало ему забыть свою собственную волю съ ея пожеланіями. И вотъ источникъ заповѣди, ему данной: она служила че-

ловѣку въ испытаніе—къ раскрытію его внутреннихъ силъ и упражненію его свободы!

Что касается предмета заповѣди, то онъ могъ быть взятъ отовсюду. Правда Божія могла бы потребовать отъ ущедреннаго всѣми дарами человѣка самаго труднаго подвига и жертвы, подобной напр. той, какая потребована нѣкогда отъ Авраама, то есть, могла бы потребовать въ жертву себѣ самой его жизни: но этого не сдѣлано. Напротивъ, опытъ и искушеніе сведены на вещь самую малую и обыкновенную, на жертву, можно сказать, ничего нестоящую.— Не вѣрно только вкушать отъ плодовъ одного извѣстнаго дерева. Заповѣдь однако чрезъ это не теряла нисколько своей важности и не удалялась отъ своей цѣли. Важно было не то, чтобы сорвать или не сорвать плодъ съ дерева, а то, чтобы послушать или не послушать Творца, который запретилъ это. Для Существа всемогущаго и всесодержащаго все равно было,—сорвано ли будетъ человѣкомъ яблоко съ дерева, или солнце съ неба.

Не забыты и всѣ нужныя предосторожности. Чтобы Адамъ, принявъ заповѣдь, не могъ быть увлеченъ въ противную отъ нея сторону какимъ либо коварнымъ внушеніемъ, или остановившись мыслію на одной поверхности предмета, не почелъ заповѣданнаго не такъ важнымъ и не пострадалъ отъ собственного легкомыслія,—для сего со всею ясностію указано ему то ужасное послѣдствіе, которое неминуемо имѣло произойти отъ нарушенія воли Божіей. *Въ онъже еще день*, сказано, *снѣсте отъ него, смертію умрете*. Большой угрозы и большаго предостереженія нельзя было и сдѣлать. Такимъ образомъ на стражѣ у запрещеннаго дерева стояли уже не одна благодарность къ Богу, а и страхъ смерти. Скажутъ, что Адамъ, не видавъ еще на самомъ дѣлѣ смерти, не могъ вообразить ее себѣ въ томъ точно видѣ и съ тѣми самыми подробностями, съ коими является смерть намъ. Положимъ такъ; но и это не могло мѣшать дѣйствию угрозы: ибо послѣ такихъ словъ Божіихъ Адамъ долженъ былъ представлять себѣ, что за нарушеніе заповѣди постигнуть его величайшія бѣдствія; а сердце наше таково, что неопредѣленность бѣдствія, намъ угрожающаго, еще болѣе тревожитъ и ужасаетъ насъ. А вѣрнѣе всего то, что если премудрость Божія почла нужнымъ оградить прародителя нашего отъ преступленія угрозою наказанія; то, безъ сомнѣнія, позаботилась о томъ, чтобы эта угроза и это наказаніе были для него понятны,

хотя мы и не можемъ теперь показать опредѣленно, какъ это было сдѣлано.

Послѣ страшной угрозы за преступленіе, человѣкъ долженъ былъ взирать на запрещенное дерево уже не только какъ на предметъ особенной воли Божіей, но и какъ на собственного своего врага, какъ на свою смерть. Выраженіе Евы въ бесѣдѣ съ змѣемъ, гдѣ она говоритъ, якобы имъ воспрещено было не только вкушать отъ плодовъ, но и прикасаться къ сему дереву, — между тѣмъ какъ послѣдняго нѣтъ въ словахъ заповѣди, — даетъ разумѣть, что дерево запрещенное было уже не разъ предметомъ размышленій и бесѣдъ ея съ мужемъ, и что вслѣдствіе сихъ размышленій и бесѣдъ составила у нихъ рѣшимость не только не брать въ руки плодовъ отъ сего дерева, хотя бы то было изъ одного любопытства, но и не подходить къ нему близко, во избѣжаніе всякаго искушенія,

Но, увы, что значить рѣшимость и всѣ наши обѣты!... Явится съ льстивою бесѣдою змій,—и забудется заповѣдь и Законодатель; бросится похотливый взглядъ на плодъ запрещенный, и выйдетъ изъ памяти самая смерть!...

Но, какъ послѣдуетъ искушеніе, увидимъ въ слѣдующій разъ: а теперь скажемъ еще нѣсколько словъ о заповѣди. Видите ли теперь ея необходимость? Она служитъ къ тому, чтобы посредствомъ ея обнаружить совершенство человѣка и способность или неспособность къ его высокому предназначенію. Устояніе человѣка въ семъ опытѣ утвердило бы волю его въ добръ и содѣлало бы непреступнымъ для новыхъ искушеній. Видите ли теперь невинность самаго дерева запрещеннаго: оно послужило къ смерти не по какой либо ядовитости своей, а потому, что человѣкъ не соблюлъ заповѣди; само же по себѣ оно могло и, по намѣренію Божію, должноствовало служить къ жизни, обнаруживъ совершенства первозданнаго человѣка. Если бы онъ устоялъ въ искушеніи; то, вѣроятно, снято было бы и запрещеніе съ дерева, и оно, на ряду со всѣми древами райскими, отдано было бы въ его власть и употребленіе. Такимъ образомъ и въ семъ случаѣ совершенно вѣрно то, что сказалъ Апостоль о законѣ Моисеевомъ: *заповѣдь убо свята и праведна и блага* (Рим. 7, 12)!...

Благое ли убо, скажемъ словами того же Апостола, бысть миѣ смерть? да не будетъ: но грѣхъ, да явится грѣхъ благиѣ ми содѣвая смерть, да будетъ попремногу грѣшенъ грѣхъ заповѣдію (Рим. 7, 13). Насъ погубило не дерево, не заповѣдь, а мы сами—наша свобода, то есть, ея злоупотребленіе. Вообразимъ,

что не было ни заповѣди, ни дерева запрещеннаго: развѣ человекъ не могъ, и безъ нихъ, уклонить своей воли отъ Бога и сдѣлаться грѣшникомъ? Въ немъ самомъ, въ его умѣ и совѣсти, была уже не одна заповѣдь, а весь законъ; каждая изъ сихъ заповѣдей могла быть нарушена, и нарушение каждой сопровождалось бы смертію. Ибо *оброзы грѣха* — всякаго, внѣшняго и внутренняго, — *смерть* (Рим. 6, 23)! Чтобы убѣдиться въ семъ совершенно и оставить навсегда ропотъ на заповѣдь и на запрещенное древо, вспомнимъ судьбу Денницы и его паденіе. Предъ нимъ, — на небѣ, — не было ни дерева съ запрещенными плодами, ни змія съ искушеніемъ; однакоже онъ палъ самымъ ужаснымъ образомъ, — прельщенный самимъ собою. Подобное могло быть и съ человекомъ. Такова участь существъ свободныхъ, что они изъ своей воли могутъ дѣлать, что ни захотятъ. Но если бы намъ самимъ предоставлено было выбирать образъ нашего паденія, то гораздо лучше было — пасть прельщенными со внѣ, какъ бы нехотя и бывъ увлечены обманомъ, нежели какъ если бы мы открыли источникъ зла въ самихъ себѣ. Тогда и съ нами, можетъ быть, произошло бы тоже самое, что послѣдовало съ духами отверженными, то есть мы потеряли бы самую способность быть поднятыми изъ бездны. Аминь.

СЛОВО

ВЪ ПАТОКѢ ИИ ПОДЪЯНІИ ВОДННАГО ПОСТА.

О ЗМІѢ-ИСКУСИТЕЛѢ.

Въ прошедшій разъ, братіе, мы обращались мыслями нашими въ царствѣ растеній, — между древъ райскихъ: ибо среди ихъ находился предметъ заповѣди, данной для нашего испытанія; нынѣ мы должны войти въ кругъ царства животныхъ; ибо изъ ихъ сонма взято искусителемъ орудіе для обольщенія нашихъ прародителей. Такимъ образомъ въ великомъ опытѣ, который первому человѣку надлежало пройти для своего усовершенствованія, дано было участвовать — каждому своимъ образомъ — всѣмъ царствамъ природы, какъ бы въ доказательство и видимое выраженіе того, что въ лицѣ человѣка, яко владыки, рѣшалась судьба всего дольняго міра, ему подвластнаго. Устоявъ въ испытаніи, пребывъ вѣрнымъ волѣ Творца своего и Благодѣтеля, Адамъ не только самъ утвердился бы въ добрѣ, но возвысилъ бы собою доброту и изящество всѣхъ низшихъ тварей, приблизивъ ихъ чрезъ себя къ Источнику всѣхъ совершенствъ — Богу. Низнавъ же съ высоты богоподобія въ зміиную пропасть лжи и грѣха, прародитель нашъ не только самъ пострадалъ отъ паденія и потерялъ множество совершенствъ, но яко глава и средоточіе міра дольняго, разстроилъ въ себѣ и съ собою благоустройство всѣхъ частей его и остановилъ всѣ твари на пути, естественнаго всѣмъ имъ, стремленія къ совершенству. Посему-то, какъ замѣчаетъ св. апостоль Павелъ, со времени паденія нашихъ прародителей, не только терпимъ и злостраждаемъ мы, потомки ихъ;

но и *вся тварь совоздыхаетъ и сболѣзнуетъ намъ даже донинѣ* (Рим. 8, 21). Почему совоздыхаетъ? потому, отвѣчаетъ онъ, что съ того времени и она, — безъ невинности и свободы *чадъ Божіихъ* подверглась суетѣ и работѣ истлѣнія. Но обратимся къ сказанію Моисееву.

Змій же бѣ мудрѣйшій всѣхъ звѣрей, сущихъ на земли, ихъ— же сотвори Господь Богъ. И рече змій женѣ: что яко рече Богъ: да не ясте отъ всякаго древа райскаго (Быт. 3, 1. 2)?

Итакъ, искусителемъ нашимъ былъ змій, — не пернатое, не звѣрь какой либо, а пресмыкающееся, то самое, которое, какъ бы въ знаменіе причиненной намъ чрезъ него гибели, доселѣ однимъ видомъ своимъ уже производитъ въ каждомъ изъ насъ невольное къ себѣ отвращеніе. Спрашивается: какимъ образомъ животное могло сдѣлаться противникомъ заповѣди Божіей и врагомъ человѣку? — Какъ съ природою древа несовмѣстно быть источникомъ познаній и мудрости для человѣка, такъ съ природою животнаго несовмѣстно сдѣлаться источникомъ и началомъ грѣха въ мірѣ. Грѣхъ можетъ явиться, въ собственномъ видѣ, только тамъ, гдѣ есть разумъ и воля: такъ какъ онъ и есть не что иное, какъ злоупотребленіе разума и воли. И точно, у змія эдемскаго видимъ то и другое: онъ будетъ вопрошать и разсуждать, совѣтовать и предлагать, клеветать и обольщать. Мало сего: бесѣда змія съ Евою показываетъ, что бесѣдующій не только разуменъ, но и такъ хитеръ и опытенъ, что берется быть наставникомъ для самыхъ людей, и такъ золь, что дерзаетъ явно идти противъ самаго Творца.

Прилично ли все это змію, какъ простому животному? Очевидно, нѣтъ; и по этому уже одному надобно предположить, что въ змѣѣ находилось какое либо существо разумное, но злое, которое въ семъ случаѣ захотѣло употребить животное только своимъ орудіемъ, для прикрытія симъ подлиннаго своего существа и вида. Моисей не сказываетъ намъ о семъ потому, что изображаетъ искушеніе такъ, какъ оно было,—по его видимой наружности, дабы мы удобнѣе могли судить, трудно ли было Евѣ устоять противъ обольщенія зміинаго; но въ другихъ мѣстахъ писанія явно указанъ намъ этотъ первобытный врагъ и губитель нашъ. При свѣтѣ сихъ указаній, мы знаемъ теперь несомнѣнно, что это былъ тотъ самый злой и богоотступный духъ, который еще на небѣ дерзнулъ возстать противъ Всемогущаго, и за сіе возстаніе сверженъ въ преисподнюю. Онъ-то дѣйствуетъ теперь въ змѣѣ эдемскомъ и заставляетъ его производить то, что самъ

по себѣ змій, ни другое какое либо животное, никогда бы не могло проити.

Что побудило сего духа злобы искать нашей гибели? Всего вѣроятнѣе, избытокъ въ немъ зла внутренняго. Какъ существу истинно-доброму пріятно умножать и сообщать другимъ доброе, въ немъ заключающееся; такъ существу злему отрадно распространять и передавать свою злость. Кромѣ сего дѣйствовало и мщеніе. Не имѣя возможности уязвить самого неприступнаго лица Божія и прикоснуться къ престолу Всемогущаго, сверженный съ неба и дышущій мщеніемъ Архангелъ покушается помрачить и превратить, по крайней мѣрѣ, драгоцѣнный образъ Божій, сіявшій въ первомъ человѣкѣ, дабы погубленіемъ сего новаго наперсника и любимца Божія причинить огорченіе Создателю. Могла побуждать діавола на гибель человѣка и самая выгода: ибо, уловляя родъ человѣческій въ сѣти грѣха, онъ умножалъ симъ самымъ число клеветовъ и слугъ своихъ; даже подчинялъ адскому вліянію своему все то, изъ чего имѣло состоять будущее владычество Адамово.

Каждой изъ сихъ причинъ и одной достаточно было для того, чтобы подвигнуть противъ насъ весь адъ съ его владыкою: — и вотъ, гордый Денница, для достиженія своей цѣли, забываетъ свое паденіе, входитъ въ бѣдное пресмыкающееся и его устами заводитъ рѣчь съ Евою.

Почему избранъ имъ въ орудіе змій, а не другое какое либо животное? Отвѣтъ на сіе выходитъ уже изъ самыхъ словъ Моисея, коими описываетъ онъ змія-искусителя: *змій же бѣ*, говоритъ онъ, *мудрѣйшій всѣхъ звѣрей, сухихъ на земли*. Въ самомъ дѣлѣ, змій и теперь хитростію превосходитъ едва не всѣхъ животныхъ; а до паденія человѣка, до проклятія, отнявшаго у всѣхъ тварей часть совершенствъ, тѣмъ паче у змія, — онъ могъ обладать еще большими способностями. По сему самому змій былъ удобнѣе другихъ животныхъ и на то, чтобы служить орудіемъ для духа-искусителя, который, не смѣя показаться въ собственномъ своемъ образѣ, искалъ въ орудіе себѣ такое существо, которое, искушая человѣка, казалось бы дѣйствующимъ само отъ себя, а не по чуждому внушенію; ибо въ послѣднемъ случаѣ искушаемый возымѣлъ бы тотчасъ подозрѣніе, и не дался бы такъ легко въ обманъ.

Все это такъ, подумаетъ кто либо; но для чего было попускать такому ужасному существу, какъ духъ отверженный, дѣйствовать на человѣка въ такую рѣшительную пору, когда судьба его ви-

димо колебалась между небомъ и адомъ? Пусть бы искушало человѣка одно запрещенное древо и собственная его свобода. Для нашей слабости довольно было и сихъ двухъ искушителей.

За то видишь ли, возлюбленный, какъ ограничено это попущеніе! Если самъ духъ злобы является, чтобы искушать насъ: то является какъ преступникъ, связанный по рукамъ и ногамъ невидимыми узами. Ему дано дѣйствовать, но не всѣми глубинами злобы и лукавства: хитрости и козни его сокращены, уменьшены, унижены до образа дѣйствія гада пресмыкающагося; дозволено употребить только одну особенность, превышающую природу животного—слово и языкъ человѣческой. Но эта особенность, усиливая, по видимому, искушеніе, въ тоже время могла отнять у него всю дѣйствительность, внушивъ самую неестественностію своею подозрѣніе искушаемой и страхъ опасности. Между тѣмъ искушитель со внѣ былъ не бесполезенъ для человѣка въ случаѣ самаго паденія: ибо, какъ непосредственный виновникъ преступленія, онъ имѣлъ служить (какъ и послужилъ) отводомъ противъ громовыхъ стрѣлъ правосудія небеснаго, каравшаго преступниковъ заповѣди. Искушитель, какъ увидимъ, первый приметъ ихъ на главу свою, и прародителямъ нашимъ останутся на долю молніи, такъ сказать, уже почти угасшія. Во всякомъ случаѣ попущеніемъ образоваться искушенію для прародителей нашихъ со внѣ предупреждалась ужасная возможность произойти ему изнутри, изъ самого духа и сердца ихъ, какъ это произошло нѣкогда въ самомъ искушителѣ. Тогда зло, очевидно, проникло бы глубже въ природу нашу, и исцѣленіе ея отъ яда грѣховнаго сдѣлалось бы, можетъ быть, совершенно невозможнымъ, или стократъ труднѣе.

«Но Всевѣдущій», скажетъ еще кто либо, «не могъ не предвидѣть, что человѣкъ не устоитъ противъ искушенія дьявольскаго». Безъ сомнѣнія, предвидѣлъ; но что изъ сего? Вообразимъ, что Онъ равно предвидѣлъ паденіе человѣка безъ искушителя, — отъ него самого: въ такомъ разѣ по тому самому надлежало допустить искушеніе и паденіе человѣка чрезъ искушителя, дабы симъ предотвратить для него паденіе отъ себя самого; подобно какъ искусные врачи, предвидя внутреннюю смертоносную болѣзнь, стараются отвратить ее произведеніемъ язвы наружной. Притомъ, предвидѣвъ и допустивъ паденіе отъ искушителя, Всевѣдущій предвидѣлъ въ тоже время, или лучше сказать, предположилъ и возстановленіе насъ посредствомъ Искупителя. Вообще, мы можемъ быть совершенно спокойны за то, что насъ не подвергли

въ Эдемѣ опасности напрасно, что отъ насъ при древѣ познанія не потребовали больше, нежели сколько мы могли понести. Скорѣе потребовано гораздо менѣе: ибо, предупредѣливъ, въ случаѣ паденія нашего, послать единороднаго Сына своего, послать притомъ не на посѣщеніе только насъ, какъ Іосифъ посѣщалъ своихъ братьевъ, а на крестъ и смерть за грѣхи наши, любовь Отца небеснаго по тому самому не могла,—осмѣлимся такъ выразиться,—сугубо не помыслить о судьбѣ нашей, то есть, размыслить о ней не только ради насъ однихъ, но и ради собственнаго Сына своего. Ибо грозное опредѣленіе за преслушаніе заповѣди: *смертію умреши*, — вслѣдствіе тайны искупленія, — должноствовало пасть уже не на однихъ насъ, а и на Него, и на Него еще болѣе, нежели на насъ: ибо, умирая яко жертва за грѣхи всего рода человѣческаго, Онъ умеръ смертію самою поносною и самою мучительною.

Теперь надлежало бы намъ приступить къ разсмотрѣнію самыхъ дѣйствій змія-искусителя: но собесѣдованіе наше уже и безъ того продолжилось значительно; а настоящій день призываетъ насъ къ другому—къ исповѣди и покаянію.

Думаете ли, братіе мои, что лукавый и всезлобный искуситель оставитъ насъ въ покоѣ и допуститъ совершиться исповѣди и покаянію нашему, какъ должно? Нѣтъ, *человѣкоубійца искони* (Іоан. 8, 44) ничего такъ не боится въ падшемъ человѣкѣ, какъ истиннаго покаянія, и ничему такъ не старается ставить преграды, какъ исповѣди: ибо твердо знаетъ, что это—смерть ему въ насъ. Посему, когда совѣсть наша будетъ внушать намъ тяжесть нашихъ грѣховъ и представлять гнѣвъ Божій и казнь вѣчную, онъ заговоритъ внутрь насъ совершенно противное: что грѣхъ напр. есть вещь маловажная, что Существу высочайшему нѣтъ до поступковъ нашихъ никакого дѣла, что Богъ милосердъ, что намъ рано еще перестать угождать себѣ и своимъ пожеланіямъ, что теперь особенно самыя обстоятельства наши не благоприятствуютъ тому, чтобы намъ перемѣнять свои нравы и жизнь, что на это будетъ время послѣ, и лучше и удобнѣе. Блюдитесь, братіе мои, подобныхъ мыслей: это—навѣты змія; отъ нихъ погибли прародители наши; отъ нихъ же гибнемъ, и если не возьмемъ мѣръ рѣшительныхъ, то навсегда погибнемъ и мы. Не будемъ, подобно виновнымъ прародителямъ нашимъ, убѣгать подъ тѣнь древесную; не будемъ сокрывать язвъ совѣсти, нечистотъ сердца, когда Господь, насъ взыскующій, гласомъ служителя Церкви воззоветъ къ намъ: *Адаме, гдѣ еси?* Оставимъ

у прага церковнаго всѣ смоковничныя препоясанія, всѣ предлоги, вымышляемые нашею грѣхолобивою природою къ извиненію неправдъ. Явимся предъ Всевѣдущаго со всею наготою и бѣдностію нашею, и речемъ: се азъ и грѣхи мои! Некого мнѣ винить въ нихъ, кромѣ себя самого. Не смотря на всю слабость природы моею и на всѣ искушенія отъ міра и плоти, чувствую, что при каждомъ изъ нихъ могъ я устоять въ чистотѣ и правдѣ, еслибы только восхотѣлъ того и оградился, какъ должно, благодатию Твоею. Но я небрегъ, окаянный, о своей душѣ и совѣсти; не только не уклонялся зла: нерѣдко самъ искалъ его. И се, прихожду къ Тебѣ, врачу душъ и тѣлесь, прихожду нечистый, помраченный и уязвленный, съ знаменіемъ отверженія во всемъ существѣ моемъ. Нѣтъ у меня ни единого права на милосердіе Твое: я—сынъ гнѣва и клятвы! И если бы мнѣ надлежало предстать предъ Тебя, яко Творца и Господа моего, яко Судію и Мздовоздаятеля; то я ужь осужденъ и низложенъ моею совѣстію: мнѣ оставалось бы обратиться къ горамъ и безднамъ и молить ихъ: да сокроютъ меня отъ лица правды и славы Твоея! Но я зрю посредъ земли знаменіе спасенія для всѣхъ грѣшниковъ—крестъ Сына Твоего! Яко Спаситель міра, Онъ пришелъ взыскать и спасти не праведныхъ, а подобныхъ мнѣ грѣшниковъ. Вижду руцѣ Его, со креста простертыя ко всѣмъ,—и гряду! Пріими заблудшаго, нечистаго, оскверненнаго, убитаго грѣхомъ и преступленіями, но кающагося, желающаго быть чистымъ, здоровымъ и вѣрнымъ Тебѣ, Господу моему. Покрой самъ наготу мою, самъ очисти скверну души и тѣла моего, разгони тьму, меня обышедшую, сними узы грѣха, меня гнетущія, коснись моего сердца и преложи его изъ камня въ плоть, коснись моего духа и обнови его силою благодати Твоей, утверди на камени заповѣдей Твоихъ слабыя нозѣ мои, огради мя страхомъ суда Твоего, да помилованный, очищенный, освященный, не возвращусь, паки николиже на стропотный путь грѣха и беззаконія. Аминь.

БЕСѢДА

ВЪ СРЕДУ 2-Й ПОДЪЕМЪ ВОДИКАГО ПОСТА.

И рече змій женѣ, что яко рече Богъ: да не ясте отъ всякаго древа райскаго; и рече жена змію: отъ всякаго древа райскаго ясти будемъ: отъ плода же древа, еже есть посреда рая, рече Богъ, да не ясте отъ него, ниже прикоснетесь ему, да не умрете. И рече змій женѣ: не смертію умрете. Вѣдаше бо Богъ, яко въ онъ же аще день съѣсте отъ него, отверзутся очи ваши и будете, яко Бози, вѣдающе доброе и лукавое. (Быт. 3, 1—5.)

вы, какъ не многого стоило погубить насъ! Ибо вотъ все, чѣмъ диаволь низринулъ въ бездну прародителей нашихъ! Для обольщенія насъ не употреблено ни знаменій, ни чудесъ, а только сказано нѣсколько словъ,—и мы не могли устоять противу нихъ! И какія это слова? Такія, что ихъ, казалось, могъ побѣдоносно отразить даже отрокъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто повѣритъ нынѣ, чтобы Творецъ могъ, какъ клевететь змій, запретить человѣку что либо по зависти и изъ опасенія, дабы онъ не сравнялся съ Нимъ въ совершенствахъ? На такую клевету всякій готовъ съ отвѣтомъ, что у всеблагаго Бога не можетъ быть зависти, и что, съ другой стороны, человѣку нельзя быть вторымъ Богомъ: ибо два Бога невозможны. Столь же странно было думать, чтобы сего невозможнаго совершенства можно было достигнуть вкушеніемъ отъ плодовъ какого бы то ни было древа. И тутъ многіе и изъ насъ тотчасъ сказали бы, что никакой въ свѣтѣ плодъ древесный не можетъ сдѣлать этого. Между тѣмъ прародительница наша,—хотя и не одними сими мыслями и общаніями, а и собственнымъ любопытствомъ и са-

мымъ видомъ древа,—но тронется и увлечется, какъ увидимъ, до того, что, забывъ заповѣдь Божию и страхъ смерти, простретъ руку свою къ плоду запрещенному!... Не знакъ ли это, подумаетъ кто либо, что прародители наши находились по уму своему въ состояніи еще не вполне совершенномъ, и что потому они не вполне же способны были вынести того искушенія, коему подвергнуты?

Нѣтъ, думать такимъ образомъ значило бы обвинять Провидѣніе Божіе въ томъ, что оно вывело на сраженіе воина, не снабдивъ его достаточно ни силою, ни оружіемъ. Такъ не поступаютъ и благоразумные изъ людей, коими паче Богъ всеблагій и премудрый. Если человѣкъ подвергнутъ искушенію; то потому, что могъ побѣдить его. Почему же не побѣдилъ? Потому, что не захотѣлъ побѣдить. Почему не захотѣлъ? Потому, что обладалъ свободою и допустилъ чувственности затмить въ себѣ разсудокъ. При такомъ затмѣніи и нынѣ самые высокіе по уму люди становятся иногда неразумнѣе малыхъ дѣтей, и совершаютъ такіа дѣла, о коихъ каждый невольно спрашиваетъ: какъ эту странность могъ сдѣлать такой умный человѣкъ?— «Но при самомъ затмѣніи разсудка отъ чувственности», возразишь, «какъ можно было повѣрить такимъ невѣроятностямъ, какія говорилъ змій? Такое довѣріе не совмѣстно съ предполагаемымъ совершенствомъ первыхъ людей.» А въ чемъ, скажи, состояло это совершенство и до чего простиралось?—Мы не должны умалять его, но не должны и преувеличивать: то и другое равно повело бы насъ къ мыслямъ неправильнымъ. Въ чемъ же состояло совершенство первыхъ людей, если смотрѣть на него безъ преувеличенія?—Въ томъ, во-первыхъ, что въ нихъ не было никакого природнаго недостатка и порчи; въ томъ, далѣе, что они снабжены были прекрасными способностями душевными и тѣлесными; въ томъ, въ третьихъ, что вся природа ихъ была предрасположена къ добру и естественно отвращалась отъ всякаго зла; въ томъ, наконецъ, что въ душѣ ихъ, яко въ природномъ своемъ храмѣ на землѣ, всегда присутствовала благодать Божія, исполняя ихъ чувствомъ небеснаго довольства и радости. Но при всей чистотѣ и благонастроенности, прародители наши не только не были, подобно Ангеламъ, утверждены въ добрѣ, но не имѣли еще и той нравственной твердости, какую имѣютъ нынѣ святые Божіи человѣки, кои, узнавъ худость грѣха изъ опыта, отвращаются отъ него, какъ отъ зла уже извѣданнаго. Съ сей стороны пагубность грѣха стократъ болѣе извѣстна даже для каждаго

ить насъ, нежели сколько была она вѣдома для нашихъ прародителей. Преимущество горькое для насъ и печальное, но, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, весьма важное! Не имѣя его (а его нельзя было имѣть безъ опыта), первый человѣкъ по тому самому былъ довѣрчивѣе къ самому невѣроятному. Надъ нимъ—въ извѣстномъ смыслѣ—сбылось то, что ап. Павелъ замѣтилъ о любви, что она *всему вѣру елаетъ*; потому что сама, говоря всегда правду, не можетъ безъ особеннаго усилія и представить, чтобы кто либо могъ говорить неправду. Подобный взглядъ на состояніе Адама въ раю имѣлъ св. ап. Павелъ, когда писалъ къ Коринѳянамъ: *боюся, да не како, якоже змій Еву прельсти лукавствомъ своимъ, тако истлѣютъ и разумъ ваша отъ простоты, яже о Христѣ* (2 Кор. II, 3). И въ Эдемѣ была сего рода простота,—благая, вождельная, чистая, святая,—но не имѣющая еще чувствъ, *обученныхъ долгимъ ученіемъ въ различеніи добра и зла* (Евр. 5, 14), которая по сему самому могла, прошедъ опытъ, обратиться въ искусство духовное и въ разумную непреклонность ко злу, но увлекшись чувственностію, могла также, хотя безъ злаго намѣренія, внять совѣту змія, забыть заповѣдь и вкусить отъ запрещеннаго древа.

Скажутъ, въ такомъ разѣ повременить бы искушеніемъ. Но доколѣ же временить? Изъ такого неопредѣленнаго состоянія простоты, иначе и нельзя было выйти окончательно, какъ посредствомъ опыта же и искушенія; чрезъ сто, двѣсти лѣтъ оно было бы тоже, доколѣ не сдѣлано опыта. И Ангелы на небѣ, если утвердились въ добрѣ, то также послѣ своего рода опыта, то есть, послѣ возмущенія Люцифера, когда, имѣвъ случай къ соблазну и искушенію, преодолѣли его, и такимъ образомъ отошли навсегда отъ той роковой черты, которая предъ каждымъ свободнымъ существомъ отдѣляется, такъ сказать, небо отъ ада.

Послѣ сихъ предварительныхъ замѣчаній, братіе мои, понятнѣе будетъ, какъ змій-искуситель позволяетъ себѣ говорить совершенную ложь и выдавать за вѣрное вещи несбыточныя, и какъ прародительница наша не закрываетъ отъ нихъ, при самомъ началѣ, своего слуха.

Теперь перенесемся мыслию въ Эдемъ, и приложимъ вниманіе къ бесѣдѣ нашей прародительницы съ искушителемъ.

По всему видно, что это несчастное собесѣдованіе происходило у самаго древа познанія: ибо послѣ того, какъ прельщенная жена рѣшилась преступить заповѣдь, тотчасъ сказано: *и взявши иде*—отъ того, то есть, древа, которое находилось непосредствен-

но предѣ нею, и къ коему стоило только простереть руку. Значить, Ева, до бесѣды съ змѣемъ, сама собою подошла къ опасному дереву. Почему и зачѣмъ? Потому ли, что оно стояло на пути, или весьма близко къ жилищу прародителей? Последняго не видно, не изъ чего заключить и о первомъ: посему невольно приходитъ мысль, что это было въ Евѣ едва ли не слѣдствіемъ какого-то любопытства, которое вообще такъ свойственно природѣ нашей, и отъ коего доселѣ бываетъ не мало бѣдъ и искушеній.

Итакъ, праматерь наша теперь—предѣ запрещеннымъ деревомъ!... А змій давно тамъ; и, можетъ быть, не разъ готовился къ нападенію, только не находилъ къ тому случая. Теперь онъ явился, — и злобный врагъ пользуется имъ со всею хитростію.

И рече змій: что яко рече Богъ, да не съѣсте отъ всякаго дрѣва райскаго?

Въ словахъ сихъ—хитрость на хитрости. Рѣчь заводится не прямо о заповѣди и запрещенномъ дрѣвѣ, которое предѣ глазами Евы; нѣтъ, змію до этого нѣтъ какъ бы никакого дѣла;—онъ только, пользуясь случайно встрѣчею Евы, хочетъ узнать объ одномъ предметѣ, который давно лежитъ у него на сердцѣ и тревожитъ его,—не за него самого, а за Адама и Еву;—а именно, что бы такое значило, что Богъ запретилъ имъ вкушать отъ всѣхъ плодовъ райскихъ? Жалѣтъ сихъ плодовъ, кажется, нечего: ихъ такъ много! да и чего они стоятъ Богу? Почитать ихъ вредными нельзя; они такъ видимо прекрасны и добры въ снѣдъ! Наказывать такимъ образомъ Адама и Еву не за что: они не сдѣлали еще ничего противозаконнаго. А между тѣмъ ихъ положеніе становится отъ того даже для другихъ существъ страннымъ и жалкимъ. Быть въ саду, называться господами Эдема, и не смѣть поднять руки, чтобы сорвать плодъ съ дерева!... Тутъ, явно, кроется какая либо тайна и намѣреніе: что же бы все это значило? *Уто, яко рече Богъ, да не съѣсте отъ всякаго дрѣва райскаго?*

Такимъ образомъ, начало разговора было, по видимому, совершенно невинно и естественно. Змій усердствуетъ Адаму и Евѣ, какъ своимъ владыкамъ; думаетъ, что ихъ состояніе хуже, нежели какъ оно есть;—и спрашиваетъ. Ошибается, въ своемъ предположеніи; но ошибается, такъ сказать, отъ избытка усердія. Какъ послѣ сего не вразумить заблуждающаго, и не сказать ему, что онъ напрасно думаетъ, яко бы Богъ запретилъ Адаму вкушеніе отъ всѣхъ деревъ райскихъ, что подобному запрещенію

подвергнуто только одно дерево? Такого вразумленія требовали и признательность за усердіе и самая честь Божія, дабы змій не думалъ болѣе, что Богъ-Творецъ слишкомъ строгъ и нелюбосообщителенъ.

Одно, по видимому, могло удержать Еву отъ бесѣды съ змиемъ—это его способность говорить, несвойственная животному. Такая необыкновенность, казалось бы, должна изумить ее, и заставить пригласить мужа, или, по крайней мѣрѣ, первѣе всякаго отвѣта, спросить змія: откуда явилось у него слово? Но первыхъ, что необыкновенно теперь—для насъ, то, можетъ быть, не такъ необыкновенно было въ Эдемѣ; то есть, можетъ быть, это былъ уже не первый опытъ, что существа невидимыя облекались, предъ человѣкомъ, во образъ существъ видимыхъ, дабы тѣмъ удобнѣе входить въ сообщеніе съ нимъ, яко существомъ, хотя нечуждымъ ихъ природы, но до времени принадлежащимъ наиболѣе міру видимому и чувственному. А если явленіе сіе было и необыкновенно; то самая необыкновенность въ свою чреду тотчасъ могла возродить любопытство, и желаніе вступить въ начатую со стороны змія бесѣду, дабы узнать, что будетъ далѣе. Даже могла возбудиться мысль: не есть ли такое необыкновенное и возвышенное состояніе змія слѣдствіемъ вкушенія отъ плода запрещеннаго? Въ такомъ случаѣ еще естественнѣе было желаніе продолжать бесѣду съ змиемъ, дабы узнать поскорѣ тайну завѣтнаго дерева. И вотъ Ева, не медля, отвѣтствуетъ искусителю.

И рече жена змію: отъ всякаго древа райскаго ясти будетъ, отъ плода же древа, еже есть посредѣ рая, рече Богъ, да не ясте отъ него, ниже прикоснетесь ему, да не умрете.

Слова сіи еще такъ невинны, что ихъ могъ произнести самъ Ангелъ. Ибо, что дѣлаетъ Ева? Поясняетъ истину, вразумляетъ невѣдущаго змія, защищаетъ, хотя не прямо, отъ нареканія своего Творца и Благодѣтеля. Ибо сказать, что говоритъ теперь она, значило тоже, что сказать: напрасно, змѣй, беспокоишься за насъ; твоему вопросу вовсе нѣтъ мѣста: Богъ не давалъ такого страннаго и строгаго запрещенія, какъ ты думаешь.—Одно только неожиданно въ словахъ Евы: заповѣдь Божія о дрѣвѣ познанія добра и зла является въ устахъ ея съ прибавленіемъ, котораго въ ней не было; а именно, Богъ не запрещалъ прикасаться къ древу, какъ говоритъ Ева, а только повелѣлъ не вкушать отъ плодовъ его. Откуда же явились слова сіи у Евы? Не погрѣшимъ, если, въ слѣдъ за учителями Церкви, скажемъ, что они произошли въ ней отъ страха смерти въ сердцѣ, а страхъ

сей отъ тайной наклонности къ запрещенному дереву. Не предосудительное чувство и страхъ — далъ бы Господь, чтобы мы хотя по страху оставались вѣрными заповѣлямъ Господнимъ! — но въ сердцѣ Евы можно было ожидать другаго чувства господствующаго, высшаго и лучшаго, то есть, любви и уваженія къ своему Творцу и Благодѣтелю. Посему, сими немногими прибавочными словами едва ли не обнаруживалась, невольно и непримѣтно для самой Евы, тайна ея душевнаго состоянія.

Змій тотчасъ примѣтилъ, что праматерь нашу въ повиновеніи Богу держитъ наиболѣе страхъ смерти;—и тотчасъ со всею силою ринулся на сію ограду, чтобы, опровергнувъ ее, овладѣть легковѣрною женою. *И рече змій: не смертію умрете: вѣдаяще бо Богъ, яко въ оныѣ день съѣсте отъ него, отверзутся очи ваши, и будете яко Бози, вѣдаяще доброе и лукавое.*

Заговорить такимъ языкомъ значило уже сбросить съ себя всѣ личины; ибо кто говоритъ такимъ образомъ, тотъ явно показываетъ себя уже не тѣмъ, чѣмъ представлялся прежде, не существомъ, мало знавшимъ дѣло и потому вопрошавшимъ, а такимъ всевѣдцемъ, коему извѣстна вся тайна дерева и заповѣди болѣе, нежели самому Адаму и Евѣ, который былъ какъ бы въ совѣтѣ самаго Бога и знаетъ истинную причину, почему воспретилъ Онъ Адаму вкушеніе отъ сихъ плодовъ. И какая это причина? Не сожалѣніе о немъ, по причинѣ какой либо опасности для него отъ плодовъ дерева (въ нихъ, напротивъ, чудное свойство—отверзати у вкушающихъ очи и дѣлать ихъ богоподобными!); а опасеніе и зависть, чтобы Адамъ, питаясь такою чудесною пищею, не узналъ всего и не сравнился съ своимъ Творцемъ. То есть, какъ въ прежнихъ словахъ змія была хитрость на хитрости, чтобы только благовидно завязать съ Евою рѣчь; такъ въ настоящихъ словахъ была клевета на клеветѣ, дабы прямо соблазнить ее на вкушеніе отъ запрещенныхъ плодовъ: только, какъ тамъ, такъ и здѣсь, все продолжаетъ дышать мнимымъ доброжелательствомъ къ человѣку и усердіемъ къ возвышенію его благосостоянія. И вы вѣрите сему, какъ бы такъ говоритъ змій,—думаете, что дерево запрещено по причинѣ опасности отъ смерти? Какъ вы просты и недалъновидны! — Умереть отъ этихъ плодовъ! Напротивъ, кто вкушаетъ ихъ, у того отверзаются очи, и онъ становится подобнымъ Богу, получая рѣдкую и чудную способность—знать добро и зло. Богъ вѣдалъ это, и вотъ причина запрещенія—Ему не угодно, чтобы вы сравнились съ

Нимъ!... Судите послѣ сего, стоитъ ли хранить такую заповѣдь и лишать себя—произвольно—такого совершенства?

Боже мой, воскликнетъ при семъ ктолибо, и эту ложь и клевету можно было выслушать равнодушно? И жена не отвратила своего слуха? Не поразила змія? Не возвратилась тотчасъ къ своему мужу?—Гдѣ любовь къ Творцу и Благодарителю? Гдѣ вѣра слову Его? Гдѣ стыдъ и совѣсть? Гдѣ самый страхъ смерти?

Очевидно, не было уже въ душѣ и сего спасительнаго страха,—этого послѣдняго якоря среди возставшей въ душѣ бури помысловъ. Куда дѣвался онъ? Исчезъ среди волнъ сомнѣнія, возбужденнаго словами искуателя, которое, какъ темное облако, тотчасъ обняло всю душу, не дая видѣть за собою ничего, кромѣ роковаго дерева. Отъ каждаго изъ словъ змія раждалось множество мыслей, одна другой мрачнѣе, и каждая закрывала собою въ душѣ свѣтлый ликъ Отца небеснаго.—Такъ вотъ тайна заповѣди, думала долупреклонная уже, но еще не совершенно падшая, праматерь наша. Кто изъ насъ могъ проникнуть въ это? Значить, предъ нами, въ нашихъ рукахъ, давно находится средство быть *яко Бози*;—и мы, по невѣдѣнію, не пользуемся симъ драгоценнымъ средствомъ! Другія существа, даже зміи, сожалѣютъ о насъ; только мы одни не знаемъ своего состоянія! Что бы изъ насъ было уже доселѣ, если бы мы не были такъ просты!

Если искуатель, произнесши ужасныя слова, заставилъ въ то же время змія вкушать отъ плодовъ сего древа; то это еще болѣе могло расположить Еву къ мысли, что змій совершенно правъ, что напрасно говорено Богомъ, яко бы за вкушеніемъ отъ него слѣдуетъ смерть; вѣроятнѣе напротивъ, что въ деревѣ кроется чудная способность сообщать вѣдѣніе; ибо змій, отъ него вкушающій, не только остается въ живыхъ, но и обладаетъ отъ того особенною мудростію.

Надлежало ожидать, по ходу бесѣды, что праматерь наша скажетъ, что либо въ отвѣтъ и на сіи послѣднія слова змія, отразить ихъ до времени чѣмъ либо, или пожелаетъ доказательствъ на его клевету: если же они подѣйствовали на нее рѣшительно, то возьметъ тотчасъ плодъ и вкуситъ. И однакоже ни того, ни другаго не было. Ева ничего не говоритъ змію,—знакъ, что слова его не нашли въ ней противорѣчія; не тотчасъ вкушаетъ и отъ плода запрещеннаго,—знакъ, что она находилась еще въ состояніи нерѣшимости. Состояніе души, подобное тому, когда внезапною бурей оборваны уже въ кораблѣ снасти, со всѣхъ

сторонѣ проникаетъ въ него вода, но кормило еще въ рукахъ кормчаго; стоитъ только не терять духа, удвоить усилія, взять мѣры противъ разщелинѣ въ корабль, переждать опасную мину-ту,—и потопленіе избѣгнуто. Какъ останется безъ дѣйствія эта драгоценная возможность спасенія, какъ довершится наша погибель и торжество врага, увидимъ послѣ; а теперь извлечемъ изъ видѣннаго какой-либо урокъ въ наше назиданіе.

Видите, съ чего началась опасность? Съ того же, съ чего на морѣ, во время лѣтняго полудня, начинаются бури опасныя. Среди чистаго неба является вдали малая, темная точка. Опытные мореплаватели, замѣтивъ это, тотчасъ даютъ кораблю направленіе, отличное отъ того, куда она движется. Иначе въ нѣсколь-ко минутъ точка сія возрастетъ въ огромное облако, набѣжитъ на корабль и можетъ сокрушить его. Такъ и здѣсь. На свѣтлой душѣ Евы появился полусвѣтлый вопросъ змія: *что яко рече Богъ?* Вопросъ самъ по себѣ еще, какъ мы видѣли, невинный: но посмотрите, какъ онъ скоро возросъ въ темную тучу сомнѣній! Такъ опасны самые невинные, по видимому, вопросы и недоумѣнія касательно вѣры! Начнешь благонамѣреннымъ, по видимому, испытаніемъ, а кончишь явною хулою на Провидѣніе; ибо путь сомнѣній какъ спускъ съ крутой горы въ низъ: первые шаги ровны и тихи, но послѣдующіе невольно ускоряются сами собою до того, что и хотѣлъ бы уже остановиться, но не можешь. Особенно опасенъ путь сомнѣній для неопытныхъ, какою была и праматерь наша. Но Еву, въ замѣнъ неопытности, много ограждала еще отъ опасности невинность и чистота души, коихъ въ насъ нѣтъ. Нечистую душу, напротивъ, въ семъ отношеніи должно уподобить храминѣ, въ коей по всѣмъ угламъ разбросано множество разныхъ горючихъ веществъ; посему одна упавшая искра какого-либо сомнѣнія тотчасъ разливаетъ огонь по всей душѣ. Въ такомъ случаѣ откуда берутся вопросы и недоумѣнія! Душа становится подобна горѣ огнедышащей, изъ коей вылетаютъ и дымъ и пламя, вода и камни, подъ коими въ нѣсколько минутъ погребается невосвратно то, надъ чѣмъ трудились многіе годы.

Что же, подумаетъ кто либо, ужели не надобно размышлять о заповѣдяхъ Божиихъ? Нѣтъ, мы не говоримъ сего, а только хотимъ внушить, что узнавать достоинство и пользу сихъ заповѣдей всего лучше не пытливымъ размышленіемъ объ ихъ причинѣ и цѣляхъ, а вѣрнымъ и постояннымъ исполненіемъ заповѣданнаго. Что сказалъ бы тебѣ опытный врачъ, предписавшій ле-

карство на твою болѣзнь, еслибы ты сталъ сомнѣваться о немъ и философствовать? Примите, онъ сказалъ бы, лекарство, какъ предписано, и тогда судите по его дѣйствіямъ. Сего въ-правѣ требовать отъ насъ и человѣкъ намъ подобный, который можетъ сто разъ ошибиться; кольми паче имѣеть право на то Богъ все-вѣдушій и неложный во всѣхъ словесѣхъ своихъ. Что много думать о томъ, о чемъ до насъ и за насъ разсуждено самимъ Богомъ? Надобно принимать лекарство, а не мудрствовать о немъ. Посему души простыя ничего не могутъ лучше сдѣлать въ отношеніи къ предметамъ вѣры, какъ, заградивъ слухъ свой навсегда отъ всѣхъ споровъ и возраженій, ограничиться простымъ исполненіемъ заповѣдей Божіихъ и уставовъ св. Церкви. Для сего, можетъ быть, не бесполезно будетъ передать вамъ разсказъ объ одномъ простомъ, но добромъ и твердомъ христіанинѣ, котораго злой духъ хотѣлъ привести въ сомнѣніе о вѣрѣ. Какъ ты думаешь, спросилъ онъ, о такомъ-то догматѣ? Такъ же, отвѣчалъ онъ, какъ думаетъ св. Церковь. А Церковь какъ думаетъ, продолжалъ искушитель. Такъ же, какъ и я. А ты? Такъ же, какъ и Церковь. На всѣ дальнѣйшіе подобные вопросы былъ одинъ и тотъ же прежній отвѣтъ: и діаволъ, не находя мѣста къ уязвленію, отшелъ — посрамленъ. Вотъ примѣръ, какъ должно ограждать себя простымъ людямъ отъ искушеній въ вѣрѣ!

Тѣ же изъ насъ, кои самымъ званіемъ, или свойствомъ ума своего, или другими обстоятельствами, поставлены въ необходимость изслѣдывать истины вѣры въ ихъ основаніи и взаимной связи, да дѣлаютъ сіе важное дѣло съ благоговѣніемъ и страхомъ, памятуя, что имъ досталось идти опаснымъ и скользкимъ путемъ: да не выпускаютъ они никогда изъ виду злополучнаго примѣра прародительницы нашей, да не забываютъ, что всѣ бѣдствія, отъ коихъ страдаемъ мы, начались съ самаго невиннаго, по видимому, вопроса: *что яко рече Богъ?*

Не наша доля на землѣ знать все: всего не знаютъ и Ангелы на небѣ.—Самъ Сынъ Божій, находясь во *днехъ плоти своея* (Евр. 5, 7), сказалъ о Себѣ, что Онъ не вѣдаетъ, когда наступитъ послѣдній день міра (Мар. 13, 32). Намъ ли покушаться на всезнаніе? Придетъ время, спадутъ узы плоти, отнимется завѣса чувственности: тогда *узримъ, яко же есть* (1 Іоан. 3, 2), и познаемъ, яко же познани есмы (1 Кор. 13, 12). Аминь.

БЕСѢДА

ВЪ ПЯТОМЪ 2-Й ПОДЪЕМЪ ВОДННАГО ПОСТА.

И видѣ жена, яко добро древо въ
снѣдь и яко угодно очима видѣти, и
красно есть, еже разумѣти (Быт. 3, 6).

Между наклонностію прародительницы нашей къ паденію и самымъ грѣхопадениемъ была, какъ мы видѣли въ прошедшій разъ, минута недоумѣнія и нерѣшимости. И внявъ змію, мы не вдругъ еще простерли руку къ плоду запрещенному. Что именно было въ эту минуту на душѣ Евы, единъ Богъ вѣсть. Но, явно, было не то, что должно; явно, что мы не умѣли употребить сей драгоценной минуты въ свою пользу.

Что бы надлежало сдѣлать намъ среди обышедшей насъ тѣмы клеветъ и подозрѣній змѣиныхъ? Надлежало отвратить взоры отъ змія и древа, устремить ихъ горѣ—къ Богу, и въ Его совершенствахъ и благодѣяніяхъ намъ искать успокоенія сердцу, мятущемуся сомнѣніями. Такимъ образомъ, безъ труда, нашлось бы все, что нужно къ угашенію разженныхъ стрѣлъ сатаны. Ибо, возможно ли, чтобы Творецъ всесовершенный позавидовалъ въ чемъ-либо своей твари? Чтобы Всеблагій запретилъ плоды древа потому, что вкушеніе отъ нихъ могло поставить человѣка на высшую степень совершенства? Развѣ не въ Его волѣ было не вызывать насъ на свѣтъ изъ ничтожества? Что мы бытіемъ своимъ могли придать къ Его безпредѣльнымъ совершенствамъ?—Но Онъ возлюбилъ насъ еще несущихъ: извлекъ изъ небытія и украсилъ — не только умомъ и волею, но и самымъ

образомъ своимъ; сдѣлавъ владыками рая и всей земли, и предназначилъ къ господству надъ прочими тварями. Это ли зависть и недоброхотство?—А ты, проклятый искушитель, что сдѣлавъ для насъ добраго? Чѣмъ доказалъ истину своего мнимаго усердія? Развѣ тѣмъ, что клеветашь теперь на Бога и хочешь погубить насъ, коварный? Но твоя злоба и лукавство не останутся безъ казни.—Кто бы ты ни былъ—простой змій, или хуже змія, мы возвѣстимъ о тебѣ Всемогущему, и будемъ молить, да не являешься ты никогда среди мирнаго жилища нашего. Тогда—предъ лицомъ Его—повторяй, если можешь, ужасную клевету твою; а мы—рабы Господни и вѣруемъ слову Его болѣе, нежели собственнымъ очамъ нашимъ.

Подобныя мысли могли бы разсѣять всѣ недоумѣнія и спасти злополучную праматерь нашу отъ поплзновенія ко грѣху. Но сіи мысли остались безъ употребленія. Почему?—Потому что умъ искушаемой Евы обратился совсѣмъ въ другую сторону. Ибо съ душею нашею бываетъ тоже что и съ тѣломъ: куда обратишься съ мыслию, то и видишь; а что назади тебя, то, такъ бы ни было близко, какъ будто не существуетъ для тебя. Это самое послѣдовало и съ Евою: она отвратилась мыслию отъ Бога, безъ всякаго, впрочемъ, еще намѣренія преступить заповѣдь Его,—и обратила весь умъ свой къ запрещенному дереву,—тоже еще безъ опредѣленнаго намѣренія вкусить отъ плодовъ его, а только какъ бы ища въ немъ или подтвержденія, или опроверженія на то, что говорилъ о немъ змій. Хотя это было уже крайне опасно, но все еще не составило бы полной бѣды, если бы Ева могла смотрѣть на дерево просто, не предзанятая мыслями змія, безъ тайнаго предрасположенія найти въ немъ то, что обѣщалъ отъ него искушитель. Ибо, что же такое было въ самомъ деревѣ, чтобы нельзя уже было посмотрѣть на него безъ того, чтобы не рѣшиться вмѣстѣ съ тѣмъ вкусить отъ плодовъ его? Особеннаго совершенства въ сравненіи съ другими деревьями райскими, тѣмъ паче въ сравненіи съ деревомъ жизни, предполагать въ немъ, какъ мы видѣли прежде, нельзя. Посему на него совершенно безопасно можно было смотрѣть тому, у кого око было чисто и не затемнено чувственнымъ вожделѣніемъ. Но такой чистоты взгляда и свободы отъ чувствъ у насъ уже не было. Злополучная жена,—сама не вѣдая,—будетъ смотрѣть на дерево сквозь то стекло, которое поставилъ предъ нею искушитель. Посему ей представится въ деревѣ и плодахъ его то, чего никогда не представлялось прежде и не представится послѣ.

И видѣ жена, яко добро древо въ снѣдѣ, яко угодно очима, еже видѣти, и красно есть, еже разумѣти.

Вотъ сколько вдругъ новостей и открытій! Что Апостолъ усматриваетъ въ цѣломъ мірѣ, говоря, что все еже въ мірѣ, есть *похоть плотская, похоть очей и гордость житейская* (1 Іоан. 2, 16), то Ева теперь находитъ въ одномъ бѣдномъ деревѣ. А отъ чего? Отъ того, что смотритъ на него, какъ мы сказали, въ увеличительное стекло собственного чувственного вождельнія, такое стекло притомъ, которое подкрашено дыханіемъ зміинымъ. Все это, какъ замѣчаетъ св. Златоустъ, служитъ доказательствомъ, что жена, принявши оный пагубный совѣтъ зміевъ, и *свое стараніе приложила*, тѣмъ, то есть, что не удалась тотчасъ отъ древа, а еще такъ прилежно со всѣхъ сторонъ разсматривала его. Таковъ вообще путь искушеній: сначала онъ широкъ и съ него много выходовъ въ разныя стороны; потомъ становится уже и тѣснѣе, и выходовъ менѣе; наконецъ образуетъ надъ человекомъ какъ бы сводъ со стѣнами, такъ что по неволѣ надобно идти, хотя и согнувшись, далѣе. Ева тѣмъ скорѣе дошла до послѣдняго предѣла, чѣмъ мысль въ ней была живѣе, и желанія, яко еще неиспорченныя, быстрѣе.

И видѣ жена, яко добро древо въ снѣдѣ, яко угодно очима, еже видѣти, и красно есть, еже разумѣти.

Тутъ уже нѣтъ змія, а вмѣсто его продолжаетъ искушеніе собственная похоть. Зміи говорилъ: *не смертію умрете*; похоть продолжаетъ: древо не только не смертоносно, но и *добро въ снѣдѣ*. Зміи утверждалъ: *въ оноеже еще день снѣсте отъ него, отверзутся очи ваши*; похоть присовокупляетъ: *дѣйствительно угодно очима, еже видѣти*. Зміи обѣщаль: *и будете яко Бози, вѣдѣюще доброе и лукавое*; похоть подтверждаетъ, и какъ бы уже видитъ на дѣлѣ, тоже самое: *и красно есть, еже разумѣти!*

Вотъ сколько новыхъ соблазновъ и поводовъ ко грѣху! А отъ чего? Все оттого, что праматерь устремила взоръ не туда, куда слѣдовало,—не къ Богу, на небо, а на землю, къ дереву. Когда бы она, какъ мы прежде замѣтили, тотчасъ удалась отъ опаснаго мѣста, то не было бы ничего подобнаго. Не напрасно одинъ изъ пророковъ чувства наши называетъ окнами, чрезъ которыя входитъ въ душу смерть. Теперь войдетъ ими именно смерть. Хорошо зналъ это св. Іовъ, когда почиталъ нужнымъ полагать завѣтъ очамъ своимъ, чтобы не взирать на запрещенное. Ева не положила сего завѣта и тѣмъ неслыханно усилила сама для себя искушеніе.

Но неужели Ева безъ мужа рѣшится кончить дѣло, столь важное? А онъ можетъ еще поправить его, образумить легкомысленную, удержать долупреклонную. Напрасная надежда! Змій не ждетъ, похоть очесъ сейчасъ требуетъ удовлетворенія, дерево, кажется, само преклоняется долу съ плодами. Тутъ ли медлить? испытать его теперь же,—обрадовать внезапностію супруга,—усвоить себѣ честь открытія, столь важнаго:—и *взетше отъ плода древа, яде!...*

Яде. Выраженіе, показывающее полноту дѣйствія; то есть, не отвѣдала только, вкусила, а съѣла то, что взяла съ дерева. Мы не знаемъ заподлинно, какой это былъ плодъ: но видно, что вкушеніе его продолжалось не одно мгновеніе, а нѣкоторое время, можетъ быть, и не малое, если плодъ былъ не малый. Сего и надлежало ожидать какъ отъ любопытства, такъ и отъ чувственного вождельнія, кои дѣйствовали теперь въ Евѣ.

Будемъ ли винить и осуждать праматерь нашу за все это? Но чтобы имѣть хотя малое право на сіе, надобно прежде доказать, что мы поступили бы на ея мѣстѣ лучше. А кто изъ насъ въ состояніи сказать это? Увы, мы знаемъ уже всю ядовитость грѣха, и однако же не престаемъ увлекаться имъ! Ибо хотя мы живемъ уже не въ Эдемѣ, и первобытнаго древа жизни нѣтъ предъ нами; но древъ познанія добра и зла и доселѣ много по всему міру. При каждомъ изъ нихъ слышится древняя заповѣдь: *въ онъже день снѣсте отъ него, смертію умрете!* Но многихъ ли изъ насъ удерживаетъ отъ грѣха это грозное предостереженіе? Прародительница наша единожды токмо простерла руку къ плоду запрещенному, а мы простираемъ ее стократно—во всю жизнь нашу. Самыя бѣдствія отъ грѣховъ нашихъ не могутъ удержать насъ отъ нихъ. Видятъ нерѣдко, что поступаютъ крайне худо; чувствуютъ, можно сказать, внутри себя смерть и пагубу отъ плода запрещеннаго; и, не смотря на сіе, продолжаютъ повторять одинъ и тотъ же грѣхъ, какъ бы не вѣря собственнымъ своимъ ранамъ. Не будемъ же столь дерзки и безразсудны, чтобы роптать безумно на прародительницу нашу, памятуя, что мы сами повторяемъ непрестанно тоже самое. Посмотримъ лучше на то, какъ намъ вести себя среди искушеній, дабы не попадаться въ сѣти врага. Для сего выйдемъ изъ Эдема и пойдемъ въ пустыню Иорданскую; ибо что потеряно нами въ раю сладости, то паки обрѣтено для насъ на мѣстѣ слезъ и воздыханій.

Мы хотимъ указать вамъ, братіе, на примѣръ Господа и Спасителя нашего и на Его побѣду надъ искушителемъ, во время

четыредесятидневнаго поста Его въ пустынь. Испытаніе Спасителя и испытаніе прародителей нашихъ, очевидно, состоятъ въ тѣсной связи между собою. Второй Адамъ подвергся испытанію, безъ сомнѣнія, не за Себя, а для вознагражденія преступленія Адама перваго: потому и самый видъ Его испытанія весьма похожъ на тотъ, отъ коего пала теперь Ева, съ тѣмъ только различіемъ, что врагъ явился предъ Спасителя уже не въ видѣ змія, какъ искушалъ насъ, а въ собственномъ своемъ лицѣ. Притомъ, что для Евы сосредоточено было въ плодахъ одного дерева, то диаволъ для Искупителя раздробилъ, такъ сказать, на три приема, дабы, если не подѣйствуетъ одинъ, употребить съ успѣхомъ другой. *Аще Сынъ еси Божій, рцы каменію сему, да хлѣбъ будетъ:* вотъ первое испытаніе! Можете судить, какъ долженъ былъ казаться добръ въ снѣдъ хлѣбъ изъ камней, послѣ того какъ проведено было въ постъ четыредесять дней! *И постави Его на крыль церковномъ, глаголя: аще Сынъ еси Божій, верзиея низу!* Вотъ второе испытаніе, не менѣе привлекательное для обыкновеннаго самолюбія человѣческаго. Ибо въ какое удивленіе пришелъ бы весь Іерусалимъ, увидѣвъ Іисуса, свергшагося безвредно долу съ такой высоты, съ которой страшно было и посмотрѣть внизъ! Во истину и это красно было, еже разумѣти опытомъ. *И пока-за Ему вся царствія міра и славу ихъ, глаголя: сія вся тебѣ дамъ, аще падѣ, поклонишиися:* вотъ третіе испытаніе, столь же сильное: ибо для того, кто не имѣлъ во всю жизнь гдѣ подклонить главу, долженствовало быть весьма угодно—видѣть весь міръ, со всѣми благами и красотами его, подлежащимъ своей власти!

Что же Искупитель нашъ? У Него нѣтъ, какъ у Евы, *помысловъ многихъ*, а единая только неизмѣнная мысль о святой волѣ и славѣ Отца небеснаго. Когда искушитель хочетъ обратить вниманіе Его на предметы дольніе, Онъ всякій разъ обращается при семъ горѣ, къ Отцу и отъ Его свѣтлаго лица взимаетъ отвѣтъ врагу. На предложеніе о хлѣбахъ, Онъ отвѣчаетъ: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ чловѣкъ, но о всякомъ глаголю, исходящемъ изъ устъ Божіихъ.* На предложеніе вергнуться низу, говоритъ: *не искусиши Господа Бога твоего.* Предложеніе царствъ міра, съ подчиненіемъ за господство надъ ними врагу, отражаетъ словами: *Господу Богу твоему поклонишися, и Тому единому послужиши.* И всѣ отвѣты заключены повелительнымъ гласомъ: *Иди за мною, сатано!* А Ева пустила его предъ собою, какъ вождя и руководителя, пошла за нимъ легкомысленно, — и погибла.

Но вмѣстѣ съ этою твердостію и съ симъ величіемъ Спасителя, смотрите, какое въ Немъ глубокое смиреніе! Онъ ничего не говоритъ діаволу отъ своего лица, а все заимствуетъ изъ слова Божія, поражаетъ его такимъ образомъ мечемъ нерукотвореннымъ: *писано бо есть, писано бо есть*, отвращая насъ своимъ примѣромъ отъ той самонадѣянности, съ коею праматерь наша вступила въ бесѣду съ искушителемъ, и подавая намъ примѣръ смиренія, коимъ всего скорѣе побѣждается гордый противникъ нашъ. Весьма полезно посему и для насъ имѣть въ памяти своей запасъ изреченій св. писанія, дабы въ случаѣ искушенія тотчасъ можно было употребить ихъ къ отраженію стрѣлъ вражнихъ. А кто не можетъ сдѣлать сего, тотъ въ семъ случаѣ дѣлай, по крайней мѣрѣ, вотъ что: первѣе всего устреми мысль къ Богу и проси помощи; ибо сами по себѣ, мы, какъ трость вѣтромъ колеблемая, легко можемъ увлечься и пасть, безъ помощи свыше. Во-вторыхъ, если можешь, то закрой глаза и бѣги отъ предмета и мѣста искушенія. Ибо и Ева, если бы тотчасъ удалилась отъ дерева и змія, то не вкусила бы плода. А когда нельзя удалиться внѣшно, то старайся по крайней мѣрѣ быть далѣе внутренно, то есть, не обращай, подобно Евѣ, взора и мыслей на предметъ искушенія; старайся не видѣть и не знать его; иначе и тебѣ, въ минуту искушенія, можетъ показаться онъ стократно привлекательнѣе, нежели каковъ есть на самомъ дѣлѣ. Когда мы будемъ такимъ образомъ блюсти себя и сражаться со врагомъ, чѣмъ можемъ, сражаться и призывать на помощь Господа; то быть не можетъ, чтобы насъ оставили безъ услышанія: ибо Господь, какъ увѣряетъ слово Божіе, никогда не попускаетъ намъ быть искушаемымъ паче, нежели можемъ понести. Аминь.

БЕСѢДА

ВЪ СРЕДѢ 3-Й НЕДѢЛИ ВОДИНАГО ПОСТА.

И взявши отъ плода его (Ева), яде;
и даде мужу своему, и ядоста (Быт.
3, 6).

Вреступленіе заповѣди Божіей прародительницею нашею было уже крайне важно и пагубно для насъ: но дѣло паденія нашего не было еще симъ кончено. Въ лицѣ Евы пала только одна половина рода человѣческаго, и при томъ слабѣйшая. Адамъ еще не участвовалъ въ преступленіи заповѣди. Можно было надѣяться, что онъ, яко мужъ и глава, устоитъ противъ искушенія. Но, увы, самая надежда эта была уже такова, что почти надлежало опасаться неисполненія ея. Ибо много ли было бы радости, еслибы Адамъ и не палъ, когда согрѣшила уже Ева?—Тѣмъ, кои были такъ неразрывно сопряжены въ состояніи невинности и блаженства, трудно было раздѣлиться и въ наказаніи за него. Взаимный союзъ прародителей такъ былъ неразрывенъ и глубоко въ основаніи его, что происшедшее въ одномъ не могло въ тоже время не отражаться и въ другомъ, такъ что вмѣстѣ съ Евою, можно сказать, предниспалъ уже и Адамъ. Симъ именно, ничѣмъ другимъ, объясняется та скорость и, такъ сказать, непрекословность, съ коими, по описанію Моисея, падаетъ прародитель нашъ. Ева, по крайней мѣрѣ, бесѣдуетъ съ змѣемъ, разсматриваетъ запрещенное дерево, недоумѣваетъ, борется съ собственными мыслями, и потомъ уже простираетъ руку къ плоду; въ Адамѣ не видимъ ничего подоб-

наго: ему подають плодъ, онъ беретъ его, какъ обыкновенный, и вкушаетъ; то есть, дѣло происходитъ такъ, какъ бы уже не могло быть иначе. *И даде мужу своему, и ядоста.*

Впрочемъ, не должно думать, чтобы все это произошло совершенно молча: ибо иначе Адамъ и не зналъ бы, какой подають плодъ, слѣдовательно, и вкушая его, не былъ бы виновенъ въ преступленіи заповѣди. Ева рассказала, конечно, о своей встрѣчѣ и бесѣдѣ съ змѣемъ,—какъ послѣдній открылъ ей мнимую тайну запрещеннаго дерева, какъ подѣйствовалъ на нее самый видъ плодовъ его и что вкушеніе отъ нихъ не только не заключаетъ въ себѣ ничего вреднаго, но и сопряжено съ удовольствіемъ. А это все, по необходимости, заставляетъ предполагать, что въ Евѣ, по вкушеніи отъ губельнаго плода, дѣйствительно на первый разъ не произошло ничего явно худаго, тѣмъ паче мучительнаго: иначе какъ бы рѣшилась она поднести собственными руками супругу своему ту отраву, которая терзала ее внутренность?—Въ послѣднемъ случаѣ она скорѣе отвратила бы своего супруга отъ вкушенія губельныхъ плодовъ; хотя бы онъ, по любви къ ней, и захотѣлъ раздѣлить ее печальную участь.

Изъ этой мнимой безвредности плодовъ запрещенныхъ должно было составиться для Адама новое и сильное искушеніе. Видя жену, и по вкушеніи отъ нихъ, оставшеюся въ живыхъ, безъ особенной видимой перемѣны на худшее, онъ легко могъ подумать, что если обѣщаніе змія чрезвычайныхъ дѣйствій отъ сихъ плодовъ и преувеличено; то и угроза смерти за него также несоразмѣрна съ истиною; что дерево если и не божественно, какъ увѣрялъ змій, то и несмертоносно, какъ объявлялось въ заповѣди Божіей. Съ другой стороны, если бы и оставались какія-либо сомнѣнія въ душѣ Адама; если бы и готовы были причины къ возраженію на слова Евы, и представлялась удобность показать, что она въ заблужденіи: то уже поздно было врачевать зло; дѣло слѣлано неозвратно; плодъ сорванъ и вкушенъ Евою; осталось только или предоставить падшую самой себѣ, или раздѣлить съ нею тяжесть грѣхопаденія. Любовь къ Богу не устояла предъ любовію къ женѣ: и Адамъ предпочелъ послѣднее!...

И даде мужу своему, и ядоста. Значитъ, Ева при семъ снова вкусила отъ плода запрещеннаго и такимъ образомъ нарушила заповѣдь Божію какъ бы дважды. Откуда бы ни произошло это,—отъ особенной ли расположенности къ плодамъ запрещеннымъ, или изъ желанія подать симъ примѣръ мужу, во всякомъ случаѣ вина ея чрезъ то усугублялась, а это повлечетъ за собою,

какъ увидимъ, и наказаніе сугубое. Но, если Ева виновнѣ въ томъ, что первая открыла сердце свое искусителю, первая вкусила отъ запрещеннаго древа, и она же увлекла примѣромъ своимъ мужа, снова вкусивъ для сего предъ нимъ отъ плодовъ его; то Адамъ въ свою очередь виновнѣ жены тѣмъ, что яко глава жены, долженствуя быть руководителемъ ея, легкомысленно увлекся ея предложеніемъ, и почти безъ всякаго размышленія преступилъ ту заповѣдь, которую непосредственно принялъ отъ самого Бога. Въ семъ-то, конечно, разумѣ и ап. Павелъ называетъ одну Еву обольщенною (1 Тим. 2, 14), и одного Адама преступникомъ заповѣди (Рим. 5, 12. 14. 19).

Взглянемъ теперь на самый поступокъ прародителей нашихъ. По наружному виду своему, онъ представляется не такъ важнымъ. Ибо что можетъ быть проще, какъ сорвать какой-либо плодъ съ дерева и съѣсть его?—Но когда вникаешь въ сущность сего поступка, то онъ тотчасъ представляется чрезвычайно важнымъ. Почему? Потому во-первыхъ, что въ семъ случаѣ нарушена воля и заповѣдь не человѣка какого-либо, не Ангела или Архангела, а Существа высочайшаго и всемогущаго, нашего Творца и Благодѣтеля; потому, во-вторыхъ, что сей поступокъ обнаружилъ въ прародителяхъ нашихъ множество худыхъ мыслей и чувствъ, и вообще показалъ, что съ богоподобною природою ихъ произошло ужасное превращеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, найдите преступленіе, которое не заключалось бы, явно или тайно, въ этомъ несчастномъ вкушеніи. Невѣріе? Здѣсь не повѣрили ясному и рѣшительному слову своего Творца и Благодѣтеля, и, вопреки заповѣди Его, положились на клевету такого ничтожнаго существа, какъ змій. Гордость? Здѣсь простерлись въ ней до того, что рѣшились сравниться съ самимъ Богомъ. Любостыжательность? Здѣсь не удовлетворились Эдемомъ и господствомъ надъ цѣлою землею, и не захотѣли предоставить Богу единого древа. Плотоугодіе и воздержаніе? Они-то наипаче и погубили насъ; ибо древо первѣе всего показалось добрымъ въ снѣдъ. Ненависть и злоба? Но любятъ ли того, чью заповѣдь преступаютъ такъ безумно, и у кого хотятъ отнять, если бы то было возможно, самое владычество?

Такимъ образомъ, нѣтъ грѣха, который бы, явно или тайно, не заключался въ первомъ грѣхѣ прародителей нашихъ. Если когда, то въ семъ случаѣ имѣли всю силу слова Апостола: *уже согрѣшитель въ единомъ, бысть всѣмъ повиненъ* (Іак. 2, 10).

Не должно забывать и того, что человѣкъ, вкушая отъ плода

запрещеннаго, видимо рѣшался не на оскорбленіе только своего Создателя, а и на собственную погибель; ибо ему прямо и ясно было сказано: *въ онѣже еще день снѣсте отъ него, смертію умрете*. Послѣ сего простерть руку къ плоду значило тоже, что простерть ее къ своей смерти.

И все это не удержало насъ! И на все сіе мы рѣшились! И все это мы сдѣлали!.... О солнце, для чего ты не померкло въ ту минуту предъ праматерію нашею, чтобы показать ей опасность? Земля! для чего ты не сотряслась подъ стопами ея, когда она простирала свою руку? Древа райскія! зачѣмъ вы не преклонились до земли и не удержали ее? Древо познанія, зачѣмъ ты само не обнаружило тайны, въ тебѣ скрывавшейся?

Но что могла сдѣлать неразумная, подчиненная закону необходимости тварь, когда одаренный разумомъ владыка ея злоупотреблялъ своею свободою? Ея долгъ будетъ раздѣлить съ нами несчастныя слѣдствія нашего паденія; не ея дѣло было управлять нашею свободою и остановить ея дѣйствіе. Сего не восхотѣлъ сдѣлать самъ Творецъ. Ибо, разъ давши человѣку свободу, отказавшись, такъ сказать, въ отношеніи къ ней отъ всякаго принудительнаго всевластія, Онъ никогда уже не возьметъ дара своего назадъ. Великое, братіе мои, дѣло быть существомъ свободнымъ! Это въ нѣкоторомъ смыслѣ значитъ—быть подобнымъ Богу!... Ибо, по свободѣ, каждый человѣкъ, самый бѣдный и послѣдній, можетъ каждую минуту дѣлать то, чего во всю вѣчность не въ состояніи ни разу сдѣлать вся совокупность существъ неразумныхъ, со всею громадностію ихъ силъ и разнообразіемъ свойствъ; потому что существа сіи, яко неразумныя, всѣ подчинены закону необходимости и не могутъ уклониться отъ того пути, по коему велѣно идти имъ. Человѣкъ, напротивъ, каждую минуту можетъ перемѣнять свои мысли и дѣйствія, устремляться горѣ и долу, на десно и шее, слѣдовать истинѣ или лжи, избирать добро или зло. Такимъ образомъ, хотя, подобно другимъ тварямъ, онъ созданъ изъ ничего всемогуществомъ Божиимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самъ, посредствомъ употребленія своихъ способностей и силъ, можетъ и долженъ быть какъ бы творцемъ своей судьбы.

Познаемъ же, братіе мои, собственное преимущество, возблаговѣмъ предъ величіемъ дара, насъ украшающаго, и престанемъ расточать сокровище свободы безразсудно. Ибо это даръ столь же опасный, какъ и великій. Мы можемъ въ каждую минуту, по свободѣ, дѣлать что угодно; но возвратитъ изъ сдѣлан-

наго ничего не можемъ. Всякій поступокъ нашъ остается при томъ не одинъ, а произведши изъ себя безконечный рядъ дѣйствій по виду своему. Каждое благое дѣйствіе наше во всю вѣчность будетъ производить изъ себя рядъ дѣйствій благихъ; а злое — злыхъ и несчастныхъ. Посему на какой поступокъ ни рѣшаешься ты, человѣкъ, помни, что ты рѣшаешься на то, что пребудетъ вѣчно. Поступая легкомысленно, и въ сей жизни мы уже часто наказуемся жестоко за наше легкомысліе: рады бы иногда отдать все, чтобы возвратити иной поступокъ, но невозможно. Въ вѣчности же, куда мы должны перейти чрезъ смерть, будемъ страдать отъ сего столько болѣе: ибо взоръ нашъ на худость прошедшихъ грѣхопадений нашихъ сдѣлается несравненно яснѣе, и чувство отвращенія къ нимъ живѣе. Будемъ видѣть, какъ грѣхи наши, подобно намъ самимъ, не умираютъ, а живутъ въ своихъ злыхъ послѣдствіяхъ; и между тѣмъ не въ состояніи будемъ ничего сдѣлать къ уничтоженію ихъ. Посему, изъ жалости къ самимъ себѣ, будемъ, братіе мои, употреблять свободу воли нашей съ крайнею осмотрительностію во всемъ; постараемся при томъ избѣгать не однихъ великихъ, по своему размѣру, преступлений, но и малыхъ нарушеній закона Божія, памятуя, что и первый грѣхъ, погубившій всѣхъ насъ и все вокругъ насъ, состоялъ, по внѣшности своей, не въ погашеніи солнца или луны на небѣ, а въ сорваніи съ дерева и вкушеніи запрещеннаго плода. Аминь.

БЕСѢДА

ВЪ ПЯТОМЪ 3-Й ПѢДѢИ ПРАВДНАГО ПОСТА.

И отверзошася очи обѣма, и разумѣша, яко нази бѣша, и сшиста себѣ препоясаніе (Быт. 3, 7).

Ето это? Ужъ не говорилъ ли змій въ самомъ дѣлѣ правды? Ибо вотъ, чѣмъ угрожалъ Господь, то, по видимому, не сбилось надъ нашими прародителями; а что обѣщаль змій, то является. Господь сказалъ: въ онѣже *еще* день *снѣсте, смертію умрете*: а Ева и Адамъ живы!... Змій обѣщаль: въ онѣже *еще* день *снѣсте, отверзутся очи ваши*; и вотъ, они дѣйствительно отверзлись!... *И отверзошася очи обѣма*. Судите посему, какъ злохитро придумано было искушеніе, когда, и послѣ паденія искушаемыхъ, оно все еще какъ бы оправдывается опытомъ....

Но, братіе мои, если когда и гдѣ, то въ семъ случаѣ не должно останавливаться на поверхности вещей, а надобно проникать въ ихъ глубину и сущность. Надъ прародителями сбился, по видимому, слова искушителя: но въ какомъ видѣ? Въ томъ ли, какъ обѣщаль онъ? Совершенно въ противномъ. Змій обѣщаль вмѣстѣ съ отверженіемъ очей человѣку вѣдѣніе божественное: *отверзутся очи ваши и будете яко Бози, вѣдаяще доброе и лукавое*. А теперь что видитъ человѣкъ сими своими ново отверстыми очами? Видитъ одну свою наготу и бѣдность, то есть, видитъ то, что лучши бы никогда не видѣть, и чего прежде дѣйствительно не видѣли прародители наши, потому что не были такими, какъ теперь. *И отверзостася очи обѣма, и уразумѣша, яко нази бѣша*.

«Все же однако въ семъ случаѣ употребляются, скажешь, объ Адамѣ и Евѣ тѣ-же самыя слова, кои употреблены змѣемъ?» Точно, употребляются тѣ-же слова, но въ какомъ смыслѣ? не въ томъ, въ какомъ употреблены искушителемъ, а въ другомъ, противномъ. Св. писаніе имѣетъ обычай называть отверженіемъ очей у человѣка то состояніе, когда онъ увидитъ и замѣтитъ что либо такое, что давно было при немъ, только онъ не видѣлъ и не примѣчалъ того, подобно какъ и мы говоримъ:—у меня раскрылись тогда-то глаза: то, есть, я увидѣлъ то, чего прежде не видалъ и не подозрѣвалъ, хотя и могъ видѣть. Особенно же употребляемъ и мы подобное выраженіе въ случаѣ открытаго обмана или хитрости, прежде непримѣченной, — опасности, до того непредвидѣнной, въ которую заведены мы кѣмъ-либо. Въ семъ-то смыслѣ говорится теперь и о прародителяхъ, что у нихъ, по паденіи, отверзлись очи; то есть, они увидѣли теперь, куда завелъ ихъ змій, почувствовали и примѣтили, что съ ними произошла столь же необыкновенная, какъ и несчастная перемѣна, что они хотя тѣ же, повидимому, что и прежде, но на самомъ дѣлѣ далеко не тѣ, а гораздо хуже, что они — наги: *и уразумѣша, яко нази бѣша.*

Примѣчательно однако же, что такое отверженіе очей и чувство наготы произошло не тотчасъ по вкушеніи отъ плода запрещеннаго одною Евою, какъ бы надлежало того ожидать, а теперь, когда вкусилъ уже отъ сего плода и Адамъ. Почему бы это?... Потому, конечно, что для сего необходимо было полное пробужденіе совѣсти; а она не вдругъ могла пробудиться съ надлежащею силою въ душѣ, занятой удовольствіемъ отъ исполненія своихъ страстныхъ желаній. Ева, какъ мы видѣли, находясь предъ деревомъ, увлеченная лѣстивыми обѣщаніями искушителя, вся, можно сказать, обратилась въ вождельніе чувственное, которое и нынѣ, какъ показываетъ опытъ, помрачаетъ силою своею взоръ не только умственный, а даже тѣлесный. Въ такомъ расположеніи душевномъ, совѣсти неудобно было скоро начать дѣйствовать съ силою. Въ Адамѣ—напротивъ: онъ не былъ у дерева, не страдалъ такъ воспаленіемъ души отъ желанія плодовъ его, не подвергался непосредственному обаянію отъ бесѣды змѣиной; по тому самому въ немъ скорѣе возникаетъ и совѣсть, по нарушеніи заповѣди. Между тѣмъ и праматерь наша имѣла уже теперь довольно времени выйти изъ замѣшательства душевнаго и возвратиться къ обыкновенному порядку мыслей и чувствъ. Въ такомъ

состояніи совѣсти не замедлила надъ обоими воспріять права свои: — а съ возбужденіемъ совѣсти тотчасъ — *отверзошася очи ѡбѣма, и уразумѣша, яко нази бѣша....*

Итакъ, первое слѣдствіе грѣха въ прародителяхъ нашихъ, ими примѣченное, было чувство наготы—не боли какой-либо душевной или тѣлесной, а наготы. Если разложить сіе чувство на его составныя части; то оно даетъ изъ себя два ощущенія, одно тѣлесное—ощущеніе зависимости отъ внѣшнихъ стихій, другое—душевное—ощущеніе внутри себя стыда и смущенія. Что въ чувствѣ настоящей внѣшней наготы участвовалъ, или паче господствовалъ, теперь стыдъ внутренній, видно изъ того, что Моисей говорилъ о прежнемъ состояніи прародителей до ихъ грѣха: *и бѣста оба нога, и не стыдятся*. Значить, теперь устыдились, когда не хотѣли уже болѣе видѣть своей наготы. А что кромѣ стыда, ощущалась теперь вмѣстѣ съ нимъ и потребность къ защитѣ отъ стихій, это покажетъ одежда, въ которую облечетъ Господь грѣшниковъ: ибо она будетъ, какъ увидимъ, не другая какая-либо, а кожаная, то есть, способная къ защитѣ отъ перемѣнъ воздушныхъ. Въ противномъ случаѣ, она была бы слишкомъ тяжела; еслибы, то есть, предназначалась къ защитѣ только отъ собственнаго стыда.

Но откуда столь великая перемѣна въ прародителяхъ нашихъ, что они, не зная прежде своей наготы, теперь не только познали это, а и начали искать способа сокрыть ее? Явно—отъ грѣха. Какъ и чѣмъ грѣхъ произвелъ наготу? Тѣмъ, что лишилъ человека присутствія въ немъ благодати Божіей, которая, проникая и наполняя собою все существо его, дѣлала его неприкосновеннымъ и возвышала надъ всѣмъ дольнымъ. Теперь, послѣ преступленія воли Божіей, божественной силы сей и пренебеснаго обличенія не стало въ человѣкѣ: онъ остался, такъ сказать, одинъ, самъ съ собою, и потому недостаточенъ и нагъ. Это неестественное и плачевное одиночество должноствовало произвести чрезвычайную разность въ его положеніи. Но вмѣстѣ съ лишеніемъ чрезъ грѣхъ благодати произошло въ человѣкѣ еще другое, неменьшее зло—исчезли единство и порядокъ въ его способностяхъ: тѣло престало повиноваться душѣ, воля уклонилась отъ совѣсти, желанія воспротиворѣчили уму, со всѣмъ существомъ человека произошло то, что бываетъ теперь съ тѣломъ нашимъ во время такъ называемой болѣзни расслабленія, или онѣмѣнія тѣлеснаго. При такомъ расчлененіи своей природы и онѣмѣніи своихъ силъ, человекъ лишился даже той мощи, которую онъ имѣлъ въ себѣ

по самой природѣ своей, высокой и богоподобной. Поелику же отношеніе его къ міру внѣшнему и вещамъ зависѣло отъ его собственнаго отношенія къ Богу и самому себѣ; то съ превращеніемъ послѣдняго отношенія, тотчасъ измѣнилось, по необходимости, отношеніе къ нему и всего внѣшняго міра. Оставаясь въ своей первобытной, такъ сказать, невинности и благонастроеніи, всѣ прочія твари и вещи невольно и неизбѣжно оказались противными и враждебными человѣку, послѣ того какъ онъ сдѣлался преступенъ и потому разстроенъ и безсиленъ. Отсюда должно было произойти въ человѣкѣ множество непріятныхъ для него явленій, кои первѣе всего выразились въ немъ стыдомъ и чувствомъ наготы, то есть, недостатка и безсилія: *разумѣша, яко нази бѣша. Наги* отъ благодати Божіей, которая невидимо облекала собою нашихъ прародителей, а теперь удалась отъ нихъ, какъ удаляется свѣтъ отъ земли, когда между ею и солнцемъ станеть темное тѣло; *наги* отъ своей невинности и чистоты, кои также служили для нихъ покровомъ, а теперь были потеряны; *наги* отъ господства надъ стихіями и міромъ видимымъ, который начиналъ уже становиться во враждебное отношеніе съ ихъ тѣлеснымъ бытіемъ.

Это новое скорбное чувство лишенія и наготы было такъ сильно, что злополучные прародители немедленно начали искать средствъ, если не избавиться отъ него совершенно, то уменьшить его силу, какимъ-либо прикрытіемъ своего тѣла. *И сшиста себѣ препоясаніе.* Не цѣлую одежду, которой вдругъ неудобно было и составить, а одно препоясаніе, для коего веществомъ могли служить листья тѣхъ же деревьевъ райскихъ. Такая одежда удовлетворяла по крайней мѣрѣ тому, что, при чувствѣ наготы тѣлесной, казалось наиболѣе требующимъ покрова. До такой скудости и умашенія дошелъ вдругъ богоподобный владыка земли! Смотри умственно на Адама и Еву, какъ они поспѣшно рвутъ листья древесные и неопытными еще въ семъ дѣлѣ руками творять себѣ, смущенные, препоясаніе, нельзя не воздохнуть горько и не восплакать о ихъ злополучномъ жребіи: ибо это малое препоясаніе вполне выражало собою всю глубину ихъ паденія.

Между тѣмъ, видите ли, братіе мои, откуда произошли всѣ наши одежды? Это—слѣдствіе нашей нечистоты и преступленія воли Божіей! Это плодъ нашего слѣпago послушанія змѣю и безумной вражды съ Богомъ. Это—всегдашній съ тѣхъ поръ трауръ по нашему первобытному состоянію невинности и блаженства! А мы, неразумные, забывъ все это, позволяемъ себѣ тщеславиться оде-

ждою; обратили въ предметъ отличія и гордости то, что должно служить для насъ всегдашнею укоризною! Ахъ, отличатся множествомъ одеждъ не то же ли значитъ, какъ и тщеславиться множествомъ знаковъ нашего рабства, нашихъ немощей, нашего грѣхопаденія? Прародители, облакаясь потомъ въ одежду, безъ сомнѣнія, всякій разъ вспоминали со вздохомъ о томъ блаженномъ состояніи, когда они были наги и не стыдились. Такъ бы надлежало поступать и всѣмъ намъ. Когда по утру надѣваешь на себя одежду, приводи себѣ на память первый грѣхъ нашъ, который сдѣлалъ ее для тебя необходимою. Когда вечеромъ снимаешь ту же одежду, преносись мыслію къ будущему воскресенію изъ мертвыхъ, когда паки не будетъ нужды ни въ какомъ одѣяніи. Отъ сего сугубаго постоянного воспоминанія вѣрно умалится, если не исчезнетъ совсѣмъ, несчастная охота твоя къ безразсудному щегольству платьемъ: ты будешь употреблять его, какъ печальную необходимость, и престанешь искать отличія въ томъ, что для всѣхъ насъ должно служить къ стыду и въ укоризну.

Посмотримъ теперь на другую сторону нашего предмета. Обѣщаніе искуателя, какъ мы видѣли, не сбылось ни мало, а послѣдовало противное тому; но не сбылась, по видимому, и угроза Божія, ибо сказано было: *въ онъже день снѣсте отъ него, смертію умрете*; а прародители наши, хотя и подверглись чувству наготы, хотя и ниспали въ очевидно худшее состояніе, но остались однако живы и не умерли; даже будутъ оставаться на землѣ въ десять разъ долѣе, нежели сколько живутъ теперь самые долголѣвные изъ насъ—ихъ потомковъ. Что же значитъ все сіе, и какъ примирить это съ истиною?—Весьма не трудно, если опять вникнуть со вниманіемъ и въ слово Божіе и въ самое дѣло. Не безъ причины, конечно, сказано въ угрозѣ Божіей не просто: умрете или потеряете жизнь, а—*смертію умрете*, чѣмъ прознаменуется какое-то какъ бы обиліе, разнообразіе и продолжительность смерти. Прародители наши, въ сообразность многочастному составу естества человѣческаго, дѣйствительно имѣли подвергнуться за преступленіе свое не одной, а многимъ смертямъ, изъ коихъ одна слѣдовала за другою, и какъ бы выходила изъ предшествующей, доколѣ не оканчивалось все гробомъ и тлѣніемъ. Такъ духу человѣческому предстояла своя смерть, душѣ—своя, тѣлу наконецъ также своя, но каждой части, сообразно значенію ея въ составѣ человѣка, предстояла смерть въ особенномъ видѣ, и не въ одно и то же время, а послѣдовательно и преемственно. Посему смерть духовная, самая главная и страшная изъ смертей,

ибо изъ ней уже происходили всѣ прочія, — послѣдовала тотчасъ по преступленіи, не только въ тотъ же самый день, но въ то же мгновение: ибо человѣкъ-грѣшникъ, преступивъ заповѣдь Божию, тогда же умеръ въ духѣ для жизни въ Богѣ, лишился благодати и съ нею высшаго начала своей дѣятельности, престалъ дышать Духомъ Божиимъ, потерялъ истинное блаженство и жизнь вѣчную. Смерть въ душѣ человѣка также не замедлила показать своего страшнаго лица—тѣмъ, что всѣ способности душевныя разъединились, превратились, ослабѣли и какъ бы замерли: въ умѣ и понятіяхъ явились мракъ и невѣдѣніе, въ сужденіяхъ—колебаніе и неправильность, въ воображеніи безобразіе и разстройство, въ памяти—забвеніе и смѣшеніе понятій, въ чувствѣ—страхъ и недовольство, въ пожеланіяхъ—нечистота и порча. Тѣло человѣка, яко грубѣйшая часть существа его, менѣе, повидимому, обнаружило свою порчу и смертность, но тотчасъ однако же обнаружило уже тѣмъ, что потребовало одежды для защиты,—знакъ, что надъ нимъ начала уже свое дѣйствіе какая-то сила враждебная и разрушительная. Такимъ образомъ человѣкъ весь—отъ духа до тѣла—отъ высшихъ силъ и способностей до самыхъ низшихъ—подвергся владычеству смерти, сообразно угрозѣ Божіей, тотчасъ по своемъ преступленіи; только сіе владычество,—по самой обширности его,—обнаруживалось не вездѣ и во всемъ вдругъ, а постепенно. Для большаго уясненія сей истины, вообразимъ, что кому-либо угрожаемо было за извѣстное преступленіе немедленнымъ пожаромъ его дома, и пожаръ дѣйствительно начался бы тотчасъ по его преступленіи, только продолжался бы не одинъ день, а нѣсколько, потому что зданіе, по огромности его, не могло сгорѣть въ одинъ день: скажетъ ли кто-либо послѣ сего, что угроза не исполнилась?—Подобное сему было и съ нами: созданная по образу Божию, природа человѣческая заключала въ себѣ такъ много, что смерть, при всей лютости ея, не могла вдругъ равно проникнуть во всѣ составы ея и овладѣть всѣми частями до того, чтобы тотчасъ обратить самое тѣло паки въ землю, отъ нея же взято.

«Но все,—скажетъ еще кто-либо, — угроза Божія смертію, въ *опѣже* *аще* *день* *снѣсте* *отъ* *него*, какъ будто не исполнилась надъ нами во всей силѣ; все мы какъ будто пощажены за что-либо, и намъ дана какъ бы нѣкая разсрочка въ уплатѣ оброка за грѣхъ, то есть, смерти». Пожалуй, если тебя не удовлетворяетъ вышесказанное, то и мы готовы съ удовольствіемъ согласиться, что съ нами при семъ случаѣ не поступлено со всею

строгостию (и что было бы съ нами въ противномъ случаѣ?); только это снисхожденіе къ намъ нисколько не служитъ къ нареканію на истину словъ Того, Кто угрожаетъ намъ смертию. Ибо причиною снисхожденія была не слабость угрожавшаго, якобы Онъ не могъ выполнить своей угрозы (долго ли было лишить жизни двухъ человѣкъ, когда и нынѣ каждый изъ насъ можетъ отнять ее у всякаго?), а другая, совершенно другая. Какая? Та, что въ ту же самую минуту, когда мы, вкусивъ отъ древа и преступивъ заповѣдь, по тому самому подверглись было смерти, въ ту же, говорю, минуту явился за насъ Ходатай и Защитникъ, такой Защитникъ, коего гласу нельзя было не внять самому правосудію Божію, потому что Онъ не просто ходатайствовалъ за насъ, какъ дѣлаютъ люди, не просилъ только и умолялъ, а всецѣло воспринялъ на Себя нашъ грѣхъ и наказаніе за него, то есть, нашу смерть. Вы знаете, братіе мои, кто сей великій Защитникъ и Благодѣтель нашъ: это единородный Сынъ Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, сей, какъ именуется Онъ у св. Павла, второй Адамъ, такъ благотворно замѣнившій собою для всего рода человѣческаго Адама перваго. Онъ-то, говоримъ, принялъ на Себя, еще въ Эдемѣ, и нашъ грѣхъ, и нашу смерть, дабы потомъ, *въ скончаніе время*, явившись на землѣ во плоти, взойти за насъ (какъ и возшелъ) на крестъ, и смертию своею умертвить на немъ какъ грѣхъ человѣческій, такъ и смерть человѣческую, да избавившись, какъ говоритъ Апостолъ, отъ грѣха и проклятія, *правдою поживетъ* (Рим. 6, 10).

Послѣ такого, совершенно съ нашей стороны неожиданнаго, всемогущаго и крайне благодѣтельнаго для насъ посредничества, естественно должно было уже все измѣниться въ судьбѣ нашей. За снятіемъ съ насъ преступленія эдемскаго, сама собою снималась и казнь эдемская: смерть посему не имѣла уже надъ нами прежняго своего неотразимаго права; ибо грѣхъ нашъ, перешедъ на Ходатая и Искупителя нашего, терялъ въ отношеніи къ намъ свою обвинительную силу. Вслѣдствіе сего, мы могли бы даже вовсе быть освобожденными отъ смерти тѣлесной, если бы она не была нужна для насъ же самихъ со многихъ другихъ сторонъ, а всего болѣе для того, дабы служить обузданіемъ нашей чувственности, преградою нашимъ страстямъ, и чтобы въ противномъ случаѣ, то есть, когда бы грѣхъ не пресѣкался въ человѣкѣ смертию, *зло*, какъ выражается Григорій Богословъ, *не стало безсмертнымъ*. Посему, оставленная для нашего же блага, смерть есть теперь для вѣрующихъ въ Искупителя не столько

наказаніе, сколько ограда, помощь и врачевство: ею полагается конецъ всѣмъ недостаткамъ и горестямъ нашего узническаго бытія на землѣ; ею довершается въ нѣдрахъ земли очищеніе природы нашей, зараженной ядомъ грѣха; ею наконецъ душа наша какъ бы возвращается къ первоначальному источнику своего бытія, Богу, дабы отъ Него, въ свое время, снова пріять вмѣстѣ съ тѣломъ полное пакибытіе, жизнь и блаженство вѣчное.

Падемъ же, братіе мои, предъ Икупителемъ нашимъ и возблагодаримъ Его за величайшее благодѣяніе, оказанное всѣмъ намъ еще въ Эдемѣ, возблагодаримъ и будемъ памятовать, Кому всѣ мы обязаны жизнію послѣ того, какъ подпали-было за грѣхъ владычеству смерти. Аминь.

БЕСѢДА

ВЪ СРЕДѢ 4-Й ПОДЪЕВЪ ВОДИВЪГО ПОСТІ.

И услышаста гласъ Бога, ходяща въ раю, по полудни, и скрыстася Адамъ же и жена его отъ лица Господа посреде древа райскаго. И призва Господь Богъ Адама, и рече ему: Адаме, гдѣ еси? и рече ему: гласъ слышахъ Тебе ходяща въ раю, и убояхся, яко нагъ есмь и скрыхся. И рече ему Богъ: кто возвѣсти тебѣ, яко нагъ еси, аще не бы древа, егже заповѣдахъ тебѣ сего единого не ясти, отъ него ялъ еси? И рече Адамъ: жена, юже далъ еси со мною, та ми даде отъ древа, и ядохъ. И рече Господь Богъ женѣ: что сіе сотворила еси. И рече жена: змій прельсти мя, и ядохъ (Быт. 3, 8—13).

какъ ни велико было преступленіе прародителей нашихъ, какъ ни глубока бездна, въ которую съ высоты богоподобія низринулъ насъ врагъ искушитель; но еслибѣ бѣдственное состояніе наше было не медля сознано и понято нами, какъ должно, если бы вмѣсто бѣгства, скрытности и извиненій, мы сами поспѣшили явиться предъ Господа, исповѣдали предъ Нимъ искренно свои грѣхи, пали со смирениемъ и любовію къ стопамъ Его и предали бы судьбу свою въ волю Его преблагаго: то, безъ сомнѣнія, намъ отпущено было бы многое изъ того, что теперь, хотя и не ко вреду, а къ пользѣ нашей, такъ сильно тяготѣетъ надъ нами. Ибо если истинное раскаяніе и внѣ рая преклоняетъ гнѣвъ Божій на милость и производитъ чудеса милосердія; то чего не могло бы оно произвести, принесенное въ раю, у древа жизни, тотчасъ по паденіи, когда ядъ грѣха не

успѣлъ еще проникнуть насъ всецѣло и содѣлать рану нашу такъ лютою и злокачественною? Исправительное наказаніе за грѣхъ, конечно, не могло быть снято съ насъ вовсе; но, по всей вѣроятности, наложено было бы на насъ не въ настоящемъ его, такъ грозномъ и удручительномъ видѣ, а въ другомъ, болѣе легкомъ и тихомъ, такъ что, можетъ быть, намъ дозволено было бы всю эпитимию нашу за грѣхъ понести и совершить не на сей, преданной проклятiю землѣ изгнанія, а среди тогоже рая сла-
дости.

Но, увы, мы и чувствовали, по видимому, грѣхопаденіе свое и не чувствовали; не хотѣли уже болѣе внимать змiю, но не желали видѣть и Господа; стыдились наготы тѣлесной и какъ будто ни во что ставили наготу духовную; сознавали, что съ нами худо, что мы лишились многого, но все еще думали помочь страшной бѣдѣ своей собственнымъ умомъ и усиліемъ!... *И скрыстася Адамъ и жена его отъ лица Господа посредѣ древа райскаго.*

Таковъ, братіе мои, до сихъ поръ каждый грѣшникъ! Таковы всѣ мы! Чтобы почувствовать всю гнусность своихъ грѣховъ, для сего мало нашей, самой тонкой, повидимому, чувствительности, а потребна особенная благодать Божія. Безъ сего, какъ бы ни были мы обременены грѣхами, что бы даже ни терпѣли отъ нихъ въ своихъ дѣлахъ и жизни, въ насъ никогда не явится истиннаго чувства раскаянія. Будемъ сознавать и говорить, что мы грѣшники; будемъ являться по временамъ предъ служителемъ алтаря и хладнокровно, а иногда и со слезами, рассказывать о своихъ паденіяхъ; но не достигнемъ того сокрушенія о своихъ грѣхахъ, того *покаянія*, какъ выражается Апостоль, *нераскаяннаго* ; во спасеніе, которое состоитъ въ невозвратномъ отвращеніи отъ прежнихъ путей беззаконія, и въ несовратимомъ шествіи до конца жизни по стезямъ заповѣдей Господнихъ. Ибо одно изъ самыхъ губельныхъ свойствъ грѣха состоитъ въ томъ, что онъ ослѣпляетъ нашъ умъ, ожесточаетъ сердце и дѣлаетъ его нечувствительнымъ къ истинѣ и добру. Чтобы измѣнить насъ въ семъ отношеніи, чтобы отнять у нашей души это безчувствіе и онѣмѣніе, для сего потребно дѣйствіе Того, Кто есть *болій сердца нашего* (1 Іоан. 3, 20), можетъ, какъ выражается слово Божіе, *отъ камня воздвигнуть чада Аврааму* (Лук. 3, 8).

Судя по такому свойству грѣха и по тому, что прародители хотятъ теперь сокрыться отъ лица Божія, нельзя не вывести того

печальнаго заключенія, что если бы Господь не явился имъ по паденіи, а предоставилъ ихъ самимъ себѣ; то они, можетъ быть, и никогда, по крайней мѣрѣ, долго не пришли бы въ полное сознаніе своего грѣха, не подумали бы обратиться съ покаяніемъ къ своему Создателю. И что было бы тогда? Ядъ грѣха, неостановленный въ дѣйствіи исповѣдію и покаяніемъ, проникъ бы природу нашу еще болѣе и глубже; а за симъ, по необходимости уже, потребовалось бы для исправленія нашего еще большаго наказанія и горчайшаго врачевства.

Но благъ и милосердъ Господь Богъ нашъ: является *неищущимъ Его* и обрѣтается *невопрошающимъ о Немъ* (Исаи. 65 1). Такъ поступилъ Онъ съ нами еще въ Эдемѣ, показуя своимъ примѣромъ, какъ должно поступать и намъ, когда согрѣшитъ кто-либо противу насъ. *И услышаста гласъ Бога, ходяща въ раю по полудни: и скрыстася—посредѣ древа райскаго.* Напрасно, основываясь на семъ, такъ сказать, бѣгствѣ прародителей отъ Господа, подумалъ бы кто, что явленіе Его сопровождалось чѣмъ либо страшнымъ и поражающимъ: нѣтъ, хотя забытый, презрѣнный и промѣненный, такъ сказать, на змія, Творецъ и Благодѣтель имѣлъ все право явиться теперь, облекшись ужасомъ и грозою; но подобнаго ничего не было. Явленіе Господа и теперь было такъ же кротко, благо и просто, какъ прежде, и имѣло весь видъ посѣщенія дружескаго. Чтобы не привести въ ужасъ бѣдныхъ и трепещущихъ уже отъ своего жалкаго положенія грѣшниковъ—внезапною явленія, Господь является даже не вдругъ, а предваряетъ свое свиданіе съ ними хожденіемъ въ раю, то есть, въ нѣкоей дали отъ того мѣста, гдѣ находились прародители. *И услышаста гласъ Бога, ходяща въ раю.*

Гласъ Бога. Не членораздѣльный, какъ можетъ подумать кто либо, голось, ибо бесѣда начнется послѣ,—а нѣкій шумъ, происходящій отъ движенія, къ коему Адамъ и Ева уже до того привыкли, что тотчасъ могли распознавать и отличать его отъ всего прочаго. Между тѣмъ обстоятельство сіе, равно какъ и слѣдующая за симъ бесѣда Божія съ ними, достаточно показываютъ, что настоящее богоявленіе происходило въ образѣ чело-вѣческомъ. Поелику же изъ трехъ лицъ Божества всего свойственнѣе было принять сей образъ Тому, Кто на самомъ дѣлѣ имѣлъ нѣкогда облечься плотію, то есть, Сыну Божію; то, не безъ основанія, можно сказать, что мы были допрашиваемы и судимы въ раю не другимъ кѣмъ, а самимъ Икупителемъ нашимъ,

и слѣд., не столько судимы и осуждаемы, сколько, какъ увидимъ, щадимы и милуемы.

Св. Бытописатель указываетъ еще при семъ на самое время божоявленія, говоря, что оно послѣдовало по полудни, или точнѣе съ еврейскаго, въ прохладѣ дня, что обыкновенно бываетъ, въ знойные дни, подѣ вечеръ. Господь явился и не вдругъ по паденіи, дабы падшіе имѣли время пріити въ чувство и размыслить о своемъ поступкѣ, и недолго спустя, а въ тотъ же самый день, дабы не дать погрузиться имъ въ безчувствіе и нераскаянность. Отовсюду видны были любовь къ намъ и милосердіе!

Но, увы, грѣхъ, содѣлавъ насъ недостойными любви Божіей, въ тоже время отнялъ у насъ способность чувствовать ея цѣну и наслаждаться ею. *И услышаста гласъ Господа, ходяща въ раю, по полудни, и скрыстася, Адамъ же и жена его отъ лица Господа Бога посредѣ древъ райскихъ.*

Скрыстася, то есть, нарочно удалились въ чашу деревъ отъ того мѣста, которое служило имъ обыкновеннымъ пребываніемъ и гдѣ находилъ ихъ дотошъ Господь. Думали, что Онъ поищетъ ихъ, не найдетъ, и возвратится на небо. До того затмилось отъ грѣха въ душѣ понятіе о совершенствахъ Божіихъ, что на Вездѣсущаго, потому только, что Онъ былъ теперь въ ограниченномъ образѣ, взирали яко на обыкновеннаго человѣка, отъ коего можно убѣжать и скрыться. «Ибо таковъ обычай согрѣшающихъ», замѣчаетъ св. Златоустъ, «что они хотя и не могутъ сокрыться, однако сокрытися тщатся.»

Надлежало посему разыскать заблудшихъ: *и воззва Господь: Адаме, гдѣ еси?*—Гласъ кротости и дружелюбія: прежнее имя: *Адаме*, и прежняя любовь: *гдѣ еси?* Можно бы сказать: гдѣ ты, преступникъ заповѣди? Куда бѣжалъ отъ стыда и казни, тебя ожидающихъ? Но ничего подобнаго, даже и похожаго на то, не было. Вопрошающій какъ будто не вѣдаетъ о происшедшемъ; пришелъ не обличать и судить, а только навѣститъ своего любимца и друга; хочетъ видѣть его, побесѣдовать съ нимъ, оставить ему, можетъ быть, новый знакъ любви и благорасположенія; и, не находя его дома, ищетъ и спрашиваетъ: *Адаме, гдѣ еси?*—Гдѣ, въ какомъ ты мѣстѣ, а еще болѣе, въ какомъ ты состояніи? Съ тобою произошло что-то особенное, притомъ нерадостное. Я всегда заставлялъ тебя на своемъ мѣстѣ; ты самъ, бывало, спѣшилъ ко Мнѣ навстрѣчу: теперь другое—прихожу и не вижу тебя: что съ тобою? *Адаме, гдѣ еси?*—Такъ глубоко было паденіе наше, замѣчаетъ при семъ случаѣ одинъ св. отецъ,

что самое неснѣдѣніе Божіе какъ бы потеряло насъ изъ виду и принуждено вопрошать: гдѣ мы?

На такой гласъ уже нельзя было не отозваться. И вотъ, Адамъ и Ева исходятъ предъ Господа изъ среды древъ райскихъ, но исходятъ съ препоясаніемъ—не по одному тѣлу, а еще болѣе по душѣ; то есть, съ несчастнымъ запасомъ извиненій и отговорокъ, кои отнимутъ, какъ увидимъ, едва не всю цѣну у ихъ самопризнанія во грѣхѣ. Чтобы не показаться убѣгающимъ отъ самого Бога, по личному отвращенію отъ Его присутствія, Адамъ спѣшитъ объявить причину своего удаленія отъ лица Божія и говорить, что причина сія въ немъ самомъ, и есть не что иное, какъ страхъ отъ своей наготы: *гласъ Твой слышахъ и убояхся, яко нагъ есмь. Убояхся:* наготы надлежало болѣе стыдиться, нежели бояться; но Адамъ приходитъ отъ нея въ страхъ, обнаруживая симъ, что чувство наготы соединено въ немъ съ чувствомъ нарушенія заповѣди. Примѣчательно также, что хотя сокрывался не одинъ онъ, а съ Евою, но упоминаетъ только объ одномъ себѣ, какъ бы Евы вовсе не было съ нимъ. Такъ скоро грѣхъ успѣлъ уже породить въ человѣкѣ самость, заключить его любовь и попеченіе въ одномъ себѣ и разъединить съ самыми первыми ближними. Тоже самое увидимъ и далѣе—и Адамъ и Ева будутъ извинять только каждый себя одного, даже слагать вину свою другъ на друга, не жалѣя никого, кромѣ себя.

Убояхся, яко нагъ есмь, и скрыхся. Если я, какъ бы такъ говорить Адамъ, не поспѣшилъ къ Тебѣ на встрѣчу, то это было не по недостатку усердія, не по нежеланію видѣть Тебя; нѣтъ, причина сего не въ Тебѣ, а во мнѣ: я нагъ, мнѣ стыдно и страшно въ такомъ видѣ явиться предъ Тобою: *убояхся, яко нагъ есмь, и скрыхся.* Тоже самое, хотя о семъ и не говорится, было, безъ сомнѣнія, и съ Евою.

Но, признавая въ себѣ такимъ образомъ слѣдствіе грѣха, Адамъ медлитъ однако же признать самый грѣхъ. Чтобы сказать прямо: я сокрылся потому, что нагъ: а нагъ потому, что вкусилъ отъ древа, преступилъ заповѣдь Твою? Сего чувства, сей полной откровенности не было: до самаго конца останемся непризнательны, неискренни и нераскаянны!

Подивимся же, братіе мои, долготерпѣнію Господа. Не смотря на такую неискренность, Человѣколюбецъ все еще помедлитъ обличать и осуждать насъ, и новымъ кроткимъ вопросомъ дастъ намъ время одуматься, придти въ чувство, раскрыть до-

бровольно свои раны и просить на нихъ врачевства. *И рече ему Богъ: кто возвѣсти тебѣ, яко нагъ еси? Аще не отъ древа, его же заповѣдахъ тебѣ сего единого не исти, отъ него ялъ еси?*

Кто возвѣсти? Отъ Меня ты не слышалъ сего; самъ не зналъ о семъ; въ раю некому было сказать этого: какъ же ты узналъ, что ты нагъ? Одно было средство къ тому: не вкусилъ ли ты отъ древа запрещеннаго?

Послѣ указанія на древо нельзя уже было скрывать грѣха: и вотъ, уста трепещущаго прародителя нашего разверзаются наконецъ для исповѣди; но самолюбіе и ложный стыдъ тотчасъ портятъ ее суетнымъ извиненіемъ: *и рече Адамъ: жена, юже далъ ми еси, та ми даде, и ядохъ.* Видите, по самой разстановкѣ словъ, гдѣ поставленъ грѣхъ? Въ самомъ концѣ—*ядохъ*, а напреду и вблизи: *жена*, за нею Тотъ, который далъ ее.... И для чего все это? Дабы показать, что если Адамъ и согрѣшилъ, то невольно; если въ происшедшемъ и есть какая либо вина, то общая, часть коей падаетъ на самого Бога. *Жена, юже далъ ми еси, та ми даде, и ядохъ.* И самъ, какъ бы такъ говорилъ прародитель, и не думалъ преступать заповѣди; но явилась жена, та самая, которую Ты мнѣ привелъ и назвалъ моею помощницею, подала мнѣ плодъ запрещенный, и я съѣлъ. Какъ было, подразумѣвалось, не съѣсть поданнаго изъ такихъ рукъ? Могъ ли я думать, что погибну отъ той, которая дана Тобою?

Но, злополучный праотецъ, развѣ жена была дана тебѣ въ руководителю? Развѣ повелѣно слушать ее, когда бы она подала и плодъ запрещенный? Она слышала о заповѣди изъ твоихъ устъ, и могла еще, пожалуй, думать, такъ ли она выслушана тобою, какъ должно, и понять ли истинный смыслъ ея. Ты напротивъ самъ принялъ заповѣдь прямо отъ Бога, и потому не могъ имѣть въ ней никакого сомнѣнія. А между тѣмъ поступилъ такъ же легкомысленно, какъ и она, тебя во всемъ слабѣйшая.

Подобнаго однако же ничего не было сказано Адаму: а поелику онъ ссылался на жену, то рѣчь обращена къ ней.

И рече Богъ: что сіе сотворила еси? Для чего и сама вкусила и мужа склонила къ тому же, впадъ такимъ образомъ въ сугубое преступленіе заповѣди?— Уто сотворила?— Чувствуешь ли, какъ важенъ проступокъ твой? Видишь ли бездну, въ которую зашла сама и завела мужа?— Уто сотворила еси?...

И рече жена: змій прельсти мя. И я, то есть, не сама за-

думала зло, а введена въ грѣхъ другимъ. Вольно же—подразумѣвалось—позволять змѣямъ брать на себя видъ такихъ злохитрыхъ искусителей и говорить такую обольстительную ложь...

Открыто, такимъ образомъ, Адамомъ и Евою то, чего нельзя было уже скрывать долѣе; но открытое опять тотчасъ старались закрыть обвиненіемъ другихъ. Выходило,—хотя прямо того и не говорили,—что если виноваты Адамъ и Ева, то не правъ и самъ Законодатель.

Сами чувствуете, братіе мои, какъ неприлично было поступать намъ такимъ образомъ, по преступленіи заповѣди Божіей. Это значило какъ бы заводить нѣкоторымъ образомъ споръ и хотѣть препираться съ самимъ Богомъ, яко бы мы были невинны. Но гдѣ эта невинность? Самая нагота наша, страхъ нашъ не давали ль уже намъ знать, что мы были и совершенно виновны, и совершенно безотвѣтны? Между тѣмъ такая нераскаянность наша вполнѣ обнаруживала, какъ необходимо было для насъ наказаніе. Иначе, что бы могло образумить нашу гордость и обратить насъ къ смиренію и покаянію?

Творецъ и Благодѣтель нашъ не будетъ оправдываться предъ прародителями нашими (это было бы недостойно Его величія), а въ самомъ наказаніи покажетъ имъ, что оно не столько зависитъ отъ Его произвола, сколько само собою прямо выходитъ изъ ихъ преступленія. Это мы увидимъ въ слѣдующій разъ; а теперь обратимся къ себѣ самимъ и посмотримъ, не поступаемъ ли и мы въ подобныхъ обстоятельствахъ такъ же, какъ прародители наши.

И къ намъ, недостойнымъ, послѣ каждаго новаго грѣхопаденія, является, можно сказать, самъ Господь; и насъ падающихъ посреди рая, еже есть Церковь Христова, взыскуетъ Онъ, то внутреннимъ гласомъ совѣсти, то внѣшнимъ вѣщаніемъ духовныхъ пастырей нашихъ; изнутри, говорю, и со внѣ грѣшникъ, если не закрываетъ слуха своего, всегда можетъ слышать древній гласъ: *Адаме, гдѣ еси?*

Какъ же отвѣчаемъ мы на милосердіе Господа, насъ взыскающаго?—Увы, многіе, подобно прародителямъ, явно убѣгаютъ въ семь случаѣ отъ лица Божія и сокрываются; и если бы еще, подобно имъ, сокрывались въ чащѣ древъ райскихъ! нѣтъ, убѣгаютъ, можно сказать, въ чащу древъ адскихъ, то есть, въ тѣмъ своихъ гордыхъ и нечестивыхъ помысловъ и дерзкихъ мудрованій о таинствѣ покаянія и исповѣди. «Зачѣмъ я пойду на исповѣдь? говорятъ нагло таковыя. Кому какое дѣло до моихъ грѣ-

ховъ? Хочу, раскаюсь въ нихъ; не захочу, останусь такимъ, какъ есмь. Мои грѣхи, мое и дѣло.» Откуда такой несчастный образъ мыслей, какъ не изъ ада, какъ не отъ духа злобы, этой древней гордыни, которая потому и неисправима, что не знаетъ смиренія и исповѣди?—Увы, бѣдный грѣшникъ, насъ съ тобою тревожить то, что нами занимается, объ насъ печется самъ Богъ!... И какъ же бы, скажи, Творецъ могъ забыть и оставить свое твореніе, въ коемъ Его образъ? Сними съ себя, если можешь, сей образъ, и тогда говори, что никому нѣтъ дѣла до твоихъ грѣховъ. И не ты ли взыскиваешь строго съ слугъ твоихъ за неисполненіе твоихъ, часто безумныхъ повелѣній? Господу ли неба и земли не требовать у насъ отчета въ исполненіи своего закона, въ коемъ заключены и Его слава и наше собственное блаженство? «Но я вижу во время исповѣди предъ собою не Бога а подобнаго мнѣ человѣка!» А развѣ бы тебѣ лучше, если бы предсталъ для суда надъ тобою самъ Богъ? Не растаялъ ли бы ты съ твоею грѣховною нечистотою отъ неприступной славы Вседержителя? Моисей и Ілія не могли взирать на явленіе Его; Ангелы и Архангелы закрываютъ отъ Него лица свои; а мы, нашими больными очами, хотимъ смотрѣть прямо на это Солнце? Предъ тобою въ таинствѣ исповѣди человѣкъ, тебѣ подобный: но онъ посланъ отъ Бога; ему дано право вопрошать тебя и произнести судъ надъ тобою. И какой судъ? Не казни, которую мы стократъ заслужили, а милости и прощенія. И послѣ сего мы будемъ медлить пріять—собственное спасеніе?

Другая, большая часть изъ насъ, волею и неволею, является, подобно Адаму, предъ Господа, то есть приходитъ ежегодно на исповѣдь; но съ чѣмъ? Не съ дѣйствительнымъ раскаяніемъ въ грѣхахъ, не съ сердцемъ сокрушеннымъ и духомъ смиреннымъ, а съ нечувствіемъ и хладностію, съ извиненіями и отговорками, съ явнымъ почти желаніемъ сокрыть свой грѣхъ, если бы то было возможно, не только отъ духовника, отъ самого Бога. Признаютъ, подобно прародителямъ, свои грѣхи; но не чувствуютъ и не видятъ, что въ сихъ грѣхахъ пагуба душевная и вѣчная смерть; говорятъ: *согрѣшилъ—прости*; но не изъ глубины сердца, а по одному обычаю и уставу; даютъ обѣщаніе избѣгать грѣховъ, но безъ внутренней твердой рѣшимости—выполнить обѣщанное. Ссылаются въ извиненіе себѣ то на свое сложеніе и природу человѣческую, то на обстоятельства и положеніе свое въ свѣтѣ, то на примѣры другихъ людей. Какъ будто бы существовалъ какой грѣхъ, отъ коего нельзя было удержаться при по

мощи благодати Божіей! Какъ будто бы собственная польза наша не требовала оставить, если то нужно, все—самое любезное, рѣшиться на жертвы, самыя тяжкія, только бы не погубить души своей и не лишиться блаженной вѣчности!....

Престанемъ же, братіе мои, поступать такимъ образомъ, дабы, въ противномъ случаѣ, самое врачество, то есть, таинство покаянія, не обращалось во вредъ и не служило къ ожесточенію нашихъ душевныхъ ранъ и недуговъ. Сбросимъ съ себя всѣ смоковничныя препоясанія; явимся предъ Господа, насъ взыскающаго, во всей наготѣ грѣховной, и да речетъ каждый: се азъ и несчастныя дѣла моя! Нѣтъ у меня извиненія о грѣсѣхъ моихъ: могъ я избѣгнуть соблазна, или устоять противъ него; могъ, если бы захотѣлъ, пребыть вѣрнымъ закону Твоему; и если падалъ стократно, то отъ самого себя, отъ моего легкомыслія, отъ моей злобы, отъ произвольной нечистоты въ мысляхъ и чувствахъ, отъ того, что не употреблялъ, безразсудный, тѣхъ средствъ, кои въ избыткѣ даны и указаны мнѣ къ огражденію себя отъ грѣха и соблазна. Чувствую всю тяжесть вины моей;—и возвергаю надежду на единое милосердіе Твое: помилуй мя падшаго! Отселѣ я столько же возлюблю законъ Твой святой, сколько любилъ прежде беззаконныя удовольствія плоти и міра; такъ же буду внимать совѣсти, какъ слушался доселѣ страстей своихъ. Точію Ты не лиши меня милости и благодати Твоей, и укрѣпи на камени заповѣдей колеблющіяся стопы мои! Твой есмь отнынѣ азъ, спаси мя! Аминь.

БЕСѢДА

ВЪ ПАТОКѢ 4-Й ПОДЪ ПЛЮВКАГО ПОСТА.

И рече Господь Богъ змію: яко сотворилъ еси сіе, проклять ты отъ всѣхъ скотовъ и отъ всѣхъ звѣрей земныхъ: на персѣхъ твоихъ и чревѣ ходити будеши, и землю съѣси вся дни живота твоего. И вражду положу между тобою и между женою, и между съменемъ твоимъ, и между съменемъ тоя: той твою блюсти будетъ главу и ты блюсти будеши его пята. (Быт. 3, 14. 15).

Въ прошедшій разъ мы видѣли, братіе мои, какъ совершился допросъ виновнымъ прародителямъ нашимъ, какъ Вездѣсущій благоволилъ, яко единъ отъ насъ, искать ихъ въ Эдемѣ и вызывать изъ среды дровъ райскихъ; какъ Всевѣдущій являлся, яко ничтоже вѣдый о происшедшемъ съ ними, да не приведетъ ихъ въ смущеніе и предрасположитъ къ искреннему исповѣданію предъ Нимъ грѣха своего, въ надеждѣ на помилованіе. Хотя прародители наши, по неразумію, отъ грѣха происшедшему, не употребили во благо сего благоснисхожденія Божественнаго; но во всемъ этомъ, тѣмъ не менѣе, была бездна любви, великодушія и долготерпѣнія къ намъ недостойнымъ. Ибо, много ли владыкъ на землѣ, вопрошаетъ св. Златоустъ, кои сами пріемлютъ трудъ разспрашивать подсудимыхъ преступниковъ? А здѣсь Царь неба и земли, владыка Ангеловъ и Архангеловъ, оставивъ престолъ славы, ищетъ убѣгающаго отъ Него грѣшника и предлагаетъ столько вопросовъ тамъ, гдѣ довольно

бы сказать одно слово: ты преступникъ—се казнь твоя! Во всемъ этомъ, продолжаетъ св. Златоустъ, Господь подаетъ примѣръ, какъ намъ должно поступать съ виновными, — не предаваться, то есть, безразсудно порывамъ гнѣва, позволять имъ говорить все, что могутъ, въ свое оправданіе, не оскорбляться, если они, по сродной грѣшнику наклонности къ лукавству, сокрываютъ даже что либо изъ дѣла, или представляютъ его не такъ, какъ оно было; вообще бесѣдовать кротко, памятуя, что мы всѣ такимъ же образомъ сами были вопрошаемы и судимы въ раю Господомъ.

Между тѣмъ, судя по такому великодушію въ допросѣ виновныхъ, надлежало ожидать, что и змій-искуситель не осудится и не накажется—невывслушанный. Но его вовсе не спрашиваютъ, а прямо подвергаютъ казни: *и рече Богъ змію: яко сотворилъ еси сіе, проклятъ ты отъ всѣхъ звѣрей земныхъ*. Откуда сія неожиданная суровость? Отъ внезапно воспламенившагося въ Судіи гнѣва, который (какъ бываетъ нерѣдко между нами), заставилъ забыть безпристрастіе и кротость? Всего менѣе. Ибо и при этомъ наказаніи мы увидимъ въ Судіи тоже величественное спокойствіе и благость, какія видѣли прежде. Если змій не вопрошается, то потому, что, яко животное неразумное, онъ самъ по себѣ не могъ ни замыслить зла, ни искушать кого либо: искушалъ въ змѣ и заставлялъ его клеветать и лгать духъ злобы, который, достигнувъ своей цѣли, вышелъ теперь изъ него; послѣ чего змій, какъ животное, сдѣлался вовсе неспособнымъ къ отвѣту.

Оставалось посему подвергнуть допросу не змія, а діавола, дѣйствовавшаго въ немъ на пагубу человѣка; но и онъ не вопрошается: почему?—потому безъ сомнѣнія, что Всевѣдущій не провидитъ въ немъ никакой надежды къ обращенію. Въ такомъ разѣ не для чего было, скажемъ словами св. Писанія, повергать бисера предъ свиніями: оставалось токмо поразить нераскаянную гордыню казнію. Но какъ поразить? Человѣкоубійца во время искушенія нисколько не былъ видѣнъ; онъ дѣйствовалъ не прямо, а изъ-подъ завѣсы; предъ очами Евы былъ одинъ простой змій съ искушеніемъ; отъ змія, ни отъ кого болѣе, производилъ конечно въ своемъ умѣ искушеніе и Адамъ. Сообразно съ симъ и на предстоящемъ судѣ Божіемъ дѣло сіе будетъ оставлено въ томъ видѣ, какъ оно происходило по внѣшности: главному виновнику зла попустятъ остаться невидимымъ во тѣмъ ему сродной; завѣса, его сокрывшая, уцѣлѣетъ: но не уцѣ-

лѣтъ за нею онъ, лукавый и всезлобный: слово суда и казни хотя произнесется, по видимому, надъ однимъ змѣемъ чувственнымъ; но, падая одною стороною на животное, въ тоже время—чрезъ него—будетъ всецѣло достигать духа злобы и поразить его смертельно въ самую главу.

Поэтому, для полного уразумѣнія казни, изрекаемой теперь змѣю, надобно представлять себѣ въ умѣ, что слова, къ нему обращенныя, относятся не къ нему одному, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ змѣю духовному, или діаволу.

И рече Богъ змѣю: яко сотворилъ еси сіе: поелику ты дерзнулъ возстать противъ человѣка, образа моего и твоего повелителя; дерзнулъ клеветать предъ нимъ на Меня самого, и живыми обѣщаніями увлекъ его къ преступленію моей заповѣди: то *проклять ты отъ всѣхъ скотовъ и отъ всѣхъ звѣрей земныхъ*, мирное царство коихъ унижено и посрамлено тобою на вѣки. Хотя невольнo и одушевленный чуждою силою, но поелику ты взялся за то, что превыше тебя и представлялъ изъ себя въ одно и тоже время и клеветника и учителя: то отселѣ ты будешь послѣднимъ изъ существъ, движущихся по землѣ, и яко отребіемъ всего живущаго. У всѣхъ тварей отнимется часть совершенствъ, вслѣдствіе паденія общаго владыки вашего, но у тебя болѣе всѣхъ, такъ что самыя неразумныя животныя будутъ чуждаться тебя, какъ изверга: *проклять ты отъ всѣхъ скотовъ и отъ всѣхъ звѣрей земныхъ!*

Дѣйствительно, у всѣхъ прочихъ животныхъ есть между собою взаимныя сообщенія и связи, нѣчто похожее на любовь и дружбу: у одного змѣя нѣтъ ни съ кѣмъ подобнаго. Все живущее или преслѣдуетъ его, или бѣжитъ отъ него.

На персѣхъ твоихъ и чревѣ ходити будеши, и землю снѣси вся дни живота твоего—то есть: ты не поднимешь болѣе главы для льстивыхъ собесѣдованій и клеветъ на твоего Создателя: самый образъ движенія твоего покажетъ всѣмъ, что ты существо низринутое и отвергнутое. Не будешь болѣе предлагать въ пищу и плодовъ запрещенныхъ, самъ питаешься брѣніемъ и гниlostію.

Наказаніе сіе показываетъ, что змѣй въ первобытномъ состояніи имѣлъ нѣкоторыя качества, коихъ теперь нѣтъ въ немъ, —что онъ двигался и питался не такъ, какъ движется, или паче. пресмыкается и питается теперь.

И вражду положу между тобою и между женою, между сѣменемъ твоимъ и сѣменемъ той: той сокрушитъ твою главу, ты же блясти будеши его пату. То есть—если примемъ пока

слова сіи въ смыслѣ только буквально, — какъ бы такъ говорилъ змію Господь: вмѣсто неестественной близости, въ которую нагло вошелъ ты съ женою неопытною, отнынѣ — такъ сдѣлаю Я: начнется между человѣкомъ и тобою вѣчное взаимное отвращеніе и брань. Все рожденное отъ жены будетъ враждебно змію, и всякое порожденіе зминое будетъ враждебно для человѣка. Не имѣя возможности сдѣлать большаго зла, ты будешь блюсти за пятою человѣческою, чтобы ужалить ее; а человѣкъ будетъ сокрушать самую главу твою.

Всегдашній опытъ удивительнымъ образомъ подтверждаетъ все сіе, братіе мои. И всѣ твари вышли, болѣе или менѣе, изъ повиновенія падшему человѣку; нѣкоторыя сдѣлались даже опасны для него, по своей силѣ и ярости; но ни къ какому животному нѣтъ у человѣка такого естественнаго и непреодолимаго отвращенія, какъ къ змію; одинъ видъ его уже возбуждаетъ отвращеніе и страхъ: змій противенъ даже на картинѣ. Все это тѣмъ примѣчательнѣе, что есть не мало змѣй, вовсе не ядовитыхъ; есть змѣи, отличающіяся красотою своего вида и своимъ убранствомъ. Съ другой стороны, и змій ни отъ кого такъ не бѣжитъ, какъ отъ человѣка, хотя бы и не былъ преслѣдуемъ. Особенно змій, какъ еще примѣчено древними, боится человѣка нагаго, какъ бы памятуя первобытное состояніе наше въ раю.

Такъ наказанъ змій! — наказанъ и змій чувственный потому, что былъ орудіемъ, хотя невольнымъ, нашей гибели, наказанъ для того, чтобы служить отселѣ для всѣхъ видимымъ символомъ гнѣва Божія за лукавство и гордость. Любовь Отца небеснаго поступила въ семъ случаѣ по обычаю отцевъ земныхъ, кои, въ избыткѣ горести, проклинають и преломляютъ тотъ мечъ или ножъ, коимъ отнята жизнь у ихъ любимаго сына.

Но мы сказали, что въ наказаніи змія чувственнаго заключались судъ и казнь змія духовнаго — діавола. Какимъ образомъ? Тѣмъ, что подъ каждымъ словомъ, изрекаемымъ на змія, содержится острая и неотразимая стрѣла противъ діавола.

Змій видимый низводится на послѣднюю степень въ ряду живыхъ тварей, дѣлается предметомъ всеобщаго отвращенія и проклятія: змій духовный, — діаволъ, вслѣдствіе настоящаго — новаго преступленія его въ Эдемѣ, низвергнется теперь еще глубже, нежели какъ упалъ, низринутый нѣкогда съ неба. Проклятіе всѣхъ новопроеизведенныхъ и подчиненныхъ человѣку тварей, обременивъ ихъ на время, все наконецъ, со всего искупленнаго вмѣстѣ съ человѣкомъ міра, перейдетъ на его главу, вслѣдствіе чего онъ,

яко зло болѣе нетерпимое, извергнуть будетъ изъ свѣтлаго сонма облаженствованныхъ тварей Божиихъ, вонъ — въ *озеро егненное* (Апок. 19, 20).

Змію видимому суждено пресмыкаться по землѣ и питаться брѣніемъ: зміи духовный долженъ отселѣ пресмыкаться въ преисподней, питаться грѣхами и тлѣніемъ человѣческимъ, — питаться и не насыщаться, поглощать повидимому на время — устами смерти — нѣкія жертвы, но съ тѣмъ, чтобы въ день воскресенія паки возвратитъ все поглощенное великому Побѣдителю смерти и ада.

Глава змія видимаго осуждена быть цѣлю ударовъ чувственныхъ; глава змія невидимаго поставлена въ цѣль ударовъ духовныхъ. Діаволь мнилъ чрезъ грѣхъ сроднить съ собою навсегда весь родъ человѣческій, и такимъ образомъ поработить его своему темному владычеству; но вмѣсто покорства срѣтитъ жестокую брань со стороны человѣка. Отъ сѣмени тойже жены, которую обольстилъ онъ, непрерывною чредою будутъ возставать дивныя ратоборцы на его пораженіе. Авель поразитъ его невинностію и чистотою. Энохъ — постояннымъ хожденіемъ предъ Богомъ, Ной — упованіемъ, Авраамъ — вѣрою, Моисей — кротостію и смиреніемъ, Давидъ — необыкновеннымъ покаяніемъ, Іеремія — слезами, Креститель — постомъ и уединеніемъ. Наконецъ явится обѣтованное *Сѣмя жены*, явится второй Адамъ, Господь съ небесе, и родившись именно отъ одной только жены, безъ мужа, всеконечно сокрушитъ самую главу адскаго змія крестомъ, разрушивъ державу грѣха и смерти, которую мнилъ онъ основать на паденіи человѣка.

Уразумѣлъ ли все это врагъ нашъ?... Понялъ ли всю силу и лютость казни, его ожидающей? Едва ли... иначе не явился бы съ такою наглостію для искушенія втораго Адама въ пустынь Іорданской. Слишкомъ много событій надлежало провидѣть, дабы уразумѣть вполнѣ, что изрекалось теперь; и главнѣе всего надлежало предвидѣть то, что, какъ чудо любви божественной, выходило изъ всѣхъ предѣловъ вѣроятія, то есть, чтобы милосердіе Божіе къ падшему человѣку простерлось до того, что самъ Единородный Сынъ Божій, оставивъ славу, *юже имѣлъ у Отца прежде міръ не бысть* (Іоан. 17, 5), явится на землѣ во образѣ человѣка, соединитъ свою судьбу съ нашею судьбою, приметъ на Себя не только плоть, но и грѣхи наши, вознесетъ ихъ съ Собою на крестъ, претерпитъ смерть и сойдетъ въ самый адъ, дабы такимъ образомъ, *возлавивъ собою вселенскія* (Еф. 1, 10) содѣлаться владыкою не только жизни, но и смерти, самаго ада.

Могъ ли, ослабленный гордостію и злобою, Денница вмѣстить въ своемъ умѣ мысль о такомъ чудѣ любви и смиренія?

Тѣмъ труднѣе было нашимъ прародителямъ войти разумніемъ тогда же во всю глубину суда и казни надъ змѣемъ. Но въ этомъ, на первый разъ, не было и нужды. Произнесенное въ слухъ ихъ наказаніе коварнаго обольстителя ихъ, хотя бы съ начала и непонятное ими вполне, — особенно съ таинственной его стороны, — тѣмъ не менѣе достигало въ отношеніи къ нимъ своей цѣли. Предваряя собою ихъ собственное наказаніе, оно должноствовало служить имъ въ ободреніе, показуя, что Господь дорожитъ ими и послѣ ихъ паденія, и все еще продолжаетъ взирать на нихъ, яко на свою собственность. Полагаемая самимъ Богомъ вражда между человѣкомъ и искусителемъ давала знать прародителямъ нашимъ, что они не преданы въ беззащитную жертву злой и враждебной силѣ, низринувшей ихъ съ высоты невинности и богоподобія, что, несмотря на постигшее ихъ бѣдствіе, у нихъ осталась возможность возстать отъ своего паденія, стать противу врага, сразиться съ нимъ и побѣдить его, заема для сего и силу и средства отъ Того, Кто является теперь не только Судіею ихъ, но и Отмстителемъ за нихъ. Впослѣдствіи, когда очи прародителей очистятся болѣе слезами покаянія и просвѣтлѣютъ вѣрою и упованіемъ, безъ сомнѣнія, открыто будетъ имъ и болѣе, какъ о благословенномъ Сѣмени жены, такъ и о тлѣтворномъ сѣмени змія; яснѣе укажется, кто врагъ ихъ и кто Искупитель, чѣмъ побѣждать перваго и какъ соединяться съ послѣднимъ. Но это не касается уже настоящаго предмета нашего: намъ должно теперь обратить вниманіе на другое.

Итакъ у всѣхъ насъ есть врагъ, ужасный, непримиримый, который коварствомъ своимъ погубилъ насъ въ Эдемѣ, и теперь непрестанно употребляетъ всѣ средства, чтобы никто изъ насъ не возсталъ отъ сего паденія, а, слѣдуя его внушеніямъ, продолжалъ низвергаться все глубже—въ пропасть адскую. У всѣхъ насъ есть и всемогущій Искупитель, который спасъ насъ отъ смерти вѣчной еще въ Эдемѣ, и тогда же, по безпримѣрному милосердію своему, принявъ на Себя изгладить всѣ слѣды паденія и возвратитъ намъ съ лихвою наше первобытное совершенство.

Далѣе — ни Искупитель, ни искушитель нашъ не могутъ дѣйствовать на насъ безъ насъ: первый, не смотря на свое всемогущество, не можетъ преставить насъ въ рай, если мы будемъ

противиться тому; послѣдній, не смотря на всю злобу и хитрость его, не въ состояніи увлечь насъ во адъ, если мы не будемъ содѣйствовать тому. Отъ насъ самихъ посему зависитъ благополучный или злополучный исходъ борьбы, за насъ ведомой; перейти на небо или во адъ, можно сказать, въ нашей волѣ. Итакъ, что же мы дѣлаемъ? кому помогаемъ? на чьей сторонѣ остаемся?...

Увы, у насъ множество споровъ, распрей и браней; а о великой брани между сѣменемъ жены и сѣменемъ змія, то есть, между всѣми нами и общимъ врагомъ нашимъ, многіе изъ насъ почти не вѣдаютъ! Не вѣдаютъ, что этотъ лютой драконъ доселѣ непрестанно ходитъ по всему міру съ темными клеветами своими, *искій кого поглотити* (1 Пет. 5, 8). Откуда это пагубное невѣдѣніе? Отъ собственнаго небреженія. Ибо Евангеліе непрестанно возглашаетъ о сей важной для всѣхъ насъ истинѣ. — Другимъ она извѣстна, но обращается ими не на пользу, а во вредъ себѣ и другимъ. Они вѣдаютъ все, что Писаніе сказываетъ намъ о злобномъ врагѣ нашемъ, но не прилагаютъ вѣры сказуемому. Можете судить, какъ долженъ быть доволенъ врагъ нашъ и какъ радоваться, находя между людьми такое невѣріе въ самое бытіе свое!... Лучшаго положенія для себя не могъ пожелать онъ самъ. Ибо, представляя его несуществующимъ, потому самому нисколько не страшатся его и не берутъ мѣръ противу козней его; а такимъ образомъ даютъ ему возможность дѣйствовать надъ собою, какъ ему угодно. Это воины, отдающіеся въ плѣнъ безъ сраженія! И дѣйствительно, посмотрите на тѣхъ людей, для коихъ духъ злобы не существуетъ! Для нихъ не существуетъ и Искупитель. Ибо для чего искать вождя, когда нѣтъ брани? Для нихъ нѣтъ и заповѣди съ запрещеннымъ деревомъ: все позволено!

Блудитесь, братіе мои, подобныхъ лжеумствователей, мудрыхъ токмо на злое, — на свою и чужую гибель: закрывайте слухъ отъ ихъ душегубныхъ бесѣдъ и возраженій, дабы не пострадать подобно прародительницѣ нашей. Памятуйте непрестанно, что у всѣхъ насъ брань не съ плотію токмо и кровію, не съ соблазнами токмо міра видимаго, а и съ духами злобы поднебесными (Еф. 17, 12), и памятуя о семъ, никогда не слагайте съ себя того святаго всеоружія, коимъ слово Божіе облачаетъ христіанина на сраженіе съ врагомъ нашего спасенія. То есть, какъ говоритъ Апостолъ Христовъ, *станите препоясани чресла ваша истиною, и оболкшися въ брѣя правды, и обувше*

нозѣ во уготованіе *благовѣствованія* *мира*. Надѣ всѣмъ же восприимше щитъ вѣры, въ немъ же возможете вся стрѣлы лукаваго разжennыя угасити: и шлемъ спасенія восприимите, и печъ духовный, иже есть глаголъ Божій; всякою молитвою и поленіемъ молящеся на всякое время духомъ (Еф. 6, 14—18). Аминь.

БЕСѢДА

ВЪ СРЕДУ 5-Й ПОДЪЯНЪ РОДИНАГО ПОСТА.

И женѣ рече: умножая умножу печали твоя и въздыханія твоя: въ болѣзняхъ родиши чада: и къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ (Быт. 3, 16).

Ѣмъ болѣе размышляемъ мы, братіе мои, о сказаніи Моисеевомъ касательно паденія прародителей нашихъ, тѣмъ сильнѣе убѣждаемся, что въ семъ токмо святомъ сказаніи, не смотря на краткость его, содержитсяъ ключъ къ разрѣшенію всѣхъ недоумѣній касательно настоящаго бытія нашего на землѣ, къ поясненію нынѣшняго состоянія самой природы, насъ окружающей. Ибо вообразимъ на время, что у насъ нѣтъ подобнаго сказанія; тогда мы не будемъ знать, какъ произошелъ міръ и человѣкъ, что было потомъ съ нашими прародителями, какъ они пали и увлекли за собою въ бездну зла все, что отъ нихъ зависѣло или имѣло зависѣть въ будущемъ: а безъ сего нельзя сказать совершенно удовлетворительно ни слова о настоящей судьбѣ рода человеческого и всего, что окружаетъ насъ: откуда, напр. тѣ бѣдствія, коими всѣ мы окружены съ младенчества до гроба, и для чего они? Откуда разстройство и безпорядокъ въ природѣ, насъ окружающей, которая съ одной стороны является такъ прекрасною, а съ другой представляетъ видъ поля послѣ великаго сраженія? Но когда воспоминаешь объ Эдемѣ и плодѣ запрещенномъ, о змѣѣ-искусителѣ и пагубной силѣ, о смоковничномъ препоясаніи и грозномъ, но столь же милосердномъ судѣ Божіемъ

то мракъ, покрывающій судьбу земли и человѣка, разсѣвается; узнаемъ, откуда зло въ мірѣ, за что и для чего страдаетъ все живущее; и, вмѣсто ропота и отчаянія, одушевляемся святымъ терпѣніемъ и надеждою на Провидѣніе. И были лжемудрецы, кои, отвергая сказаніе Моисея о первобытномъ человѣкѣ и его паденіи, думали еще показать этимъ свою мудрость! Что же возмogli дать они въ замѣнъ свитка Моисеева? Нелѣпыя мечты разстресненнаго воображенія, кои могли казаться стоящими вниманія только ихъ суемудрымъ изобрѣтателямъ. Но честь и благодарность здравой наукѣ, которая, углубившись въ изслѣдованіе природы, не замедлила сама стать противъ лжеименной мудрости и показать всему свѣту, что бытописаніе Моисея превышаетъ всякаго сомнѣнія, потому что написано не на одной хартии, а начертано неизгладимыми буквами на лицѣ всей земли. Пожалѣвъ о семъ печальномъ и уже почти прошедшемъ явленіи, пойдемъ паки съ благоговѣніемъ за боговдохновеннымъ вождемъ нашимъ и выслушаемъ изъ устъ его, какъ, во слѣдъ за змѣемъ-искусителемъ, судъ Божій коснулся и насъ, кои такъ легкомысленно приложили слухъ къ его обаянію.

И женѣ рече: умножая умножу печали твоя: въ болѣзняхъ родиши чада: и къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ. Допросъ начать былъ съ мужа, а наказаніе начинается съ жены. Почему такъ? Потому конечно, что жена, какъ мы видѣли, первая открыла слухъ и сердце свои искустителю, и она же сдѣлалась почти единственною причиною паденія для своего мужа. Да не забываютъ сего жены, кто бы онѣ ни были и какъ бы высоко ни стояли, и да прилагаютъ попеченіе о томъ, чтобы скромностію, смиреніемъ и послушаніемъ мужу вознаградить свое первобытное легкомысліе и кичливость!

Умножая умножу печали твоя и воздыханія твоя. Онѣ будутъ, какъ бы такъ сказано, у тебя и сами по себѣ (ибо какъ не печалиться и не воздыхать той, которая легкомысліемъ и дерзостію своею подвергла столькимъ бѣдствіямъ и себя, и мужа, и весь родъ человѣческій?); но кромѣ сего явится у тебя множество еще такихъ скорбей и воздыханій, отъ коихъ мужъ твой будетъ свободенъ, отъ коихъ и ты, хотя и преступница заповѣди, была бы свободна, если бы не показала себя въ дѣлѣ общаго преступленія такъ самонадѣянною и особенно усердною къ общей гибели. Поелику такое, удвоенное, обузданіе необходимо для твоей непомѣрной наклонности къ чувственному: то наложу его Я самъ; и поелику наложу Я, то никто не

въ состояніи будетъ снять его съ тебя. Чѣмъ бы ты ни была, какъ бы высоко ни стояла, печали и воздыханія всюду будутъ слѣдовать за тобою: *умножая умножу печали и воздыханія твоя!*

Послѣ сего какъ бы введенія, изображается уже самое наказаніе жены, состоящее изъ двухъ видовъ: она осуждается, во-первыхъ, на болѣзни рожденія, во вторыхъ на подчиненіе своему мужу. Разсмотримъ каждое наказаніе порознь: ибо въ томъ и другомъ найдемъ урокъ для нашего назиданія.

Въ болѣзняхъ родиши чада. Значить, до преступленія заповѣди, въ состояніи невинности, чада раждались бы безъ болѣзни. Такъ и должно быть. Ибо прилично ли столь великому и священному дѣйствию, каково произведеніе на свѣтѣ человѣка, сопряжену быть съ болѣзнями и страданіемъ? Только одинъ грѣхъ, ставъ на срединѣ, могъ произвести сіе, заставивъ явиться скорбь и болѣзнь тамъ, гдѣ бы надлежало быть одной чистой радости и святому веселію. Посему животныя и донинѣ свободны отъ большей части мукъ чадорожденія, какъ бы въ показаніе того, что если человѣкъ столько подлежитъ имъ, то не по необходимому закону природы, а по особенному распоряженію о немъ Промысла Божія. И поелику въ семъ случаѣ дѣйствовало само правосудіе Божіе, то не безъ мудраго конечно намѣренія обратило въ наказаніе женѣ то самое, что, въ состояніи невинности, имѣло сопровождаться однимъ чистымъ удовольствіемъ. Ибо Господь всеблагій, если наказуетъ кого либо, то наказуетъ всегда такъ, чтобы наказуемый самымъ наказаніемъ отводился отъ какого либо зла и приводился къ какому либо добру. Въ настоящемъ случаѣ, когда опредѣлялась судьба не одной Евы, а въ лицѣ ея и всѣхъ будущихъ дочерей человѣческихъ, цѣлой половины всего рода человѣческаго, тѣмъ паче имѣлось въ виду не мщеніе какое либо и не желаніе поразить какъ можно чувствительнѣе и преогорчить самую болющую радость въ жизни, а благо самѣй жены.

Какое же благо, спросить кто либо? То, чтобы удержать на будущее время жену отъ поползновенія къ грѣху. При запрещенномъ дравѣ, Ева, какъ мы видѣли, обнаружила крайнюю склонность свою прельщаться внѣшнимъ видомъ и увлечься наслажденіемъ чувственнымъ. Если при взорѣ на красивое древо и сладкій плодъ она такъ потерялась и погибла; то что будетъ съ нею при встрѣчѣ съ красотою одушевленною? И вотъ, въ ограду ея цѣломудрія, безъ коего жена есть *яко сосудъ погубленъ,*

ставятся безсмѣнные, неумолимые и неподкупные стражи — болѣзни чадорожденія, да, увлекаемая страстію, она будетъ удерживаема представлениемъ продолжительности бремяношенія и мукъ рожденія, кои ожидаютъ ее за минутное услажденіе плоти. Вмѣстѣ съ симъ, посредствомъ этого же самаго наказанія жены, будетъ достигнута у Промысла и другая, не менѣ важная цѣль въ отношеніи ко всему роду человѣческому, та цѣль, чтобы связать тѣснѣйшимъ союзомъ любви раждающихъ съ рожденными отъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему матери гораздо приверженнѣе къ дѣтямъ, нежели отцы? Потому, что дѣти достались имъ гораздо дороже, нежели отцамъ.

Но съ другой стороны, что было причиною для насъ печалей и болѣзней, то обыкновенно становится послѣ того непріятнымъ и отвратительнымъ, такъ что мы не можемъ впослѣдствіи и смотрѣть равнодушно на преждебывшій источникъ скорбей нашихъ. Посему можно было опасаться, что и въ семъ случаѣ умноженіе для жены болѣзней, во время ея чревоношенія и рожденія, произведетъ нѣчто подобное, и заставитъ жену, пожалуй, вовсе отвергнуть жизнь брачную, что было бы противно цѣлямъ самаго Промысла о размноженіи на землѣ рода человѣческаго. Что же дѣлаетъ премудрость Божія для удаленія сей противоположной крайности? Ничего болѣе, какъ соединяетъ конецъ чадорожденія съ такою чистою душевною радостію, что жена, какъ говоритъ самъ Спаситель, не помнитъ уже въ то время прежней скорби своей — за радость, *яко родился чловѣкъ въ міръ* (Іоан. 12, 21). Такъ умѣетъ Промыслъ достигать своихъ премудрыхъ и всеблагихъ цѣлей!

Съ намѣреніемъ, братіе мои, медлимъ мы на семъ предметѣ и входимъ въ такія подробности, дабы дать женамъ случай вникнуть болѣе въ опредѣленіе Божіе о нихъ и почерпнуть изъ него для себя и назиданіе и утѣшеніе. Велики скорби жены! Дорого стоитъ ей младенецъ, коего лелѣетъ она у груди своей! Стократъ дороже, нежели его отцу и ея мужу! Но это не слѣпой какой либо случай судьбы, а премудрое и всесвятое опредѣленіе Божіе. Посему-то никакая изъ женъ не свободна отъ болѣзней рожденія. Въ чертогахъ великолѣпныхъ страдаютъ такъ же, какъ и въ послѣдней хижинѣ. Жены высшаго званія и сана подлежатъ нерѣдко даже большимъ опасностямъ и мукамъ при чадорожденіи, нежели жены простыхъ людей; и это потому, что слишкомъ искусственнымъ образомъ жизни своей онѣ слишкомъ далеко уклоняются отъ простыхъ законовъ при-

роды, а нравами своими—отъ чистоты душевной, и такимъ образомъ сами для себя увеличиваютъ тяжесть наказанія Божія. Но какъ бы оно ни было тяжело, поелику отъ Бога, то всегда можетъ служить на пользу душевную, если только мы не испортимъ дѣла съ нашей стороны. Самая мысль, что онѣ страдаютъ по волѣ и непосредственному распоряженію Божію, должна служить великою отрадою для женъ дѣторождаящихъ. Ибо не напрасно св. Давидъ предпочиталъ нѣкогда впасть въ руки Божіи, нежели въ руки человѣческія. Среди болѣзней чадорожденія вы, жены, находитесь именно въ рукахъ Божіихъ; но, находясь въ рукахъ Божіихъ, не отвращайте взоровъ своихъ отъ лица Божія. Простирайте руки ваши не столько къ людямъ, слабымъ и часто немогущимъ подать вамъ никакой помощи, сколько къ Богу крѣпкому и живому. Если какая сила скорѣе можетъ восполнить немощь природы и разрѣшить узы плоти, то сила вѣры и молитвы, для коей нѣтъ ничего невозможнаго. А чтобы самая молитва ваша была дѣйствительнѣе и богопріятнѣе, растворяйте ее духомъ вѣры и покаянія. Страданіями нашей плоти Господь всегда хочетъ изгнать какой либо недугъ изъ нашего сердца и духа. Посему искреннее раскаяніе въ прошедшихъ грѣхахъ нашихъ и твердый обѣтъ вести себя впредь богобоязненно, кротко и смиренно—есть самый дѣйствительнѣйшій способъ преклонить правду Божію на милость, вмѣстѣ съ чѣмъ сократятся и всѣ страданія плоти. Посему нельзя довольно похвалить тѣхъ богобоязненныхъ женъ, кои, предъ наступленіемъ чадорожденія, совѣтуются не съ одними врачами тѣлесными, а готовятъ себя къ грозной минутѣ молитвою и таинствами св. Церкви. Это, можно сказать, необходимость для каждой жены въ такомъ положеніи: ибо кто можетъ поручиться, чтобы часъ дѣторожденія не обратился въ часъ смерти для рождающей? Какъ же не приготовиться къ такой опасности покаяніемъ и причащеніемъ св. Таинъ?

Но это все невольно наводитъ страхъ, хотя и спасительный. Не скроемъ же и того, что можетъ служить къ великому ободренію и утѣшенію для женъ, среди ихъ страданій во время родовъ. Что это такое? То, что болѣзни рожденія, когда онѣ переносятся въ духъ вѣры и покаянія, суть самое дѣйствительно средство къ изглаженію вольныхъ и невольныхъ грѣхопадений. На это намекать уже сама природа; ибо послѣ болѣзней рожденія всякій разъ очищается все тѣло жены. Но будетъ очищаться не одно тѣло, а и душа, коль скоро, страдая тѣломъ,

не будутъ забывать при семъ своей души. Сіе-то самое, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду апостолъ Павелъ, когда написалъ, что жена *спасется чадородія ради* (1 Тим. 2, 15). Надобно токмо родить чадо не по одной плоти, а и по духу, то есть рожденное не оставлять на произволъ судьбы, или на попеченіе наемныхъ приставниковъ, а воспитывать самимъ въ страхъ Божіемъ и повиновеніи уставамъ св. Церкви. Ибо и Апостолъ не сказалъ просто: *спасется чадородія ради* (иначе у которой было бы болѣе дѣтей, та была бы потому и спасеннѣе другихъ), а присовокупилъ: *еще пребудутъ въ вѣрѣ и любви, во святыни съ цѣлоудріемъ* (1 Тим. 2, 15). И въ другомъ мѣстѣ, похваляя вдовицу, похваляетъ не просто, а съ условіемъ: *еще чада воспитала есть, еще скорбнымъ утѣшеніе бысть, еще всякому дѣлу благу послѣдовала есть* (1 Тим. 5, 10). При такомъ только нравѣ и такомъ поведеніи женъ обращается имъ во спасеніе и дѣло ихъ чадорожденія, яко весьма трудное и болѣзненное, но въ то же время необходимое для рода человѣческаго. Ибо, жена, скажемъ и это въ утѣшеніе страждущихъ, заступаетъ въ семъ случаѣ мѣсто какъ бы самого Творца, раждая изъ себя человѣка, который въ первый разъ произведенъ былъ непосредственно самимъ Богомъ.

Видите теперь, каково наказаніе Божіе? Видите, какъ въ немъ открытъ случай для женъ къ великой заслугѣ, къ достиженію самаго спасенія вѣчнаго? Что можетъ быть важнѣе для насъ сего послѣдняго? Итакъ будемъ послушны и терпѣливы: терпѣніе и вѣра награждаются, въ семъ случаѣ, еще здѣсь на землѣ. Ибо, если отецъ и мать въ отношеніи къ дѣтямъ своимъ будутъ воодушевлены такимъ духомъ, какого требуетъ Евангеліе; то ихъ домъ будетъ не хуже рая, сдѣлается даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, лучше его; ибо въ рай прародители наши вошли невинные, а вышли изъ него грѣшниками, и распространили своимъ грѣхомъ клятву по всей землѣ, а въ такомъ домѣ будетъ напротивъ: въ него, путемъ рожденія, будутъ входить грѣшники (ибо *рожденное отъ плоти плоть есть*, Іоан. 3, 6), а изъ него, путемъ христіанскаго воспитанія, будутъ исходить праведники, и гдѣ ни будутъ жить, всюду станутъ распространять вокругъ себя миръ и благословеніе.

Второй видъ наказанія, возложеннаго на жену за преступленіе заповѣди—взять изъ ея отношенія къ мужу: *и къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ*. Ты, какъ бы такъ говоритъ Господь, почтена была отъ Меня равною

съ мужемъ честію; подобно ему украшена образомъ моимъ; подобно ему поставлена владычицею рая; и хотя пришла позже его на свѣтъ, но получила тоже самое, даже удостоилась произойти не изъ земли, какъ онъ, а изъ ребра его: довольно бы для тебя сей чести, довольно бы того, что предоставляла тебѣ собственная его любовь къ тебѣ. Но ты не удовольствовалась всѣмъ симъ и взяла на себя большее, тебѣ не принадлежащее: безъ его согласія вступила въ бесѣду и пріязнь съ змѣемъ; безъ его одобренія вкусила отъ плода запрещеннаго и не только сама нарушила заповѣдь, но подала къ тому же поводъ и мужу и увлекла его въ пропасть. Этого противозаконнаго господства твоего надъ супругомъ твоимъ не будетъ болѣе. За присвоеніе того, что не принадлежало тебѣ, ты потеряешь большую часть и того, чѣмъ обладала по праву. Въ тебѣ останется прежняя привязанность къ супругу: *къ мужу твоему обращеніе твое*; но въ немъ не будетъ уже прежняго благоснисхожденія; при всѣхъ ласкахъ и нѣжности его, ты невольно будешь всегда видѣть въ немъ своего владыку: *и той тобою обладати будетъ*. Такъ обладати, что ты съ вздыханіемъ не разъ вспомнишь о прежнемъ между вами равенствѣ; будешь сознавать не рѣдко свое преимущество предъ нимъ, но и въ семъ случаѣ останешься въ зависимости не только отъ его ума и воли, отъ самыхъ прихотей; и сколько бы ни искала способа свергнуть тяжкое иго, никогда не найдешь его въ той полнотѣ, какъ-бы хотѣлось: *и той тобою обладати будетъ*.

Какъ ни грозны слова сіи въ отношеніи женъ, но они нисколько однако же не уполномочиваютъ мужей на тиранство надъ своими женами, и не означаютъ того, чтобы послѣднія отдавались имъ въ совершенное подчиненіе и рабство. Нѣтъ, это было бы противно намѣренію Божию, равно какъ и благосостоянію рода человѣческаго. Ибо, что было бы за союзъ у мужа съ женою, если бы первый только всегда повелѣвалъ, а послѣдняя всегда только бы повиновалась? Тѣмъ паче, что было бы за семейство, если бы жена походила на невольницу? Гдѣ жена—раба, тамъ нѣтъ истинной любви и мира, а только страхъ и принужденіе. Посему-то мы не видимъ въ семействѣ допотопныхъ патриарховъ не только никакого рабства и такъ называемаго заключенія женъ, но и многоженства. И послѣ потопа жены праотцевъ пользуются еще не малое время своею свободою и вліяніемъ на дѣла домашнія. Хотя Сарра уважаетъ, напримѣръ, Авраама, *господитомъ того зовущи* (Пет. 3, 6), какъ замѣчаетъ Апо-

столь; но это господство Авраама состояло не въ величавости предъ женою и приказаніяхъ, а въ большей предъ нею мудрости. Уже впослѣдствіи, когда, съ усиленіемъ въ родѣ человѣческомъ грѣха и страстей и съ постепенно большею потерей чистоты нравовъ, мужья, вмѣсто закона взаимной любви къ женамъ, начали слѣдовать своему слѣпому произволу; тогда только жребій женъ, смягчаемый дотолѣ любовію мужнею, началъ тяжѣлѣть и преогорчеваться болѣе и болѣе, такъ что жена наконецъ изъ помощницы, хотя зависимой, но все еще близкой къ мужу даже и по правамъ своимъ, ниспала въ состояніе безотвѣтной рабы и невольницы и обратилась въ жалкое орудіе страстей. Какъ ни противозаконно и ни вредно для благосостоянія рода человѣческаго такое уничиженіе жены, но яко благопріятствующее страстямъ, оно, съ продолженіемъ времени, успѣло распространиться въ цѣломъ древнемъ мірѣ, возымѣло силу не только обычая, но и закона, отъ коего до сихъ поръ стеноютъ, какъ извѣстно, жены едва не у всѣхъ народовъ нехристіанскихъ.

И кто бы вывелъ женскій полъ изъ сего злосчастнаго состоянія, если бы не явилось на помощь Евангеліе Христово? Философія, по обычаю своему, не смѣла сказать о семъ ни одного слова. Только Евангеліе, своимъ ученіемъ о воздержаніи и свободѣ духовной, изгнало, вмѣстѣ съ многоженствомъ, уничиженіе женскаго пола, возвѣстивъ въ слухъ всѣхъ, яко о Христѣ Іисусѣ *нѣсть мужескъ полъ, ни женскій* (Гал. 3, 28), но вси едино и равны предъ Богомъ. Только Евангеліе внушило и поставило въ обязанность мужьямъ любить своихъ женъ, *якоже Христосъ возлюбилъ Церковь и Себе предаде за ню* (Ефес. 6, 25). Послѣ сего жена уже не могла быть рабою мужа, какъ бы онъ ни былъ высокъ и важенъ.

Не забывайте же сего, жены, и лобызая Евангеліе Христово, благодарите Виновника его не только за то, что Онъ крестомъ своимъ отверзъ вамъ, равно какъ и мужьямъ вашимъ, входъ въ рай потерянный и царство небесное, но и на землѣ снялъ съ васъ тѣ поносныя узы неволи и уничиженія, въ коихъ полъ вашъ стоналъ, безъ надежды, цѣлая тысящелѣтія. Аминь.

БЕСѢДА

ВЪ ПЯТОМЪ 5-И ПОДѢЛѢ ВОДИНАГО ПОСТА.

И Адаму рече (Богъ): яко послушалъ еси гласа жены твоея, и ялъ еси отъ древа, его же заповѣдахъ тебѣ сего единого не ясти, отъ него ялъ еси: проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ, въ печалѣхъ снѣси тую, вся дни живота твоего. Терніе и волчцы возрастутъ тебѣ, и снѣси траву сельную. Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой, дондеже возвратиши-ся въ землю, отъ нея же взятъ еси: яко земля еси, и въ землю отыдеши (Быт. 3, 17—19).

отъ и послѣдняя часть приговора, на насъ произнесеннаго! На насъ, говоримъ: ибо что изрекалось прародителямъ нашимъ, то падало на всѣхъ насъ; потому-что въ лицѣ ихъ заключался весь родъ человѣческій. Какъ благословеніе и блаженство, имѣвшія послѣдовать за сохраненіемъ заповѣди Божіей, достались бы каждому изъ насъ; такъ и наказаніе за нарушеніе заповѣди простерлось на всѣхъ и каждого. Это послѣднее для нѣкоторыхъ кажется несправедливымъ: но почему такъ кажется? Потому что не вникають въ связь вещей, не хотятъ видѣть, что весь родъ человѣческій, по самому существу своему, составляетъ единое цѣлое, и что онъ весь заключался въ своемъ прародителѣ. Повредите чѣмъ либо сѣмя дерева, и всѣ деревья, кои произойдутъ отъ сего сѣмени, будутъ отзываться порчею. Для того, чтобы возымѣть хорошее дерево, надобно уже вырастить его изъ другихъ сѣмянъ. Такъ и намъ, чтобы не участвовать въ грѣховной порчѣ, коей подверглась природа человѣческая

въ Адамѣ, надобно уже было бы произойти не отъ него, а отъ другого прародителя. Но кто же былъ бы этотъ другой прародитель? Такой же человѣкъ, какъ и Адамъ, только вновь сотворенный. И онъ, сообразно своему предназначенію, долженъ бы былъ подлежать, какъ и Адамъ, опыту и искушенію. Устоялъ же ли бы онъ такъ-же, какъ и настоящій прародитель нашъ? Намъ, конечно, можно воображать, что новый прародитель не нарушилъ бы заповѣди; но премудрость Божія, безъ сомнѣнія, ясно увидѣла, что было бы и съ симъ новымъ прародителемъ: и если не произвела его на свѣтъ, то это—вѣрный знакъ, что не увидѣла въ немъ мужества и крѣпости большей, нежели какая обнаружилась въ Адамѣ. Но обратимся отъ возможнаго къ тому, что было на самомъ дѣлѣ.

Наказаніе для жены взято, какъ мы видѣли, изъ ея предназначенія—раждать дѣтей и отношеній ея къ своему мужу; наказаніе мужу взимается теперь частію изъ круга его будущихъ дѣлъ и занятій: въ *потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой*, частію изъ самаго состава его тѣла: *земля еси и въ землю обратишися*; и все это предваряется указаніемъ на причину наказанія, дабы Адамъ тотчасъ видѣлъ, что съ нимъ, и преступникомъ, поступаютъ не по произволу, а по справедливости: *яко послушалъ еси и проч.*

Слова сіи явно противоположны собственнымъ словамъ Адама, коими думалъ онъ извинить грѣхъ свой предъ Богомъ. Адамъ говорилъ: *жена, юже Ты далъ еси, та ми даде и ядохъ*; правосудіе Божіе въ семъ самомъ обстоятельствѣ находитъ вину Адамову: *яко послушалъ еси гласа жены твоея* и предпочелъ его гласу Божію, котораго не надлежало мѣнять ни на что, тѣмъ паче на безразсудныя внушенія своей жены. *И отъ древа, отъ него же единаго заповѣдахъ не ясти, отъ сего ялъ еси*; то есть, не соблюлъ заповѣди самой легкой: ибо трудно ли было не вкушать отъ единаго древа, когда плоды всѣхъ прочихъ деревьевъ, безчисленныхъ и совершеннѣйшихъ, предоставлены были въ твое полное употребленіе? Поелику ты со всѣхъ сторонъ показалъ во всемъ этомъ явное невниманіе ко Мнѣ, твоему Творцу и Благодѣтелю, и обнаружилъ въ себѣ легкомысліе и неблагодарность, гордость и алчность, а вмѣстѣ съ симъ неспособность быть тѣмъ, къ чему Я тебя предназначилъ; то вотъ наказаніе твое: *проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ: въ печали съѣси тую вся дни живота твоего. Тернія и волцыи возраститъ тебѣ и съѣси траву сельную. Въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ*

твой, доидеже возвратишися въ землю, отъ нея же взять еси: яко земля еси и въ землю возвратишися.

Очевидно, что здѣсь сколько словъ, столько, можно сказать, разныхъ стрѣлъ и молній: но это молніи, какъ мы замѣтили прежде, полуугасиія, кои потеряли уже силу свою на главѣ змія. И какъ падаютъ онѣ теперь на прародителя нашего? Падаютъ какъ-бы мимоходомъ, то есть, не останавливаются на Адамѣ, а, коснувшись его, уходятъ потомъ, какъ это бываетъ и съ вещественною молніею, въ землю. *Проклята земля*, — не Адамъ проклятъ, а земля: разность величайшая, показывающая, что въ безднахъ любви и премудрости Божіей обрѣлось уже средство спасти отъ проклятiя самаго человѣка. Что касается до земли, то проклятiе ея не должно казаться несправедливостію, хотя земля, яко неодушевленная, и не участвовала въ преступленіи. Ибо ради кого получила она прежде благословеніе? Не сама по себѣ, ради своей какой-либо заслуги, а ради человѣка, своего обитателя и владыки. Ради его получила она благословеніе; ради его же теперь и лишается онаго. Примѣтите еще, какъ мудро ограничена сила проклятiя! Земля проклинается не сама въ себѣ, не въ сущности и основныхъ силахъ своихъ (тогда бы она сдѣлалась совершенно ни къ чему неспособною), а *дѣлѣхъ* человѣка, тою, то есть, стороною, которою она обращена къ человѣку и коею будетъ служить отселѣ къ поддержанію его краткаго бытія на ней. Такое проклятiе земли, или, что тоже, уменьшеніе и сокращеніе служебныхъ для человѣка силъ ея, было необходимо для самого человѣка. Ибо если бы земля осталась съ прежнимъ благословеніемъ, съ прежнимъ обиліемъ и роскошью своихъ произведеній; то какое обширное поле къ злоупотребленію даровъ ея представилось бы для гордости и алчности человѣческой! Человѣкъ-грѣшникъ, и безъ того наклонный къ чувственности, находя всюду безъ труда удовлетвореніе своихъ прихотей, погрязъ бы отъ ногъ до главы въ праздности, нѣгѣ и сладострастіи. И вотъ, земля лишается, такъ сказать, своего праздничнаго убранства, покрывается, вмѣсто его, рубищами; и приведенная такимъ образомъ въ уровень съ злополучнымъ состояніемъ человѣка, дѣлается такою, что, служа для необходимаго поддержанія его жизни, въ то-же время недостатками своими будетъ непрестанно напоминать ему о грѣхѣхъ его, ихъ произведшемъ, и такимъ образомъ препровождать его къ покаянію.

Что же именно, спросишь, послѣдовало съ землею, вслѣдствіе проклятiя? Послѣдовало истощеніе производительныхъ силъ,

откуда скудость и несовершенство всѣхъ произведеній земныхъ: послѣдовала даже какъ бы нѣкая враждебность къ человѣку земли, по которой она, не смотря на всѣ усилія человѣческія, начнетъ производить нерѣдко именно то, что ему противно, такъ что годы неурожая и глада отнынѣ какъ бы чредою будутъ приходить въ наказаніе человѣку: *терніе и волчцы возраститъ тебѣ!*

Тернія и волчцы эти, безъ сомнѣнія, не вновь творятся теперь; они были на землѣ и прежде: но были какъ малая часть въ великомъ цѣломъ, и служили потому не къ безобразію, а къ полнотѣ и совершенству цѣлаго, занимая малое и ненужное для прочаго мѣсто. Теперь, это терніе, эти плевелы усилятся до того, что не дадутъ собою расти необходимому и совершеннѣйшему. Прежде они росли тамъ, гдѣ были нужны; ибо есть живыя твари, коимъ они могутъ служить въ пищу или на другое употребленіе; теперь будутъ расти именно для человѣка, среди поля, воздѣланнаго его руками: *возраститъ тебѣ*. Ты посѣешь пшеницу, а вмѣсто ней явятся плевелы; посадишь розу, а изъ земли выйдетъ терніе: *тернія и волчцы возраститъ тебѣ!*

Итакъ, братіе мои, когда будете на полѣ, не смотрите хладнымъ и разсѣяннымъ взоромъ на бѣдную ниву земледѣльца: на ней изображенъ судъ всего рода человѣческаго! Когда увидите тощіе и рѣдкіе класы; когда замѣтите, что на нивѣ болѣе плевелъ, нежели жита или пшеницы: не ограничивайтесь однимъ сожалѣніемъ о потерянныхъ трудахъ земледѣльца, а перенеситесь мыслію къ тому времени, съ коего земля начала быть такъ, повидимому, неблагодарною къ трудамъ человѣческимъ. Увы, это не земли неблагодарность, а грозное велѣніе самого неба! Земля сама тяготится своимъ неплодіемъ, яко ей неестественнымъ, но не можетъ производить болѣе, сколько производить; потому что грѣхъ и проклятіе за него проникли нѣдра ея глубже всѣхъ дождей и ростъ, и изгубили плодотворную силу ея. Почему, если хотимъ, чтобы поля наши не оставляли безъ вознагражденія трудовъ нашихъ; то не будемъ ограничиваться удобреніемъ ихъ только вещественнымъ, а постараемся усердною молитвою и чистотою рукъ нашихъ низвести на нихъ первѣе всего благословіе Божіе.

Снѣси траву сельную—будешь, то есть, по нуждѣ, употреблять въ пищу то, что предназначено было точію для безсловесныхъ: ибо въ плодахъ древесныхъ, коими прежде питался ты, уже окажется недостатокъ.

Въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой: не взимая его, какъ было прежде, почти готовый, изъ рукъ природы, а доставая трудами изнурительными, собирая по прошествіи зимы и весны то, что посѣяно еще было осенью—въ прошедшемъ году, а нерѣдко предоставляя собрать дѣтямъ и даже чуждымъ то, что посѣялъ самъ.

Этого пота и этого труда, на кои осужденъ прародитель нашъ, избавились, повидимому, нѣкоторые изъ насъ, нашедъ возможность жить въ совершенной праздности и питаться чужими трудами. Но много ли въ сравненіи съ цѣлымъ родомъ человѣческимъ такихъ людей? И дѣйствительно ли счастливы они тѣмъ, что избѣгли, повидимому, наказанія Божія? Увы, жить въ праздности и питаться чужимъ трудомъ, когда онъ орошенъ потомъ, а можетъ быть и слезами, собратій нашихъ, это для того, кто не погубилъ души и сердца, еще большая тягость и наказаніе, нежели трудиться самому!—Если нѣкоторые не чувствуютъ сего, то это самое нечувствіе обнаруживаетъ, что въ нихъ нѣтъ уже первобытнаго достоинства природы человѣческой. И думаете ли, что этотъ непримѣтный для многихъ, но самъ по себѣ крайне жалкій недостатокъ не влечетъ за собою наказанія, ему свойственнаго? Нѣтъ, безжалостные къ другимъ, бываютъ, сами того не замѣчая, еще безжалостнѣе къ самимъ себѣ; среди праздности, нѣги и роскоши они наказуются въ разныхъ видахъ и губятъ сами себя. Чѣмъ? тѣмъ, что дѣлаются игралищемъ собственныхъ безумныхъ страстей.

Взглянемъ теперь на послѣднюю часть наказанія Адамова: *дондеже возвратишися въ землю, отъ нея же взять еси: яко земля еси, и въ землю возвратишися.* Человѣкъ и въ состояніи невинности былъ землею, но сія земля, проникнута была благодатнымъ присутствіемъ въ человѣкѣ Духа Божія, закрыта и ограждена отъ всего враждебнаго и разрушительнаго образомъ Божіимъ: теперь, съ потерей сего образа, съ удаленіемъ божественнаго Духа силы и жизни, человѣкъ упадетъ подъ власть стихій, подчиняется наряду съ неодушевленнымъ веществомъ неумолимому закону тяжести земной, за коей не замедлятъ послѣдовать слабость тѣла, болѣзни и разрушеніе.

Вотъ, значитъ, гдѣ начало нашей смерти, братіе мои, — въ грѣхѣ! Дсколъ не было въ мірѣ грѣха, дотолѣ не было и смерти. Послику же и грѣхъ вошелъ къ намъ, такъ сказать, не самъ, а ввергнуть діаволомъ; то первоначальный виновникъ смерти, какъ и всѣхъ золь въ мірѣ, есть діаволъ. *Завистию діавола, го-*

порить Писаніе, *смерть въ мірѣ вииде* (Прем. II, 24). Посему-то онъ и называется у ап. Павла *илушимъ державу смерти* (Евр. II, 14). Замѣчаемъ все это предъ вами для того, что между мудрыми нѣка сего есть нѣкоторые какъ бы любители смерти, кои въ ослѣпленіи своего ума, отвергнувъ святое иго вѣры, думаютъ и проповѣдуютъ, что смерть человѣческая не есть наказаніе какое-либо, а дѣло природы, что тѣло наше, по необходимости, подлежало рано или поздно разрушенію. Такіе люди, очевидно, обманываются взглядомъ на нынѣшнее тѣло наше. Въ настоящемъ состояніи оно точно таково, что не можетъ, съ продолженіемъ извѣстнаго времени, не слабѣть и не подлежать смерти; но это состояніе не первобытное: тѣло наше было далеко не таково, какъ нынѣ, потому и не подлежало смерти. Сію-то самую, столь простую и несомнѣнную истину забываютъ мнимые умники, и твердятъ о неизбѣжности для человѣка смерти; забываютъ и благость Божию: ибо если смерть не отъ грѣха, а отъ природы, то она отъ Бога. Но могъ ли Богъ сотворить смерть? Это совершенно недостойно ни Его величія, ни Его благости. И человѣкъ добрый, если бы на него возможено было сотворить міръ, то не создалъ бы смерти. Ибо смерть, сама по себѣ, есть зло, и при томъ великое. Посему-то между людьми смертію наказываютъ только за самыя нестерпимыя грѣхи и преступленія. Возможно ли же, чтобы такому наказанію, безъ всякой вины, подвергнуть былъ весь родъ человѣческій?

Но что наши злополучные прародители? Отвѣтствуютъ ли чѣмъ либо на судъ и наказаніе Божіе, ихъ теперь постигающее? Нѣтъ, они пріемлютъ то и другое молча и безотвѣтно; не только не слышно новыхъ извиненій, но и никакихъ просьбъ о прощеніи, или уменьшеніи казни. Откуда вдругъ такое неожиданное безмолвіе и преданность? Отъ того, безъ сомнѣнія, что въ самомъ лицѣ и гласѣ Божіемъ уже выражалась совершенная непреложность того, что было изрекаемо. Съ другой стороны, пробудившаяся совѣсть давала знать прародителямъ, что судьба ихъ, послѣ нарушенія заповѣди Божіей, не можетъ оставаться въ прежнемъ видѣ, что грѣхъ и преступленіе непременно должны быть наказаны, и что благодушное принятіе и перенесеніе сего наказанія есть наилучшее средство къ тому, чтобы заслужить милость и возвратить себѣ любовь Божию.

Падемъ убо, братіе мои, и мы въ духѣ предъ Судією и Господомъ нашимъ и, оставивъ всѣ вопросы и размышленія, скажемъ въ простотѣ ума и сердца съ Давидомъ: *праведенъ еси*

Господи, и прави суды Твои! яже навелъ еси на насъ, судомъ и правдою навелъ еси, да потомъ и слезами, терніемъ и волчцами, исцѣлимся отъ пагубной склонности къ ядовитой сласти грѣха. Подаждь убо всѣмъ намъ, о Всеблагій, духа вѣры и терпѣнія, духа крѣпости и упованія, да благодушно будемъ нести то, что возложила на насъ не столько наказующая, сколько самымъ наказаніемъ врачующая десница Твоя! Аминь.

СЛОВО

ВЪ СУББОТУ 5-Ю ПОДЪЯВЪ ВОДННАГО ПОСТА

или

ПОХВАЛЬНУЮ.

Соглася древній Адамъ, и Богъ возжелѣвъ быти, не бысть: человекъ бываетъ Богъ, да Бога Адама создѣаетъ.

Высокое богословіе заключается въ словахъ сихъ, братіе мои, богословіе и созерцательное и дѣятельное, успокоительное и всерадостное для тѣхъ, кои соображаютъ съ нимъ вѣру, дѣла и жизнь свою,—грозное и всеобличительное для тѣхъ, кои небрегутъ о немъ. Послѣдуя гласу Церкви, мы тѣмъ охотнѣе предаемся нынѣ всей глубинѣ сего богословія, что видимъ въ этомъ средство, не прерывая нисколько собесѣдованій о предметѣ, насъ съ вами занимающемъ, воздать подобающую честь настоящему празднеству въ честь преблагословенныя Дѣвы Маріи. Ибо, вникая въ смыслъ сего высокаго пѣснопѣнія церковнаго, мы паки срѣтисся съ прародителями нашими въ Эдемѣ; а между тѣмъ восхвалимъ великую Заступницу нашу, которая послужила взбранною Воеводою не грекамъ токмо на пораженіе скиѳовъ и срацынъ, а всему роду человѣческому, на низложеніе онаго древняго прегордаго Кагана, который, обольстивъ и поработивъ себѣ прародителей нашихъ въ Эдемѣ, мечталъ вѣчно удержатъ въ плѣну у себя весь родъ человѣческій.

Салгася, то есть, обманулся въ своемъ ожиданіи и намѣреніи, *дретій Адамъ*, и *Богъ возжелѣвъ быти, не бысть*.

Мы видѣли, откуда и какъ возникло въ Евѣ и Адамѣ безумное пожеланіе, быть *яко бози*. Причиною и поводомъ къ сему былъ змій искушитель, или паче, духъ злобы, дѣйствовавшій въ змѣѣ и клеветою на Бога и суетными обѣщаніями успѣвшій возбудить въ прародительницѣ нашей несбыточную надежду на мгновенное обоженіе своей природы. Видѣли далѣе, какъ Ева и Адамъ привели въ дѣйствіе свое преступное намѣреніе, и по совѣту змія, вкусили отъ плода запрещеннаго. Во всемъ этомъ былъ жестокой обманъ со стороны змія; ибо это несчастное вкушеніе, яко противное заповѣди Божіей, было для человѣка средствомъ не къ тому, чтобы сдѣлаться Богомъ, а прямо къ противоположному, то есть, чтобы потерять и ту часть богоподобія, которою Адамъ обладалъ уже, яко созданный по образу Божію. Горькій опытъ не замедлилъ, какъ мы видѣли, показать все это на дѣлѣ. Прародители тотчасъ почувствовали свою, невѣдомую имъ дотолѣ, наготу, стыдъ и страхъ; сдѣлались неспособными не только быть яко Богъ, но и сносить присутствіе Божіе, почему и сокрылись отъ лица Божія, въ среду древъ райскихъ. Когда же воззванные потомъ предъ судъ Божій, обличены во грѣхѣхъ, то подверглись осужденію: жена на болѣзни чадородія и сугубую покорность своему мужу, мужъ на потъ и труды надъ воздѣлываніемъ земли, оба—на возвращеніе въ землю, отъ нея же взяты. Не могло быть ошибки ужаснѣе, разоболѣщенія болѣе полнаго: *солгася древній Адамъ!*

Если бы дѣло осталось въ такомъ видѣ, то какое бы торжество для врага нашего, не только надъ нами, но и надъ самимъ Творцемъ нашимъ! Онъ достигъ, повидимому, всего: ибо, вотъ планъ и намѣренія Всемогущаго въ созданіи человѣка разстроены и превращены; земный образъ и намѣстникъ Его униженъ, поруганъ, ограбленъ и пораженъ смертію; земля и родъ человѣческій отселѣ—царство грѣха и страстей, слѣд. подвластное духу злобы. Побѣда полная! И какъ все это достигнуто скоро, легко, вѣрно, безвозвратно!

Мы говоримъ: и безвозвратно. Ибо средства къ возстановленію падшаго человѣка не представлялось никакого. Человѣкъ самъ—что бы онъ сдѣлалъ для сего? Тотъ, кто не устоялъ на высотѣ богоподобія, обладая всѣми силами, какъ бы могъ взойти обратно на сію святую высоту, разбившись отъ паденія и потерявъ силы?—Ангелы и духи чистые? Они могли сообщить нѣсколько

свѣта и теплоты помраченному и охладѣвшему къ добру чело-
вѣку, могли оказать ему нѣкую помощь въ извѣстныхъ случа-
яхъ; но поднять его изъ глубины грѣха, смерти и тлѣнія—это
было превыше и ихъ силъ. Для самого Божества казалось не-
возможнымъ оказать помощь падшему человѣку и спасти его
отъ гибели грѣховной. Ибо главное свойство грѣха въ томъ
и состоитъ, что онъ удаляетъ человѣка отъ Бога и Бога отъ
человѣка. Для поданія помощи нужна близость къ тому, кому
помогаютъ, и нѣкое соединеніе съ нимъ; а святость существа
Божія требовала не приближенія, а удаленія отъ нея человѣка,
яко грѣшника: *ибо кое общеніе свѣту ко тьмѣ* (2 Кор. 6, 14)
чистотѣ и святости къ беззаконію?

Все сіе, безъ сомнѣнія, ясно видѣлъ всезлобный врагъ нашъ;
видѣлъ—и радовался и торжествовалъ надъ нами. Но непродол-
жительно было торжество всегубителя! Въ неизслѣдимыхъ глу-
бинахъ премудрости Божіей отъ вѣкъ уже обрѣталось средство
не только возстановить человѣка падшаго, не только посрамить
діавола разрушеніемъ всѣхъ дѣлъ его, но сдѣлать гораздо болѣе:
именно обратить въ истину то самое, что искушитель, яко со-
вершенно несбыточное, обѣщалъ Адаму,—дабы солгался уже не
Адамъ, а врагъ нашъ. Онъ обѣщалъ, какъ мы видѣли, отъ вку-
шенія плодовъ запрещенныхъ совершенство божеское, вообра-
жая, безъ сомнѣнія, въ умѣ своемъ, что это рѣшительно не-
возможно. И вотъ, премудрость и любовь Божія положили эту
невозможность обратить въ дѣйствительность, то есть, возвысить
естество человѣческое не до обладанія только, какъ прежде бы-
ло, образомъ Божіимъ, чрезъ отраженіе въ себѣ нѣкоторыхъ со-
вершенствъ божественныхъ, а до нѣкакого дѣйствительнаго уча-
стія въ самомъ естествѣ божественномъ, да будемъ, какъ гово-
рить св. ап. Петръ, *божественнаго причастницы естества*
(2 Петр. 1, 4). Для достиженія такой чрезвычайной цѣли необ-
ходимо было и средство чрезвычайное. И дѣйствительно, для се-
го употреблено такое средство, которое не могло придти на
мысль самому многоочитому Серафиму: *человѣкъ Богъ бываетъ,
да Бога Адама содѣлаетъ.*

Извѣстно, братіе мои, какъ совершилась сія тайна, какъ прои-
зошло это чудо. Не смотря на омраченіе естества нашего грѣхомъ,
на униженіе его страстями, на нашу нечистоту, безобразіе, брэн-
ность и тлѣніе, Единородный Сынъ Божій, со всею полнотою
божественныхъ силъ, низшелъ до насъ падшихъ, принялъ на Себя
естество наше на всю вѣчность, содѣлался подобнымъ намъ че-

ловѣкомъ, усвоилъ Себѣ всѣ наши немощи, кромѣ грѣха, и, въ удовлетвореніе правдѣ Божіей, умеръ за насъ на крестѣ. Прими-
ривъ такимъ образомъ человѣка съ Богомъ, Онъ возвратилъ намъ
всѣ потерянные права, излилъ на родъ человѣческій всю полноту
божественныхъ силъ, открылъ каждому изъ насъ входъ на небо
и доставилъ возможность не приближаться токмо къ Богу, но и
соединяться съ Нимъ во единъ духъ. Такимъ-то образомъ Богъ
человѣкъ бываетъ, *да Бога Адама содѣлаетъ!*

Вмѣстѣ съ симъ чрезвычайнымъ дѣйствіемъ, по необходи-
мости должно было измѣниться въ судьбѣ нашей все и на-
всегда. Съ вочеловѣченіемъ Сына Божія, человѣчество—въ лицѣ
Его—явилось обоженнымъ и исполненнымъ всею силою Божества;
а по совершеніи дѣла искупленія, оно превознесено не только
превыше первобытнаго нашего совершенства въ Эдемѣ, а превыше
всякаго величія Ангеловъ и Архангеловъ, такъ что теперь Богъ и
человѣкъ во Христѣ—едино лице, божественное и препрославлен-
ное. Вотъ къ чему, самъ не зная, вопреки своей злобы, привелъ
человѣка искушитель! Онъ не потерпѣлъ видѣть природы нашей
въ раю; а теперь, какъ ни подниметъ очи на небо (если подни-
маетъ когда либо), всегда видитъ естество человѣческое, въ лицѣ
Искупителя нашего, сѣдующимъ *одесную престола величества на
высокихъ* (Евр. 1, 3).

Но не этотъ одинъ ударъ долженъ перенести врагъ нашъ,
хотя и его вполне достаточно для сокрушенія всей главы змѣиной.
Нѣтъ, Сынъ Божій содѣлался сыномъ человѣческимъ не для
того токмо, чтобы въ единомъ лицѣ своемъ обожить воспринятое
Имъ человѣчество, но чтобы чрезъ Себя и отъ Себя распростра-
нить—до извѣстной степени—это обоженіе на всѣхъ потомковъ
Адама, кои суть теперь единокровные, такъ сказать, братія Его.
Вслѣдствіе Его воплощенія и обоженія Имъ въ лицѣ своемъ
природы нашей, должно выйти столько же обоженныхъ людей,
сколько есть людей, совершенно облагодатствованныхъ, такъ что-
бы врагъ нашъ на кого потомъ ни воззрѣлъ изъ нихъ, въ каж-
домъ увидѣлъ бы величіе и славу Божества. *Богъ человѣкъ бываетъ,
да Бога Адама содѣлаетъ!*

Не вдругъ началось, не вдругъ можетъ и кончиться чудо столь
великое: ибо не вдругъ каждый изъ падшихъ сыновъ Адама мо-
жетъ быть возведенъ на сію высоту пребожественную. Потребно
множество разныхъ средствъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и времени,
чтобы природа человѣческая въ каждомъ изъ вѣрующихъ исцѣ-
лилась, очистилась, просвѣтилась, возмислилась и сдѣлалась способ-

ною къ тому, чтобы быть едино съ Богомъ. Но премудрость Искупителя нашего сдѣлала все, чтобы облегчить, сколько возможно, упрочить и обезопасить для каждаго этотъ восходъ на высоту уже не богоподобія токмо, а дѣйствительнаго обоженія естества чело-вѣческаго. И сколько уже потомковъ Адама, кои могутъ сказать о себѣ, по примѣру св. Павла: *живу не къ тому азъ, но живу въ нѣмъ Христосъ!* Сколько еще до конца міра явится душъ, кои возмогутъ сказать о себѣ тоже самое! Степень совершенства, достигаемаго истинно-вѣрующими, еще на землѣ, такъ велика, что самъ Господь благоволитъ ихъ именовать не людьми, а богами. Такъ о Моисеѣ прямо говорится: *и се азъ дахъ тя Бога фараону* (Исх. 7, 2). Посему сіи обоженные чело-вѣки и производятъ уже дѣла не чело-вѣческія, а, можно сказать, истинно-божескія: тотъ единымъ словомъ останавливаетъ солнце; сей раздѣляетъ жезломъ море; другой воскрешаетъ мертвыхъ. Но въ продолженіе сей жизни слава обоженія вѣрныхъ рабовъ Господнихъ, какъ нѣкогда слава Божія въ скиніи свидѣнія, все еще сокрывается подъ завѣсою кожаную, то есть, подъ грубою нашею плотію. Откроется же вся полнота сея славы и предъ всѣмъ міромъ въ послѣдній день, когда паки предстанетъ, или паче приведется на судъ съ нами врагъ нашъ. Тогда-то, по величественному выраженію Псалмопѣвца, *Богъ станетъ въ сонмѣ Боговъ; посредѣ же Боги разсудитъ* (Псал. 81, 1)! То есть, Божественный Искупитель нашъ, вступивъ въ полное соединеніе съ Богами (1 Кор. 6, 2)*), то есть чело-вѣками, Имъ искупленными и обоженными, вмѣстѣ съ ними произнесетъ судъ надъ діаволомъ и его клеветами. *Не встанете ли, пишетъ св. Павелъ, яко святіи міру судити илутъ?*

Къ такой неизреченной высотѣ предназначены всѣ мы, братіе мои, вслѣдствіе воплощенія для насъ Сына Божія! Если высота сія изумительна и даже неумовѣрна, по сравненію съ нашею бѣдностію и ничтожествомъ грѣховнымъ; то, съ другой стороны, она естественна и, можно сказать, необходима, по сравненію съ достоинствомъ и дѣяніями Божественнаго Искупителя нашего. Ибо какова причина, таково и дѣйствіе. Поелику же воплощеніе для насъ и смерть за насъ Сына Божія суть событія преестественныя и неизмѣримыя; то таковы же должны быть и слѣдствія сихъ событій. Коль скоро Богъ во плоти, то самая

*) Григорій Богословъ въ словѣ на Богоявленіе.

плоть—въ чистомъ видѣ ея—уже въ Богѣ: *человѣкъ Богъ бываетъ, да Бога Адама содѣлаетъ!*

Но кого, послѣ Божественнаго Искупителя нашего, должны мы болѣе всѣхъ благодарить за такую честь и достоинство, какъ не пресвятую Матерь Его, преблагословенную Дѣву Марію? Она, единая изъ всѣхъ дочерей Евы, столько обрѣла благодати у Господа, что возмогла вмѣстить въ пречистой утробѣ своей Того коего не вмѣщаютъ небеса небесъ; Она воспитала отъ непорочныхъ сосцевъ своихъ Того, кто имѣлъ сокрушить главу змія и покорить его подъ ноги наши; Она вполне вознаградила то, что погублено было въ Эдемѣ Евою.

Достойно убо и праведно поется и славится имя Ея отъ конца до конца вселенныя. Достойно и праведно провозглашается Она вышею Херувимъ и славнѣйшею безъ сравненія Серафимъ. Ибо надъ кѣмъ скорѣе и во всей силѣ должна была выполниться высокая цѣль искупленія, какъ не надъ Нею? Кому подобало болѣе причаститься Божественнаго естества, какъ не Той, отъ коей взято человѣческое естество? Послѣ Сына Божія, пресвятая Матерь Его есть первый и высшій образецъ возсозданнаго и обоженнаго искупленіемъ Его человѣчества. Аминь.

БЕСѢДА

ВЪ СРѢДУ 6-И ПОДЪТЪИ РОДНАГО ПОСТА.

И сотвори Господь Богъ Адаму и женѣ его ризы кожаны и облече ихъ (Быт. 3, 21).

Каки Адамъ и Ева вкупѣ. Но, какъ же, когда Адамъ осуждался на смерть, о женѣ не было сказано ни слова? Уже не пощажена ли она, по слабости пола, отъ сего страшнаго наказанія? Нѣтъ, кто вкусилъ отъ плода запрещеннаго, тотъ не могъ оставаться безсмертнымъ. Ева первая простерла къ нему руку, и первая же увидитъ надъ собою Ангела смерти. Ибо, на основаніи того же сказанія Моисеева, есть причина думать, что она, предваривъ Адама въ нарушеніи заповѣди, предварила его и въ смерти. Если же умолчано о ней въ опредѣленіи Божиѣмъ, то потому конечно, что Адамъ представлялъ собою на ту пору все человѣчество: что изрекалось въ семъ качествѣ ему, то само собою падало и на жену, взятую отъ ребра его. Одной только, повидимому, черты въ наказаніи Адамовомъ нельзя отнести къ женѣ: воздѣлыванія въ потѣ лица земли. Но и здѣсь сколько женъ, по необходимости раздѣляющихъ трудъ мужа надъ землею! Если мужъ раздираетъ руками своими утробу земли и бросаетъ въ нее сѣмена; то жена своими руками собираетъ то, что произращаетъ земля. И какъ собираетъ? Съ утомленіемъ и не безъ воздыханій, когда земля щедро наградила трудъ мужа; еще съ большими воздыханіями и печалію, когда собирать почти нечего; такъ что ее угнетаетъ и печалитъ болѣе недостатокъ пота и труда, какъ бы онъ ни былъ тяжелъ, нежели избытокъ усилій. И собранное кто уготовляетъ на трапезу? Рука жены. Лице мужа

страждетъ на одномъ солнцѣ; лице жены страдаетъ и отъ солнца во время жатвы, и каждый день отъ огня, на коемъ готовится пища. Если сравнить все это, если принять во вниманіе большую слабость тѣлеснаго состава жены предъ мужемъ, ея большую чувствительность въ минуту несчастія и скорби; то окажется, что жребій жены на землѣ тяжелѣе жребія мужа. Посему весьма справедливо и законами и общимъ мнѣніемъ (гдѣ оно идетъ какъ должно) оказывается большее вниманіе и большее снисхожденіе женѣ. Только это вниманіе и это уваженіе не должны простираются, какъ иногда бываетъ, за предѣлы, — до той безразсудной угодливости прихотямъ жены, отъ коей палъ прародитель нашъ и падаютъ доселѣ многіе изъ домовладыкъ. Но обратимся къ тому, что повѣствуетъ Моисей.

И сотвори Господь Адаму и женѣ его ризы кожаны, и облече ихъ.

Итакъ, первыя ризы наши были нерукотворенныя! Ихъ сдѣлалъ не человѣкъ, и не Ангелъ, а самъ Богъ! Видите ли любовь, видите ли попеченіе нѣжнаго Отца о дѣтяхъ! И въ какое время? Когда Онъ судить и наказуетъ ихъ—преступныхъ! По изреченіи приговора надъ виновными, надлежало ожидать, что они оставлены будутъ самимъ себѣ, что Господь не замедлитъ удалиться отъ тѣхъ, кои сами, еще такъ недавно, убѣгали и сокрывались отъ лица Его. Но Онъ продолжаетъ свое присутствіе, какъ бы ожидая и желая видѣть, что произведутъ слова Его; и, не слыша ничего изъ устъ насъ осужденныхъ, тотчасъ изъ суди обращается въ друга и благодѣтеля. Прародителей, какъ мы видѣли, ничто такъ не смущало на первый разъ, какъ ихъ нагота; смущала до того, что они не могли переносить собственныхъ взоровъ, и спѣшили сдѣлать для себя препоясаніе. Препоясаніе это не столько однакоже сокрывало, сколько обнажало ихъ наготу, показуя, что они не въ прежнемъ естественномъ имъ состояніи невинности. При томъ надолго ли бы стало сего препоясанія? Въ состояніи ли оно было защищать тѣло отъ будущихъ перемѣнъ воздушныхъ? Скоро ли бы злополучные грѣшники дошли сами по себѣ до искусства устроить себѣ одежды изъ вещества болѣе прочнаго? Всеблагій видитъ все сіе, — и настоящее положеніе Адама и Евы, то есть ихъ стыдъ и смущеніе, и будущую потребность для нихъ въ большей и прочнѣйшей защитѣ своего тѣла отъ перемѣнъ воздушныхъ, и неспособность ихъ скоро удовлетворить сей нуждѣ,—видитъ, и немедленно самъ

восполняетъ ихъ недостатки: *и сотвори Господь Богъ Адаму и жентъ его ризы кожаны, и облече ихъ.*

Но что это за ризы кожаны? Не плоть ли наша нынѣшняя, грубая и скотоподобная, которая, по замѣчанію Соломона (Прем. 9, 15), отягощаетъ собою душу и обременяетъ умъ? Если сравнить тѣло человѣческое въ нынѣшнемъ его состояніи съ тѣмъ, какъ оно было въ началѣ, вышло изъ рукъ Божиихъ, и съ тѣмъ, какимъ оно имѣетъ быть нѣкогда паки, послѣ будущаго всеобщаго воскресенія изъ мертвыхъ: то и настоящее грубое тѣло наше можно, пожалуй, назвать ризами кожаными. Но Моисей, очевидно, разумѣетъ подъ ними не то, а дѣйствительную одежду, которую Господь премилосердый устроилъ для прародителей нашихъ.

Но откуда же, спросить кто либо, взялись въ раю кожи? Пожалуй, если хочешь, прими просто и буквально выраженіе Моисея—*и сотвори*; тогда вовсе не нужно будетъ спрашивать—откуда? И если судить по лицу и достоинству Того, кто устроилъ теперь для Адама одежду; то Ему, какъ всемогущему, приличнѣе было сдѣлать ее не изъ чего либо, а изъ ничего. — А если тебя пугаетъ мысль о новомъ твореніи (хотя Господь непрестанно творитъ новое въ царствѣ благодати), то можно найти отвѣтъ на предложенный вопросъ и другимъ образомъ. Та же, напр., свящ. книга Бытія показываетъ намъ, что Авель приносилъ уже Богу жертву отъ первородныхъ и отъ тука ихъ. Кто, скажи, научилъ его искать и найти жертву Богу въ закланіи и смерти животныхъ? Всего вѣроятнѣе, примѣръ отца — Адама. А онъ откуда взялъ такую мысль необыкновенную? — Самъ дошелъ до нея?—Какимъ образомъ? Здравый разумъ и тогда уже не могъ не внушать того, что изречено впослѣдствіи о подобныхъ жертвахъ Апостоломъ: *яко не возможно, то есть, крови юнчей и козлей отпушати грѣхи* (Евр. 10, 4). И какъ, скажи, можно было осмѣлиться принести въ жертву Богу жизнь существа, Имъ созданнаго? Сдѣлавъ это самовольно, скорѣе можно было опасаться за то гнѣва Божія, нежели благоволенія. Поелику же сыны Адама приносятъ уже въ жертву животныхъ и дѣлаютъ это, какъ должно думать, потому, что самъ Адамъ дѣлалъ тоже, самъ же онъ не могъ начать дѣлать сего отъ себя и произвольно: то остается положить, что принесеніе въ жертву животныхъ внушено прародителямъ нашимъ самимъ Богомъ. Для чего внушено? Господь самъ не могъ имѣть въ этомъ никакой нужды: значить, это нужно было для Адама. Для чего? Для того же, ко-

нечно, для чего введены впослѣдствіи жертвы въ цѣломъ народѣ Израильскомъ, дабы, то есть, — какъ разъяснилъ намъ то ап. Павелъ въ посланіи къ Евреямъ, — онѣ служили прообразованіемъ той великой Жертвы крестной, коею имѣлъ быть на Голгоѣ искупленъ весь міръ и заглажены всѣ грѣхи.

Когда произошло это божественное наученіе Адама жертвоприношеніямъ? Не погрѣшимъ, кажется, если скажемъ, что теперь же, по окончаніи суда надъ нимъ: ибо послѣ не видно уже, чтобы Господь являлся ему когда либо. Въ смерти приносимаго въ жертву животного прародители наши тотъ же часъ могли видѣть и свою будущую смерть и свое будущее искупленіе страданіями и смертію за всѣхъ насъ Искупителя міра. И вотъ вещество для сдѣланія ризъ Адаму и женѣ его: кожи, то есть, жертвенныхъ животныхъ! Посему—то, можетъ быть, и послѣ, когда данъ израильтянамъ законъ о жертвоприношеніяхъ, кожа отъ закланнаго животного не сожигалась вмѣстѣ съ жертвою, а была предоставлена закономъ жрецу. Если Моисей не говоритъ теперь о всемъ этомъ, то, конечно, потому, что вообще о происшедшемъ въ Эдемѣ говорится у него весьма мало, одно необходимое; а еще болѣе потому, что, начавъ рѣчь о первомъ жертвоприношеніи въ Эдемѣ и его таинственномъ значеніи, надлежало уже вмѣстѣ съ тѣмъ коснуться и многихъ другихъ истинъ и таинъ Божіихъ; а это значило бы приподнять завѣсу, сокрывавшую до времени Святое Святыхъ, за которую входилъ одинъ первосвященникъ, то есть, только немногіе избранные.

Но возвратимся къ нашей бѣдной и вмѣстѣ богатой и драгоценной одеждѣ; — бѣдной, ибо она замѣнила собою благодать Божію и невинность, насъ облекавшія, богатой, ибо она вышла изъ рукъ самого Творца и Господа нашего; бѣдной, ибо она составлена изъ смерти существъ живыхъ,—богатой, ибо она выражала собою будущія заслуги для насъ нашего Искупителя. Примѣйте, братіе, силу и нѣжность самаго выраженія: *сотвори Адаму и женѣ его ризы кожаны*. Можно бы сдѣлать ризу одному Адаму и сказать: вотъ такъ сдѣлай и женѣ! Но Господь творитъ одѣяніе для обоихъ. Далѣе сказано: *и облече я*: то есть, не только самъ сдѣлавъ одежду, но и самъ возложилъ на нихъ: подобно тому какъ мать, сдѣлавши платье своему дитяти, сама надѣваетъ на него, показуя, какъ ходить въ немъ и какъ носить его.

Не будемъ же забывать сего, возлюбленные! Престанемъ смотрѣть легкомысленно на одежду нашу: она есть сугубый

памятникъ и нашего грѣха предъ Богомъ и милосердія Божія къ намъ грѣшникамъ. Какъ знаменіе нашего падшаго состоянія, одеждѣ, изъ чего бы ни состояла она и какъ бы ни была богата, всегда должно носить со смиреніемъ, а не превозноситься ею, какъ то дѣлають безразсудно нѣкоторые. А какъ даръ любви Божіей, одежда должна располагать насъ къ благодарности Богу. И чѣмъ же, спросишь, могу я возблагодарить Бога за нее? Тѣмъ, возлюбленный, если ты, въ благодарность, самъ не откажешься сдѣлать одежду для Бога. Какъ это? А вотъ какъ: если одѣнешь бѣднаго и нагаго собрата твоего. Ибо, слышишь ли, что говоритъ самъ Господь въ Евангеліи? *Понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Мат. 25, 40). Видишь, на кого переходитъ одежда, сдѣланная нищему?

Вспомнимъ и подумаемъ при семъ случаѣ и еще объ одномъ одѣяніи. Прародители наши, получивъ ризы изъ рукъ Божиихъ, безъ сомнѣнія, не столько носили ихъ потомъ, сколько берегли, какъ драгоценность и святыню. И у насъ есть одежда, полученная изъ рукъ Божиихъ: это оное драгоценное одѣяніе, въ которое облекла насъ при крещеніи св. Церковь. Для составленія сего одѣянія, также необходима была смерть — не животнаго какого-либо безсловеснаго, а смерть Сына Божія, Спасителя нашего. Ибо мы облечены въ крещеніи заслугами Его, облечены, можно сказать, въ самую крестную смерть Его, за насъ претерпѣнную. Ибо, *елицы во Христа крестистесь*, говоритъ Апостолъ и поетъ св. Церковь, *во Христа облекостесь* (Гал. 3, 27). И въ другомъ мѣстѣ говорится: *елицы во Христа Иисуса крестихомся, въ смерть Его крестихомся; спогребохомся Ему крещеніемъ въ смерть, да якоже Христосъ воста отъ мертвыхъ, тако и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ* (Рим, 6, 3. 4). Вотъ наша одежда! Видите, какъ она чиста и свята! Какъ великолѣпна и божественна! Какъ вождѣльна и вмѣстѣ страшна! Ибо малая ли вещь облечься въ смерть Сына Божія?....

Будемъ же, братіе мои, памятовать все это и вести себя, какъ прилично людямъ, облеченнымъ во Христа. Оставимъ суетное попеченіе объ украшеніи нашей внѣшности, которое у многихъ изъ насъ выходитъ изъ всякихъ предѣловъ и поглощаетъ собою все время. Ахъ, не до нарядовъ и украшеній, не до изящныхъ, такъ называемыхъ вкусовъ и послѣднихъ модъ тѣмъ, кои лишены образа Божія, изгнаны изъ рая сладости, поселены на землѣ проклятія, осуждены на то, чтобы возвратиться въ землю, отъ нея же взяты, и на краткое время токмо остаются

между жизнію и смертію, небомъ и адомъ. Благодареніе любви вѣчной, что по паденіи нашемъ могли мы удержаться — до времени — хотя на сей зыбкой и опасной срединѣ! Доколѣ мы не восхищены еще отъ среды живыхъ, дотолѣ все можетъ быть исправлено: можемъ, если захотимъ, возвратить рай потерянный, и получить еще большее, то есть, царствіе небесное и сожитіе со Христомъ и Ангелами. Но долго ли продлится для насъ сія драгоцѣнная возможность? Завтра, послѣ-завтра явится смерть, и позоветъ насъ, подобно прародителямъ нашимъ, предъ страшный судъ Божій. Что речемъ на судѣ семъ, если явимся безъ той одежды невинности, въ которую Господь самъ облекъ насъ при крещеніи? Не будемъ же тратить драгоцѣннаго времени напрасно; употребимъ все, даже претерпимъ все, только бы изыти путемъ вѣры и покаянія изъ той бездны, въ которую низринулъ насъ грѣхъ, прежде нежели она заключится надъ нами на вѣки. Аминь.

БЕСѢДА

ВЪ ПЯТОМЪ 6-Й ПРѢДѢЛЪ ВОДННАГО ПОСТА.

И рече Богъ: се Адамъ бысть яко единъ отъ насъ, еже разумѣти доброе и лукавое; и нынѣ да некогда простретъ руку свою и возьметъ отъ древа жизни и живъ будетъ во вѣки. И изгна его Господь Богъ изъ рая сладости, дѣлати землю, отъ неяже взять бысть. И изрине Адама и всели его прямо рая сладости (Быт 3, 22. 23).

ослѣ божественнаго приговора надъ прародителями нашими, подлежало еще рѣшенію—гдѣ жить имъ? Оставаться ли попрежнему въ Эдемѣ, или быть переселенными въ другое мѣсто? Премудрость Божія предсудила послѣднее. Въ самомъ дѣлѣ, человѣку, по паденіи его, уже не въ пользу было безсмертіе, а надлежало возвратиться въ землю, отъ нея же взять бысть: это, какъ мы видѣли, составляло и наказаніе за грѣхъ, и вмѣстѣ врачевство отъ ожесточенія во грѣхѣ, такое врачевство, котораго не могло замѣнить для насъ ничто. Но въ Эдемѣ, и по паденіи человѣка, оставалось древо жизни: вкушеніе отъ плодовъ его могло и грѣшника предохранить отъ смерти тѣлесной. Между тѣмъ, кто самовольно дерзнулъ на вкушеніе отъ плодовъ древа запрещеннаго, отъ того трудно было ожидать, чтобы онъ не покусился на вкушеніе отъ плодовъ древа животнаго. Послѣ сего оставалось одно изъ двухъ: или уничтожить древо жизни, или переселить человѣка изъ рая. Послѣднее было естественнѣе уже потому, что Эдемъ весь былъ приспособленъ къ обитанію въ немъ человѣка

невиннаго, и слѣдовательно сдѣлался неспособенъ для жительства въ немъ чловѣка грѣшника, который отселѣ долженъ былъ жить не плодами съ дренъ райскихъ, а доставать себѣ пропитаніе въ потѣ лица, изъ земли, трудами рукъ своихъ, и потому самому обитать уже внѣ рая.

Всѣ сіи мысли находятся, братіе мои, въ словахъ Моисея, вами слышанныхъ: только онѣ изображены у него не просто, а въ видѣ нѣкоего чрезвычайнаго совѣта, который держитъ Творецъ съ самимъ Собою. *И рече Богъ: се Адамъ бысть, яко единъ отъ насъ!*—Дважды токмо встрѣчается такое самособесѣдованіе Божіе въ повѣствованіи о прародителяхъ нашихъ: въ первый разъ предъ ихъ произведеніемъ на свѣтъ, гдѣ Господь говоритъ: *сотворилъ чловѣка по образу нашему*; въ другой разъ здѣсь, предъ изгнаніемъ ихъ изъ рая. Такъ занимались не только судьбою, самимъ мѣстопробываніемъ нашимъ, дабы мы знали, что если съ нами сдѣлано что либо, то сдѣлано не по мщенію какому либо и въ гнѣвѣ, а, такъ сказать, съ полнымъ разсужденіемъ, и не по другой какой причинѣ, а для нашего же блага.

И рече Богъ: се Адамъ бысть, яко единъ отъ насъ, еже разумѣти доброе и лукавое. Явно, что рѣчь Божія обращена здѣсь къ какому-то лицу, или точнѣе, лицамъ. Какимъ? не къ Ангеламъ ли? но Господь говоритъ: *яко единъ отъ насъ*, что несказанно выше всякаго Ангела. Притомъ слова сіи изъ устъ Божіихъ имѣютъ видимое отношеніе къ тому обѣщанію, коимъ искуситель обольстилъ праматерь нашу, говоря: *будете яко Бози*. Простирая руку къ плоду запрещенному, Ева думала сдѣлаться чрезъ то подобною не Ангеламъ, а самому Богу. Послѣ сего не остается уже никакого сомнѣнія, что вышесказанныя слова обращены не къ Ангеламъ, а къ Лицамъ Божественнымъ и единосущнымъ; то есть, Богъ Отецъ говоритъ сіе къ Богу Сыну и Богу Духу Святому. Что же говорится о насъ въ семъ великомъ совѣтѣ?—Говорится нѣчто, какъ бы въ укоризну намъ: но поелику эта укоризна исходитъ изъ устъ любви Божіей, то и составляетъ не столько явную укоризну, сколько тайное сожалѣніе о насъ. *Се Адамъ бысть, яко единъ отъ насъ, еже разумѣти доброе и лукавое.* Адамъ, какъ бы такъ говорилъ Господь, сдѣлалъ съ своей стороны все для достиженія того, что присовѣтовалъ змій; онъ знаетъ теперь доброе и лукавое, уподобился Богу! То есть—другими словами, Адамъ такъ уклонился теперь отъ своего предназначенія, такъ разстроился во всемъ существѣ своемъ, сдѣлался такъ несчастенъ, что объ немъ надобно подумать снова столько же, сколько думано прежде,

когда онъ получалъ бытіе изъ рукъ нашихъ. Что же съ нимъ теперь дѣлать? Если предоставитъ ему самому опредѣлить дальнѣйшую свою судьбу до смерти, то онъ, неразумный, предпочтетъ, по легкомыслію, остаться жить въ Эдемѣ, воображая, что тутъ ему лучше; а оставшись въ раю, онъ, безъ сомнѣнія, не удержится отъ вкушенія плодовъ съ древа жизни, что было бы теперь крайне вредно для него, ибо это самое воспрепятствуетъ Нашему благодѣтельному распоряженію о немъ—возвратиться ему, на время, въ землю, отъ нея же взять. Посему—и *нынѣ, да некогда простретъ руку свою и возметъ отъ древа жизни, и живъ будетъ во вѣки*,—надобно назначить ему другое мѣсто жительства, гдѣ не было бы древа жизни, для него теперь вреднаго, и гдѣ скорѣе срътили бы его трудъ и печаль, для него теперь необходимыя: *и изгна Господь Богъ Адама изъ рая сладости, дѣлаетъ землю, отъ нея же взять бысть, и изрине Адама.*

Послѣднее выраженіе: *и изрине*, подаетъ мысль, что удаленіе прародителей изъ рая соединено было съ нѣкоторымъ принужденіемъ, а посему заставляетъ предполагать съ ихъ стороны усиліе—остаться тамъ, гдѣ были. И можно ли было скоро и съ охотою оставить рай, чтобы пойти вонъ—на землю, уже проклятую, въ ожиданіи отъ пота и трудовъ надъ нею—тернія и волчцевъ? Но, безъ сомнѣнія, это усиліе—не разставаться съ мѣстомъ своего первобытнаго жительства состояло не въ чемъ другомъ, какъ въ моленіи и слезахъ, какъ это бываетъ съ дѣтми, когда ихъ хотятъ удалить навсегда отъ какого либо любимаго мѣста. Въ такомъ случаѣ потребно бываетъ нѣкоторое усиліе руки отца или матери. Тоже послѣдовало и теперь: невидимая сила заставила прародителей идти, куда повелѣно: *и изрине Адама.*

И всели его прямо рая сладости. Судя по той цѣли, для коей прародители удалены изъ рая, можно было ожидать, что для новаго жительства ихъ избрано будетъ мѣсто, совершенно удаленное отъ Эдема, дабы не было предъ глазами искушенія—пожелать паки возвратиться въ него. Но премудрость Божія поступаетъ противнымъ образомъ—вселяетъ Адама не вдали, а *прямо рая*, дабы онъ всегда имѣлъ его предъ глазами своими. Для чего это? Для того конечно, чтобы видъ потеряннаго Эдема непрестанно напоминалъ человѣку о томъ, чего онъ лишился, и располагалъ его къ покаянію. Это полезно было даже не для одного Адама и Евы, а и для потомковъ ихъ, кои, безъ сомнѣнія, не вдругъ разлучились съ своими прародителями, а долго жили съ ними вмѣстѣ—*прямо рая*. Такимъ образомъ въ ихъ памяти и умѣ

отъ самаго взгляда на Эдемъ утверждалось сказаніе Адама и Евы о первобытномъ блаженномъ состояніи человѣчества, о преступленіи заповѣди, о змѣѣ искусителѣ, о судѣ Божиѣмъ и наказаніи за грѣхъ. Все это должно было располагать потомковъ Адамовыхъ къ чувствамъ покаянія и вѣры въ обѣтованіе Божіе о побѣдѣ надъ змѣею. И сему-то, конечно, должно приписать, что преданія о первобытномъ невинномъ состояніи человѣка и его паденіи до того распространились и утвердились во всемъ родѣ человѣческомъ, что, не смотря на столько вѣковъ, на истребленіе перваго міра потопомъ, на разсѣяніе по столпотвореніи Вавилонскомъ людей по всему лицу земли, доселѣ, хотя не ясно, слышатся въ священныхъ вѣрованіяхъ всѣхъ народовъ.

Будемъ, братіе мои, и мы чаще ставить себя въ мысляхъ *прямо рая*; будемъ вспоминать то, что случилось съ нами въ Эдемѣ: какъ мы преступили заповѣдь, какъ лишились образа Божія, какъ облеклись сначала листвіемъ смоковничнымъ, а потомъ ризами кожаными, какъ осуждены въ потѣ лица снискивать хлѣбъ свой и возвратиться въ землю, отъ нея же взяты. Это будетъ стократъ полезнѣе для насъ, нежели перебирать и вращать въ памяти пышныя прозванія и титулы своихъ предковъ, отличія и права, ими для насъ приобрѣтенныя. Ахъ, что значить все нынѣшнее, такъ называемое, благородство человѣческое предъ тѣмъ, что мы всѣ были и чѣмъ обладали нѣкогда! Если бы мы устояли въ невинности эдемской, то всѣ наслаждались бы нынѣ такимъ совершенствомъ, которое въ настоящемъ бѣдственномъ состояніи нашемъ трудно и представить. Ибо не напрасно злобный врагъ нашъ позавидовалъ намъ: великимъ обладали мы, и еще къ стократъ большому были предназначены! Теперь все это ниспровергнуто, поправлено, разсѣяно, изглажено. Но и теперь есть средство все исправить, все паки приобрѣсть, взойти на прежнюю высоту богоподобія и блаженства. Второй Адамъ, божественный Искупитель нашъ для того и пришелъ съ небесъ на землю, для того и воспринялъ на Себя плоть нашу, для того умеръ и воскресъ, дабы возставить все падшее въ Адамѣ первомъ, возвратитъ намъ права наши, даровать всѣ силы для побѣды надъ грѣхомъ и диаволомъ. Отъ насъ зависитъ воспользоваться симъ божественнымъ благодѣяніемъ, усвоить себѣ наше искупленіе — употребленіемъ въ дѣлѣ тѣхъ спасительныхъ средствъ, кои намъ доставлены. А для того, чтобы умѣть оцѣнить ихъ какъ должно, чтобы научиться дорожить ими для своего спасенія, и немедленно начать употреб-

лять во благо свое, нужно чаще всѣмъ намъ в оспоминать наше первобытное состояніе и потерянное блаженство. Будемъ же, говорю, ставить себя въ мысляхъ *прямо рая*, и взирая мысленно на Эдемъ, сравнивать нынѣшнее наше бѣдственное состояніе съ первобытнымъ, сравнивая, обращаться къ Искупителю нашему за средствами возвратить потерянное, и блюстись отъ новыхъ грѣхопаденій. Аминь.

БЕСѢДА

ВЪ ВОСАНКІЙ ПОПОВАДЬНИКЪ.

И пристави Господь Богъ Херувима
и пламенное оружіе, обращаемое, хра-
нити путь древа жизни (Быт. 3, 24).

Какъ прилежно бережетъ насъ любовь Божія! Подлинно, не даромъ сказано: *еще мать забудетъ отрока свое, Азъ не забуду тебе!*—Мы видѣли, какъ въ настоящемъ состояніи нашемъ опасно было для насъ вкушеніе отъ плодовъ древа жизни. Но, сами по себѣ, не скоро уразумѣли бы мы эту опасность; сто разъ могли бы покуситься на вкушеніе отъ плодовъ его, кои для насъ столько же были неблагопріятны теперь по своимъ послѣдствіямъ, сколько прежде, въ состояніи невинности, были пагубны намъ плоды запрещеннаго древа. И вотъ, любовь Божія ставитъ стража на пути къ древу жизни, такого стража, который уже самымъ видомъ своимъ наводилъ трепеть и уничтожалъ всякое покушеніе подойти къ сему древу. *И пристави Господь Богъ Херувима и пламенное оружіе, обращаемое, хранить путь древа жизни.*

Пристави Херувима. Такъ грѣхъ измѣнилъ служеніе самыхъ Херувимовъ и Серафимовъ! Тѣмъ ли бы надлежало заниматься симъ существамъ премірнымъ? Ихъ дѣло было стоять у престола Божія, наслаждаться лицезрѣніемъ Пресвятыя Троицы, гласить непрестанно славу Вседержителя. Когда бы даже нисходили они въ дольний міръ нашъ, то нисходили бы всегда вѣстниками новой радости и новаго блаженства; обращались бы съ человѣками, яко съ братіями единого небеснаго Отца, яко съ

другами и наперсниками своими. Но пришелъ грѣхъ, поставилъ челоуѣка во враждебное отношеніе къ его Творцу и міру горнему; и духамъ чистымъ, при всемъ ихъ сожалѣніи о насъ, не оставалось ничего болѣе, какъ стать противу того, кто содѣлался врагомъ Божиимъ,—начать разрушать темныя дѣла его, разить его гордость и неповиновеніе. И вотъ причина, почему Ангелы Божіи, сіи существа святыя и любвеобильныя, будутъ являться иногда на землѣ, какъ свидѣтельствуешь свящ. исторія, облеченными мракомъ и бурей,—даже съ мечемъ, поражающимъ смертію тѣхъ, коимъ лучше было умереть, нежели продолжать жить во грѣхахъ. Такъ Ангелъ поразить смертію первенцевъ египетскихъ, да не будутъ наслѣдниками злобы своихъ отцевъ; такъ Ангелъ же поразить въ единую ночь цѣлыя легіоны воиновъ ассирійскихъ, да падутъ лучше отъ меча ангельскаго, нежели исполнять злую волю своего безумнаго владыки. Но возвратимся къ Эдему.

И пристави Господь Богъ Херувима и пламенное оружіе, обращающее, храни ти путь древа жизни.

Особенно ли приставленъ Херувимъ, и особенно ли пламенное оружіе, обращающее? Можно представлять Херувима и оружіе раздѣльно, но лучше—вмѣстѣ. Но какъ бы обращалось оружіе само, безъ руки его обращавшей? И кому было ближе обращаться его, какъ не Херувиму, стоявшему на стражѣ? Воину необходимо нужно оружіе, а оружію воинъ; но, по свойству священнаго языка, нерѣдко представляется раздѣльно то, что на самомъ дѣлѣ соединено вмѣстѣ.

Если спросишь далѣе: что это за пламенное оружіе, обращающее?—то мы скажемъ въ отвѣтъ, что у Херувима и оружіе не наше, а херувимское. Слово Божіе самыхъ Ангеловъ описываетъ иногда какъ существа, похожія на чистѣйшій и невещественный огонь. *Творяй*, сказано, *слуги твоя огнь палищъ*. Сообразно сему и у Херувима оружіе было теперь похоже на пламень, то есть, казалось такимъ для Адама и Евы. Обращаемымъ же называется оно, конечно, потому, что не оставалось недвижимымъ въ рукахъ стража небеснаго, тѣмъ паче не лежало праздно, какъ это бываетъ съ челоуѣческимъ оружіемъ, а всегда было въ дѣйствиіи, вмѣстѣ съ Херувимомъ являясь, смотря по нуждѣ, то на той, то на другой сторонѣ Эдема, и наводя собою страхъ на тѣхъ, коимъ приходила мысль—проникнуть въ Эдемъ.

И Херувимъ и оружіе поставлены были впрочемъ токмо хранить путь древа жизни, а не возбранять благоговѣйное прибли-

женіе къ Эдему, близость коего къ первымъ людямъ входила, вѣроятно, какъ мы видѣли, въ планъ самой премудрости Божіей. Посему нѣтъ ничего противнаго въ той мысли, что пребываніе Херувима у вратъ рая было не безъ благотворныхъ послѣдствій для прародителей нашихъ и въ другомъ отношеніи. Лишившись непосредственнаго общенія съ самимъ Богомъ, они могли получать отъ стража райскаго наставленія касательно того, что для нихъ необходимо было въ жизни; могли заимствовать утѣшеніе среди горестей и печалей; могли особенно быть введены имъ въ тайну обѣтованія о Сѣмени жены и сокрушеніи главы зминой. Любопытствующій знать о семъ болѣе, да обратится между прочимъ къ церковной лѣтописи св. Димитрія Ростовскаго.

Долго ли Херувимъ съ пламеннымъ оружіемъ стоялъ на своей стражѣ? Стоялъ, безъ сомнѣнія, пока было нужно; а нужно было дотолѣ, пока рай не потерялъ древа жизни, или пока человѣкъ не оставилъ совершенно желанія вкусить отъ плодовъ его. Скоро ли могло быть то и другое? Мнѣ кажется, скорѣе первое, нежели послѣднее. Ибо, хотя бы Адамъ и Ева скоро возрасли до разумѣнія, что не въ древѣ жизни, еже посредѣ рая, должно искать имъ теперь врачества отъ бѣдствій, ихъ угнетающихъ, а въ обѣтованномъ Сѣмени жены и собственномъ покаяніи; но, отъ сыновъ и дочерей Адамовыхъ не вдругъ можно было ожидать подобнаго разумѣнія. Такому человѣку, напр., какъ Каину трудно было не покуситься на плоды отъ древа жизни; а *путь Каиновъ* (Іуд. II) никогда и послѣ не оставался празднымъ. Посему должно думать, что стража Эдема кончилась вмѣстѣ съ Эдемомъ, или, по крайней мѣрѣ, съ древомъ жизни. Скоро ли это послѣдовало? Гораздо скорѣе можетъ быть, нежели какъ представляется съ перваго взгляда. Лѣпота Эдема была слѣдствіемъ не силъ природы естественныхъ, а особеннаго и непосредственнаго устройства Божія. *И насади, сказано, рай на Востоцѣ*; то есть, употребилъ на то особенное дѣйствіе своей силы творческой. Какою силою насажденъ Эдемъ, тою же, безъ сомнѣнія, и держался въ благолѣпіи своемъ, доколѣ былъ нуженъ для человѣка; а когда престалъ быть нуженъ, то особенное благословеніе, коимъ онъ держался, было отнято. Безъ сего, подпавъ общимъ законамъ земной природы, рай еще скорѣе долженъ былъ потерять совершенство и истребиться, нежели какой-либо другой садъ, возрасшій по законамъ нынѣшней природы. Какъ бы впрочемъ ни было, только священный бытописатель, излагая послѣдующую исторію рода человѣческаго, ни разу ни упоми-

наетъ уже потомъ ни объ Эдемѣ, ни о древѣ жизни, ни о Херувимѣ съ пламеннымъ оружіемъ. Потопомъ, безъ сомнѣнія, изгладилась и послѣдніе слѣды первобытнаго блаженнаго жилища человѣческаго. Какъ велико и разрушительно было дѣйствіе потопа именно надъ тѣмъ мѣстомъ, въ коемъ находился рай, можемъ заключать изъ того, что, вмѣсто четырехъ рѣкъ, указанныхъ Моисеемъ и бравшихъ начало свое изъ одного и того же начала въ Эдемѣ, остались теперь только двѣ: Тигръ и Евфратъ, но и ихъ истоки уже значительно удалены другъ отъ друга. Посему искать слѣдовъ рая на землѣ, какъ дѣлали и, можетъ быть, дѣлаютъ еще нѣкоторые, предпринимая для сего долгія и трудныя путешествія, есть дѣло, хотя добраго чувства, но разумѣнія не великаго.

Не на этой землѣ нашъ рай теперь, а на той, будущей, совершенной, которая явится, вмѣстѣ съ новымъ небомъ, когда нынѣшняя земля и нынѣшнее небо сгорятъ и претворятся совершенно. Тогда явится паки и древо жизни, и явится уже безъ Херувима съ пламеннымъ оружіемъ. *Посреди стогна его, то есть, града Божія, такъ пишетъ Тайновидецъ Іоаннъ, и по оба помы рѣки древо животное, еже творить плодовъ дванадцать, на кійждо мѣсяць воздая плодъ свой, и листвіе древа въ исцѣленіе языковъ* (Апок. 22, 2).

Но, отъ сего древа жизни вкусимъ, если удостоимся обитать въ Эдемѣ небесномъ. Теперь, въ странѣ пришельствія, для насъ древо жизни—на Голгоѣ. Это Крестъ Христовъ, приносящій намъ плоды не по числу мѣсяцевъ, а каждый день и каждую минуту, такъ что мы можемъ вкушать ихъ, когда захотимъ. Я разумѣю Тѣло и Кровь Христову, отъ нихъ же *ядый живъ будетъ* (Іоан. 4, 58) *и не умретъ во вѣки* (Іоан. 11, 26), то есть, тою смертію вѣчною, коея смерть тѣлесная есть одно слабое изображеніе, и которая одна только и есть истинная смерть для насъ.

И смотрите, что теперь дѣлаютъ Херувимы и Серафимы! Не стоятъ уже на стражѣ съ пламеннымъ оружіемъ у вратъ Эдема, какъ прежде, а съ нами же, во время совершенія таинъ Божественныхъ, невидимо служатъ Царю славы, какъ воспѣваетъ Церковь. Такъ все паки умиротворено Крестомъ Спасителя нашего! Такъ тѣсно возсоединено то, что, казалось, на вѣки раздѣлено было грѣхомъ и діаволомъ! Остается убо всѣмъ намъ точію пользоваться помощію свыше,—идти, куда ведутъ насъ Ангелы-хранители; и мы всѣ паки придемъ къ древу жизни. Аминь.

БЕСѢДА

ВЪ ВОДНИИ ВТОРИКЪ.

И быша вси дніе Адамовы лѣтъ девять
сотъ и тридесать, и умре (Быт. 5, 5).

акъ долго продолжалась еще жизнь праотца нашего, уже изгнаннаго изъ рая сладости, уже удаленнаго отъ древа жизни, уже осужденнаго возвратиться въ землю, отъ нея же взять бысть! Новое и очевидное доказательство того, что еслибы мы не согрѣшили, то не подлежали бы смерти и тлѣнію.

Но чтоже бы тогда было съ родомъ человѣческимъ? — Увы, мы всѣ такъ сдружились съ смертію, что не можемъ и представить себѣ, что было бы безъ нея! Было бы то, что родъ человѣческій, невинный и святой, расселился бы по лицу всей земли, и она вмѣстѣ съ тѣмъ вся обратилась бы въ рай сладости; было бы то (позволимъ себѣ скромное гаданіе), что по прошествіи извѣстнаго времени, роды и поколѣнія людей, подобно Эноху и Іліи, не вкусивъ смерти, представлялись бы въ другіе свѣтлыя міры, коихъ такое множество надъ главами нашими, и кои, можетъ быть, теперь до времени и праздны потому именно, что не являются тѣ, въ жительство коимъ они предназначены. Но во всякомъ случаѣ не вѣрьте, братіе мои, тѣмъ празднымъ говорунамъ, кои съ важнымъ видомъ утверждаютъ, что еслибы смерть не упраздняла мѣстъ для новыхъ жильцевъ, то потомкамъ Адамовымъ негдѣ было бы жить. Тѣ, кои вникли въ сей предметъ не поверхностно, не для того токмо, чтобы при случаѣ сказать два-три красныхъ слова, давно уже вычислили и показали, что шаръ земной и въ наше время еще представлялъ бы много

свободнаго мѣста для жительства потомковъ Адамовыхъ, еслибы каждый изъ нихъ оставался въ живыхъ и доселѣ. При чемъ не надобно забывать, что человѣкъ невинный въ первобытномъ состояніи своей души и тѣла, а равно и всей внѣшней природы, не имѣлъ бы нужды въ одеждѣ и кровѣ, ни въ нынѣшнихъ пособіяхъ къ своему пропитанію; и слѣд., требовалъ бы для своего существованія на землѣ гораздо менѣе пространства, нежели какое слѣбалось для него необходимымъ нынѣ.

Если бы кто спросилъ за симъ, откуда произошло такое долготіе Адама, равно какъ и послѣдующихъ патриарховъ? такому отвѣствуемъ, что причиною сего долготія былъ, въпервыхъ, остатокъ первобытной жизни и силы, кои въ самой высшей степени сосредоточены были въ человѣкѣ, яко владыкѣ всего одушевленнаго и неодушевленнаго; во вторыхъ, отъ особеннаго состоянія окружающей человѣка природы, которая въ началѣ также сохраняла въ себѣ болѣе жизненныхъ силъ для питанія и поддержанія жизни человѣческой. Вмѣстѣ съ симъ должно сказать, что доколѣ люди не размножились на землѣ, само провидѣніе Божіе особенно пеклось о продолженіи жизни человѣческой, устраняя отъ нихъ разрушительное дѣйствіе стихій.

Но обратимся къ прародителямъ нашимъ, и спросимъ: надѣ чѣмъ проведена жизнь ихъ, столь долговременная? Судя по нынѣшнему, въ такое продолжительное время сколько можно бы надѣлать разныхъ дѣлъ, открыть законовъ природы, изобрѣсти и усовершенствовать искусство, основать городовъ и селеній, проложить путей и взаимныхъ сообщеній, придумать разныхъ удобствъ къ жизни? Но объ Адамѣ ничего подобнаго не говорится. И чтобы мы не подумали, что это одно молчаніе священ. бытописателя, о предметахъ, его не занимавшихъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ Адамомъ было слѣлано многое въ гражданскомъ и житейскомъ отношеніи, Моисей опредѣлительно указываетъ въ послѣдствіи на начало всѣхъ важнѣйшихъ изобрѣтсній, называя по имени виновника каждаго. Такъ о Каинѣ сказано, что онъ *бѣ зиждей градъ* (Быт. 4, 17): слѣдовательно отецъ Каиновъ, Адамъ не созидалъ городовъ, а жилъ въ кущѣ. Такъ Иовилу приписывается умноженіе и усовершеніе средствъ и удобствъ жизни пастушеской (Быт. 4, 20): слѣд., Адамъ не заботился много о семъ удобствахъ. Такъ Овелъ названъ *ковачемъ* мѣди и желѣза (Быт. 4, 22); слѣд., Адамъ не расторгалъ нѣдръ земныхъ для извлеченія изъ нихъ металловъ. О Іувалѣ говорится, что *сей бѣше показавый цѣвницу и гусли* (Быт. 4, 21); слѣд., Адамъ не

думалъ о томъ, чтобы забавлять себя и потомковъ своихъ бряцаніемъ на струнахъ и органахъ.

Что значить сія, по нашему, какъ бы недѣятельность перваго прародителя нашего? То ли, что въ немъ не было способности на подобныя изобрѣтенія, и что силы ума человѣческаго развились для сего уже послѣ, въ потомкахъ его? Но въ томъ, кто былъ созданъ по образу Божию, безъ сомнѣнія, болѣе находилось способности на все истинно-благое, нежели въ тѣхъ, кои произошли уже отъ него, можно сказать, не столько по образу Божию, сколько по виду самаго Адама, падшаго и обезображеннаго грѣхомъ. Одно нареченіе Адамомъ именъ всѣмъ животнымъ, по одному взгляду на нихъ, показываетъ уже, какъ онъ выше насъ стоялъ по прозрѣнію въ самое существо вещей. Тѣмъ паче стало бы умѣнія у него построить въ лучшемъ видѣ или свои кущи, или какой либо пріютъ для безсловесныхъ; тѣмъ болѣе стало бы искусства выстрогать цѣвницу или устроить гусли. Но Адамъ не занимается ничѣмъ подобнымъ. Почему? потому, что весь былъ занятъ другимъ, высшимъ и лучшимъ, тѣмъ, то есть, чтобы путемъ покаянія войти паки въ рай, отъ него же изгнанъ бысть, и гдѣ паки не нуженъ будетъ ни городъ Каиновъ, ни мѣдъ и желѣзо Овеловы, ни цѣвница съ гуслиями Іуваловыми.

Такой взглядъ на жизнь и все земное перешелъ отъ Адама и къ прочимъ патриархамъ. Будучи родоначальниками племенъ, пользуясь величайшимъ уваженіемъ своихъ многочисленныхъ потомковъ, они скорѣе всѣхъ послѣдующихъ завоевателей и владыкъ могли бы сдѣлаться повелителями странъ и народовъ, окружить себя всѣмъ удобствомъ жизни, поставить для себя чертоги и престолы; но они всѣ ведутъ жизнь самую простую и странническую; не имѣютъ ни постоянного крова, ни даже собственной земли; Авраамъ, напр., столько могущественъ, что могъ побѣдить пять царей и освободить изъ плѣна у нихъ племянника своего Лота, а самъ пріобрѣтаетъ по купкою пещеру даже для своего погребенія. Почему такъ? Что заставляло ихъ вести жизнь, по нашему, столь странную? То, что они, какъ замѣчаетъ Апостолъ, взирали на себя яко на странниковъ и пришельцевъ на землѣ, устремляли взоръ въ будущее, ожидая града, *ему же художникъ и содѣтель Богъ* (Евр. 11, 10).

Племя Каиново не захотѣло подражать примѣру своего святаго прародителя и пошло другимъ путемъ: предалось удобствамъ жизни, начало дѣлать одно за другимъ изобрѣтенія, из-

влекло изъ нѣдръ земныхъ металлы, окружило себя золотомъ и серебромъ, настроило домовъ и чертоговъ, надѣлало цѣвницъ и гуслей. Но что наконецъ вышло изъ всего этого? Слишкомъ предавшись тѣломъ и душою земному, скоро забыли небесное; за удобствомъ жизни тотчасъ вошла роскошь; за нею вторглись чувственность и страсти; все это подавило вѣру и совѣсть; пороки не стали находить себѣ никакой преграды: беззаконія и злодѣйства осквернили всю землю; наконецъ всеобщій развратъ дошелъ до того, что вся земля, по выраженію Бытописателя, *растлилась*; человѣкъ весь сталъ плотію и погрузился въ чувственность и нечистоту до того, что въ немъ не могъ уже обитать Духъ Божій, тотъ Духъ, безъ коего нѣтъ истинной жизни ни въ комъ и ни въ чемъ. Что же далѣе? обыкновенныхъ наказаній къ исправленію нравовъ и обузданію нечестія не достало, не только на землѣ, но и на небѣ. Потребовались мѣры чрезвычайныя: и вотъ разверзлись хляби небесныя и источники бездны; пришелъ потопъ и смылъ съ лица земли златошвенныя кущи, мѣды и цѣвницу, вмѣстѣ съ кующими и поющими. А святое семейство Ноево, въ коемъ обитали простота и чистота нравовъ, которое, не отличаясь изобрѣтеніями и искусствами, вѣрно слѣдовало смиренному образу жизни Адама и Сиѡа, пребыло невредимымъ среди всеобщаго истребленія, спаслось отъ водъ потопныхъ въ ковчегѣ и, по прошествіи гнѣва Божія и казни, содѣлалось расадникомъ для новаго рода человѣческаго.

Что должно заключить изъ сихъ столь противоположныхъ примѣровъ? Что намъ не позволительно пещись о своей тѣлесной жизни, открывать, умножать и усовершенствовать источники своего, такъ называемаго, земнаго благоденствія? Нѣтъ, это было бы противно намѣреніямъ Создателя нашего, который самъ благоволилъ подать человѣку примѣръ попеченія о всемъ этомъ, когда, вмѣсто смоковничнаго препоясанія, яко несовершеннолѣтшаго, сотворилъ для него *ризы кожаныя*. Не будемъ по сему неблагодарны къ тѣмъ собратіямъ нашимъ, кои потрудились и трудятся надъ изобрѣтеніемъ и усовершеніемъ разныхъ вещей, служащихъ намъ въ жизни нашей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, не будемъ забывать, что намъ, кои всѣ на землѣ только на самое краткое время, безразсудно было бы всю жизнь свою посвятить на убранство временной гостинницы нашей, и не заняться, по крайней мѣрѣ, столько же, приготовленіемъ для себя помѣщенія тамъ, гдѣ должно намъ пребывать вѣчно. Прародителю нашему, жившему болѣе 900 лѣтъ, позволительно было бы употребить

сто или двѣсти лѣтъ на удовлетвореніе своихъ житейскихъ нуждъ и земныхъ пожеланій; ибо еще 700 лѣтъ оставалось для своей души и для Бога; а намъ много ли времени можно дѣлать между землею и небомъ? Самымъ долговѣчнымъ (и сколько ихъ?) только нѣсколько десятковъ лѣтъ. При такой краткости нашей жизни совершенное безуміе тратить ее, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, на умноженіе вокругъ себя скорогибнущихъ игрушекъ, и не употреблять на приобрѣтеніе благъ вѣчныхъ.

II поживе Адамъ девять сотъ и тридесать лѣтъ, и умре. По такой краткости выраженія, можете судить, братіе мои, какъ Моисей вообще кратокъ въ своемъ повѣствованіи. Смерть перваго человѣка, яко общаго прародителя нашего, весьма немаловажна для всѣхъ насъ. Кто бы не пожелалъ слышать хотя нѣсколько словъ о томъ, какъ Адамъ оканчивалъ жизнь свою, что завѣщевалъ потомкамъ своимъ, то есть, всему роду человѣческому, какимъ погребеніемъ почтилъ его весь міръ тогдашній. Но у Моисея обо всемъ этомъ ни слова. О смерти Евы даже вовсе не упоминается; можемъ только догадываться, что она предварила супруга своего въ окончаніи земнаго поприща. Таковы св. писатели! они говорятъ одно то, что дано было видѣть имъ отъ Духа Святаго: посему и не слѣдуютъ обыкновеннымъ правиламъ нашего повѣствованія. Возвышенные въ званіе наставниковъ цѣлаго рода человѣческаго, они не водятся любопытствомъ, а говорятъ только необходимое для всеобщаго наставленія. Повѣствованіе подробностей о смерти Адама не составляло такой необходимости; потому и нѣтъ его въ священныхъ книгахъ. Въ какой странѣ кончилъ жизнь Адамъ? Не знаемъ. Гдѣ гробъ его? Не знаемъ. Есть древнее и трогательное преданіе, якобы онъ погребенъ на Голгоѣ, такъ что крестъ Христовъ утвержденъ былъ надъ его прахомъ, и кровь Спасителя оросила его собою, въ знакъ чего подъ крестомъ и изображается у насъ глава человѣческая. Но гдѣ бы ни былъ погребенъ Адамъ, крестъ всюду осыпалъ его собою; въ смѣшеніи съ какою бы землею ни находился прахъ его, кровь Искупителя міра нашла его и проникла своею Божественною силою. Посему-то, имѣя въ виду вѣру и покаяніе Адамово, св. Церковь постоянно признавала его первымъ, по времени, въ ликѣ праведниковъ. Такимъ образомъ онъ, имѣвши несчастіе подать потомкамъ своимъ примѣръ нарушенія заповѣди Божія, имѣлъ счастье содѣлаться для нихъ и примѣромъ покаянія.

Будемъ, братіе мои, подражать сему послѣднему примѣру;

и ни грѣхъ Адамовъ, ни даже собственные наши грѣхи не воспрепятствуютъ намъ удостоиться благодати помилованія и войти въ рай. Будемъ также блюсти себя отъ нечестиваго ропота и безразсуднаго глумленія надъ святыми прародителями нашими, какъ это бываетъ, къ сожалѣнію, съ нѣкоторыми. Что роптать? Если палъ избранный изъ всѣхъ, то кто бы устоялъ на его мѣстѣ изъ насъ, неизбранныхъ? Аминь.

СЛОВО

ВЪ РАДІИ СРДЦУ

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ.

ончился, братіе мои, печальный свитокъ грѣхопаденія прародителей нашихъ; теперь сами видите, справедливо ли сказано нами въ началѣ, что въ немъ, какъ въ горькомъ свиткѣ, свыше показанномъ нѣкогда Пророку, вписано *рыданіе, жалость и горе* (Іезек. 2, 10). Ахъ, если есть какія бѣдствія на землѣ; если страдаетъ отъ чего либо весь родъ человѣческій, то все это беретъ начало свое изъ Эдема, у корня древа запрещеннаго! Тутъ начало грѣха и страстей нашихъ! тутъ исходище нашей смерти и тлѣнія! И что со всею нашею мудростію и всѣми усиліями могли бы мы сдѣлать для прекращенія бѣдствій нашихъ, если бы предоставлены были самимъ себѣ? Кто могъ принять на себя ужасную тяжесть грѣховъ и неправдъ человѣческихъ, чтобы стать между нами и правдою небесною и преложить ее на милость? Съ другой стороны, кто могъ войти и проникнуть въ собственное сердце наше, связать преступное самолюбіе, сего лютаго дракона, въ немъ гнѣздящагося, исцѣлить насъ отъ проказы грѣховной и обновить духъ правый въ утробѣ нашей? Кто могъ потомъ низойти въ сердце земли, снять съ ней проклятіе, освободить ее отъ работы истлѣнія и извести въ свободу чадъ Божиихъ?—Кто наконецъ могъ сойти во адъ, къ душамъ толикихъ милліоновъ братій нашихъ, уснувшихъ уже сномъ смерти, озарить ихъ свѣтомъ жизни и радости, и указать имъ путь на небо?—Все это совершенно пренимало силы не только наши, но и всѣхъ существъ сотворенныхъ.

Возблагодаримъ убо, братіе мои, любовь Божію, которая не оставила насъ падшихъ, не презрѣла нечистыхъ и прокаженныхъ грѣхомъ, не забыла умершихъ и близъ ада сущихъ. Явился второй Адамъ, *Господь съ небесе*, который смертію и крестомъ своимъ возставилъ все падшее во Адамѣ первомъ. Съ завтрашняго дня откроется предъ нами дивное зрѣлище Его божественныхъ страданій, коими уврачевано наше паденіе эдемское, и мы при содѣйствіи благодати Господней, постараемся вникнуть вмѣстѣ съ вами въ сіе чудо любви и безпримѣрнаго промысленія Божія о насъ недостойныхъ. Теперь же, чтобы въ настоящій день не остаться намъ безъ преломленія хлѣба духовнаго и пищи для сердца, соберемъ останки отъ прошедшихъ духовныхъ трапезъ нашихъ. Отъ преломленія пяти хлѣбовъ, какъ повѣствуется въ Евангеліи, собрано было дванадесять кошницъ, а для насъ недостойныхъ довольно будетъ, если мы и отъ дванадесятикратнаго собесѣдованія соберемъ хотя единую кошницу на нынѣшній день, дабы слабое благовѣстіе слова нашего соотвѣтствовало величію св. поста, если ничѣмъ другимъ, то числомъ дней и пространствомъ времени.

Итакъ, что у насъ, христіанъ, называется паденіемъ *Адамовымъ*? Такъ называется тотъ злополучный поступокъ прародителей нашихъ въ раю, когда они, вопреки ясной заповѣди Божіей, вкусили, по внушенію змія, отъ плода запрещеннаго и такимъ образомъ разорвали святой и блаженный союзъ съ Творцемъ и Благодѣтелемъ своимъ.

Въ чемъ состояла важность сего преступленія и сущность паденія Адамова? Въ томъ, что слабая тварь возстала противъ всемогущаго Творца, что человѣкъ, по неразумію своему, отдѣлилъ волю свою отъ воли Божіей, пошелъ противъ премудрыхъ Его намѣреній, покусился на совершенство, ему не принадлежащее и для него невозможное, и вступилъ въ союзъ со врагомъ Божіимъ, который самъ, потерявъ небо, злоумыслилъ заградить его и для человѣка, къ нему предназначеннаго.

Что было слѣдствіемъ паденія Адамова? Смерть, какъ предсказалъ самъ Господь, и при томъ во всѣхъ ея видахъ; то есть, смерть духа, оставленнаго Духомъ Божіимъ, преставшаго быть едино съ Господемъ; смерть ума, закрывшагося для созерцанія истинъ міра духовнаго и открывшагося для всякаго рода лжи и обаяній; смерть воли, потерявшей силу стремиться къ добру и ощутившей всегдашнюю склонность ко злу; смерть сердца, обезчуждѣвшаго для чистыхъ наслажденій духовныхъ и начавшаго

двигаться единственно по бурному дыханію страстей; наконецъ, смерть тѣла, подпавшаго разрушительному вліянію стихій, сдѣлавшагося добычею болѣзней и тлѣнія.

Чѣмъ выражается паденіе Адамово въ каждомъ изъ насъ? Тѣмъ, что мы являемся на свѣтъ сей не въ томъ видѣ, какими прародители наши вышли изъ рукъ Божиихъ; начинаемся, какъ говоритъ св. Давидъ, во грѣхахъ и раждаемся въ беззаконіяхъ, а рожденные такимъ образомъ, не имѣемъ уже тѣхъ совершенствъ, коими обладали прародители наши въ состояніи невинности, и подлежимъ множеству душевныхъ и тѣлесныхъ сквернъ, кои по необходимости содѣлываютъ насъ предметомъ отвращенія и гнѣва Божія, такъ что, если мы не возвратимъ первобытной чистоты и останемся съ настоящею порчею, то, болѣзнуя и страдая въ настоящемъ, не можемъ ожидать лучшаго жребія и въ будущемъ. Это самое называется въ ученіи христіанскомъ грѣхомъ прирожденнымъ.

Есть ли какое либо врачевство противъ заразы эдемской? — Есть—въ Крестѣ Христовомъ. Іисусъ Христосъ, яко второй Адамъ и новый духовный Родоначальникъ и Глава человѣчества, принесъ намъ съ неба правду, жизнь и нетлѣніе. Соединясь съ Нимъ вѣрою и любовію, чрезъ св. таинства Церкви, подобно какъ соединены мы съ Адамомъ плотію и кровію, мы избавляемся отъ грѣха и проклятія за него, содѣлываемся чистыми и святыми, способными паки къ жизни въ Богѣ, къ владычеству надъ самими собою и надъ всѣмъ дольнымъ.

Таково, братіе мои, ученіе слова Божія о паденіи прародителей нашихъ, а въ лицѣ ихъ и всего рода человѣческаго! Ученіе столь же глубокое, сколько простое и ясное, — удаленное, конечно, во всей полнотѣ его, отъ опыта, и между тѣмъ одно токмо могущее изъяснить, что каждый испытываетъ въ своей жизни.

Хотите ли знать, къ чему сіе ученіе можетъ и должно служить намъ? Внемлите.

Ученіе о паденіи Адамовомъ,—и только оно одно,—достаточно проясняетъ намъ тайну злполучнаго состоянія нашего на землѣ.

Кто изъ способныхъ къ размышленію, при взглядѣ на человека и его состояніе на землѣ, не погружался въ глубокое недоумѣніе и скорбь? Ибо, что представляетъ изъ себя земное бытіе наше? Представляетъ сочетаніе противорѣчій, самыхъ странныхъ и жалкихъ,—крайняго величія съ крайнимъ униже-

ніемъ, немалого добра съ великимъ зломъ, явной способности всѣхъ и каждого къ блаженству съ непрестанными лишеніями и слезами. Съ одной стороны человѣкъ есть существо богоподобное, природный владыка и повелитель земли, видимый наперсникъ неба, наслѣдникъ вѣчности. Съ другой — это сынъ, какъ бы забытый своимъ отцемъ и непомнящій своего происхожденія; это царь, лишенный престола, преслѣдуемый и мучимый своими подданными и, что стократъ хуже сего,—это измѣнникъ совѣсти и закону, игралище страстей самыхъ низкихъ и преступныхъ, это какъ бы нѣкій духъ падшій и отверженный! Откуда сія ужасная противоположность? Не зная истиннаго ея источника, невольно можно подумать, какъ и думали многіе, что въ мірѣ два совѣчныхъ начала: доброе и злое, что человѣкъ есть произведеніе обоихъ началъ, добраго въ томъ, что есть въ немъ добраго, злаго въ томъ, что есть въ немъ злаго, что особенно тѣло человѣческое, яко гнѣздилище страстей, есть непосредственное произведеніе начала злаго. Отъ такого неправильнаго взгляда на природу человѣческую сколько другихъ заблужденій! Сколько самыхъ нелѣпныхъ правилъ въ жизни! Сколько кровавыхъ обрядовъ! Одни, вслѣдствіе превратнаго понятія о природѣ человѣческой, простирались въ строгости жизни едва не до самоубійства; другіе, почитая всѣ поступки наши безразличными, уничтожали всякую добродѣтель и позволяли человѣку все.

Христіанинъ, съ яснымъ понятіемъ о грѣхопадѣніи эдемскомъ, свободенъ отъ всѣхъ сихъ заблужденій и крайностей. Ибо знаетъ, откуда грѣхъ и зло въ мірѣ; знаетъ, почему и за что страдаетъ человѣкъ; вѣдаетъ, что и грѣхъ и страданіе человѣка есть слѣдствіе не природы его и не дѣло Творца ея, а произведеніе собственныхъ рукъ человѣческихъ, плодъ злоупотребленія нашей свободы. Всеобщій опытъ вполне подтверждаетъ для насъ все это: ибо злоупотребленіе свободы, или точнѣе сказать, слабаго остатка ея и нынѣ всегда сопровождается горестнымъ послѣдствіемъ для человѣка: между тѣмъ какъ употребленіе ея разумное и благое, если не прекращаетъ совершенно бѣдствій нашихъ, то видимо и ощутительно сокращаетъ число ихъ. Вмѣстѣ съ симъ самъ собою теряется и исчезаетъ для насъ, несчастный во всякомъ случаѣ, поводъ къ ропоту на промыслъ Божій. Воспоминая о томъ, что произошло съ нами въ Эдемѣ, вмѣсто безумной гордости и отчаянія, мы естественно располагаемся и приходимъ къ смиренію, терпѣнію, и упованію на благость и помощь Того, Кто можетъ уврачевать всѣ наши язвы.

Во вторыхъ, ученіемъ о паденіи Адамовомъ уясняется тайна искупленія нашего въ Іисусѣ Христѣ и Его крестной смерти, за насъ подъятой.

Сойти Богу на землю, облечься нашею плотію, претерпѣть всѣ виды уничиженія, взойти на крестъ и умереть смертію преступника—это такія событія, которыя могли послѣдовать только ради какой либо наиважнѣйшей причины. Для чего же все это, если не было паденія нашихъ прародителей, если родъ человѣческій таковъ, какимъ вышелъ изъ рукъ Творца? Въ такомъ случаѣ напрасны и излишни не токмо крестъ, самыя ясли и пелены Христовы. Ибо все, что прилично и нужно было со стороны Бога сдѣлать въ помощь роду человѣческому непававшему, могло быть сдѣлано и безъ явленія Бога во плоти, тѣмъ паче безъ страданій и смерти Его на древѣ крестномъ. Нужно ли было научить людей? Они могли быть научены чрезъ человѣка. Нужно ли было подать примѣръ добра? Онъ могъ быть поданъ опять чрезъ человѣка же или Ангела. Но поднять на себя тяжесть грѣховъ нашихъ, примирить насъ съ Богомъ и своею смертію умертвить нашу смерть, возставить насъ изъ персти и тлѣнія,—для сего явно было недостаточно силъ существъ сотворенныхъ; для сего подобало явиться Тому, Кто, и въ человѣческомъ образѣ, яко безпредѣльный по своему могуществу и заслугамъ, *единѣмъ приношеніемъ* могъ совершить *во вѣки освящаемыхъ* (Евр. 10, 14), Кто, будучи положенъ въ *наслѣдника всѣмъ* (Евр. 1, 2) и всему, имѣетъ посему ключи не Эдема токмо, но ада и смерти (Апок. 1, 18). Такимъ образомъ крестъ Христовъ представляется во всемъ его величіи токмо тогда, когда на него смотрятъ не съ Голгоѣы, или изъ вертограда Іосифова, а изъ Эдема, при видѣ Херувима, съ пламеннымъ оружіемъ стрегущаго путь древа жизни. О, какъ понятно, какъ драгоцѣнно тогда все, что происходитъ на Голгоѣѣ! Тутъ видишь, какъ одна за другою врачуются всѣ язвы, нанесенныя намъ змѣемъ эдемскимъ, какъ сокрушается наконецъ самая глава его смертію Богочеловѣка! Ибо, въ чемъ сущность уязвленія змѣиного? Въ томъ, что обольщенный человѣкъ, уклонивъ волю свою отъ воли Божіей, соединилъ ее съ волею врага Божія, и восхищеніемъ непщевалъ усвоить себѣ то, что подобаетъ единому Богу. И се, на крестѣ самъ Богочеловѣкъ, въ вознагражденіе сего покушенія и мятежа, изъ повиновенія волѣ Божіей и по чистой любви къ людямъ, страждетъ, умираетъ и приноситъ въ жертву самого Себя! По совершеніи сего жертвоприношенія, не

умиравшему токмо на крестѣ Страдальцу, а небу и землѣ вмѣстѣ съ Нимъ подобало воскликнуть: *совершишася!* Ибо тутъ все сдѣлано: слава Творца возстановлена, законъ удовлетворенъ; диаволь низложенъ и поруганъ; человекъ искупленъ, двери въ Эдемъ отверсты!...

Въ третьихъ, ученіемъ о паденіи Адамовомъ опредѣляется самымъ вѣрнымъ образомъ правило нашего поведенія во все продолженіе нашей земной жизни.

Ибо, что такое по паденіи нашемъ для насъ земля? Явно—есть помѣщеніе только временное и при томъ похожее съ одной стороны на обширный смиренный домъ, въ коемъ укрощаются своеволие и буйство, а съ другой—на обширную больницу, гдѣ врачуются зараженные проказою и язвами грѣховными. Кто смотритъ такимъ образомъ на землю,—а иначе нельзя смотрѣть на нее отъ вратъ потеряннаго Эдема, — тотъ не будетъ прилѣпяться ни къ чему земному, престанетъ поставять задачей своей жизни стяжаніе благъ тѣльныхъ, а будетъ всемѣрно стараться о томъ, чтобы какъ можно болѣе воспользоваться краткимъ срокомъ пребыванія на землѣ изгнанія для достиженія цѣли своего заключенія на ней, то есть, употребить всѣ силы, способности и средства къ тому, чтобы подавить въ себѣ сѣмя грѣха и беззаконія, возстановить въ душѣ своей образъ Божій, исцѣлить свой умъ, свою волю и свою совѣсть отъ яда змиіаго, — отъ лжи, плотоугодія, злобы и гордости, утвердить себя въ повиновеніи закону Господню, и такимъ образомъ сдѣлать себя способнымъ паки войти въ рай и соединиться съ Богомъ.

Кто понялъ свое падшее состояніе, тотъ не будетъ удивляться, когда Евангеліе потребуеть отъ него не простаго только удаленія отъ пороковъ и принужденія себя къ добродѣтели, а умерщвленія своей воли и самолюбія, распятія плоти, страстей и пожеланій, погубленія самой души своей. Ибо наше паденіе, наша болѣзнь, наша смерть въ томъ и состояли, что мы вмѣсто благой воли Божіей, предались своей волѣ—злой и мятежной; на мѣсто закона творческаго поставили въ душѣ и сердцѣ свое безумное я: изъ области духа ниспали подъ владычество плоти и крови; забыли невидимое и вѣчное, и поработились видимому и тѣльному; содѣлались врагами сами себѣ и начали жить такою жизнію, которая, въ сравненіи съ жизнію истинною, намъ подобающею, есть ложь и смерть. Кто понялъ, говорю, все это, для того сраженіе съ самимъ собою есть первый и послѣдній долгъ,

а умерщвление въ себѣ ветхаго, плотскаго, грѣховнаго человѣка— первая и послѣдняя побѣда.

Наконецъ, ученіемъ о паденіи прародителей нашихъ проясняется для насъ,—безъ того темное и непонятное, —нынѣшнее состояніе природы и вещей, насъ окружающихъ. Ибо и въ природѣ видимой, также какъ въ родѣ человѣческомъ, богатство, величіе, порядокъ и красота перемѣшаны всюду съ скудостью, непорядкомъ, безобразіемъ и страданіемъ. Съ одной стороны это великолѣпный чертогъ царскій; съ другой — это печальное помѣщеніе для преступниковъ, обширное кладбище для мертвецовъ. Когда произошла сія неестественная двойственность? Кѣмъ возмущенъ прекрасный порядокъ тварей? Кто внесъ въ мирное царство природы вражду и смерть? Отвѣта на сіи вопросы нѣтъ въ природѣ; нѣтъ и у человѣка, если онъ не вѣдаетъ, какъ вся земля, по паденіи владыки своего—человѣка, лишилась благословенія Божія; подверглась клятвѣ, и слѣд., потерѣ совершенствъ первобытныхъ.

Имѣя въ виду все это, преноситесь, братіе мои, чаще мыслію вашею къ первымъ временамъ міра, посѣщайте въ духѣ—рай сладости, становитесь у древа запрещеннаго, и говорите самимъ себѣ: вотъ гдѣ произошло злополучное паденіе! Вотъ откуда моя нечистота, бѣдность и смерть! Вышедъ же изъ Эдема, восходите всегда мысленно на Голгоѳу, становитесь у Креста Христова и говорите: а вотъ гдѣ совершилось наше возстаніе! Здѣсь я искупленъ отъ грѣха и смерти; здѣсь возвращенъ мнѣ рай! Такимъ образомъ горькій свитокъ бытія человѣческаго будетъ постепенно терять свою горестъ отъ Креста Христова и, омытый слезами покаянія, орошенный кровію Искупителя, содѣлается наконецъ, подобно свитку Іезекиілеву (Іезек. 3, 3), яко медъ сладокъ во устахъ. Аминь.

О ГРѢХѢ
И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯХЪ.

Вкушая вкусихъ мало меду, и се азъ
умираю (1 Цар. 14, 43)!

СЛОВО

О ГРѢХѢ И ТѢЛѢ.

Какой, слушатели, врагъ у насъ, самый первый и самый послѣдній, самый злобный и самый коварный?—Грѣхъ. Это врагъ самый первый: ибо кто лишилъ насъ образа Божія, изгналъ изъ рая сладости, поселилъ на сей землѣ бѣдствія и печалей? Грѣхъ. Это врагъ самый послѣдній: ибо кто отлучить навсегда грѣшниковъ въ послѣдній день отъ лица Божія, покроетъ ихъ стыдомъ и проклятіемъ предъ всѣмъ міромъ, низринетъ невосвратно во адъ къ діаволу и аггеломъ его на мученія вѣчныя? Грѣхъ. Это врагъ самый ужасный: ибо онъ губитъ нашу душу и тѣло, омрачаетъ умъ, порабощаетъ страстямъ волю, оскверняетъ сердце, подвергаетъ насъ болѣзнямъ, предаетъ смерти и тлѣнію. Это врагъ самый коварный: ибо чего не употребляетъ грѣхъ къ пораженію и плѣну нашему? Употребляетъ и нашу силу и наше безсиліе, и наши страсти и самыя добродѣтели, употребляетъ даже благость Божию, даже безцѣнныя заслуги Искупителя нашего, внушая грѣшнику, по надеждѣ на нихъ, безстрашіе и нераскаянность. По всему этому грѣхъ, какъ справедливо замѣтили св. отцы Церкви, ужаснѣе самого діавола: ибо и діавола изъ Ангела свѣтоноснаго грѣхъ сдѣлалъ духомъ отверженнымъ.

Судя по такой жестокости и коварству врага нашего—грѣха, надлежало бы ожидать, что мы будемъ крайне осторожны противъ него, и постараемся брать заранѣе всѣ мѣры противъ его нападеній и лукавства; что сраженіе со грѣхомъ во всѣхъ его видахъ сдѣлается постояннымъ и главнѣйшимъ подвигомъ всей

нашей жизни; что для побѣды надъ грѣхомъ или по крайней мѣрѣ для избѣжанія пораженій отъ грѣха, мы будемъ употреблять всѣ способности и силы наши, всѣ средства и пособія и естественныя и благодатныя; что въ случаѣ пораженія и ранъ, намъ причиненныхъ, немедленно будемъ возставать отъ паденій, вознаграждать потери, врачевать раны, избѣгать тѣхъ мѣстъ и случаевъ, кои были для насъ опасны и губельны; что все близко или отдаленно приводящее ко грѣху, сдѣлается для насъ чуждымъ и отвратительнымъ; все, что защищаетъ или избавляетъ отъ грѣха, любезнымъ и драгоценнымъ. Но посмотрите на міръ и родъ человѣческій, посмотрите на другихъ и себя самихъ,—и увидите совершенно противное. Малая только, весьма малая часть людей ведетъ ту святую брань со грѣхомъ и порокомъ, которую бы всѣмъ и каждому вести надлежало. Другіе, если начинаютъ по временамъ сражаться съ общимъ врагомъ: то, во первыхъ, по временамъ, безъ надлежащаго постоянства и твердости; выходятъ притомъ на брань, не собравшись со всѣми силами, не обдумавъ плана дѣйствій, не сообразивъ цѣли и средствъ, безъ твердой рѣшимости побѣдить или умереть; посему и прекращаютъ ее при первомъ маломъ успѣхѣ или неуспѣхѣ, забывъ, что брань со грѣхомъ должно вести до конца жизни. Большая же часть людей и не думала никогда о томъ, что надобно сражаться со грѣхомъ; вмѣсто ненависти къ сему врагу и удаленія отъ него, сами ищутъ нападеній и плѣна, сами идутъ въ станъ вражій, предають себя въ его волю и требуютъ постыдныхъ узъ и приказаній—со всею готовностію носить первыя и исполнять послѣднія.

Что причиною, что такой ужасный и непримиримый врагъ, какъ грѣхъ, находитъ себѣ въ насъ такъ мало противоборства и такъ много послушанія и благопріятства? То ли, что намъ недостаетъ силы и средствъ къ сраженію съ нимъ? Нѣтъ, сего нельзя сказать: ибо хотя мы, по коварству сегоже врага, лишились первобытныхъ силъ на доброе, коими снабжены были при сотвореніи насъ, но все еще имѣемъ столько способности, что можемъ питать по крайней мѣрѣ постоянное отвращеніе ко грѣху и его ядовитымъ соблазнамъ. Съ другой стороны, каждому изъ насъ святою вѣрою нашею даруются силы и средства новыя, не меньшія тѣхъ, коими обладали мы нѣкогда. Что сихъ новыхъ средствъ и силъ достаточно для совершенной побѣды надъ грѣхомъ, — свидѣтель тому цѣлый многочисленный ликъ святыхъ Божіихъ, кои, бывъ во всемъ подобны намъ, обдоженные

тою же брэнною плотію, находясь среди тѣхъ же соблазновъ, сражаясь съ тѣми же напастями, терпя то же, и стократъ большее, не усомнились выйти на сраженіе со грѣхомъ, поражающаго во всѣхъ его видахъ, остались наконецъ совершенными побѣдителями: и теперь, свободные отъ всякаго грѣха, исполненные всѣхъ совершенствъ, блаженствуютъ на небѣ, будучи готовы помогать намъ во всякомъ грѣховномъ обстояніи нашемъ. Итакъ, не безсиліе наше виною того, что ужасный врагъ нашъ — грѣхъ такъ ненаказанно господствуетъ надъ нами. Что же? между причинами сего печальнаго явленія одна изъ самыхъ главныхъ — невѣдѣніе, — то, что большая часть людей не знаетъ своего врага и его ужасныхъ свойствъ, не знаетъ до того, что почитаетъ его за своего друга. Повидимому странно не знать грѣха тѣмъ, кои грѣшатъ непрестанно; но въ самомъ дѣлѣ такъ. Увы, мы знаемъ, слишкомъ знаемъ грѣхъ, для того, чтобы грѣшить; но не знаемъ, какъ должно, грѣха для того, чтобы избѣгать его и ненавидѣть! То есть, мы знаемъ ту сторону грѣха, которую онъ самъ показываетъ намъ, дабы обольщать насъ, и не видимъ той стороны, которою онъ губитъ насъ и по сему самому старается всячески сокрывать отъ насъ. Въ семъ случаѣ большая часть людей подобна младенцу, который, видѣвъ нѣсколько разъ разнообразныя движенія змѣи и красивый переливъ цвѣтовъ ея на солнцѣ, но не имѣя никакого понятія о ядѣ ея, началъ бы увѣрять, что онъ хорошо знаетъ, что такое змѣя. При такомъ полужнаніи младенецъ готовъ, пожалуй, увѣрять, что змѣя прекрасное животное и что ее стоитъ имѣть на своихъ рукахъ, у своего сердца. Большая часть грѣшниковъ совершенно подобна сему младенцу: иначе какъ изъяснить безумныя похвалы грѣху и порокамъ, слышимыя нерѣдко изъ устъ бѣдныхъ грѣшниковъ? Какъ понять, что многіе не только грѣшатъ непрестанно, но и хвалятся своими грѣхами? Утверждаютъ, что они дошли до ожесточенія нравственнаго и прямо ищутъ во грѣхѣ своей вѣчной гибели? Но этого бываетъ не видно въ сихъ несчастныхъ людяхъ; и они сами первые ужаснулись бы, еслибъ кто началъ производить ихъ грѣховность изъ сего ужаснаго начала. Нѣтъ, они ищутъ во грѣхѣ не гибели себѣ, а блаженства; и думаютъ найти его въ немъ потому, что, подобно младенцу, видятъ только красивую пестроту змѣиной кожи, и не видятъ жала и яда змѣиного. Если бы они увидѣли ясно послѣднее, поняли, какой ядъ сокрывается въ сладости грѣховной, и убѣдились совершенно, что *послѣдняя* грѣха зрять прямо *во дно адово*; то первые,

можетъ быть, поспѣшили бы навсегда разстаться со грѣхомъ, проклинали бы всѣ наслажденія его и рѣшились бы не рабствовать своимъ страстямъ, а сражаться съ ними на смерть.

При такомъ положеніи дѣла, очевидно, нѣтъ ничего нужнѣе, какъ распространять между людьми истинное понятіе о грѣхѣ и его ужасныхъ послѣдствіяхъ. Всякъ, кто можетъ, долженъ дѣлать сіе, долженъ всякимъ способомъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, сообщать другимъ, что онъ знаетъ о ядѣ грѣховномъ, какое его дѣйствіе и какія противъ него надежныя средства. Это обязанность каждого самая священная! — Ибо судите сами, не такъ ли именно поступаемъ всѣ мы, когда идетъ на насъ какая-либо ужасная язва: не разспрашиваемъ ли тогда другъ друга, не рассказываетъ ли каждый, что онъ знаетъ о язвѣ, на кого и когда она особенно нападаетъ, что ее привлекаетъ и что ей противно, чѣмъ можно предохранить себя или избавиться отъ нея? Но какая язва можетъ сравниться съ язвою грѣховною и ужасными опустошеніями, производимыми ею въ родѣ человѣческомъ? Посему нѣтъ долга въ отношеніи къ братіямъ нашимъ священнѣе того, какъ предостерегать ихъ отъ грѣха, и для сего вразумлять въ ужасное свойство его — убивать нашу душу и тѣло. Это самый полезный предметъ для собесѣдованія наставниковъ съ учениками, родителей съ дѣтьми, домовладыкъ съ домохозяевами, людей просвѣщенныхъ съ простолюдинами.

Но если на комъ всецѣло лежитъ священный долгъ обнажать порокъ отъ всѣхъ личинъ его и показывать всѣ его ужасныя послѣдствія, то на пастыряхъ Церкви. По всей справедливости должно сказать, что въ семъ наипаче должно состоять попеченіе о душахъ, имъ ввѣренныхъ. Ибо всѣ истины спасенія, какъ ни благотворны онѣ, не произведутъ желаемого дѣйствія надъ грѣшникомъ, доколѣ онъ не убѣдится и не возчувствуетъ, что состояніе грѣха, въ коемъ находится онъ, есть состояніе самое ужасное и погубительное.

Чувствуя сію истину, и мы, братіе, по долгу званія нашего, рѣшились въ наступающіе дни святаго поста, избрать постояннымъ предметомъ для собесѣдованій нашихъ съ вами, грѣхъ и его ужасную ядовитость. Если бы слово наше не въ состояніи было возбудить чьего либо вниманія, то теперь самое время возбудить его. Ибо въ продолженіе поста каждому изъ насъ надобно приступать къ покаянію и исповѣди: это самыхъ невнимательныхъ заставляетъ размышлять о грѣхѣ. Итакъ, будемъ размышлять вмѣстѣ и вслухъ: противъ общаго врага нашего соеди-

нимся общими силами. Для сего, при помощи благодати Божіей, рассмотримъ во первыхъ, что есть грѣхъ въ существѣ своемъ, откуда онъ и какіе его виды; во вторыхъ, изслѣдуемъ, чѣмъ грѣхъ соблазняетъ насъ, и постараемся сорвать съ него всѣ обольстительныя личины; въ третьихъ, пройдемъ мыслію по путямъ беззаконія, и покажемъ, куда приводятъ они. Собесѣдованіе о сихъ предметахъ можетъ послужить для всѣхъ насъ вмѣсто приуготовленія къ таинству покаянія и исповѣди. Аминь.

СЛОВО

О СУЩЕСТВѢ ГРѢХА, ЕГО ВИДАХЪ, СТОЛПНАХЪ

И РАЗЛИЧНЫХЪ ГРѢХОВНЫХЪ СОСТОЯНІЯХЪ.

амѣревающіеся вступить въ сраженіе съ какимъ либо сильнымъ непріателемъ стараются первѣе всего узнать предварительно свойства своего противника, составъ его полчища, силы и средства, коими онъ можетъ располагать: подобно сему и для насъ, коимъ предлежитъ брань со грѣхомъ, нужно для успѣха въ своемъ дѣлѣ, предварительно узнать, въ чемъ состоитъ грѣхъ, гдѣ его начало, каковы свойства, въ какихъ выражается онъ видахъ, откуда беретъ силу, что ему благоприятствуетъ и что для него противно. Кто скажетъ намъ это? Скажетъ, во первыхъ, слово Божіе, въ коемъ грѣхъ изображается во многихъ мѣстахъ со всѣми ужасными его послѣдствіями; скажетъ, во вторыхъ, исторія рода человѣческаго, исполненная примѣрами всякаго рода грѣховъ и преступленій человѣческихъ; скажетъ, наконецъ, самый ежедневный опытъ, и чуждый и свой собственный. Увы, для изображенія свойствъ грѣха нѣтъ нужды прибѣгать къ какимъ либо умозрѣніямъ и пособіямъ мудрости человѣческой; довольно посмотрѣть внимательно на людей, и заглянуть въ собственное сердце, коему, какъ справедливо замѣчено священнымъ бытописателемъ, отъ юности прилежитъ помышленіе на злое по вся дни!

На вопросъ: что есть грѣхъ? отвѣтствуетъ намъ Апостолъ, говоря, что *грѣхъ есть беззаконіе* (1 Іоан. 3, 4). И дѣйствительно, сущность всякаго грѣха состоитъ въ нарушеніи какого-либо закона, такъ что если бы не было закона, то не было бы и

грѣха. Посему же законъ самъ по себѣ есть не что иное, какъ выраженіе воли Божіей; то грѣхъ столь же справедливо называется преступленіемъ сей всесвятой воли. — При каждомъ грѣхѣ чловѣкъ, всякій разъ, вмѣсто закона поставляетъ свой слѣпой произволъ, вмѣсто пресвятой воли Божіей—свою злую волю; а посему при всякомъ грѣхѣ чловѣкъ становится противникомъ и врагомъ своему Создателю. Уже по сей одной чертѣ можетъ судить всякій—какъ преступенъ, опасенъ и зловреденъ грѣхъ: ибо малое ли дѣло стать твари противъ своего Творца?

Такъ какъ требованія закона всѣ состоятъ изъ двухъ вещей—первое, чтобы мы дѣлали и исполняли все благое и праведное; во вторыхъ, чтобы не дѣлали ничего худого и несправедливаго: то грѣхъ, какъ нарушеніе закона, также состоитъ изъ двухъ главныхъ видовъ—во первыхъ изъ неисполненія того, что законъ повелѣваетъ дѣлать,—грѣховъ, такъ называемыхъ, опущенія; во вторыхъ изъ совершенія того, что законъ запрещаетъ дѣлать,—грѣховъ, такъ называемыхъ, нарушенія. Такъ напримѣръ: грѣшить тотъ, кто отнимаетъ у ближняго, какимъ то ни было образомъ, его собственность; грѣшить и тотъ, кто самую свою собственность не употребляетъ во благо ближняго, когда можетъ это сдѣлать: ибо законъ повелѣваетъ не только не обижать ближняго ничѣмъ, но и помогать ему всѣмъ. Подобнымъ образомъ грѣшить не только тотъ, кто лжетъ и вводитъ другихъ въ заблужденіе, но и тотъ, кто, зная истину, не открываетъ ее и не выводитъ изъ заблужденія. — Это должно примѣнить особенно: ибо многіе почитаютъ грѣхомъ для себя одно то, что сдѣлали они худого и богопротивнаго; а что не сдѣлано ими добраго и обще-полезнаго,—того нисколько не ставятъ себѣ въ преступленіе. Нѣтъ, и это грѣхъ, когда чловѣкъ, могши сдѣлать что либо доброе, не дѣлаетъ того по своему нерадѣнію или малодушію. Всѣ таковыя осудятся съ рабомъ, закопавшимъ свой талантъ въ зѣмлю. И онъ не сдѣлалъ повидимому ничего худого, представивши потомъ свой талантъ господину цѣлымъ: но посему не употребилъ его какъ должно, то и лишенъ всего, въ наказаніе за лѣность.

Такъ какъ свободная дѣятельность чловѣка выражаетъ себя тремя главными способами — мыслию и желаніемъ, словомъ и бесѣдою, и наконецъ самыми дѣйствіями; то и грѣхъ имѣетъ три главные вида. Есть грѣхи мысленные — это всѣ нечистые помыслы и желанія, грѣховныя воображенія и воспоминанія. Питать въ умѣ и сердцѣ своемъ подобныя мысли и желанія,

значить грѣшить: ибо, кромѣ того, что отъ такихъ мыслей и желаній часто происходятъ худыя слова и дѣла, они сами по себѣ уже портятъ душу и дѣлаютъ ее нечистою и богопротивною. Какъ опасна и зловредна сія внутренняя нечистота и грѣховность мыслей и чувствъ—разительно показываетъ примѣръ духовъ нечистыхъ, ибо у нихъ нѣтъ ни нашего слова, ни нашей тѣлесности: ихъ порча и развращеніе—все заключено въ ихъ духѣ; и однакоже какъ оно ужасно!

Второго рода грѣхи состоятъ изъ худыхъ и гнилыхъ словъ. Сюда относятся всѣ виды лжи и обмана словеснаго, всѣ роды божбы напрасной и клятвъ безразсудныхъ, всѣ пересуды и злорѣчія на счетъ ближняго, всѣ лжесвидѣтельства и клеветы, всѣ соблазнительныя шутки и срамословія. Сюда же должно отнести и грѣхи слова письменнаго, когда то, что грѣшно произносить устами, пишется на бумагѣ, и такимъ образомъ распространяется и стократъ болѣе дѣлаетъ соблазна и вреда, нежели произносимое устно. Къ сему же роду грѣховъ будутъ принадлежать и тѣ случаи, когда мы могли сказать что либо хорошее и полезное и не сказали, когда должны были защищать истину священную, или обнаружить ложь и клевету безчестную, и не сдѣлали того изъ разсчетовъ самолюбія или своекорыстія.

Третій видъ грѣховъ состоитъ изъ самыхъ порочныхъ дѣйствій. Здѣсь, если начать исчислять поименно, то неостанетъ числа и словъ.—Примѣтимъ только, что иные грѣхи прямо противъ Бога и вѣры въ Него, какъ-то: невѣріе, хула и отчаяніе; иные грѣхи устремлены противъ ближняго, напримѣръ: татѣба, убійство; иные противъ самаго грѣшника, напримѣръ: сладострастіе, воздержаніе и пійнство.

Не всѣ грѣхи бываютъ, безъ сомнѣнія, въ каждомъ человѣкѣ; обыкновенно одна какая либо страсть беретъ верхъ надъ другими и, становясь господствующею, нерѣдко даже изгоняетъ другія страсти, съ ней несовмѣстныя, какъ напримѣръ: скупость изгоняетъ воздержаніе; но въ сущности дѣла каждый грѣшникъ носитъ въ себѣ сѣмя всѣхъ пороковъ, подобно какъ праведникъ носитъ въ себѣ начало и сѣмя всѣхъ добродѣтелей. Тѣмъ паче нельзя быть съ однимъ какимъ либо грѣхомъ и порокомъ по произволу. Человѣкъ гордый, напримѣръ, бываетъ вмѣстѣ и завистливъ, и мстителенъ, и жестокъ; человѣкъ скупой—притѣснителенъ, лживъ и низокъ; плотоугодникъ — клятвенпреступенъ, лицемеренъ и расточителенъ.

Не всѣ грѣшники стоятъ также на одной степени развраще-

нія: въ грѣхѣ, какъ и въ добродѣтели, есть своя постепенность. Первая степень, когда человѣкъ начинаетъ предаваться по временамъ разнымъ порокамъ, или одному какому либо, безъ особеннаго расположенія ко грѣху, не забывая по временамъ и покаяніе, хотя безъ особенныхъ плодовъ его. Вторая степень—когда худыя дѣйствія обращаются въ навѣкъ, порокъ или страсть; становятся постояннымъ началомъ дѣйствій и правиломъ для жизни, не заглушая однако же вовсе желанія исправиться и перестать грѣшить. Третья степень—когда развращеніе доходитъ до того, что грѣшникъ, совершенно ослѣпленный грѣхомъ, почитаетъ его для себя необходимостію, вовсе забываетъ законъ и страхъ Божій, грѣшитъ нераскаянно, съ намѣреніемъ всегда оставаться такимъ, какъ есть.

Состоянія грѣховныя также различны. Есть состояніе грѣховнаго невѣдѣнія, въ коемъ человѣкъ, слѣдуя влеченію растлѣнной природы и худымъ примѣрамъ, совершаетъ многіе грѣхи, не имѣя надлежащаго понятія о томъ, какъ совершаемое имъ противно закону и природѣ. Въ такомъ состояніи находятся многіе изъ бѣдныхъ язычниковъ, по недостатку истинной религіи. Есть состояніе безпечности духовной, въ коемъ находящіеся во все не думаютъ о томъ, что и какъ должно человѣку дѣлать, чего требуетъ законъ Божій и что воспрещаетъ, живутъ какъ случится, поступаютъ какъ случится. Примѣръ и обстоятельства, привычка и страсти суть для нихъ вмѣсто всѣхъ правилъ и законовъ. Есть состояніе духовнаго лицемерія, когда человѣкъ ясно видитъ, чего требуетъ долгъ и совѣсть, и старается сохранить на себѣ всю личину честности, но тайнѣмъ предается всему, къ чему влекутъ его страсти. Въ такомъ лицемеріи обличалъ нѣкогда Господь фарисеевъ. Есть состояніе грѣховнаго ожесточенія, когда грѣшникъ выходитъ изъ свойственной грѣху боязни и скрытности, безчинствуетъ явно, упорно отвергаетъ всѣ вразумленія и хвалится своими преступленіями. Есть состояніе отчаянія, когда грѣшникъ, пробудившись отъ грѣха, чувствуетъ крайнее къ нему отвращеніе, но сообразивъ, что его грѣхъ неотпустителенъ, готовъ бываетъ на самыя отчаянныя поступки и противъ другихъ и противъ самого себя: примѣръ сего состоянія—несчастный предатель Христовъ.

Видите, сколько болѣзней и язвъ у души человѣческой! Видите, сколько узъ и оковъ у нашей бѣдной свободы и воли! Видите, сколько удицъ и петлей у врага нашего діавола! Посему-то св. Писаніе такъ часто совѣтуетъ намъ непрестанно трезвиться

духомъ и бодрствовать; посему-то люди опытные въ духовной жизни, не совѣтуютъ полагаться ни на какую свою добродѣтель и твердость; ибо, какъ показываютъ примѣры, можно съ самой высокой степени совершенства духовнаго вдругъ упасть и разбиться въ прахъ. Но да не унываетъ при семъ никто!—Велика сила грѣха, но стократъ больше сила благодати Божіей. Многообразно полчище пороковъ, но еще многообразнѣе ликъ святыхъ добродѣтелей. Мы не одни—съ нами Искупитель нашъ, съ нами Духъ Святой и Всемогуцій, съ нами Ангелы-хранители, съ нами всѣ святые Божіи, съ нами Церковь и ея таинства. Нѣтъ грѣха, побѣждающаго милосердіе Божіе; нѣтъ преступленія, коего не могла бы смыть съ души нашей всесвятая Кровь, пролитая за всѣхъ насъ на Голгоѣѣ. Всякій грѣшникъ, кто бы онъ ни былъ и какъ бы ни были велики грѣхи его, если только восхощетъ искренно и твердо, можетъ, при помощи благодати Божіей, сдѣлаться паки чистымъ и праведнымъ и удостоиться царствія небснаго: примѣръ тому покаявшійся на крестѣ разбойникъ. Аминь.

СЛОВО

О ТОМЪ, КАКЪ ПРОИЗОШЕЛЪ ГРѢХЪ ВЪ МИРѢ И ВЪ РОДѢ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ,

И КАКЪ ОНЪ ПРОИСХОДИТЪ ВЪ КАЖДОМЪ ИЗЪ НАСЪ.

Гдѣ же, откуда грѣхъ въ мірѣ?—вопросъ самый близкій къ каждому грѣшнику; но для отвѣта на него надобно выйти мыслію за предѣлы всего видимаго; ибо грѣхъ произошелъ не въ нашемъ мірѣ. Благодареніе, тысячекратное благодареніе Господу, что не мы, человѣки, были первыми виновниками грѣха, возмутившаго безпредѣльное царство Божіе и внесшаго смерть и пагубу во вселенную!—Ибо хотя мы и заразились ужасною язвою грѣха; но поелику она пришла къ намъ отынуду, заразила притомъ насъ безъ полного нашего сознанія: то намъ еще осталась потому самому возможность быть уврачеванными отъ язвы грѣховной.

Гдѣ же, спросите, произошелъ грѣхъ?—Въ области духовъ—въ сердцѣ Люцифера. Онъ породилъ въ себѣ первый грѣхъ; онъ перелилъ сію язву сначала въ подобныхъ себѣ духовъ, а потомъ и въ сердце неосторожнаго прародителя нашего. Какъ начался и родился грѣхъ въ духѣ Ангела свѣтоноснаго, — не знаемъ: это тайна! — Руководясь истиннымъ понятіемъ о совершенствахъ Творца и природѣ существъ разумныхъ, мы можемъ только и должны утверждать, что первый грѣхъ произошелъ не отъ природы, а отъ свободы, и состоялъ въ злоупотребленіи разума и воли; а, послѣдую нѣкоторымъ указаніямъ слова Божія, доумѣваемъ, что первымъ злоупотребленіемъ разума и воли въ первомъ виновникѣ грѣха были самоумѣніе и гордость, желаніе независимости безграничной и стремленіе сдѣлаться подобнымъ Богу. Тоже св.

Писаніе, и уже положительно, открываетъ намъ, что сіи преступныя чувства въ Люциферѣ не остановились на одномъ внутреннемъ недовольствѣ и тайномъ враждованіи противъ Всевышняго, а дошли до явнаго возмущенія и безумнаго противоборства Его всемогущей волѣ. Такая дерзость и бунтъ не могли быть терпимы у престола Всемогущаго: — и гордый Денница сверженъ въ преисподнюю, въ самую низшую область мірозданія, гдѣ онъ дѣйствительно образовалъ изъ себя съ клеветами своими собственное царство тьмы и ужаса, ненависти и отчаянія, смерти и разрушенія.

Чтобы умножить число темныхъ слугъ своихъ и сообщниковъ возмущенія, чтобы уязвить непріступнаго по существу своему Творца въ лицѣ видимаго представителя Его совершенствъ на землѣ, врагъ Божій рѣшился заразить грѣховною язвою и созданнаго по паденіи его человѣка. Извѣстно, какъ послѣдовала сія зараза.

Для человѣка, яко видимаго образа Бога невидимаго, яко будущаго намѣстника Его на землѣ и правителя всѣхъ низшихъ существъ, необходимо было испытаніе, или такой опытъ послушанія и любви къ Творцу и Благодѣтелю своему, въ коемъ испытываемый со всею свободою могъ бы показать, что онъ рѣшается единожды и навсегда подчинить свою волю пресвятой волѣ и закону Творца своего, дабы во всемъ дѣйствовать согласно Его премудрымъ цѣлямъ и намѣреніямъ. Для сего опыта избрано было древо познанія добра и зла, съ запрещеніемъ вкушать отъ плодовъ его — подлѣ опасеніемъ смерти. Въ повиновеніи сей заповѣди заключалось все для человѣка — жизнь въ исполненіи ея, смерть въ нарушеніи: ибо чрезъ исполненіе онъ навсегда оставался едино съ Творцемъ, и потому способнымъ, къ чему предназначень Его благостію: чрезъ нарушеніе отдѣлялся отъ своего Творца, становился врагомъ Ему, и потому вовсе неспособнымъ къ своему мѣсту и предназначенію. У сего-то таинственнаго древа явился искушитель въ лъстивомъ образѣ змія, и коварнымъ обѣщаніемъ, что чрезъ вкушеніе плодовъ его человѣкъ не умретъ, какъ угрожалъ Господь, а сдѣлается подобнымъ Богу, увлекъ его въ преступленіе воли творческой.

Съ сей злополучной минуты вторгся и въ нашъ міръ грѣхъ со всѣми его ужасами. Разорвавъ преступленіемъ бѣдный союзъ съ Богомъ, несчастный прародитель нашъ лишился чрезъ то самое непосредственнаго, внутренняго сообщенія съ Источникомъ всѣхъ силъ и совершенствъ: умъ его померкъ, чувство

угасло, воля обомѣла, мощь исчезла, все существо помертвѣло. Вмѣстѣ съ симъ потерялъ онъ способность къ высокому своему мѣсту и предназначенію въ ряду существъ. А сдѣлавшись отпадшимъ отъ Бога и лишеннымъ первобытныхъ совершенствъ, первый человѣкъ не могъ уже не передать сего несчастнаго состоянія, то-есть падшей природы своей и всѣмъ своимъ потомкамъ. *II роди Адамъ сына по виду своему*, сказано въ бытописаніи, а уже не по образу Божию, какъ былъ созданъ вначалѣ самъ.

Здѣсь-то, въ семъ первобытномъ паденіи всего человѣчества, кроется первый, общій для всѣхъ людей источникъ наклонности ко злу. Этотъ источникъ есть наша собственная, падшая, помраченная, растлѣнная грѣхомъ природа, которую каждый изъ насъ заимлетъ отъ своихъ прародителей. Тѣ, кои не признаютъ сего источника зла, явно идутъ вопреки всеобщаго опыта. Ибо откуда въ насъ столь ранній и рѣшительный перевѣсъ чувственности надъ умомъ и совѣстію? Откуда такая сила надъ нами соблазновъ и такое слабое дѣйствіе на насъ примѣровъ добрыхъ? Откуда нечистыя и злыя движенія въ самыхъ младенцахъ? Не говоримъ уже о брѣнности всего существа нашего, которая видимо не первоначальнаго—божескаго происхожденія, а слѣдствіе какого-то ужаснаго переворота съ нашею природою.

Впрочемъ, тотъ составилъ бы себѣ неправильное понятіе о сей прирожденной всѣмъ намъ, порчѣ грѣховной, кто подумалъ бы, что вслѣдствіе ея человѣкъ долженъ теперь грѣшить необходимо. Нѣтъ, благодареніе Господу! сей ужасной необходимости нѣтъ ни для кого изъ сыновъ Адамовыхъ. — Вслѣдствіе первобытнаго паденія нашего, грѣхъ въ каждомъ изъ насъ имѣетъ теперь, такъ сказать, уже готовое для себя мѣсто, и намъ гораздо труднѣе исполнять волю Божию, нежели какъ было вначалѣ; а впрочемъ нѣтъ ни одного грѣха, котораго не можно было избѣжать, коль скоро есть на то твердая рѣшимость. Ибо, вслѣдствіе милосердаго о насъ промысленія любви божественной, мы, противъ немощи и порчи естества нашего, имѣемъ теперь силу благодати, постоянно вспомошествовающей намъ въ борьбѣ нашей съ наклонностію къ злу. Посему и нынѣ, какъ въ первые дни бытія человѣческаго, и въ каждомъ изъ насъ, какъ въ первыхъ прародителяхъ нашихъ, рядъ грѣхопадений начинается не отъ необходимости, а отъ произвола, и состоитъ въ злоупотребленіи разума и воли.

Какъ происходитъ въ насъ это новое, наше собственное па-

деніе? На сіе даетъ намъ отвѣтъ ап. Іаковъ. *Кійждо*, говоритъ онъ, *искушается, отъ своя похоти влекопъ и прельщаетъ. Также похоть, зачепши, раждаетъ грѣхъ* (Іак. 1, 14. 15). Въ самомъ дѣлѣ, доколѣ душа наша благодатію Божіею не исправится и не освободится отъ наклонности къ злу, дотолѣ въ ней, какъ на худой почвѣ земли сорныя травы, непрестанно возникаютъ разные грѣховныя помыслы и желанія нечистыя. Сами по себѣ, они еще не составляютъ грѣха дѣятельнаго, а служатъ только признакомъ въ насъ грѣховнаго расположенія и, такъ сказать, матеріаломъ для беззаконія; появленіе ихъ въ умѣ и сердцѣ не нарушаетъ нашей свободы, а только влечетъ насъ, какъ выражается Апостоль, и прельщаетъ на грѣхъ. И коль скоро похоть грѣха не оплодотворяется свободою воли, то преступныя мысли и желанія остаются безплодными, слабѣютъ въ душѣ, замираютъ и исчезаютъ. Въ противномъ случаѣ, если, вмѣстѣ съ пожеланіемъ, послѣдовало и несчастное соизволеніе на грѣхъ; если вмѣсто того, чтобы отвергнуть соблазнъ и искушеніе и подавить его разумомъ и совѣстію, мы приедемъ его въ объятія своихъ мыслей, соединяемъ съ нимъ нашу волю, предаемся тому, что внушаетъ вожделѣніе и страсть, и рѣшаемся исполнить злое намѣреніе на самомъ дѣлѣ: въ то время—не прежде *раждается*, какъ говоритъ Апостоль, *грѣхъ*. Раждается грѣхъ, хотя бы намъ почему либо и нельзя было совершить его на самомъ дѣлѣ: ибо грѣховная похоть, воспринятая свободою, усвоенная волею, предназначенная къ осуществленію разсудкомъ, есть уже полное и самостоятельное дѣйствіе нашего духа и дѣйствіе преступное.

Такъ побужденіе ко злу въ видѣ похоти бываетъ и изнутри—отъ растлѣннаго грѣхомъ сердца, но весьма часто происходитъ и со внѣ—отъ людей и вещей, насъ окружающихъ. Является какой либо соблазнъ, путемъ видѣнія или слуха входитъ въ нашу душу и начинаетъ влечь за собою волю и прельщаетъ сердце. Если человѣкъ, вооружившись страхомъ Божиимъ и чувствомъ долга, остается при семъ на сторонѣ совѣсти: то соблазнъ, проникши въ душу, теряетъ силу и наконецъ—исчезаетъ. Въ противномъ случаѣ, то есть, когда сей внѣшній соблазнъ усваивается сердцемъ, увлекаетъ за собою волю, обращается въ правлю дѣйствій: мы падаемъ и грѣшимъ, если не внѣшно, то внутренно. Разительный примѣръ сего ниспаденія ко злу представляетъ наша прародительница въ раю. Вотъ, она стоитъ предъ дровомъ познанія добра и зла и смотритъ на него, еще невинная; и змій

влечетъ ее къ плоду запрещенному и древо, — змій, лъстивымъ общаніемъ, что въ дрѣвѣ нѣтъ смерти, какъ говорилъ Господь, а напротивъ вѣдѣніе необыкновенное и независимость божеская, — древо, своими плодами и красотою. *И видѣ жена, яко додро древо въ снѣдѣ, и яко угодно очима видѣти, и красно есть, еже разумѣти.* Грѣховное пожеланіе уже родилось въ душѣ Евы, но могло быть отвергнуто и подавлено разсудкомъ и твердою волею. Прародительница рода человѣческаго могла сказать сама себѣ: слова змія искусительны; но слова Бога и Создателя стократъ вѣрнѣе и святѣе: видѣ древа и плодовъ его прекрасенъ; но законъ Божій еще вождѣлннѣе. Могла сказать такъ и пойти прочь. Такимъ образомъ и внутреннее и внѣшнее искушеніе осталось бы безплоднымъ и обратилось бы въ ничто; отринутое, побѣжденное, оно даже укрѣпило бы волю на превозможеніе новыхъ и большихъ искушеній; но сердце несчастной праматери нашей не устояло при семъ въ добрѣ, увлеклось похотію, — и преступленіе совершилось. *И вземши жена яде, и даде тужу своему, и ядоста.* Подобно сему искушается и падаетъ каждый изъ насъ. Давидъ, напр., случайно, видитъ жену Уриі, и воспламенившись страстію преступною, совершаетъ одно за другимъ два ужасныя преступленія. Іезавель видитъ виноградникъ Навуоея, рѣшается, во что бы то ни стало, имѣть его, и также достигаетъ своей цѣли преступленіемъ.

Наконецъ и посредственнымъ и непосредственнымъ поводомъ къ злу, во всѣхъ его видахъ, можетъ служить для насъ, подобно какъ служилъ для прародителей нашихъ, самъ первый виновникъ грѣха, исконный врагъ человѣчества, діаволь. Ибо хотя челоѣкоубійца сей связанъ узами всемогущества Божія, и ничего не можетъ противъ тѣхъ, кои пребываютъ подъ сѣнію благодати Христовой; но тѣ, кои своимъ невѣріемъ и нечестіемъ уклоняются изъ-подъ сего святаго покровя, отверзаютъ ему дверь въ свое сердце, на сихъ несчастныхъ людей духъ злобы получаетъ возможность дѣйствовать прямо и непосредственно, выходя въ нихъ отъ своей полноты зла хульныя мысли, зловредныя похоти и богопротивныя замыслы. Ужасный примѣръ сего адскаго наугіа представляетъ злополучный предатель Христовъ, о коемъ прямо сказано, что діаволь вложилъ въ сердце его, да предастъ своего Учителя. Тоже слово Божіе ясно говоритъ, что діаволь и донынѣ *ходитъ, яко левъ, искій кого поглотити.* Впрочемъ, и здѣсь мы возымѣли бы весьма неправильную мысль, если бы подумали, что онъ поглощаетъ, кого хочетъ: нѣтъ, онъ по-

глощаетъ токмо тѣхъ, кои сами того хотятъ, кои небрегутъ о средствахъ избѣгать сего льва и его ужаснаго поглощенія. Доказательство сему тотъ же несчастный предатель. Мысль о преданіи была вложена въ душу его и принята ею: но божественный Учитель при всемъ томъ не оставлялъ никакихъ средствъ, что бы остановить его на пути предательства. Почему не оставлялъ? потому, безъ сомнѣнія, что Іуда могъ и принятью, и усвоенную мысль о предательствѣ удалить отъ себя, отвергнуть, и содѣлаться паки тѣмъ, чѣмъ былъ вначалѣ, то есть вѣрнымъ ученикомъ и апостоломъ. Таже драгоценная возможность — возвратиться къ своему долгу и совѣсти остается и у каждаго грѣшника; и если онъ не найдетъ нѣкогда для себя извиненія и отвѣта на судѣ, то потому, что могъ, какъ говоритъ апостолъ Павелъ, *возникнуть отъ діавольскія сѣти*, и — не восхотѣлъ того.

Таково, братіе мои, происхожденіе грѣха въ мірѣ, въ родѣ человеческомъ и въ каждомъ изъ насъ! Грѣхъ, какъ вначалѣ произошелъ, такъ и нынѣ всегда происходитъ не отъ природы, а отъ злоупотребленія воли и свободы. Безъ свободы нѣтъ, и не можетъ быть никакого новаго грѣха. Посему-то всячески должно хранить и укрѣплять свободу духа; ибо она, какъ магнитъ, можетъ и возрастать въ силѣ и умаляться, смотря по тому, какъ упражняютъ ее. Въ чистыхъ Ангелахъ и праведникахъ совершенныхъ свобода воли, отъ непрестаннаго святаго упражненія въ добрѣ, дошла до того, что сдѣлалась вовсе непреклонною ко злу, неподвижно утвержденною въ добрѣ и законѣ: а въ духахъ отверженныхъ, отъ нераскаянности, гордости и непрестанныхъ ниспаденій во глубину грѣха, свобода воли пришла въ такое состояніе, что потеряла силу обратиться къ добру и содѣлалась однимъ призракомъ истинной свободы. Подобно сему и въ грѣшникахъ, нерадящихъ о своемъ исправленіи, преданныхъ слѣпо страстямъ, свобода, отъ повторенія однихъ и тѣхъ же грѣховъ, умалется наконецъ—до того, что они, предоставленные самимъ себѣ, безъ всемошной благодати Божіей, никогда не могли бы выйти изъ бездны грѣховной.

Памятуя сіи непреложныя истины, будемъ, братіе мои, дорожить какъ можно болѣе внутреннимъ произволомъ свободы нашей, не расточая безумно силу безсмертнаго духа нашего, по требованію страстей и прихотей. Когда же почувствуемъ въ себѣ утѣсненіе нашей духовной свободы отъ грѣховъ нашихъ, то

поспѣшимъ восполнить слабость воли нашей слезами истиннаго покаянія и благодатными таинствами св. Церкви, подобно какъ мореходцы немедленно спѣшатъ снова намагничивать свой компасъ, когда замѣтятъ, что онъ теряетъ силу направляться къ сѣверу. Аминь.

СЛОВО

О ТОМЪ, ЧѢМЪ ГРѢХЪ СОБЛАЗНЯЕТЪ ЧЕЛОВѢКА,

И ПОЧЕМУ ТАКЪ МНОГО ГРѢШНИКОВЪ НЕРАСКАЯННЫХЪ, И ТАКЪ
МАЛО ИСТИННО КАЮЩИХСЯ.

разумъ, и опытъ, и слово Божіе увѣряютъ насъ, братіе, что грѣхъ есть зло великое, и предаваться ему значитъ быть врагомъ самому себѣ. Между тѣмъ, что видимъ мы въ мірѣ? Что видимъ вокругъ насъ и въ насъ самихъ? Грѣхъ! Малая только часть избранныхъ Божіихъ, утвердившись на камени заповѣдей Господнихъ, оградившись страхомъ Божіимъ и благодатию Христовою, блюдетъ себя чистою отъ грѣха, постоянно сражается съ нимъ во всѣхъ его видахъ, и побѣждаетъ его и въ себѣ и въ другихъ. Гораздо большая часть, если и не оставляетъ совершенно пути правды и истины, то непрестанно уклоняется съ его на десно и шее. Еще большая часть людей и не думаетъ о царскомъ пути правды и долга, спокойно позволяетъ себя влечь страстямъ по всѣмъ дебрямъ порока. Есть наконецъ и такіе, кои до того раздружились со всякою добродѣтелию, до того сроднились со всякимъ грѣхомъ, что, подобно духамъ отверженнымъ, готовы навсегда оставаться во грѣхѣ, готовы, если бы то было возможно, воцарить его надъ всѣмъ міромъ.

Есть, значитъ, въ грѣхѣ что либо особенно привлекательное, когда онъ можетъ такъ овладѣвать людьми, не смотря на всѣ предостереженія отъ него разума, опыта и закона Божія. Что бы это было такое? Это, по замѣчанію Апостола, *времennaго грѣха сладость* (Евр. ii, 25), и, можемъ прибавить мы, временная добродѣтели горечь. Человѣкъ созданъ для блаженства; и по при-

родъ своей неудержимо и постоянно стремится къ нему. Поелику же въ настоящемъ состояніи нашемъ, порокъ бываетъ часто сладокъ, а добродѣтель напротивъ горька; то человѣкъ, жаждущій блаженства, потому самому и устремляется къ пороку —сладкому, и отвращается добродѣтели—горькой.

Но откуда сія, хотя временная, сладость порока, и эта, хотя временная, горечь добродѣтели? Ужели первый сладокъ, послѣдняя горька по самому существу ихъ? Нѣтъ, этого быть не можетъ. Грѣхъ по существу своему есть горечь адская; добродѣтель по самому существу своему есть сладость райская: но это по существу ихъ; для ощущенія сей горечи грѣха, сей сладости добродѣтели необходимъ вкусъ чистый и здравый; въ насъ нѣтъ сего вкуса: посему добродѣтель кажется намъ иногда горькою, а порокъ сладкимъ, точно такъ, какъ это бываетъ въ отношеніи къ яствамъ, во время нѣкоторыхъ болѣзней.

Такое превращеніе вкуса душевнаго бываетъ не вдругъ. Въ юныхъ лѣтахъ, когда сей вкусъ обыкновенно бываетъ чище (совершенно чистаго вкуса къ добродѣтели и пороку мы, какъ существа падшія, не приносимъ съ собою въ міръ сей), все доброе для насъ бываетъ гораздо пріятнѣе, и потому легче къ совершенію, и все порочное гораздо горче; и потому отвратительнѣе. Но съ продолженіемъ времени, когда чувственность наша беретъ верхъ надъ разсудкомъ, когда примѣры и обычаи заглушаютъ совѣсть, когда грѣхъ отъ повторенія обращается въ привычку, духовный вкусъ нашъ, портясь болѣе и болѣе, наконецъ совершенно превращается, такъ что добродѣтель становится для насъ горькою, а порокъ сладкимъ и пріятнымъ.—

Все сіе уже проясняетъ отчасти темное владычество грѣха надъ нами, но чтобы видѣть всѣ пріемы, коими уловляетъ онъ человѣка, всѣ узы и оковы, коими онъ удерживаетъ насъ въ своемъ плѣну, разсмотримъ дѣло подробнѣе.

Мы являемся на свѣтъ сей, какъ показываетъ опытъ, не съ первобытными совершенствами и невинностію, а съ составомъ души и тѣла поврежденнымъ, съ силами и способностями, недѣлющими между собою надлежащаго согласія, съ видимою склонностію къ чувственному, и отвращеніемъ отъ закона и обязанностей нашихъ. Для исцѣленія насъ отъ сей проказы, для выправленія всѣхъ членовъ природы нашей, для возвращенія намъ первобытной жизни, здравія и цѣлости, потребно продолжительное врачеваніе, чѣмъ и занимаются вѣра и добродѣтель, благодать и Евангеліе. Человѣкъ, предавшись въ руки искусному врачу,

по необходимости терять большую часть своей свободы, долженъ и жить и дѣйствовать не какъ хочется, а какъ велятъ, долженъ терпѣть разныя лишенія, принимать много горькихъ капель, доколѣ не освободится отъ наклонности ко грѣху и чувственности. Все это тяжело, иногда весьма больно для нашего плотскаго человѣка, для самаго воображенія, воли и свободы нашей. И вотъ является человѣку грѣхъ и говоритъ: къ чему всѣ сіи принужденія, всѣ эти лишенія? Что тебѣ мучить себя? Ты таковъ, какимъ долженъ быть; по крайней мѣрѣ совѣмъ не такъ худъ, какъ изображаютъ тебя вѣра и религія. Живи какъ хочется: пользуйся всѣмъ, чѣмъ можно; лови радости и удовольствія, коихъ и безъ того не много. Бѣдный человѣкъ внимаетъ обаятельному голосу, сбрасываетъ съ себя всѣ пластыри и обязанности, кои возлагали на него вѣра и добродѣтель, и переходитъ на сторону порока, который предлагаетъ полную свободу, всѣ виды наслажденій и радостей земныхъ.

Во вторыхъ, вѣра и добродѣтель, подвергая человѣка, хотя для его же блага, разнымъ принужденіямъ и ограниченіямъ, требуя отъ него нерѣдко важныхъ жертвъ и усилій, награду за все это обѣщаютъ не столько въ настоящемъ, сколько въ будущемъ, нерѣдко отдаленномъ; а полного плода и возмездія за всѣ труды и лишенія и не обѣщаютъ въ этомъ мірѣ, а велятъ ожидать его по смерти. Человѣкъ, озаренный свѣтомъ благодати и рѣшительно утвердившійся въ добрѣ, вполне довольствуется сѣмъ общаніемъ: ибо видитъ ясно, что дѣло иначе и быть не можетъ; что доколѣ падшая природа его вся не обновится и не освятится благодатию, дотолѣ она не можетъ и вмѣстить полного блаженства; что самая жизнь настоящая, самая земля наша въ настоящемъ ихъ состояніи неспособны къ сему блаженству. Но человѣкъ, водящійся мудрованіемъ земнымъ, не отрѣшившійся чувственности, не можетъ возвыситься до сего святаго взора на вещи; онъ, не смотря на всѣ свои недостатки, на всю свою болѣзнь, хотѣлъ бы сдѣлаться блаженнымъ здѣсь, и какъ можно скорѣе. Грѣхъ пользуется всѣмъ симъ, и во первыхъ наводитъ сомнѣнія на будущія награды за добродѣтель, на самую жизнь будущую, что и не трудно дѣлать для него, ибо то и другое невидимо; во вторыхъ, преувеличиваетъ злонамѣренно жертвы, требуемыя закономъ и совѣстію, выставляя въ тоже время разнообразную картину своихъ удовольствій. Зачѣмъ, говоритъ онъ человѣку, опускать вѣрное — настоящее и гнаться за будущимъ, неизвѣстнымъ и едва ли возможнымъ? Я не маю

тѣмъ, чего у меня нѣтъ: мои всѣ блага и радости на лицо. Они всѣ къ твоимъ услугамъ; только предайся мнѣ. Бѣдный грѣшникъ посмотритъ въ даль будущности, общаемой за добродѣтель,—и своими близорукими очами не видитъ ничего, или весьма мало; посмотритъ на область грѣха, она кипитъ предъ нимъ утѣхами и наслажденіемъ; и вотъ,—онъ на сторонѣ грѣха, въ плѣну страстей!..

Опытъ могъ бы остановить при семъ бѣднаго человѣка, показавъ ему, какъ многіе изъ грѣшниковъ, вмѣсто всѣхъ сладостей грѣха, или за малыя капли ея, терпятъ и въ семъ мірѣ ужасныя бѣдствія: но грѣхъ умѣетъ искусно прикрывать въ себѣ эту мрачную и ужасающую сторону, представляя, что сіи бѣдствія произошли не отъ самаго грѣха и преступленія закона, а отъ недостатка при томъ благоразумія, или отъ особеннаго стеченія обстоятельствъ. Все это бываетъ при грѣхѣ, говоритъ человѣку страсть, но всего этого можетъ и не быть: ты возьмешь противъ сего надлежащія мѣры, и на твою долю достанутся одни сладости и удовольствія.

Въ довершеніе сихъ обольщеній, грѣхъ имѣетъ удивительную способность разнообразить ядовитую свою сладость, смотря по требованію. Можно сказать, что сладость грѣховная преобразуется по вкусу каждаго грѣшника. Для людей грубыхъ и чувственныхъ у грѣха множество наслажденій, самыхъ плотскихъ и грубыхъ; для людей, живущихъ въ области вождельній душевныхъ, у грѣха есть не мало удовольствій невещественныхъ, на примѣръ, удовольствіе скупаго отъ одного взгляда на кучи золота. Для людей, дѣйствующихъ преимущественно умомъ и волею, у грѣха наготовѣ запасъ преступныхъ наслажденій умственныхъ, доставляемыхъ гордостію, презорствомъ, буйными замыслами, дерзкими поступками и проч. Даже для людей, знакомыхъ съ жизнію духа, съ подвигами добродѣтели, съ совершенствами христіанскими, у грѣха есть своя сладкая отравка: это тайное самоуслажденіе своими совершенствами и подвигами, съ забвеніемъ собственнаго ничтожества. Сею приманкою грѣхъ уловляетъ душу въ свои сѣти, такъ сказать, подъ самымъ небомъ.

Самая сладость грѣха, въ чемъ бы она ни состояла, имѣетъ ужасныя свойства. Вкушаемая, она обезсиливаетъ человѣка во всемъ существѣ его, отнимаетъ у него часть внутренняго чувства и разумаго самосознанія, непримѣтно погружаетъ такимъ образомъ сначала въ сонъ духовный, а потомъ въ душевное оцѣ-

пенѣніе и мертвенность. Обумерщвленный страстями грѣшникъ, видя не видитъ, слыша не слышитъ. Сколько разъ ни восходитъ надъ нимъ солнце благодати, сколько ни орошается онъ струями слова Божія и христіанскихъ наставленій, сколько ни гремитъ надъ нимъ громъ самаго гнѣва Божія: — все это для него какъ бы не существуетъ; потому что грѣхъ ослабилъ его умъ, заглушилъ его внутренній слухъ, подавилъ въ немъ совѣсть, обмертвилъ его духъ.

Будемъ ли дивиться послѣ всего этого, что такъ мало людей, избѣгающихъ совершенно сѣтей грѣха, и такъ немного такихъ, кои, имѣвъ несчастіе узануть въ сихъ сѣтяхъ, расторгаютъ ихъ потомъ мужественно и исходятъ на свободу духа? Ахъ, еслибы не всемогущая сила благодати Божіей, не Ангелы-хранители наши, не матернее попеченіе и таинства Церкви; то всѣ мы, безъ сомнѣнія, и навсегда остались бы въ плѣну страстей, не имѣя и мысли о томъ, чтобы сражаться съ ними, и терпѣть разныя принужденія для возвращенія себѣ свободы духа и чистоты сердца!

Не будемъ же забывать сего, возлюбленные! Зная коварство врага нашего—грѣха, и то, чѣмъ онъ уловляетъ насъ, противопоставимъ ему всегдашнюю бдительность, строгій разборъ и непреклонное отвращеніе. Явится ли онъ предъ насъ съ своею сладостію, — отринемъ ее съ ужасомъ подобно тому, какъ мы же отвергли бы ядъ, самый сладкій и вкусный. — Будетъ ли грѣхъ прельщать насъ утѣхами въ настоящемъ, — вспомнимъ, что сіи утѣхи привременны и скороисчезающы, а скорби, за ними слѣдующія, всегдашны и вѣчны. Будетъ ли выставлять предъ нами трудность жизни добродѣтельной, великость жертвъ, требуемыхъ вѣрою и покаяніемъ, — скажемъ, что сія трудность также привременна и вмѣстѣ необходима и спасительна, что сіи жертвы вознаграждаются въ свое время сторицею и требуются отъ насъ ради нашего же блага, — скажемъ такъ, и пребудемъ вѣрными закону, Богу и совѣсти. Аминь.

СЛОВО

О ТОМЪ, ЧТО ПАГУБНЫЯ ДѢЙСТВІЯ ГРѢХА ТАКЪ ВОДЛИВЫ,

ЧТО МЫ НЕ МОЖЕМЪ И ВИДѢТЬ ИХЪ ВО ВСЕЙ ГЛУБИНѢ И ОБШИРНОСТИ, НО ДОЛЖНЫ, ПО ВНУШЕНІЮ СЛОВА БОЖІЯ, РАЗУМА И ОПЫТА, ПРЕДПОЛАГАТЬ, ЧТО ОНИ УЖАСНО ГИБЕЛЬНЫ.

дно изъ пагубныхъ свойствъ грѣха, какъ мы замѣтили прежде, состоитъ, въ томъ, что онъ открываетъ намъ только ту сторону свою, которая обольстительна для нашей чувственности, а сторону вредоносную и пагубную всегда сокрываетъ и представляетъ вовсе несуществующею. Посему, желая произвести въ себѣ спасительный ужасъ и отвращеніе ко грѣху, намъ должно употребить все стараніе, чтобы извести наружу весь ядъ, сокрывающійся въ сладости грѣховной, и показать его пагубныя дѣйствія. Это самое, при помощи благодати Божіей, и надѣмся мы сдѣлать въ слѣдующихъ собесѣдованіяхъ нашихъ. Теперь же почитаемъ за нужное рассмотреть предварительно—можемъ ли мы, въ настоящемъ состояніи нашемъ, видѣть всю пагубу, истекающую отъ грѣха, и если не можемъ, то почему именно. Это необходимо для того, дабы кто либо не вообразилъ, что мы сказали о сей пагубѣ все, что сказать можно, и что болѣе ни видѣть, ни сказать ничего не остается. Нѣтъ, мы заранѣе отрекаемся отъ сего совершенства. Всю пагубу, отъ грѣха происходящую, не можетъ видѣть око ума человѣческаго. Почему? По той самой простой причинѣ, что мы не можемъ видѣть теперь состоянія рода человѣческаго ни прошедшаго—первобытнаго, ни будущаго—окончательнаго. Дабы знать, какими бѣдствіями разразился надъ человѣкомъ грѣхъ,

необходимо имѣть понятіе о томъ, въ чемъ состояло его первобытное совершенство: но мы всѣ приходимъ теперь на свѣтъ съ природою, лишенною первобытныхъ совершенствъ, съ порчею отъ грѣха въ душѣ и тѣлѣ; никто изъ насъ не видалъ перваго человѣка въ состояніи невинности и безсмертія. Послѣ сего какъ намъ опредѣлить, что сдѣлалъ съ нами грѣхъ, чего именно лишилъ и чему подвергъ? Съ другой стороны, послѣдствія грѣха должны обнаружиться не въ сей только жизни, а еще болѣе по смерти, въ вѣчности, которая также недоступна не только нашимъ чувствамъ, но даже и самымъ понятіямъ. Посему опять сами по себѣ мы не можемъ сказать, что сдѣлаетъ съ нами грѣхъ, до чего прострется пагуба и жестокость его надъ нами. Послѣ сего для наблюденія нашего за пагубными дѣйствіями грѣха надъ нами остается одинъ тѣсный кругъ нашего земнаго бытія. Здѣсь многія пагубныя дѣйствія грѣха тотчасъ видны каждому; а большая часть опять не видна для взора самаго дальновиднаго. Ибо грѣхъ, хотя есть ядъ сильнѣйшій изъ всѣхъ ядовъ, но дѣйствіе свое оказываетъ, обыкновенно, не вдругъ, портитъ природу и жизнь нашу постепенно и непримѣтно: почему трудно указать съ ясностію, что именно худаго проистекло въ нашей жизни непосредственно отъ грѣха, и что отъ другихъ причинъ. Для означенія всѣхъ пагубныхъ дѣйствій грѣха на извѣстнаго человѣка, надобно бы знать всю его жизнь въ точности, взять, такъ сказать, всю сумму его пороковъ и всю сумму его страданій, и сличить одно съ другимъ: но это невозможно. Тѣмъ невозможнѣе сдѣлать сіе въ отношеніи къ цѣлому роду человѣческому. Посему-то въ извѣстномъ церковномъ пѣснопѣніи столь же справедливо, какъ и глубоко, вѣдѣніе всѣхъ нашихъ недуговъ грѣховныхъ усвоится одному Богу: *единъ вѣдый чловѣческаго существа немощь!* — Точно, одинъ Богъ знаетъ и видитъ, что сдѣлалъ, дѣлаетъ и можетъ сдѣлать съ нами грѣхъ!

Такимъ образомъ, не смотря на весь опытъ и на всѣ познанія наши, мы оставались бы съ весьма поверхностными свѣдѣніями о томъ, какъ ужасенъ грѣхъ, и какое разрушеніе производитъ онъ въ природѣ нашей, если бы не пришелъ къ намъ въ семъ дѣлѣ на помощь одинъ великій свидѣтель, который былъ при началѣ нашего бытія и видѣлъ, что произвелъ грѣхъ надъ нашими прародителями, коему съ другой стороны извѣстно все, что послѣдуетъ съ нами за гробомъ, въ вѣчности, какъ разразится тамъ пагуба грѣха надъ тѣми, кои не успѣли освободиться отъ его лютой проказы. Этотъ свидѣтель всевѣдущій

есть божественное Откровеніе, предъ коимъ, какъ предъ очами самого Бога, открыта совершенно вся судьба наша во времени и въ вѣчности.

Что же говорить намъ сей неложный свидѣтель о слѣдствіяхъ грѣховъ нашихъ?—Ахъ, онъ открываетъ намъ такъ много, что если бы мы были внимательны къ его словамъ, то вся жизнь наша обратилась бы въ оплакиваніе того, чего мы лишились чрезъ грѣхъ, и въ избѣжаніе того, что намъ угрожаетъ за грѣхъ. —Ибо чего не лишилъ насъ грѣхъ, по свидѣтельству слова Божія? Лишилъ образа Божія, украшавшаго насъ въ состояніи невинности, и заключавашаго въ себѣ вмѣстѣ съ богоподобіемъ, основаніе и залогъ всѣхъ совершенствъ; лишилъ блаженного общенія съ Богомъ и міромъ ангельскимъ; лишилъ безсмертія и жизни въ раю; лишилъ господства надъ тварями и всею землею.

Вотъ наши лишенія! Кто, скажемъ съ Соломономъ, можетъ исчислить ихъ и взвѣсить (Еклез. 1, 1)?

Не меньшее зло угрожаетъ намъ отъ грѣха, по свидѣтельству того же слова Божія, и въ будущемъ, ибо угрожаетъ совершенное разобщеніе съ Богомъ и небомъ, совершенное лишеніе всѣхъ благъ небесныхъ; угрожаетъ всеконечная потеря всякой истинной жизни и радости; угрожаетъ ужасное, невольное, вѣчное пребываніе съ духами отверженными во адѣ, среди мученій некончаемыхъ. Что можетъ быть ужаснѣе сей участи?

Отважimsя ли подозрѣвать небеснаго свидѣтеля въ невѣрности и неточности его свидѣтельствъ о пагубныхъ дѣйствіяхъ грѣха? Но какая ему нужда вводить насъ въ заблужденіе? А съ другой стороны, свидѣтельство слова Божія въ семъ случаѣ разительнo подтверждается свидѣтельствомъ всего первобытнаго человечества. Ибо, что говорятъ намъ всѣ самыя древнія преданія о нашемъ первобытномъ состояніи? Всѣ они, не смотря на разность народовъ и странъ свѣта; говорятъ одно—что первые люди наслаждались величайшими совершенствами и самымъ блаженнымъ состояніемъ, и что всѣ сіи совершенства и блаженство погибли отъ преступленія заповѣди Божіей; что всѣ бѣдствія, покрывающія лице земли, покрыли ее именно съ того времени, какъ воцарился въ людяхъ грѣхъ.

Иначе и быть не могло, по самому обыкновенному и вмѣстѣ неизмѣнному порядку вещей. Каждое твореніе имѣетъ законъ своего бытія, начертанный для него Творцемъ премудрымъ и всемогущимъ. Уклоненіе отъ сего закона жизни и совершенства неминуемо портитъ и губитъ все уклоняющееся, какъ это

можно видѣть во всѣхъ царствахъ природы. Драгоценный камень, когда въ немъ отразился въ точности законъ его бытія, крѣпокъ, свѣтелъ, прозраченъ и многоцѣненъ, въ противномъ случаѣ безобразенъ, тусклъ, ломокъ и малоцѣненъ. Дерево, соотвѣтствующее образцу своей породы, стройно, крѣпко, долговѣчно, плодоносно; а уклоняющееся отъ него—криво, безобразно, бесплодно и негодно къ употребленію. То же въ царствѣ животныхъ: неправильное и, можно сказать, беззаконное смѣшеніе породъ въ животныхъ, разлученныхъ отъ сожитія самою природою, если и даетъ бытіе, то существамъ уродливымъ, слабымъ, кои притомъ не могутъ продолжать своего рода.

Такъ отмщаетъ за себя всякое уклоненіе отъ законовъ бытія въ природѣ, насъ окружающей! Тѣмъ разрушительнѣе это уклоненіе должно быть для человѣка; ибо глубина паденія и разрушенія, имъ произведеннаго, всегда соотвѣтствуетъ высотѣ и огромности зданія: а человѣкъ есть владыка и вѣнецъ всего видимаго. Въ тваряхъ неразумныхъ грѣхъ не можетъ оказать во всей силѣ своего яда, ибо самое бытіе ихъ временно и преходяще; онъ только портитъ и разрушаетъ ихъ. А въ человѣкѣ, какъ существѣ безсмертномъ, для него пища вѣчная, неистощимая. Здѣсь вселившись, грѣхъ можетъ жить всегда, вѣчно мучить и терзать, губить и разрушать безъ конца.

Какъ ни закрыто отъ насъ это будущее тиранство грѣха надъ существомъ человѣка по смерти, въ родѣ человѣческомъ всегда было глубокое предчувствіе того, и постоянное, всеобщее желаніе предупредить это тиранство. Ибо пересмотрите преданія всѣхъ народовъ, самыхъ просвѣщенныхъ и самыхъ грубыхъ: въ каждомъ изъ нихъ найдете вѣрованіе въ будущее ужасное состояніе грѣшниковъ по смерти. И что значать всѣ жертвы за грѣхи, приносимыя божеству въ разныхъ видахъ всѣми народами, какъ не покушеніе примириться съ небомъ, избавиться отъ грѣха и предупредить его ужасныя дѣйствія на человѣковъ за гробомъ, въ мірѣ будущемъ?—Не станемъ входить въ разсмотрѣніе дѣйствительности сихъ жертвъ (что могло примирить насъ съ небомъ и освободить отъ грѣха и проклятія, кромѣ единой божественной Жертвы, принесенной на крестѣ): для насъ довольно видѣть, что родъ человѣчскій, всегда и вездѣ, признавалъ въ грѣхѣ зло для человѣка самое ужасное, кося разрушительныя слѣдствія простираются на цѣлую вѣчность.

Запасись сими мыслями, обратимся теперь, въ слѣдую-

щихъ собесѣдованіяхъ нашихъ къ разсмотрѣнію пагубныхъ дѣйствій грѣха, по отношенію ко всѣмъ силамъ и способностямъ чловѣка, къ состоянію его настоящему— на земли, и будущему—по смерти. Аминь.

СЛОВО

О ТОМЪ, ЧТО ГРѢХЪ РАСПРОСТРАНЯЕТЪ ПО ВСЕМУ СЪЩЕСТВУ ЧЕЛОВѢКА ТѢЛУ,

ПОРТИТЬ ЕГО УМЪ, БЕЗОБРАЗИТЬ И ОЯДОТВОРЯЕТЪ ПОЗНАНІЯ И
ПРЕДРАСПОЛАГАЕТЪ ГРѢШНИКА КЪ СУМАСИШЕСТВИЮ.

Пойдутъ яко слѣпи; зане Господєви
прегрѣшиша (Софон. 1, 17).

амое первое изъ обольщеній, коими адскій змій увлекъ въ раю злополучную прародительницу нашу къ преступленію заповѣди Божіей, состояло, какъ извѣстно, въ обѣщаніи ей, отъ вкушенія плода запрещеннаго, какого-то особеннаго вѣдѣнія, подобнаго божескому: *въ онъже еще день снѣсте отъ него*, говорилъ змій, *отверзутся очи ваши, и будете яко бози, вѣдающе доброе и лукавое*. Хотя горькій опытъ прародителей долженствовалъ бы вразумить всѣхъ насъ не полагаться на сіе лукавое обѣщаніе, и почитать грѣхъ источникомъ не свѣта познаній, а тьмы и заблужденій; но искушитель и врагъ челоѣковъ имѣетъ столько безстыдства, что доселѣ не престаєтъ употреблять тотъ же обманъ, увлекая ко грѣху, между прочимъ, призракомъ мудрости и вѣдѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на грѣшника изъ людей, такъ называемыхъ, образованныхъ; что вы замѣтите въ немъ? Первое всего умственную надменность и презорство: многіе изъ таковыхъ готовы сказать прямо, что они потому и позволяютъ себѣ, чего не позволяютъ другіе, что знаютъ болѣе другихъ. И какъ обыкновенно люди развратные смотрятъ на тѣхъ, кои всегда вѣрны закону и своему долгу? Какъ на людей ограниченныхъ,

неспособныхъ къ чему либо высшему и большему. — Подобное сему можете замѣтить въ грѣшникѣ и изъ самаго нисшаго класса людей, и онъ почитаетъ себя превыше толпы своихъ собратій, готовъ при каждомъ случаѣ задавать имъ тонъ, быть вождемъ ихъ, какъ опытный и болѣе знающій. Что всего жалче, — хвастовство и наглость порока причиною того, что самые добрые люди привыкають смотрѣть на людей развратныхъ, какъ на существа, хотя падшія, но обладающія особенною силою ума, и вслѣдствіе сего оказываютъ въ отношеніи къ нимъ, вмѣстѣ съ сожалѣніемъ, нѣкоторый родъ уступчивости и даже уваженія.

Не тѣмъ ли нужнѣе сорвать съ порока эту личину велемудрія и показать, что если есть какая тьма въ родѣ человѣческомъ, то она вся отъ грѣха и порока; что грѣхъ, гдѣ ни проявляется, вездѣ ведетъ за собою мракъ и слѣпоту; что онъ ослѣпляетъ и портитъ самыя великія способности, превращаетъ и губитъ самыя обширныя познанія, что неотъемлемое свойство его predisposingъ челоѣка къ умственному помѣшательству?

Будемъ ли мы однако же оспаривать для сего у грѣшника всякое вѣдѣніе? Нѣтъ, мы усвоимъ ему оное, даже въ нѣкоемъ особенномъ родѣ, имѣя въ виду опытъ и примѣръ нашихъ злополучныхъ прародителей. У нихъ, по паденіи, дѣйствительно отверзлись очи, какъ общаго искusstель, но что увидѣли? *Яко назибѣша.*

Вотъ новое познаніе, произведенное грѣхомъ, и вмѣстѣ наказаніе за грѣхъ; ибо не зная своей наготы было одно изъ преимуществъ состоянія невинности. Отверзлись очи тѣлесныя, но въ то же время видимо затмилась очи духовныя: ибо отъ кого хотѣли укрыться прародители наши? Отъ Бога и Творца вездѣсущаго! Такъ мгновенно затмилась въ душѣ самая очевидная и непреложная истина вездѣсущія Божія! Подобное несчастное отверженіе очей продолжается и доселѣ у грѣшника: послѣ каждаго новаго преступленія онъ видитъ себя въ новомъ состояніи, познаетъ, чего не зналъ прежде: — и если сложить разные виды грѣховъ, всѣ опыты зла и паденій; то, пожалуй, составитъ родъ знаній, коихъ не имѣетъ не только челоѣкъ добродѣтельный, но и самый Ангелъ, подобно тому, какъ челоѣкъ, небывавшій больнымъ, не можетъ знать опытно того, что производитъ въ челоѣкѣ болѣзнь. Но, братіе мои, судите сами, что это за вѣдѣніе? Какъ оно жалко и отвратительно! и какъ стократъ лучше не звать того, что знаетъ на свою бѣду грѣшникъ! И однако же онъ изъ сего жалкаго вѣдѣнія извлекаетъ нерѣдко способы казаться мудрѣ другихъ. — Присоедините къ

сему наглость порока, который, снимая съ человѣка самую священную узы, первѣе всего дѣлаетъ необузданными его мысли и умъ;—и вы поймете, какъ грѣшникъ можетъ казаться знающѣе другихъ. Какъ первое свойство человѣка добродѣтельнаго держать себя въ предѣлахъ вѣры и скромности,—почему онъ, не полагаясь на силы своего ума и проницательность, всегда готовъ сознать свое невѣдѣніе, остановиться—въ недоумѣніи, какъ ему дѣйствовать, тѣмъ паче не позволить себѣ дерзко судить о томъ, что выше его понятій: такъ первое свойство грѣшника — судить и рядить обо всемъ, всѣмъ быть недовольнымъ, всему предписывать законы, показывать себя всезнающимъ и ко всему способнымъ. Съ такимъ духомъ и безстыдствомъ, при нѣкоторой способности и познаніяхъ, удивительно ли прослыть иногда умникомъ?—Къ довершенію обаянія грѣховнаго, въ семъ отношеніи, люди дѣйствительно даровитые,—частію по наклонности нашей поврежденной природы къ злу, частію по превратности воспитанія и самыхъ даже наукъ,—рѣдко не платятъ хотя на время, дани пороку, который, губя въ нихъ все лучшее,—самый умъ, извлекаетъ однако изъ ихъ дарованій ту для себя выгоду, что, опираясь на ихъ личность, выдаетъ мрачное знамя свое за хоруговъ мудрости. Эта, говорю, жалкая падкость людей даровитыхъ на грѣхъ даетъ пороку возможность носить личину вѣдѣнія и прельщать ею взоры людей, неумѣющихъ отличать дары Творца отъ ихъ злоупотребленія. На чьей сторонѣ видятъ нерѣдко людей, почитающихся умными, о той сторонѣ и думаютъ, что она есть область свѣта и вѣдѣнія, не обращая вниманія на то, что сіи даровитые люди суть пришельцы въ ней и жалкіе измѣнники своей родины.

Видите, что мы не сокрыли ничего, что въ грѣхѣ, какъ въ змѣѣ, можетъ быть блещущаго; а въ тоже время видите сами, какъ ничтоженъ призракъ мудрости, коею обольщаетъ порокъ. Итакъ, довольно уступокъ: взглянемъ теперь въ лице этому лукавому врагу, приблизимъ къ нему свѣтъ опыта, и посмотримъ, что съ нимъ будетъ!

Не подлежитъ, братіе мои, никакому сомнѣнію та нечальная истина, что родъ человѣческій покрытъ какою-то неестественною тьмою невѣдѣнія, и что всѣ усилія разогнать сію тьму остаются доселѣ безъ значительнаго успѣха. Что всего жалчае, — тьма сія не даетъ человѣку видѣть того, что для него особенно нужно видѣть ясно, даже—кто Творецъ и Владыка судьбы его? даже—откуда онъ самъ и для чего здѣсь на землѣ?

даже—что ему должно дѣлать, къ чему готовить себя, и что ожидаетъ его по смерти? Это предметы крайней важности для человѣка: и они-то покрыты великою тьмою. Самые образованные народы слѣпотствовали въ семъ отношеніи наизячайшимъ образомъ. Мы удивляемся теперь просвѣщенію древнихъ грековъ и римлянъ: но спросите, кому поклонялись они? истуканамъ. Что знали о происхожденіи и судьбѣ человѣка? ничего яснаго и рѣшительнаго. Лучшие изъ людей старались освободить и себя и другихъ отъ этой тьмы; зажигали множество для сего свѣточей; производили иногда вокругъ себя нѣкое мерцаніе,—даже пожары; но мерцаніе исчезало, пожары угасали;—а мракъ и невѣдѣніе оставались.

Возможно ли, чтобы сія ужасная тьма была естественна человѣку, чтобы Творецъ премудрый, создавъ такое существо, какъ человѣкъ, не далъ ему ясно знать о Себѣ, не сказалъ прямо о его назначеніи, и не указалъ, куда ему идти и какимъ путемъ?—Какой земной отецъ поступитъ такъ съ своимъ сыномъ,—пославъ въ путь дальній, не скажетъ, что дѣлать на пути и что за мѣсто, куда онъ посланъ? Но родъ человѣческій именно находится въ подобной тьмѣ. Если бы мы захотѣли быть несправедливыми въ отношеніи къ любви Отца небеснаго, и вздумали предполагать, что она поступила съ нами, какъ земные отцы поступаютъ иногда съ дѣтьми своими, тотчасъ по рожденіи сокрываясь отъ нихъ навсегда, и оставляя ихъ на произволъ случая; то насъ обличилъ бы взглядъ на всѣ прочія творенія, изъ коихъ каждое снабжено всѣмъ для него нужнымъ; обличилъ бы самый остатокъ свѣта и истины, прирожденныхъ душъ нашей, который показываетъ, что мы были нѣкогда снабжены въ избыткѣ потребнымъ запасомъ вѣдѣнія, но не умѣли сохранить его въ цѣлости; обличилъ бы, наконецъ, голось всего первобытнаго человѣчества о томъ, что человѣкъ въ началѣ бытія своего былъ и ходилъ во свѣтѣ, но потерялъ его.

Кто же лишилъ насъ сего естественнаго, первобытнаго свѣта, и погрузилъ въ тьму, отъ коей, при всѣхъ усиліяхъ, доселѣ не можемъ избавиться? Никто и ничто, кромѣ грѣха. Въ состояніи невинности, какъ видимъ изъ бытописанія, праотецъ нашъ обладалъ способностію провидѣть самое внутреннее свойство вещей; почему и нарекъ имена всѣмъ животнымъ по одному взгляду на нихъ,—такія имена, кои одобрены къ употребленію, за ихъ доброту, самимъ Богомъ: по паденіи тотъ же праотецъ вдругъ ослѣпъ до того, что вообразилъ себѣ возможность укрыться отъ

Бога вездѣсущаго въ сѣни дровъ райскихъ. Остатки первобытнаго свѣта, доколѣ жили патріархи, спасали человѣчество отъ погруженія во тьму совершенную; но когда сей драгоценный запасъ преданій, сіе священное наслѣдіе рая истощилось, и человѣчество осталось съ своимъ ослабленнымъ отъ грѣха разумомъ, въ то время тьма невѣдѣнія обнаружилась во всей силѣ, и человѣкъ началъ говорить древу: *ты отецъ мой, каменію: ты мя родилъ еси.*

Къ большому несчастію нашему, грѣхъ не только лишилъ насъ первобытнаго свѣта божественнаго и отнялъ предметы вѣдѣнія, но и содѣлалъ насъ неспособными видѣть ихъ; испортилъ наше зрѣніе умственное до того, что теперь, если бы и показать человѣку сіи предметы, то онъ не увидѣлъ бы ихъ, какъ должно.

Въ самомъ дѣлѣ, что представляютъ умственныя способности наши? Представляютъ не только слабость крайнюю, но и какое-то внутреннее разстройство, похожее на то, какъ если бы въ зрительной трубѣ передвинуты были съ надлежащаго мѣста всѣ стекла. И вотъ изъясненіе, почему наука вѣдѣнія, при всѣхъ усиліяхъ образовать умъ человѣка, достигаетъ весьма небольшихъ успѣховъ, а иногда вовсе ничего не производитъ. Это потому, что умъ нашъ поврежденъ грѣхомъ въ самомъ составѣ своемъ. Посему жалкое заблужденіе, когда мы думаемъ, что уму нашему, равно какъ и прочимъ способностямъ души, недостаетъ только одного приличнаго образованія и, такъ сказать, полировки. Нѣтъ, нынѣшнему уму человѣческому недостаетъ не одного праваго образа; въ немъ нѣтъ внутренней чѣлости и здравія, недостаетъ, слѣдовательно, того, чего никакая наука дать не можетъ. Посему-то слово Божіе, пріемля на свои руки просвѣщеніе человѣка, идетъ къ сей чѣлѣ не путемъ только сообщенія ему познаній, хотя могло бы вдругъ открыть ему ихъ множество, а первѣе всего путемъ врачеванія, и передаетъ его для сего въ руки не земнымъ образователямъ и наставникамъ, а небесному, всемогущему Врачу умовъ и сердець—Духу Святому, да отверзетъ *очи сердца*, да сниметъ съ нихъ наслѣдственное бѣльмо, да помажетъ ихъ таинственнымъ *колуѣіемъ*, да исцѣлитъ ихъ и возсоздастъ. И тѣ, надъ коими совершена сія священнотаинственная операція, у коихъ благодатію Божіею отверзлись очи ума и сердца, тѣ, безъ всякой науки, познаютъ и видятъ то, чего не доставляетъ никакое земное образованіе.

Судя по сему, что грѣхъ лишилъ уже насъ первобытнаго свѣта и вѣдѣнія и содѣлалъ то, что мы приходимъ въ

міръ сей слѣплыми духомъ, ему, казалось бы, уже нечего было дѣлать въ частности надъ умомъ бѣдныхъ грѣшниковъ. Но свойство ослѣпляти никогда не можетъ оставить его. Съ другой стороны, у человѣка все еще есть остатокъ свѣта естественнаго; а у христіанина, кромѣ того, не мало свѣта откровеннаго: по-сему грѣхъ и теперь, при каждомъ появленіи своемъ въ человѣкѣ, ведетъ за собою для него новую тьму, въ добавокъ къ общей природной. Посмотримъ, какъ сія тьма овладѣваетъ грѣшникомъ.

Первое и неизбѣжное дѣйствіе порока въ человѣкѣ то, что онъ отвращаетъ лице и все существо человѣка отъ неба къ адъ: вмѣстѣ съ тѣмъ первое и неизбѣжное слѣдствіе порока то, что духовное Солнце — Богъ престааетъ освѣщать душу грѣшника. Надъ его душею потому тотчасъ начинается распространяться внутренний мракъ, не могущій быть разгнаннымъ никакимъ свѣтомъ земнымъ, и дающій по временамъ съ силою себя чувствовать и самому бѣдному грѣшнику и другимъ. Самый образованный изъ грѣшниковъ въ минуту самосознанія ощущаетъ, а иногда и со вздохомъ говоритъ, что у него въ душѣ темно!.. Почему темно, когда она, повидимому, наполнена всякаго рода познаніями? Потому, что въ ней нѣтъ свѣта Божія; а свѣта Божія нѣтъ потому, что она отвратилась отъ лица Божія. Это состояніе внутренняго омраченія отъ грѣха видимо бываетъ и для другихъ. Надъ многоучеными, но порочными людьми постоянно виситъ что-то мрачное; они задумчивы, ихъ взоръ бѣглый и мутенъ; въ нихъ нѣтъ душевной ясности; ихъ движенія безпокойны, предпріятія нерѣшительны; самыя радости мрачны и пусты; они подобны человѣку, идущему въ потьмахъ, ощупью. Надъ человѣкомъ добродѣтельнымъ напротивъ, хотя бы онъ не былъ знакомъ ни съ какимъ образованіемъ, всегда носится нѣкій свѣтъ, мирно почивающій въ его душѣ, свѣтящій въ его чистомъ и свѣтломъ взорѣ, отсвѣчивающій нерѣдко на его лицѣ, озаряющій всѣ пути его и дающій ему удобность быть въ дѣйствіяхъ своихъ твердымъ, правильнымъ и спокойнымъ. Это свѣтъ лица Божія, къ коему постоянно обращена душа чистая.

При сокрытіи чувственнаго солнца, дѣлаются по крайней мѣрѣ видимы на небѣ другія свѣтила; при закрытіи въ душѣ Солнца духовнаго—Бога—напротивъ.—Здѣсь во всей силѣ исполняется то, что, по свидѣтельству слова Божія, должно произойти при кончинѣ міра: не только солнце померкаетъ, но и луна не даетъ свѣта, и звѣзды спадаютъ съ небесе. Эта луна—наша со-

вѣсть: неозаряемая въ грѣшникѣ свѣтомъ лица Божія, она сама не даетъ достаточнаго свѣта, чтобы освѣщать пути его жизни. Звѣзды эти суть—высокія и святыя истины, кои для руководства нашего водружены рукою Творца на тверди духа человѣческаго. Таковыя понятія о Богѣ и Его святомъ законѣ, нашемъ вѣчномъ предназначеніи и воздаяніи за гробомъ. Сіи звѣзды путеводныя покрываются мракомъ въ душѣ грѣшника и становятся непримѣтными. И вотъ гдѣ изъясненіе того несчастнаго, но обыкновеннаго явленія, что люди повидимому самыя образованные, но порочныя, не только хладны къ симъ истинамъ, но даже рѣшаются идти противъ нихъ. Это приписываютъ нерѣдко злонамѣренности; между тѣмъ болѣею частію это естественное слѣдствіе грѣховной жизни: порокъ простеръ покровъ на сіи звѣзды, сокрылъ ихъ отъ умственнаго взора грѣшника; и онъ, не видя ихъ въ душѣ своей, потому самому готовъ утверждать съ упорствомъ, что ихъ нѣтъ вовсе въ душѣ человѣческой. Посему, когда срѣтите, братіе, такого жалкаго умника, который осмѣливается глумиться надъ священными истинами, то не вступайте съ нимъ въ споръ; вы не можете симъ разогнать въ душѣ его тьмы адской: а если возможно, возьмите его за руку и скажите съ сожалѣніемъ: «ахъ, любезный братъ, какъ дошелъ ты до такого ужаснаго ослабленія? Да возсіяетъ надъ тобою свѣтъ Христовъ!» Скажите такъ, и помолитесь за него съ усердіемъ къ Тому, который единъ можетъ извести его изъ тьмы въ чудный свѣтъ свой.

Лишившись благодатнаго наутія силы Божіей, вышедъ изъ-подъ управленія совѣсти, разсудокъ въ душѣ грѣшника становится жалкимъ рабомъ господствующей страсти, которая для большаго порабоженія избодаетъ ему очи, чтобы онъ не видѣлъ истины, доказывалъ и утверждалъ не то, что слѣдуетъ по вѣчнымъ законамъ правды и долга, а что повелятъ гордость житейская, корысть и плотоугодіе. Посему-то нѣтъ такой лжи и нелѣпости, которую порабоженный страстямъ разсудокъ не готовъ былъ бы утверждать со всѣмъ усиліемъ и ревностію; и нѣтъ такой истины, которой онъ не усомнился бы чернить и опровергать, коль скоро она не по его выгодамъ.—Отъ частаго упражненія своихъ умственныхъ способностей въ семъ жалкомъ превращеніи истины, грѣшникъ видимо тупѣетъ и наконецъ теряетъ чувство и вкусъ истины до того, что не умѣетъ отличать ее отъ лжи, и принимаетъ за истинное одно то, что ему нужно по его видамъ. И это отношеніе къ низшимъ, такъ сказать,

матеріальнымъ и житейскимъ истинамъ; а въ отношеніи къ высшимъ, священнымъ, у закоренлаго грѣшника бываетъ не только отвращеніе, но и явная ненависть, такъ что ему крайне пріятно подвергать ихъ сомнѣнію, осмѣивать тѣхъ, кои свято ихъ держатся, говорить и писать противъ всего святаго. Въ семъ случаѣ бываетъ съ людьми развратными то же, что съ людьми страждущими болѣзнію глазъ: свѣтъ имъ несносенъ, особенно солнечный, они съ удовольствіемъ предпочтутъ ему свѣтъ гнилаго дерева, который болѣе по ихъ глазамъ, нежели солнце.

Что дѣлается съ познаніями грѣшника, если онъ имѣетъ ихъ? Порокъ, кромѣ того, что всегда значительно сокращаетъ кругъ ихъ, всегда же отъемлетъ у нихъ глубину, силу, стройность и жизнь. Во всѣхъ предметахъ знанія нашего есть сторона священная, коею оно обращено къ Виновнику всяческихъ. Сія святая и возвышенная сторона для порочнаго и вольномысленнаго человѣка не существуетъ. Оттого всѣ изображенія предметовъ, дѣлаемые писателями безнравственными, всегда отзываются пустотою внутреннею и мертвостію; ибо міръ безбожный есть бездушный трупъ, по коему разбросаны цвѣты.

Какое употребленіе дѣлаетъ порочный человѣкъ изъ познаній своихъ и способностей? Самое жалкое и ужасное. Все пересуждать, опровергать, извращать есть его неизбѣжное свойство. Оттого нѣтъ опаснѣе для общества людей, какъ образованныхъ науками, но преданныхъ страстямъ; оттого умноженіе ложнаго безнравственнаго просвѣщенія всегда влечетъ за собою разстройство семействъ и гибель цѣлыхъ государствъ.

Какой, наконецъ, бываетъ исходъ умственного омраченія, производимаго порокомъ и страстями? — Видимое разстройство всѣхъ познавательныхъ способностей, ослабленіе внутренняго самосознанія и духовной личности, наконецъ явное помѣшательство ума. Да удалится отъ насъ мысль судить и осуждать тѣхъ несчастныхъ братій нашихъ, кои находятся въ семъ послѣднемъ состояніи! Но какъ не возвѣстить того, что такъ громко проповѣдуется самими служителями нашего тѣлеснаго здравія, то есть, что помѣшательство ума первоначальнымъ и главнымъ источникомъ своимъ почти всегда имѣетъ грѣховное состояніе души? что оно вообще направляется въ видахъ своихъ по видамъ страстей человѣческихъ, что самая сущность его состоитъ не въ иномъ чемъ, какъ въ затмѣніи понятій о Богѣ и потерѣ нравственнаго чувства? Основываясь на показаніяхъ самой врачебной науки, мы имѣемъ все право утверждать, что человѣкъ

развратный, если бы жизнь его продолжилась на землѣ долго, чего однако почти никогда не бываетъ, то онъ неминуемо сходилъ бы наконецъ съ ума. Ужасный примѣръ сего мы видимъ на духахъ отверженныхъ. Что они, при всѣхъ великихъ способностяхъ ихъ, какъ не существа помѣшавшіяся въ умѣ на гордости и ненависти къ своему Создателю?—И вотъ изъясненіе, какъ они не могутъ понять, напримѣръ, невозможности сражаться твари съ своимъ Творцемъ, какъ могутъ отваживаться идти противъ Всемогущаго. Это сущее безуміе, но для нихъ кажется мудростию; потому что они внѣ себя, находятся въ состояніи изступленія, погубили свой умъ и чистое сознаніе самихъ себя.

Къ вамъ теперь да обратится слово наше, кои занимаетесь науками и съ такимъ усердіемъ посѣщаете наше богослуженіе и собесѣдованія. Образование ума и умноженіе всякаго рода познаній составляетъ теперь главный предметъ дѣятельности вашей. Пребудьте же увѣрены, что истина и добродѣтель едино въ Богѣ, яко источникъ всякой истины и добродѣтели; едино въ природѣ, какъ произведеніи премудрости и святой воли Божіей; едино должны быть и въ человѣкѣ, яко образъ Божіемъ и маломъ мірѣ. Можно насильственно отдѣлить на время лучъ истины отъ луча добродѣтели въ душѣ человѣка: но тогда сей лучъ, подобно раздвоенному лучу солнечному, теряетъ свою силу, престаетъ согрѣвать и животворить. Чистота совѣсти и нравовъ озарить немерцающимъ свѣтомъ не только всѣ стези вашей жизни, но и всю область вашихъ познаній; ибо вы будете постоянно находиться во свѣтѣ лица Божія. Вмѣстѣ съ симъ въ душѣ вашей откроется неизсякаемый источникъ мыслей свѣтоносныхъ и чувствъ высокихъ. Грѣхъ, напротивъ, омрачитъ, оядотворитъ и изгубитъ всѣ ваши способности и умственные пріобрѣтенія, подточитъ въ самомъ корнѣ прекрасный цвѣтъ познаній. Итакъ прилежно затыкайте слухъ отъ всѣхъ обаяній вольномыслія; постоянно закрывайте взоръ отъ всѣхъ прелестей порока, памятуя изреченіе древняго мудреца, что *въ злохудожну душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеси, повиннѣль грѣху* (Прем. Сол. 1, 4). Аминь.

СЛОВО

О ТОМЪ, ЧТО ГРѢХЪ, ОБЩАЯ ЧЕЛОВѢКУ ВОЛНОСТЬ И ПОЗНАВАЕМОСТЬ,
ЛИШАЕТЪ ЕГО ИСТИННОЙ СВОБОДЫ И ПОВЕРГАЕТЪ ВЪ СОСТОЯНІЕ
МУЧИТЕЛЬНОГО РАБСТВА.

Всякъ творий грѣхъ рабъ есть грѣха
(Іоан. 8, 34).

сли смотрѣть на поверхность грѣха и на первые шаги грѣшника, то въ грѣхѣ представляется не рабство, а вольность и независимость. Ибо, въ чемъ состоитъ грѣхъ? Въ томъ, чтобы не слушать велѣній самого Бога, идти противъ законовъ своего Творца, быть самому для себя началомъ и концемъ дѣйствій, кумиромъ и чтилищемъ. Грѣшникъ свободно позволяетъ себѣ то, о чемъ добродѣтельный человѣкъ и помыслить не смѣетъ; наслаждается такими вещами, кои неизвѣстны и какъ бы не существуютъ для послѣдняго; становится, повидимому, превыше всего.—Сіе-то, конечно, разумѣлъ искушитель эдемскій, когда говорилъ нашей праматери: *будете яко Бози*. Симъ-то, безъ сомнѣнія, увлеченъ и онъ самъ, несчастный, когда рѣшился развить зная возмущенія противъ Всемогущаго. Къ сему же, явно или тайно, но неизбѣжно, стремится и каждый грѣшникъ. Дайте волю его необузданнымъ желаніямъ, доставьте ему средства къ выполнению безумныхъ замысловъ, отнимите съ пути его всѣ преграды; и вы увидите, что онъ не удовлетворится ничѣмъ, пойдетъ въ гордыни своей и алчности къ наслажденіямъ, все далѣе и далѣе, возмечтаетъ быть подобенъ *Вышнему*, скажетъ прямо съ Фараономъ: *кто есть Богъ, да послушаю его?*—

И не видѣли ль времена недавнія ужаснаго примѣра, какъ цѣлый народъ, славившійся образованіемъ, но потерявшій чистоту нравовъ, дерзнулъ, въ лицѣ обуявшихъ отъ гордости и порока, представителей своихъ, отвергнуть всякое вѣрованіе, запретить всѣ виды богослуженія, провозгласить божествомъ разумъ чело-вѣческій и воздать ему поклоненіе, подобающее единому Богу!—Такъ, повидимому, грѣшникъ гордъ и далекъ отъ всякаго униженія и рабства! И однакоже ничто такъ не близко къ нему, какъ униженіе! Кто унижаетъ и порабощаетъ его? Тотъ же самый грѣхъ, который прельщаетъ вольностію и независимостію. *Всякъ творяй грѣхъ рабъ есть грѣха.*

Какимъ образомъ происходитъ это?—Самымъ неизбѣжнымъ. Истинная свобода чело-вѣка состоитъ въ томъ, чтобы свободнымъ образомъ соединиться съ высочайшею, божественною свободою, отъ коей она проистекла, усвоить себѣ ея святой образъ дѣйствій, и такимъ образомъ облечься ея всемогуществомъ. Грѣхъ расторгаетъ сей блаженный союзъ, ставитъ свободу чело-вѣческую въ противоположность свободѣ божественной и ея всемогуществу: посему лишаетъ свободу чело-вѣка единственнаго источника силы и могущества существеннаго, непреходящаго.—Съ свободою чело-вѣческою должно, въ семъ случаѣ, происходить то же, что бываетъ съ вѣтвію, отторженною отъ древа: обѣ должны вянуть, истощаться и умереть. Если грѣшникъ до времени не чувствуетъ сего, то потому, что въ немъ, по расторженіи блаженнаго союза съ Богомъ, остается на время часть произвола нравственнаго; подобно какъ въ отторженной отъ древа вѣтви остается на время нѣкоторая жизненность, и она нѣсколько часовъ можетъ удерживать свою зелень, листья и цвѣты. Но воцарившійся въ душѣ грѣхъ вскорѣ требуетъ въ жертву себѣ и этотъ малый остатокъ произвола духовнаго; и бѣдному плѣннику его ничего не останется, кромѣ рабства. Ибо почему грѣшникъ отторгъ свою свободу отъ воли Божіей и закона? Потому, что ему показалось что либо лучше воли Божіей и закона. Что бы ни было это мнимо лучшее—честь ли, стяжанія ли, удовольствія ли чувственные, все это, будь самое ничтожное, становится для чело-вѣка кумиромъ всевластнымъ. Что прежде онъ долженъ былъ дѣлать для Бога, по требованію закона и совѣсти, то теперь долженъ дѣлать для своего кумира, въ какомъ бы видѣ онъ ни былъ, по требованію своей страсти къ нему. Сначала и здѣсь остается призракъ свободы, такъ что грѣшникъ чувствуетъ себя въ состояніи бросить и разбить свой кумиръ; но потомъ

наступаетъ съ часу тягчайшее рабство, такъ что грѣшникъ невольно дѣлаетъ все то, чего ни потребуетъ его иномъ грѣховный. Въ семь случаевъ плѣнникъ грѣха подобенъ человѣку, сходящему съ высокой и крутой горы: сначала горизонтъ обширный, множество видовъ предъ глазами, стезей подъ стопами, но чѣмъ далѣе и ниже, тѣмъ горизонтъ уже, видовъ и слѣдовъ менѣе; наконецъ остается одна стезя, ведущая или паче влекущая въ пропасть.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе мои, долго ли грѣхъ удостоиваетъ плѣнниковъ своихъ хотя той жалкой чести, чтобы держать ихъ въ непосредственной зависимости отъ себя, съ правомъ блуждать по всѣмъ стропотнымъ распутіямъ беззаконія? — Не долѣе того, какъ усмотрится (а это бываетъ весьма скоро) удѣльная способность каждаго плѣнника къ извѣстной работѣ грѣховной. Послѣ сего грѣхъ тотчасъ распредѣляетъ плѣнниковъ своихъ между своими жестокими приставниками: одного отдаетъ въ рабство плоти и чувственныхъ удовольствій; другаго заставляетъ работать любостыжанію и скупости; третьему велитъ быть въ услугахъ честолюбія и гордости житейской. Преданный одной страсти грѣшникъ не имѣетъ иногда и столько свободы, чтобы перейти на служеніе къ другой: не смѣетъ и не можетъ перемѣнить даже своихъ узъ; такъ, напримѣръ, плотоугодникъ бываетъ часто глухъ ко внушеніямъ честолюбія, скупецъ не можетъ терпѣть чувственныхъ удовольствій и проч.

Что дѣлаетъ съ бѣднымъ грѣшникомъ и его свободою страсть господствующая? То, что дѣлается у дикихъ варваровъ съ ихъ плѣнниками: чтобы они не могли убѣжать, имъ выкалываются глаза и подрѣзываются въ ногахъ жилы. Такъ и страсть избождаетъ у грѣшника очи: всѣ видятъ ничтожность его кумира, опасность его положенія, неминуемая слѣдствія разврата; одинъ грѣшникъ слѣпъ; ему кажется нерѣдко, что онъ живетъ и ведетъ себя какъ нельзя лучше. Страсть варварски портитъ у грѣшника ноги: все понуждаетъ его иногда сойти съ пути беззаконія; онъ самъ чувствуетъ благопріятную минуту бѣжать изъ оковъ; и однакоже не можетъ двинуться съ мѣста, или сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, падаетъ, и, попавшись снова въ плѣнъ къ своему владыкѣ, подвергается тягчайшимъ узамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, доколѣ грѣшникъ работаетъ, подобно безсмысленному животному, въ угожденіе грѣховной страсти, дотолѣ она молчитъ и какъ бы не существуетъ, даетъ ему свободу потрясать и звенѣть своими цѣпями, представлять изъ себя чело-

вѣка съ сердцемъ независимымъ. Но едва открывается въ бѣдномъ грѣшникѣ намѣреніе разорвать свои узы и выйти на свободу духа, тогда обнаруживается вся лютость страсти; самые малые благіе помыслы воспрещаются и преслѣдуются съ ожесточеніемъ. Если грѣшникъ, не смотря на тяжесть грѣховной привычки, не оставляетъ желанія освободиться отъ ней: то начинается брань внутренняя, самая ужасная, которая при неравенствѣ силъ духовныхъ, остающихся въ грѣшникѣ, съ силою страсти возросшей въ исполина, всегда бы оканчивалась неизбежно побѣдою грѣха надъ плѣнникомъ своимъ, если бы къ послѣднему не приходила на помощь благодать Божія. Но и содѣйствіе всемогущей благодати остается нерѣдко безъ успѣха; потому что самъ человѣкъ не даетъ ей всего пространства въ сердцѣ своемъ.

Никогда не забыть мнѣ, братіе, одного печальнаго случая, поразившаго меня на всю жизнь, при коемъ во всей силѣ обнаружилось то, о чемъ мы разсуждаемъ теперь. Мнѣ случилось посѣтить человѣка, имѣвшаго несчастье заразиться—страстію невоздержанія, но не потерявшаго чувства отвращенія ко грѣху, одареннаго отличными способностями и познаніями, даже любовію ко всему доброму. Это было въ минуты борьбы его съ страстію. Боже мой, что увидѣлъ я! — Увидѣлъ бѣдную душу, опутанную съ ногъ до главы узами страсти; увидѣлъ ангела падшаго, желающаго возстать отъ паденія и не могущаго свергнуть съ себя тяжести грѣховной; увидѣлъ вѣявѣ борьбу неба съ адомъ. Чего не дѣлалъ несчастный? Потокъ слезъ текли изъ очей его и омывали самую одежду; то становился онъ на колѣни предъ святою иконою и поднималъ очи къ небу; то билъ самъ себя въ грудь и рвалъ на головѣ волосы; то обращался за помощію ко всѣмъ святымъ Угодникамъ, и отдавалъ себя имъ въ покровительство, какъ утопающій; то проклиналъ день рожденія и призывалъ смерть; то подозрѣвалъ въ себѣ присутствіе злаго духа и дерзалъ на хулу противъ Провидѣнія.

И чѣмъ оканчивалась сія ужасная борьба? Большею частію побѣдою страсти надъ духомъ и совѣстію. Да поможетъ тебѣ, возлюбленный собрать, въ мучительномъ подвигѣ твоёмъ, всемогущая благодать Божія, и да изведетъ тебя на желанную тобою широту и свободу духа! — Если я дерзнулъ извести судьбу твою предъ моихъ слушателей, то потому, что ты самъ не скрывалъ своего бѣдственнаго состоянія и собственнымъ примѣромъ убѣждалъ блюстись узъ грѣховныхъ.

Когда въ продолженіе немногихъ лѣтъ, братіе мои, грѣхъ такъ можетъ обуять самыхъ лучшихъ изъ людей, задушить нравственную силу воли въ тѣхъ, кои одарены множествомъ средствъ питать, поддерживать и врачевать ее,—то что могъ бы произвести грѣхъ надъ свободою человѣка, если бы послѣднему дано было здѣсь жить и работать грѣху въ продолженіе многихъ вѣковъ?—Ужасный примѣръ сего представляютъ духи отверженные. Почему благодать Божія, простертая ко всѣмъ грѣшникамъ, для нихъ какъ бы не существуетъ? потому, что они не хотятъ участвовать въ помилованіи. Почему не хотятъ? потому что не могутъ. Почему не могутъ? потому что грѣхъ задушилъ въ нихъ свободу духовную: они ожесточились во злѣ до того, что возвратъ назадъ содѣлался для нихъ нравственно-невозможнымъ.

Если отъ такой участи, отъ такого жестокаго рабства грѣху не спаслися ангелы падшіе, то спасемся ли, братіе, мы, если предадимся нераскаянно грѣху?—Итакъ, будемъ прилежно блюсти свободу нашего духа и воли, дабы, разъ потерявъ ее, не искать потомъ напрасно всю вѣчность. Не будемъ скучать принужденіемъ, необходимымъ для добродѣтели: это принужденіе на время, доколѣ не выправятся вывихнутые отъ паденія члены существа нашего: тогда хожденіе во всѣхъ путяхъ закона содѣлается для насъ естественнымъ и легкимъ; тогда стократно пріятнѣе будетъ повиноваться пресвятой волѣ Творца, нежели носиться въ вихрѣ страстей и грѣховныхъ удовольствій; а наконецъ, при помощи благодати Божіей, достигнемъ, по примѣру небожителей, и того, что уклоненіе отъ закона Божія содѣлается для насъ совершенно невозможнымъ,—еже буди со всѣми нами! Аминь.

СЛОВО

О ТОМЪ, ЧТО РАДОСТИ ГРѢХОВНЫЯ ПРИВРЕМЕННЫ,

ЧТО ГРѢХЪ НАПРОТИВЪ ОТЪЕМЛЕТЬ У ЧЕЛОВѢКА ВСѢ ИСТИННЫЯ И
ЧИСТЫЯ НАСЛАЖДЕНІЯ И СЛУЖИТЬ ИСТОЧНИКОМЪ БЕЗЧИСЛЕННЫХЪ
СКОРБЕЙ И БѢДСТВІЙ.

Нѣсть радоватися нечестивымъ, гла-
голетъ Господь (Иса. 48, 22).

 за чѣмъ же бѣдный грѣшникъ стремглавъ бѣжитъ въ
пропасть грѣха, какъ не за радостію и утѣхами? Послу-
шайте миролюбцевъ—они и нынѣ говорятъ то же, что
твердили во времена Соломона: *приидите, насладится настоя-
щихъ благъ; ни одинъ отъ насъ лишенъ да будетъ наслажденія:
вездѣ оставилъ знаменіе веселія; яко сія есть часть наша и
жребій сей* (Прем. Сол. 2, 6. 9). Если бы не радость и веселіе,
то міръ и грѣхъ давно потеряли бы всѣхъ своихъ поклонниковъ.
Что же значитъ слово Пророка, отъемлющее радость у нечести-
выхъ?

То, что нечестивый только гоняется за радостію, а въ са-
момъ дѣлѣ не достигаетъ ее,—то, что мнимыя радости грѣхов-
ныя пусты, привременны и ничтожны, и что грѣхъ, увлекая
призракомъ чувственного веселія, въ то же время отъемлетъ у
человѣка радость истинную, и дѣлаетъ сердце его неспособнымъ
къ блаженству; то, наконецъ, что вмѣстѣ съ развратомъ души и
сердца открывается для человѣка неизсякаемый источникъ огор-
ченій и бѣдствій.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе мои, какъ бы грѣшникъ могъ имѣть
тѣ божественныя и неизглаголанныя радости, кои происходятъ отъ

Духа Святаго, и коихъ одну каплю не можетъ замѣнить цѣлое море мірскихъ наслажденій? Сіи святыя радости и утѣхи, составляющія верхъ земнаго и залогъ небснаго блаженства душъ чистыхъ и святыхъ, для грѣшника совершенно потеряны: ибо грѣхъ разорвалъ блаженный союзъ, долженствующій быть между Богомъ и душою, сотворенною для блаженства въ Богѣ. Между ними, въ грѣховномъ состояніи, нѣтъ другаго отношенія, кромѣ неизбѣжнаго—твари неблагодарной къ Творцу Всемогущему, преступника къ Судіѣ и Владыкѣ. Мысль о семъ отношеніи, какъ грѣшникъ обыкновенно ни силится заглушать ее, сильно пробуждается по временамъ и всегда исполняетъ его тайнымъ страхомъ и печалію.

Лишивъ человѣка радостей божественныхъ, грѣхъ не даетъ уму наслажденія и чистыми радостями человѣческими. Первая изъ нихъ есть радость благой совѣсти; и ея-то первый лишается грѣшникъ. Въмѣсто внутренняго мира, душевнаго наслажденія и святаго ободренія отъ совѣсти, въ глубинѣ души его таится скука, недовольство и тяжесть. Справедливо, что совѣсть въ грѣшникѣ съ умноженіемъ беззаконій, съ возрастомъ его въ злѣ и нечестіи, сама слабѣетъ; но все никогда не можетъ умолкнуть совершенно; даже когда молчитъ, то глухое, но тѣмъ не менѣе ошутительное чувство, какъ нѣкая глухая рана, тяготитъ и тревожитъ. Отсюда-то почти всегдашній отгѣнокъ смущенія и недовольства на лицѣ міролюбца; отсюда глубокіе вздохи среди самыхъ шумныхъ увеселеній; отсюда жалобы и ропотъ на свою жизнь, когда, повидимому, ничего недостаетъ къ ея блаженству; отсюда тайное завидованіе состоянію людей бѣдныхъ, но добродѣтельныхъ; отсюда наконецъ мгновенные переходы нѣкоторыхъ міролюбцевъ къ покаянію, такъ что они, внезапно бросивъ все, убѣгаютъ навсегда отъ міра въ пустыни.

И другихъ высшихъ и чистыхъ радостей человѣческихъ грѣшникъ не можетъ имѣть, доколѣ остается въ области беззаконія. Такъ, всѣ возвышенныя радости духа ему неизвѣстны: недовѣдомо ему услажденіе отъ молитвеннаго собесѣдованія съ Богомъ, недовѣдомо сладость упованія жизни вѣчной, или страданія за правду, неизвѣстно духовное веселіе отъ присутствія въ храмѣ, отъ чтенія слова Божія, отъ принятія таинствъ христіанскихъ, неизвѣстна святая теплота сердца отъ общенія съ братьями во Христѣ и дѣлъ милосердія; неизвѣстенъ даже свѣтлый и утѣшительный взглядъ на природу, какъ на дѣло рукъ Божіихъ, на

откровение славы и премудрости Божественной. — Все это для грѣшника потеряно, и не только потеряно, а обращается въ источникъ скуки, въ тяжесть душевную, такъ что это самое, на-примѣръ, чтеніе слова Божія, или присутствіе во храмѣ, ему можно назначить въ наказаніе. Грѣхъ до того превращаетъ сердце человѣка, что все, отзывающееся върою и добродѣтелию, ему противно и отвергательно.

Обратимся ли за симъ къ другимъ радостямъ душевнымъ, коими пользовались и дорожили даже лучшіе изъ язычниковъ, — и ихъ не найдемъ у грѣшника. Такъ, удовольствій проистекающихъ отъ самопознанія и самоусовершенствованія нравственнаго, у грѣшника нѣтъ; его стихія — жить въ samozабвеніи и нерадѣть о себѣ. Радости отъ совершеннаго, безкорыстнаго дружества у грѣшника нѣтъ; ибо какое дружество у того, кто дышетъ самолюбіемъ? Радости чистой семейной жизни у грѣшника нѣтъ; онъ, большею частію, или убѣгаетъ семейнаго состоянія, какъ узъ, или бываетъ самымъ худымъ отцемъ семейства, самымъ некорнымъ сыномъ, самымъ холоднымъ и неприступнымъ родственникомъ.

Всѣ сіи радости такъ недостижимы для грѣха, что онъ не можетъ даже обѣщать ихъ своимъ любимцамъ; и не обѣщаетъ: что же дѣлаетъ? Стараются представить ихъ или невозможными, или нестоющими труда, и въ замѣнъ сего выставляетъ единственно важными тѣ, кои въ состояніи доставить имъ. Что же онъ можетъ доставить? То, что происходитъ отъ похоти плоти, похоти очесъ и гордости житейской, то, что когда-то захотѣлъ испытать во всей силѣ еще Соломонъ, но не смотря на то, что у царя было множество средствъ продолжать и разнообразить чувственныя удовольствія, принужденъ былъ сознаться, что все имъ испытанное есть *суета суетъ*, и производитъ не услажденіе, а истощеніе и *крушеніе духа* (Еккл. 1, 22, 11).

Пойдемъ однакоже мыслію за грѣшникомъ, хотя по главнымъ путямъ его радостей, и посмотримъ, изъ чего состоятъ онѣ. Вотъ онъ влечется по стогнамъ на великолѣпной колесницѣ и радуется: чему? что его прислуга одѣта въ золото, что безсловесныя, его везущія, самой лучшей породы и высокой цѣны, что предъ нимъ невольно разступаются толпы народа, что онъ можетъ съ гордостью взирать на все встрѣчающееся, безъ затрудненія преноситься, большею частію безъ всякой причины, изъ одного края въ другой, являться тамъ, быть здѣсь, то видѣть, отъ того уйти, много начать, ничего не окончить, вездѣ оставить слѣды своего

величанія и своєї пустоты. Это ли радость и веселіе? — Вотъ другой грѣшникъ: онъ сидитъ въ завѣтной хранилѣ и считаетъ сребреники, смотритъ на кучи бездушнаго металла и радуется: чему? что у него *стяжанія на лѣта долга*, что онъ можетъ, если захочетъ, купить имѣніе, построить домъ, завести у себя то или другое. Но захочетъ ли? Нѣтъ, его удовольствіе считать и хранить, а не употреблять; онъ не господинъ, а рабъ своихъ сокровищъ; чтобы увеличивать ихъ, онъ обращается ко всѣмъ средствамъ, отказываетъ самому себѣ даже въ необходимомъ, среди богатства терпитъ нищету, мучится и страдаетъ, доколѣ смерть не исторгнетъ изъ рукъ его всего, что имѣлъ, и на что истратилъ безумно всю жизнь. Это ли радость и блаженство? — Вотъ еще грѣшникъ: онъ идетъ противоположнымъ путемъ, и все обращаетъ въ свое удовольствіе; домъ его преукрашенъ и отверстъ для всѣхъ міролюбцевъ; трапеза преисполнена снѣдами, вокругъ его пѣніе и лики: но состояніе его уже истощено, а здоровье еще прежде истощилось отъ невоздержанія; онъ самъ чувствуетъ, что въ чашѣ земныхъ наслажденій остается для него мало капель, и силится заглушить сіе чувство новыми видами невоздержанія. Это ли радость?

Но мы взяли грѣшниковъ со всѣми удобствами ко грѣху, а а много ли таковыхъ? Большая часть находится въ жалкой необходимости алкать непрестанно грѣховныхъ наслажденій, и не имѣетъ возможности удовлетворить нечистымъ пожеланіямъ. Что же дѣлаетъ сія жалкая толпа?—Бросается на всякаго рода наслажденія, предается всѣмъ видамъ порока, только бы не пропасть, такъ сказать, съ голода душевнаго.—Вообще съ людьми, предавшимися порочной жизни, происходитъ тоже, что бываетъ съ человѣкомъ отъ укушенія тарантуломъ. О таковыхъ говорятъ, что они тотчасъ чувствуютъ непреодолимое побужденіе къ тѣлесному движенію, начинаютъ скакать и кружиться, такъ что, смотря на нихъ, можно подумать, якобы они находятся въ состояніи необыкновеннаго веселія; между тѣмъ они страдаютъ ужаснымъ образомъ, и нерѣдко умираютъ среди этой жалкой пляски.—Таково положеніе грѣшника: укушенный грѣхомъ, проникнутый его ядомъ змѣинымъ, онъ получаетъ непреодолимую наклонность къ разсѣянію и утѣхамъ чувственнымъ, непрестанно движется по направленію господствующей страсти, скачетъ отъ наслажденія къ наслажденію, представляетъ лице человѣка упоеннаго счастіемъ; а между тѣмъ внутри мучится и страдаетъ.

Скоро начинаетъ страдать и со внѣ: ибо одна изъ первыхъ принадлежностей грѣха и страстей—необузданность въ наслажденіяхъ; а при семъ быстро истощаются силы тѣла и духа. Съ другой стороны, изъ самыхъ грѣховныхъ удовольствій неминуемо возникаетъ множество огорченій и досадъ; широкій путь грѣха, казавшійся покрытымъ одними цвѣтами, дѣлается часть отъ часу тѣснѣе и неудобнѣе; цвѣты исчезаютъ, уступая мѣсто тернамъ, и грѣшникъ видитъ себя наконецъ въ безднѣ, ископанной для него собственными грѣхами. Въ самомъ дѣлѣ, много ли изъ міролюбцевъ и долго ли наслаждаются даже здоровьемъ, симъ необходимымъ условіемъ счастія земнаго, за коимъ они гоняются? Большая часть умираетъ преждевременно; и если не внезапно, то послѣ продолжительныхъ и тяжкихъ страданій. Если нѣкоторые и достигаютъ преклонныхъ лѣтъ, то не потому, что предавались пороку, а потому что не предавались ему всецѣло, что не забывали правилъ воздержанія, то есть не оставляли во все добродѣтели. Остатокъ добра спасаетъ ихъ отъ разрушительной силы грѣха. За то сей грѣхъ въ такомъ случаѣ находитъ большею частію другое средство брать жестокую дань за немногія капли минутной радости. Невоздержаніе и расточительность, столь неразлучныя съ порокомъ, въ непродолжительномъ времени истощеваютъ у грѣшника средства къ удовлетворенію своихъ преступныхъ желаній. Изъ роскошнаго богача онъ нерѣдко дѣлается нищимъ, надъ коимъ со всею точностію повторяется Евангельская исторія блуднаго сына; кто располагалъ прежде милліонами для удовлетворенія своихъ прихотей, принужденъ бываетъ прилѣпиться къ какому либо жителю страны, и почтять за милость, когда ему позволяютъ имѣть кусокъ насущнаго хлѣба. И сколько такихъ несчастныхъ! А если къ нищетѣ присоединится еще болѣзнь, какъ это нерѣдко бываетъ: тогда міролюбецъ вживѣ начинаетъ терпѣть то, чѣмъ слово Божіе угрожаетъ нераскаяннымъ грѣшникамъ за гробомъ. Въ такихъ случаяхъ, если не приспѣетъ на помощь особенная благодать Божія, рѣдко не доходитъ до отчаянія и самоубійства.

Судите послѣ сего сами, братіе, справедливо ли говоритъ слово Божіе, что *нѣсть радоватися нечестивымъ!* Истинно, нѣтъ грѣшника, который бы по окончаніи своего грѣховнаго поприща, не сказалъ съ Іонафаномъ: *вкушая вкусихъ мало меду, и се азъ умираю* (Цар. 14, 43).

Страдаютъ и праведники: само слово Божіе, отъемлющее рѣшительно истинную радость у нечестивыхъ, говоритъ, что *многи*

скорби праведнымъ. Но какого рода эти скорби? Онѣ всѣ похожи на благотворныя горькія лѣкарства, кои пріемлетъ больной, по предписанію искуснаго врача, для исцѣленія себя отъ смертоносной болѣзни; горечь ихъ постоянно сопровождается сладкимъ чувствомъ выздоровленія; со дня на день они чувствуютъ себя лучше и крѣпче въ душѣ своей и совѣсти, а это вознаграждаетъ для нихъ всѣ прискорбія. Къ людямъ добродѣтельнымъ со всю вѣрностію можно отнести то, что замѣтилъ надъ собою св. Павелъ: *яко скорбяще, присно же радующеся* (2 Кор. 6, 10); о людяхъ же грѣшныхъ со всею силою должно сказать противное: всегда, повидимому, радующеся, присно же скорбяще. Аминь.

СЛОВО

О ТОМЪ, ЧТО ГРѢХЪ ЕСТЬ ПЛАВНО И ПРОВОДИТЕЛЬНО ПРИЧИНОЮ

ВСѢХЪ БОЛѢЗНЕЙ ЧЕЛОВѢКА И ЕГО СМЕРТНОСТИ.

Оброцы грѣха смерть (Рим. 6, 23).

акъ бы много уменьшилось грѣха въ мірѣ, если бы сіи слова Апостола Христова нашли себѣ полную вѣру у каждаго изъ насъ! Ибо чего наиболѣе страшимся мы? — смерти. При всей привязанности человѣка къ чему либо, скажите, что въ этомъ самомъ, къ чему онъ такъ привязанъ, заключается его смерть; и онъ тотчасъ оставитъ любимую вещь, постарается удалить ее отъ себя и уничтожить. Посему, еслибы мы были увѣрены, что въ грѣхѣ смерть, то страхъ смерти обратился бы въ страхъ ко грѣху; и мы, при всей наклонности грѣшить, убѣгали бы грѣха такъ же, какъ убѣгаемъ теперь смерти. Но, къ несчастію нашему, мы не видимъ связи грѣха съ смертію; думаемъ, что можно грѣшить и не умереть, какъ равно надобно умереть когда либо, хотя бы и не грѣшили. Такой образъ мыслей погубилъ насъ еще въ раю: ибо прародительница наша не прежде рѣшилась простереть руку къ плоду запрещенному, какъ лукавый змій увѣрилъ ее, что отъ вкушенія его смерти не послѣдуетъ: *не смертію умрете!* Сей же образъ мыслей губитъ насъ и теперь. Откуда онъ?—Повидимому изъ опыта.

Мы не видимъ на опытѣ, чтобы за грѣхомъ слѣдовала смерть; равно не видимъ, чтобы безъ грѣха не слѣдовало современемъ смерти же. Грѣшники продолжаютъ жить, иногда и долго; добродѣтельные, напротивъ, продолжаютъ умирать,—иногда и преждевременно. Послѣ сего лукавая и наклонная ко грѣху природа

наша тотчасъ приходитъ къ мысли, что между грѣхомъ и смертію нѣтъ необходимой связи: а если когда и бываетъ, то развѣ слабая и отдаленная. Такимъ образомъ самыя ясныя свидѣтельства Пророковъ и Апостоловъ о томъ, что болѣзни и смерть суть плодъ грѣха, остаются надъ нами безъ всякаго дѣйствія.

Надобно посему сорвать и сію личину съ грѣха, и показать его непосредственное сродство съ болѣзнями и смертію, дабы такимъ образомъ страхъ смерти обратился въ спасительный страхъ грѣха, который есть единственный ея первоначальный родитель.

Что мы сдѣлаемъ для сего? Вникнемъ, во первыхъ, въ то самое, чѣмъ наиболѣе въ семъ случаѣ обольщается бѣдный грѣшникъ, то есть, въ мнимую возможность грѣшить и оставаться въ живыхъ.—Слѣдовательно, говорить грѣхъ, меня напрасно обвиняють въ смерти; я не убиваю, какъ показываетъ опытъ, никого.—Такъ, будемъ отвѣчать мы, ты, изгладіе діавола, не убиваешь, повидимому, никого, потому что ты уже давно убилъ на самомъ дѣлѣ всѣхъ, такъ что теперь некого болѣе убивать. Въ самомъ дѣлѣ, братіе мои, какими раждаемся мы на свѣтѣ? Всѣ раждаемся, какъ учитъ Писаніе, уже умерщвленными грѣхомъ. Ни въ комъ изъ насъ нѣтъ той святой и блаженной жизни, коею наслаждался человѣкъ вначалѣ и какая прилична всѣмъ намъ, яко созданнымъ по образу Бога всеблагаго и всеблаженнаго. Жизнь сія потеряна въ раю вмѣстѣ съ невинностію. Настоящая же жизнь наша есть только одинъ жалкій ея остатокъ, есть не столько жизнь, сколько постоянное, постепенное умираніе. Если бы намъ дано было хотя на одинъ день пожить оною первобытною блаженною жизнію, коею жили до паденія наши прародители, тогда бы мы увидѣли вполнѣ, можно ли грѣшить и не умереть; ибо со грѣхомъ тотчасъ бы лишились оной жизни и подверглись смерти. Послѣ сего, не большая милость грѣха, что онъ, отнявъ однажды и навсегда у насъ въ раю истинную жизнь, не отъемлетъ теперь у насъ вдругъ всего остатка ея.

Впрочемъ, откуда и сія милость? Отъ природной ли снисходительности грѣха къ своей жертвѣ? Нисколько, а отъ того, что губительная сила грѣха обуздана теперь невидимыми узами милосердія божественнаго. Если бы грѣху попущено было, слѣдуя своей природѣ, обнаруживать надъ человѣкомъ всю смертоносную силу свою; то грѣшникъ и теперь вдругъ поражался бы за каждый грѣхъ, какъ громомъ, смертію. Но въ такомъ случаѣ не было бы мѣста покаянію; грѣшникъ погибалъ бы безвозвратно,

какъ погибли духи падшіе, убитые грѣхомъ вдругъ на всю вѣчность. Посему милосердіе Божіе, нашедъ въ безднахъ премудрости своей средство искупить родъ человѣческій отъ грѣховъ, и слѣд. смерти, избрѣло вмѣстѣ съ симъ способъ, не отнимая у грѣха смертоносной силы, пріостановить ея дѣйствіе, разсрочить, такъ сказать, принадлежащій грѣху оброкъ смерти, дабы мы платя его не вдругъ, и наученные тяжестью сего obroka, обратились всѣмъ существомъ своимъ къ добродѣтели и жизни вѣчной, отъ нея естественно проистекающей, а между тѣмъ, пользуясь остаткомъ жизни, имѣли время показать искренность своего обращенія и изцѣлиться, благодатию Божіею, отъ язвъ грѣховныхъ.

По силѣ сего-то премилосерднаго Промысла о насъ, праотцы наши и по паденіи своемъ жили внѣ рая остаткомъ райской жизни еще нѣсколько сотъ лѣтъ, хотя истинную первобытную жизнь потеряли тотчасъ по вкушеніи отъ плода запрещеннаго, какъ то показываетъ ощущеніе ими недовѣдомой прежде того наготы, страхъ отъ присутствія Божія и покусеніе сокрыться въ тѣни древъ райскихъ. Подобно сему и мы, потомки ихъ, не смотря на увеличеніе, съ продолженіемъ времени, грѣховъ въ родѣ человѣческомъ и происходящее оттуда увеличеніе владычества смерти, продолжаемъ жить остаткомъ той же первобытной жизни еще по нѣсколько десятковъ лѣтъ. Это не грѣха снисхожденіе, а слѣдствіе милосердія Божія. Посему вмѣсто того, чтобы обольщаться сею мнимою снисходительностію и безсиліемъ грѣха убивать насъ, мы должны дорожить каждою минутою отсрочки и стараться врачевать себя отъ яда грѣховнаго, пока онъ не содѣлался неисцѣльнымъ.

Ибо, посмотрите, какъ грѣхъ и теперь самъ по себѣ, гдѣ можно, сразу добиваетъ безжалостно въ человѣкѣ весь остатокъ жизни временной. Такъ напр., не умираютъ ли и нынѣ въ одну минуту отъ сильнаго гнѣва? Даже нѣкоторые невинныя чувства, коль скоро выходятъ за предѣлы и слѣд. принимаютъ видъ и свойство грѣха, дѣлаются смертоносными, напр. чрезмѣрная радость и смѣхъ! Здѣсь опять смерть и грѣхъ вмѣстѣ,—и какой грѣхъ? можно сказать только тѣнь его, но и та убиваетъ.

Случаевъ столь разительныхъ не много; но будемъ ли жалѣть, что ихъ не много? Ибо, что было бы съ нами, если бы ихъ было много? Это—дѣйствіе, какъ замѣтили мы, милосердія Божія, оставляющаго мѣсто покаянiю для грѣшника. Впрочемъ, если другіе грѣхи и не умерщвляютъ насъ каждый разъ, по-

добно гнѣву, до смерти, то всегда отъемлютъ часть нашей жизни, такъ что если бы при концѣ ея свести вѣрный и точный счетъ; то оказалось бы, вся она разобрана по частямъ грѣхами и страстями: то погибло отъ любострастія, другое отъ зависти, иное отъ высокомерія, это отъ скупости, и т. д.

Въ семъ отношеніи опять при всей тѣмѣ и безпорядкѣ, производимыхъ грѣхами въ существѣ нашемъ, видны неизгладимые слѣды премудраго и милосерднаго распоряженія о насъ, клонящагося всецѣло къ нашему вразумленію. Но примотритесь къ жизни человѣческой пристальнѣе, и вы увидите, что въ слѣдъ за нѣкоторыми грѣхами пущены прямо, со всею силою, болѣзни, имъ свойственныя, дабы страхъ недуга и страданій умѣрялъ, если не истреблялъ, наклонность къ симъ грѣхамъ; а отъ нѣкоторыхъ грѣховъ болѣзни и разрушеніе тѣлесное отдалены на значительное разстояніе, дабы не связать совершенно нашей свободы и не отнять чрезъ то всей цѣны у нашей добродѣтели. И съ какими грѣхами пущены объ руку болѣзни? Съ тѣми именно, къ коимъ особенно наклонна чувственная природа наша, — съ грѣхами сладострастія и похоти. — Кто не содрогнется, смотря на ужасное извращеніе благолѣпія тѣлеснаго, производимаго сими грѣхами! Кто не возблагодаритъ въ семъ случаѣ предъ тайнымъ и вмѣстѣ очевиднымъ распоряженіемъ правосудія небеснаго! —

Впрочемъ и всѣ другіе грѣхи, какъ ни удалены отъ чувственности, никогда не теряютъ своего природнаго свойства — губить здоровье и сокращать жизнь человѣка. Что невещественнѣе зависти? Страсть сія вся состоитъ изъ внутренней душевной скорби о благѣ ближняго. Но поелику сія скорбь есть грѣхъ, то посмотрите, что она дѣлаетъ изъ человѣка завистливаго? — свинцоваго истукана! Эта блѣдность всего лица, эта сокращенность всѣхъ чертъ его, этотъ могильный оттѣнокъ очей и устъ, что другое показываетъ, какъ не то, что сія страсть превращаетъ весь порядокъ силъ тѣлесныхъ, что кровь устремлена противоестественно отъ окружности къ средоточію, что она скопилась у сердца и давитъ его, какъ камень гробовой. Возьмемъ другой порокъ — уныніе. Что, повидимому, чище его и невиннѣе? Унылый никого не обижаетъ: но поелику это порокъ, — состояніе неестественное природѣ человѣческой, то въ тоже время, какъ уныніе овладѣваетъ душою, весь тѣлесный составъ человѣка подвергается страданію. Унылый видимо сохнетъ, таетъ, теряетъ ко всему охоту и способность и клонится ко гробу. Такъ грѣхъ

на всѣхъ ступеняхъ своихъ ведетъ за собою неминуемо слабость силъ, болѣзни и смерть!

Къ усиленію сихъ опытныхъ и общепонятныхъ замѣчаній и истинъ, мы могли бы привести изъ лѣтописей науки врачебной множество случаевъ, подтверждающихъ тоже самое, и еще большее; могли бы показать, какъ скопище болѣзней вообще направляется не только въ слѣдъ, но и по виду 'полчища пороковъ (почему и самая наука врачеванія тѣлеснаго не только въ общемъ основаніи, но и въ частныхъ чертахъ сходится съ наукою врачеванія духовнаго); могли бы выставить на видъ, какъ не только каждое отдѣленіе грѣховъ, но и каждый грѣхъ имѣетъ собственную, ему принадлежащую болѣзнь; какъ страсти и пороки внѣдряютъ недуги на цѣлыя вѣки въ цѣлыя фамиліи; какъ въ цѣлыхъ народахъ народные пороки и болѣзни нравственные образуютъ народные недуги, имъ соотвѣтствующіе; какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ господствующая страсть извѣстнымъ частямъ тѣла сообщаетъ даже свой видъ; напр. отъ сильного сребролюбія самое сердце сребролюбца принимаетъ видъ, похожій на металлъ. Но подобныя разсужденія заставили бы насъ выйти изъ предѣловъ простаго пастырскаго собесѣдованія. Предоставимъ сей полезный трудъ любителямъ науки, которая никогда не достигнетъ такъ близко своей цѣли и не окажетъ такой услуги человѣчеству, какъ обративъ познанія и открытія свои на вразумленіе человѣка въ ядовитость для него грѣха и въ благотворность вліянія на все существо его—добродѣтели.

Обратимся къ рѣшенію другого сомнѣнія. Мы видѣли, почему не умираютъ тотчасъ, какъ бы слѣдовало, грѣшники: — потому что мы всѣ уже умерли еще въ раю для первобытной истинной человѣческой жизни; потому что милосердіе Божіе особеннымъ распоряженіемъ защитило въ насъ нѣкій остатокъ сей жизни, дабы дать всѣмъ намъ мѣсто и время для покаянія. Посмотримъ теперь, почему умираютъ и праведники, тогда какъ имъ надлежало бы вовсе, повидимому, быть свободными отъ смерти, коль скоро она есть плодъ грѣха. Ибо и это — смерть праведниковъ также можетъ смущать и вселять мысль, яко бы смерть не отъ грѣха, а есть природный удѣлъ тѣла человѣческаго.

Не поступимъ несправедливо, если скажемъ, что и въ праведникахъ смерть есть слѣдствіе грѣха. Ибо гдѣ найти праведника совершенно безгрѣшнаго?—Таковъ былъ только одинъ праведникъ въ родѣ человѣческомъ, Тотъ, который совершенно умертвилъ смертію свою смертію, Господь и Спаситель нашъ,

Иисусъ Христосъ. Всѣ прочіе праведники, какъ бы ни были совершенны, причастны грѣху, а потому и смерти, какъ слѣдствію грѣха. Такъ заставляютъ мыслить и говорить насъ самые праведники: ибо всѣ они признавали себя людьми грѣшными. А, впрочемъ, еслибы и нашелся на землѣ, между людьми, праведникъ совершенный, то наградою ли бы для него было теперь не подлежать смерти? Напротивъ, свобода отъ смерти тѣлесной была бы наградою тогда, если бы праведники жили на землѣ тою совершенною жизнію, которою жилъ первый человѣкъ въ раю; потеря такой жизни точно составила бы лишеніе и наказаніе. Но теперь и праведники, вслѣдствіе первобытнаго ниспаденія рода человѣческаго въ бездну грѣха и тлѣнія, не имѣютъ жизни Эдемской, живутъ, по отношенію къ тѣлесному бытію, подобно всѣмъ прочимъ людямъ, только единымъ остаткомъ сей жизни. Остаться навсегда въ семъ положеніи было бы не наградою, а наказаніемъ. Посему въ праведникахъ надобно дивиться не тому, что они умираютъ наконецъ подобно всѣмъ людямъ, а болѣе тому, что они не умираютъ скорѣе другихъ. Ибо чрезъ смерть они разрѣшаются навсегда отъ узъ бренности тѣлесной, которая имъ, яко воскресшимъ уже въ духѣ, яко начавшимъ жить новою небесною жизнію, неприлична. Что, говоря такимъ образомъ, мы утверждаемъ самую сущую истину, доказательствомъ тому чувства, слова и поступки людей праведныхъ. Посмотрите, наприкладъ, чего наиболѣе желаетъ апостолъ Павелъ? Онъ желаетъ *разрѣшиться*, то есть быть освобожденнымъ отъ узъ плоти, и со *Христомъ быти* (Фил. 1, 23). Почему желаетъ сего? Потому, какъ говоритъ онъ, что это гораздо лучше для него, нежели остаться на землѣ. Почему же не разрѣшается и продолжаетъ оставаться въ живыхъ? Потому только, что это нужнѣе и полезнѣе для учениковъ его, для Церкви Христовой. Значить, если онъ продолжалъ жить, то это было для него не благомъ какимъ либо, а лишеніемъ, не наградою, а подвигомъ и жертвою для спасенія своихъ ближнихъ.

Съ какой стороны такимъ образомъ ни смотрѣть на смерть, она во всѣхъ отношеніяхъ оказывается слѣдствіемъ грѣха. Престанемъ же, возлюбленные, обольщаться грѣхомъ. Мы всѣ крайне боимся смерти; начнемъ лучше бояться грѣха; ибо что въ смерти есть страшнаго, все это отъ грѣха. Безъ грѣха — смерть вождѣльна; ибо она уничтожаетъ всѣ слѣдствія нашихъ душевныхъ нечистотъ и возвращаетъ намъ жизнь первобытную. Когда древній челоѣкоубійца начнетъ обольщать насъ (ибо онъ и теперь

продолжаетъ дѣлать тоже, что дѣлалъ въ раю) и говорить: *не смертію умрете*,—скажемъ ему такъ: что пользы, что теперь мы, послѣ нашего новаго паденія, не лишимся остатка этой бѣдной жизни тѣлесной, когда, по злобѣ и лукавству твоему, мы лишились навсегда блаженной жизни эдемской? Если теперь не умремъ до времени, то это не твоя милость (ты убилъ бы насъ и теперь, какъ погубилъ нашихъ прародителей), а слѣдствіе милосердія божественнаго, драгоцѣнный плодъ искупленія насъ отъ грѣха и смерти Крестомъ Спасителя нашего. Довольно для тебя, человѣкоубійца, что ты лишилъ всѣхъ насъ, чрезъ грѣхъ и преслушаніе, жизни эдемской: остатокъ настоящей жизни мы употребимъ на то, на что онъ данъ намъ милосердіемъ Господа нашего, на очищеніе и уврачеваніе себя чрезъ покаяніе и вѣру отъ всѣхъ грѣховъ, на пораженіе всѣхъ страстей и соблазновъ, на всеконечное удаленіе себя не только отъ дѣла, но и отъ помысловъ неправыхъ, на сокрушеніе, благодатію Божіею, самой главы твоей змійной. Аминь.

СЛОВО

О ТОМЪ, ЧТО ГРѢХЪ НЕМИНУЕМО ПОДВЕРГАЕТЪ ЧЕЛОВѢКА

ЖУЧНОСТЬЮ И РАДЫШНОСТЬЮ ДІАВОЛА.

Творяй грѣхъ отъ діавола есть: яко
исперва діаволь согрѣшаетъ.

(1 Іоан. 3, 8).

ИТЬ отъ діавола, состоятъ въ тѣсной связи съ нимъ, врагомъ Бога и человѣковъ, подлежатъ его адскому вліянію, — это такое злополучное состояніе, о коемъ нельзя и помыслить безъ трепета. — Но грѣшникъ, какъ учитъ слово Божіе, неминуемо находится въ семъ злополучномъ состояніи: *творяй грѣхъ отъ діавола есть!* — Почему такъ? потому, отвѣтствуетъ Апостоль, *яко исперва діаволь согрѣшаетъ*, то есть, потому что первоначальный источникъ всякаго грѣха въ мірѣ, какъ мы видѣли въ прежнихъ собесѣдованіяхъ нашихъ, находится въ діаволѣ: онъ первый отступилъ отъ закона и воли Божіей и внесъ грѣхъ во вселенную; онъ перелилъ изъ себя ядъ грѣха въ душу неосторожныхъ прародителей нашихъ, и въ лицѣ ихъ заразилъ беззаконіемъ весь родъ человѣческій; онъ же и теперь употребляетъ всѣ средства къ тому, чтобы сей ядъ грѣха, уничтожаемый благодатию искупленія, оставался во всей силѣ въ душѣ каждаго человѣка и производитъ надъ нимъ все пагубное дѣйствіе свое. Какъ всякое добро отъ Бога и есть собственность Божія, такъ что когда обращаешься къ добру, вмѣстѣ съ тѣмъ обращаешься къ Богу, его Источнику и Владыкѣ: такъ всякое зло и грѣхъ отъ діавола, и составляетъ его несчастную собственность, такъ что, обращаясь къ грѣху, вмѣстѣ съ тѣмъ обращаемся всѣмъ существомъ своимъ къ самому источнику грѣха

—дѣволу, и подпадаемъ его темному вліянію. *Творяй грѣхъ отъ діавола есть: яко исперва діаволь созрѣшаетъ.*

Во вторыхъ, грѣхъ предаетъ человѣка во власть діавола тѣмъ, что настраиваетъ существо его діавольски. Какъ человѣкъ добродѣтельный посредствомъ благой жизни воспріемлетъ на себя всѣ черты образа Божія, содѣлывается богоподобнымъ, вслѣдствіе сего привлекаетъ къ себѣ благодать Божию и становится обителію Духа Святаго: такъ грѣшникъ нераскаянный, посредствомъ нечистой жизни и злыхъ нравовъ, пріемлетъ на себя образъ діавольскій, становится подобнымъ ему въ ненависти къ истинѣ и добродѣтели, привлекаетъ къ себѣ нечистыми похотями злыхъ духовъ и обращается въ жилище для нихъ. —

Велика ли зависимость бѣднаго грѣшника отъ діавола? Судите сами по тѣмъ выраженіямъ, кои употребляетъ для означенія сей зависимости слово Божіе. И во первыхъ, оно называетъ грѣшника сыномъ діавола въ смыслѣ подобномъ тому, какъ праведникъ называется сыномъ Божиимъ. *Вы, говоритъ самъ Спаситель нераскаяннымъ іудеямъ, вы отца вашего діавола есте, и похоти отца вашего хотите творити* (Іоан. 8, 44). Можетъ ли быть глубже и существеннѣе связи сына съ отцемъ? такова же и связь грѣшника съ діаволомъ. Сынъ получаетъ отъ отца самое бытіе свое: и грѣшникъ обязанъ, какъ грѣшникъ, грѣховнымъ бытіемъ своимъ діаволу. Отъ отца большею частію переходятъ на сына всѣ природныя качества: и грѣшнику сообщаются постепенно всѣ качества злаго духа. Отъ отцевъ дѣти получаютъ воспитаніе: и духъ тьмы не дремлетъ въ усовершеніи грѣшниковъ на всякое зло. Но многіе изъ отцевъ земныхъ не умѣютъ удержать дѣтей своихъ въ должной зависимости: а отецъ тьмы во всей силѣ знаетъ, какъ воспитывать чадъ своихъ, чтобы они во всемъ походили на него и никогда не выступали изъ богопротивной его воли.

Далѣе, св. апостолъ Павелъ называетъ грѣшника *живо уловленнымъ отъ діавола въ свою его волю*, и заповѣдуетъ вѣрующимъ молить о таковомъ, *еда како дастъ ему Богъ покаяніе въ разумъ истины, и возникнетъ отъ діавольскія сѣти* (2 Тим. 2, 25. 26). Опять сравненіе весьма сильное: ибо каково птицѣ, попавшейся въ сѣть? Она вся въ рукахъ ловца: такъ и грѣшникъ находится во власти діавола. Но птица, попавшись въ сѣть, видитъ обыкновенно свою бѣду, начинаетъ тотчасъ биться и силится прорвать сѣть; а бѣдный грѣшникъ рѣдко примѣчаетъ свой несчастный плѣнъ, радуется сѣти соблазна, которою пой-

манъ; даже, когда она сама прорывается, то старается укрѣпить ее и снова самъ налагаетъ на себя.

Еще самъ Спаситель, при одномъ случаѣ, замѣтилъ іудеямъ, что грѣшникъ по причинѣ нераскаянности своей, до того подвергается вліянію злаго духа, что сей послѣдній обитаетъ въ немъ, какъ въ своемъ домѣ; и не только самъ обитаетъ, но и приводитъ за собою для обитанія иныхъ лютейшихъ духовъ (Матѣ. 12, 43—45). Теперь представьте, чего не можетъ сдѣлать хозяинъ съ своимъ домомъ? Все что угодно: хочетъ — передѣлаетъ, хочетъ — разломаетъ, хочетъ — сожжетъ: такъ поступаетъ и діаволъ съ душою грѣшною, съ ея мыслями, чувствами и дѣйствіями, по-колику попускаетъ ему то сила Божія, его связующая.

Довольно и сихъ трехъ свидѣтельствъ, чтобы видѣть и понять, въ какой ужасной зависимости отъ діавола находится душа грѣшная.

Почему же, — спросятъ при семъ, — грѣшникъ, находясь въ такомъ ужасномъ плѣну, не чувствуетъ своего несчастья: ибо еслибъ чувствовалъ, то не замедлилъ бы освободиться отъ него, имѣя на то всю возможность? — Но, братіе мои, какъ бы бѣдный грѣшникъ чувствовалъ этотъ плѣнъ, когда не можетъ? И какъ бы онъ могъ, когда собственная душа его настроена грѣхомъ по-діавольски? Чтобы чувствовать присутствіе въ себѣ духа тьмы, надобно самому быть свѣтлымъ; а грѣшникъ — самъ тьма. На чистомъ, бѣломъ платѣ и малое пятно тотчасъ примѣтно; а платье черное не даетъ замѣтить на себѣ самыхъ большихъ пятенъ. Въ душѣ свѣтлой и чистой одна какая либо мысль, брошенная отъ діавола, тотчасъ производитъ смущеніе, тяжесть и боль сердечную; а въ душѣ грѣшника — темной и оскверненной, и самое присутствіе его непримѣтно. Такой непримѣтности помогаетъ самъ духъ злобы всѣми силами: ибо что ему за выгода быть примѣтнымъ? — давать ощущать себя прямо? Это значило бы заставить бѣжать отъ себя. И вотъ онъ, тирански властвуя надъ грѣшникомъ, въ то же время старается держать его въ томъ обольщеніи, яко бы онъ дѣйствуетъ самъ по себѣ, и во всемъ совершенно свободенъ. Для большаго успѣха въ семъ, духъ злобы нерѣдко внушаетъ грѣшнику невѣріе въ самое бытіе злыхъ духовъ; заставляетъ отрицать свидѣтельства о томъ самаго слова Божія, смѣяться надъ тѣми, кои утверждаютъ противное. Это одна изъ самыхъ любимыхъ козней духа злобы, которую онъ съ чрезвычайнымъ успѣхомъ употребляетъ особенно въ наши времена, склонныя къ сомнѣніямъ и невѣрію. Мало сего: врагъ

Бога и человѣковъ, для упроченія своего владычества надъ бѣднымъ грѣшникомъ, по свидѣтельству Апостола, рѣшается иногда на самое отважное средство, а именно забываетъ какъ бы свою злую природу, пріемлетъ на себя видъ Ангела свѣта (2 Кор. II, 14), внушая самыя благія, повидимому, мысли, понуждая къ совершенію нѣкоторыхъ добрыхъ дѣлъ, вводя въ разумѣніе различныхъ истинъ и таинъ, и все это для того, чтобы, усыпивъ человѣка лжеупованіемъ на свою мнимую доброту, спасти въ немъ для себя какую либо господствующую страсть, которая одна въ состояніи погубить грѣшника.

Какъ однако же ни старается духъ злобы сокрыть присутствіе свое въ человѣкѣ грѣшникѣ, не можетъ достигнуть сего всегда и вполнѣ; ибо завѣса природы человѣческой, при всей грубости и земляности плоти, въ самомъ очерненномъ ея видѣ — все еще слишкомъ прозрачна для тѣмы адской. Сила зла, обыкновенно кроющаяся въ глубинѣ души, такъ иногда быстро выступаетъ наружу въ грѣшникѣ; образъ діавола такъ рѣзко проглядываетъ изъ-подъ благовидной личины, которую обыкновенно стараются носить міролюбцы, что всѣ, смотря на такого человѣка, не знаютъ, что думать о немъ; самые ближніе и родственники готовы бѣжать отъ него и съ ужасомъ говорятъ: въ немъ злой духъ! это не человѣкъ, а діаволъ! — Самъ несчастный грѣшникъ, не смотря на привычку ко всему злему и діавольскому, по временамъ чувствуетъ, что онъ находится какъ бы въ безднѣ и въ какихъ-то цѣпяхъ, что внутри его есть еще кто-то стократъ злѣе и чернѣе его, что онъ состоитъ подъ вліяніемъ невидимой и богопротивной силы. Отсюда тяжкіе и ужасающіе вздохи и выраженія у грѣшниковъ: я человѣкъ погибшій! — Меня влечетъ на грѣхъ нечистая сила! — За мною ходитъ злой духъ! — Лучше бы мнѣ не родиться!

Чѣмъ обыкновенно обнаруживается власть діавола надъ грѣшникомъ? Тѣмъ, что онъ постепенно погашаетъ и задушаетъ въ немъ все доброе, начиная отъ первыхъ понятій ума о Богѣ и законѣ, до послѣднихъ угрызеній совѣсти; тѣмъ, что онъ постепенно переливаетъ изъ себя въ грѣшника все злое и богопротивное, начиная съ нечистыхъ мыслей и желаній до самыхъ ужасныхъ преступленій. Переходя отъ одного грѣха къ другому, изъ разврата въ развратъ, отъ нечувствія и ожесточенія къ большому нечувствію и окамененію, грѣшникъ наконецъ созрѣваетъ въ злѣ до того, что чувствуетъ прямое и постоянное отвращеніе ко всякому добру, явно презираетъ все святое, глумится безумно надъ

собственною душою и совѣстію, готовъ на открытую брань съ самимъ Творцемъ. Далѣе не можетъ вести человѣка самъ діаволъ!

Не трудно провидѣть, какой долженъ быть конецъ сего ужаснаго союза грѣшника съ духомъ тьмы:—большею частію смерть преждевременная, нерѣдко самоубійство. Ибо какъ ни пріятно духу злобы продолжать господствовать надъ грѣшникомъ въ сей жизни, какъ ни выгодно ему усовершенать своего плѣнника болѣе и болѣе во злѣ и распространять чрезъ него на другихъ соблазнъ и ядъ грѣха: но всѣ радости о семъ возмущаются опасеніемъ, что грѣшникъ, доколѣ живъ, чрезъ покаяніе, при помощи всемогущей благодати Божіей, можетъ разорвать всѣ узы страстей, уврачевать Кровію Искупителя всѣ язвы души своей, обратиться къ закону и долгу, и такимъ образомъ ускользнуть навсегда изъ челюстей ада. Посему врагъ спасенія изыскиваетъ всѣ способы сократить путь къ аду для грѣшника и пресѣчь какъ можно скорѣе его жизнь, къ чему грѣшникъ однимъ невоздержаніемъ представляетъ ему множество случаевъ. Верхъ торжества діавольскаго бываетъ, когда искушитель расположить самого грѣшника поднять на себя руки, и такимъ образомъ прямо предать себя аду. Для достиженія сего духъ тьмы, какъ показываетъ опытъ, рѣшается даже на несвойственныя, повидимому, для него мѣры, пробуждаетъ въ грѣшникѣ давно уснувшую совѣсть, заставляетъ ее вопіять и терзать его душу, помогаетъ ей представлять всю неумытность суда Божія, всю неизвинительность содѣянныхъ грѣховъ, всю невозможность истиннаго обращенія и помилованія, дабы чрезъ все это, повергнувъ грѣшника въ конечное отчаяніе, отважить его на самовольное прекращеніе своего земнаго бытія. Такъ именно поступилъ діаволъ съ злополучнымъ предателемъ Христовымъ!

Знаемъ, братіе мои, что говоря предъ вами такимъ образомъ, мы заранѣе подвергаемъ себя нареканію отъ стихійной мудрости.—Но что намъ, и сей мудрости?—Погибавшій во грѣхѣ міръ спасенъ не мудростію человѣческою, а буйствомъ проповѣди крестной, которая впрочемъ только для *погибающихъ* *юродство есть, спасаемыхъ же сила Божія* (1 Кор. 1, 18). Если бы впрочемъ сія мудрость, хотя на время, престала быть стихійною, и взошла сама, хотя изъ любопытства, на свойственную духу человѣческому высоту зрѣнія: то, можетъ быть, сама увидѣла бы живыхъ дѣятелей тамъ, гдѣ теперь находятъ одну мертвую плоть. И говоря прямо, кому бы, какъ не сей лжеименной мудрости, надлежало вѣдать со всею точностію происхожденіе изъ

ада всего зла, подѣ тяжестію коего стенаеть родъ человѣческій? Ибо св. Писаніе ея самую, безъ сомнѣнія, по ея происхожденію и свойствамъ, называетъ *бѣсовскою* (Іак. 3, 15). Что мѣшаетъ совопросникамъ вѣка сего, вѣрующимъ токмо въ одни свои чувства, явиться для наблюденія къ подножію нетлѣнныхъ тѣлесъ св. Угодниковъ Божіихъ? Тамъ собственными очами увидѣли бы они, какъ силы ада, срѣтившись лицомъ къ лицу съ силами неба, не могутъ вынести присутствія послѣднихъ и обнаруживаютъ себя самымъ очевиднымъ и жалкимъ образомъ; какъ признаются въ своей злой природѣ, въ своей нечистотѣ и винѣ, подобно мучимымъ преступникамъ; какъ смиренно общаются сълѣать то, чего требуютъ отъ нихъ во имя Распятаго, и какъ, гонимые силою креста, убѣгаютъ и исчезаютъ безвозвратно. Если бы сей опытъ показался почему либо неудобоисполнимымъ, пусть обратятся отъ слугитетей алтаря хотя къ слугителямъ нашего здравія тѣлеснаго:—и тѣ изъ нихъ, кои не дѣлали изъ своей почтенной науки бездушнаго ремесла, кои не проходили безъ вниманія поучительныхъ явленій въ природѣ человѣческой, среди ея болѣзненныхъ состояній, скажутъ необинуясь, что въ ряду болѣзней человѣческихъ есть ужасный видъ недуговъ тѣлеснодуховныхъ, кои ничѣмъ нельзя изъяснить удовлетворительно, кромѣ присутствія въ человѣкѣ злаго духа.

А мы, братіе мои, изъ всего сказаннаго нами извлечемъ, въ простотѣ вѣры, спасительный урокъ—хранить себя благодатію Божіею отъ грѣха между прочимъ и потому, что онъ неминуемо предастъ человѣка во владычество діавола, который, по слову Писанія, *яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Пет. 5, 8). Ибо если худо быть въ устахъ льва, то стократъ хуже быть въ устахъ діавола,—отъ чего да сохранить насъ всѣхъ Господь своею всемошною благодатію! Аминь.

СЛОВО

О ДУТѢИ ПОПЧЕНІИ, ОЖИДАЮЩЕИ ГРѢШНИИ.

Смерть грѣшниковъ люта (Псал. 33, 22)!

оль скоро неизбежно для каждого человека — оставить этотъ міръ и перейти въ другой, высшій; то для каждого должно быть крайне желательно, чтобы сей переходъ въ другой міръ, называемый смертію, совершился какъ можно мирнѣе и безболѣзненнѣе. Тихая и непостыдная кончина есть такое благо, для достиженія коего можно отказаться отъ многихъ удовольствій въ жизни уже потому, что это будетъ благо послѣднее въ жизни, — въ тѣ минуты, когда всего нужнѣе миръ и отрада. Но тотъ, кто работаетъ грѣху и служитъ страстямъ, долженъ знать заранѣе, что если онъ не исправится, то сіе благо для него потеряно; что подъ конецъ жизни, при разлукѣ души съ тѣломъ, его ожидаетъ не покой и услажденіе, а скорбь и мука. *Смерть грѣшниковъ люта*, говоритъ слово Божіе.

Отъ чего зависитъ это? Не удивительно, если и отъ особеннаго предраспоряженія правды Божіей, которая, предоставивъ грѣшнику полную свободу — ходить въ продолженіе жизни по стропотнымъ путямъ нечестія и соблазна, беретъ въ свое непосредственное завѣдываніе конецъ ея и, по всемогуществу своему, всегда устрояетъ его такъ, что за жизнію нечистою и беззаконною слѣдуетъ лютая и мучительная кончина. Ибо ужели къ дѣйствию Провидѣнія божественнаго не отнести непосредственнаго управленія и тѣмъ событіями нашей жизни, кои не зависятъ отъ нашего произвола, каковы суть начало и конецъ жиз-

ни? Съ другой стороны, кто не согласится съ древнимъ мудрецомъ, что *удобно есть предѣ Богомъ въ день смерти воздати чловѣку по дѣломъ его* (Сир. II, 26)?

Впрочемъ, братіе мои, жизнь, проводимая во грѣхѣхъ и нечестіи, по самому существу своему такова, что за нею, какъ удары молніи и грома за тучею, не можетъ не слѣдовать кончина лютая и болѣзненная. Почему? Потому во-первыхъ, что невоздержаніе и необузданность нрава и привычекъ въ людяхъ, волнующихъ страстями, по самому обыкновенному порядку вещей, весьма часто подвергаютъ ихъ опасностямъ и бѣдственнымъ приключеніямъ, вслѣдствіе коихъ они или умираютъ преждевременно наглымъ и ужаснымъ образомъ, или, лишенные силъ и здоровья, приковываются надолго къ одру болѣзней и сходятъ во гробъ послѣ продолжительныхъ и тяжкихъ страданій. Въ семъ отношеніи, пороки и развратъ свирѣпѣе самой войны, такъ что никакое орудіе непріятельское не можетъ сравниться съ ихъ ядовитымъ жаломъ.

При недостаткѣ подобныхъ смертоносныхъ приключеній, пороки предуготовляютъ грѣшнику подъ конецъ жизни горькую чашу страданій тѣмъ, что заранѣе разстроиваетъ его тѣло и содѣлываетъ его сѣдалищемъ болѣзней мучительныхъ. Спросите, если угодно, о семъ врачей, и они представятъ вамъ на сіе множество разительныхъ примѣровъ. Вообще предсмертныя недуги людей добродѣтельныхъ и порочныхъ имѣютъ весьма различный характеръ: въ первыхъ они подобны сильнымъ, но попутнымъ вѣтрамъ, при коихъ душа умирающая, расправивъ вѣтрила, быстро, но безъ шума и потрясеній, уносится изъ пристани; а въ послѣднихъ, то есть грѣшникахъ, предсмертныя болѣзни являются на подобіе осеннихъ бурь, кои все крушатъ, срываютъ насильственно корабль съ якоря и уносятъ въ волнующуюся пучину, на явную погибель.

И съ чего дѣйствительно, какъ не съ опыта взято обыкновеніе—кончину людей праведныхъ называть успеніемъ или преставленіемъ, а о великихъ грѣшникахъ говорить, что они не умираютъ, а извергаютъ душу свою? Тѣ, кои удостоились когда либо присутствовать при кончинѣ людей праведныхъ, не могли не замѣтить, что они дѣйствительно не умираютъ, а какъ бы засыпаютъ, или отходятъ съ миромъ куда-то отъ насъ. Съ грѣшниками, напротивъ, при кончинѣ ихъ происходитъ подобное тому, что бываетъ съ несчастнымъ младенцемъ, когда онъ отъ какого либо потрясенія неестественно извергается изъ утробы матерней.

И что удивительнаго, если разлученіе души съ тѣломъ въ томъ и другомъ случаѣ происходитъ столь различнымъ образомъ? Въ человѣкѣ истинно добродѣтельномъ, еще въ продолженіе жизни, можно сказать, уже совершается разлученіе души съ тѣломъ, такъ что чѣмъ болѣе онъ живетъ на землѣ, тѣмъ болѣе отрѣшается отъ своего тѣла, возносится духомъ въ горняя, приближается къ міру ангельскому, претавляется на небо. Въ такомъ случаѣ для Ангела смерти нѣтъ нужды ни въ какомъ усиленномъ дѣйствованіи; иногда довольно одного легкаго, такъ сказать, дуновенія, дабы прервать тонкую нить, сопрягавшую безсмертное съ смертнымъ. Не то въ грѣшникѣ: здѣсь душа безсмертная такъ опутана узами чувственности, небесное такъ перемѣшано съ земнымъ и плотскимъ, что самая смерть не можетъ вдругъ разорвать всѣхъ узъ, отдѣлить безъ замедленія нетлѣнное отъ того, что должно сдѣлаться добычею могилы и тлѣнія. Отсюда страданія и муки въ умирающемъ.

Но сіи страданія тѣла были бы еще не такъ страшны, если бы въ самой душѣ была хотя капля покоя. Мы видимъ на мученикахъ Христовыхъ, какъ самыя ужасныя мученія теряли свою лютость и силу оттого, что мучимые проникнуты были духомъ вѣры, вознесены благодатію превыше земли и своего тѣла. Въ умирающемъ грѣшникѣ, напротивъ, вмѣсто вѣры и упованія, господствуетъ обыкновенно страхъ и отчаяніе. Ибо люди нечестивые большею частію умираютъ, не приготовившись къ смерти, даже вовсе не думавъ прежде о своемъ концѣ: по сему бываютъ подобны человѣку, идя по льду, вдругъ обрушися въ бездну. Куда не обращается такой человѣкъ, къ чему не простираетъ рукъ, къ кому не вопіетъ о помощи? То же и съ грѣшникомъ; онъ чувствуетъ наконецъ, что обрушися въ бездну; употребляетъ всѣ средства, чтобы прогнать болѣзнь, отдалить свой конецъ; и когда видитъ, что все остается безъ успѣха, то поражается ужасомъ, предается малодушію и отчаянію.

И какъ не ужасаться и не трепетать! Посмотритъ ли умирающій грѣшникъ вспять на свою жизнь,—встрѣчаетъ необозримый рядъ преступленій, изъ коихъ одно отвратительнѣе другаго. Обратитъ ли взоръ на окружающее и настоящее,—видитъ, что все теперь и на всегда оставляетъ его, что предъ нимъ одинъ гробъ и могила. Простретъ ли мысль впередъ,—тамъ еще мрачнѣе и ужаснѣе. Надобно идти въ страну недовѣдомую, гдѣ живетъ одна истина и правда, коихъ въ немъ нѣтъ. Надобно явиться предъ Судію, который облеченъ всевѣдѣніемъ и всемо-

гушествомъ. Прежде сіи мысли, если когда приходили, то не оказывали дѣйствія, были тотчасъ прогоняемы разсѣяніемъ, подавляемы забавами, обращались даже въ предметъ глумленія безумнаго. Теперь не то—на прагъ жизни нельзя не видѣть всей пустоты и ничтожности благъ земныхъ и удовольствій плотскихъ; на прагъ вѣчности не возможно не предчувствовать суда и воздаянія, коими угрожаютъ вѣра и совѣсть. И у грѣшника, какъ у прародителей въ раю, открываются предъ смертію очи: но что видятъ? Ангела смерти надъ главою своею, видятъ вѣчность съ ея непреложнымъ мздовоздаяніемъ, видятъ невозможность ни остановить суда надъ собою, ни избѣгнуть его. Такое соединеніе страданій тѣлесныхъ съ душевными рѣдко не повергаетъ умирающаго грѣшника въ совершенное отчаяніе.

Благость Божія спасительная, неоставляющая человѣка до самыхъ послѣднихъ предѣловъ его бытія земнаго, готова и въ семъ случаѣ посѣтить грѣшника, и большею частію является у одра его съ знаменіемъ искупленія, и съ чашею завѣта. Но, увы, сіе утѣшительное явленіе рѣдко успокоиваетъ, а большею частію смущаетъ и пугаетъ грѣшника среди его предсмертныхъ страданій. Почему? Потому что душа, окаменѣвшая въ злѣ, неспособна бываетъ воспринимать въ себя каплей елея духовнаго. Въ самомъ дѣлѣ, много ли людей, кои, проведши всю жизнь въ грѣхахъ, могли бы въ послѣднія минуты вдругъ обратиться совершенно и раскрыть всю душу и сердце свое для благодати покаянія, подобно покаявшемуся на крестѣ разбойнику? Ахъ, многіе и на одрѣ смертномъ остаются подобными другому разбойнику, который и на крестѣ продолжалъ свое ожесточеніе грѣховное. Посему святые и утѣшительныя таинства Церкви, если и совершаются надъ умирающими миролюбцами, то большею частію не доставляютъ имъ ни отрады, ни успокоенія душевнаго.

Чтобы имѣть, сколько возможно, полное понятіе о лютой кончинѣ, ожидающей грѣшника, не забудемъ, братіе мои, и тѣхъ ужасныхъ видѣній, коими окруженъ бываетъ иногда ихъ одрѣ смертный. Если бы кто захотѣлъ приписать ихъ и одному воображенію, то и въ такомъ случаѣ сіи видѣнія не потеряютъ своего ужаса и мучительности для умирающаго, а явно останутся слѣдствіемъ нечистой жизни и совѣсти, равно какъ и наказаніемъ за нихъ. Но, кто въ состояніи отвергнуть и дѣйствительность сихъ адскихъ страшилищъ? Что удивительнаго, если предъ кончиною, когда, завѣса, сокрывающая міръ невидимый, приподнимается уже рукою смерти, грѣшникъ видитъ то, что

незримо для всѣхъ прочихъ, окружающихъ одръ его?— И что предстанетъ въ сіи минуты грѣшнику изъ міра духовнаго, кромѣ духовъ злобы, коимъ подражалъ онъ своею злобою и лукавствомъ, съ коими давно вошелъ въ невидимое, но тѣмъ не менѣе тѣсное содружество своею нечистотою, и кои теперь уже видимо являются для принятія земнаго клеветы своего во всегдашнее сообщество свое,— во тѣмъ кромѣшнюю?— Если душа Лазаря, по свидѣтельству слова Божія, была несомна на лоно Авраама Ангелами, то и душѣ грѣшной при исходѣ изъ міра сего, подобаетъ имѣть сопровожденіе, ею заслуженное.

Не устрашать, яко дѣтей, хотимъ мы васъ, братіе, сими напомниманіями, а остановить вниманіе ваше на предметъ, достойномъ размышленія. Страшенъ часъ разлуки души съ тѣломъ! Грозны послѣднія минуты жизни! Посему св. Церковь въ каждомъ молитвословіи заставляетъ насъ умолять Владыку живота и смерти о кончинѣ мирной и непостыдной. Но вотще будетъ сія молитва, если жизнь наша исполнена неправды и беззаконій. Ибо какъ праведникъ, по слову Божию, *еще постигнетъ скончаться, въ покои будетъ*; такъ *смерть грѣшниковъ*, по свидѣтельству того же слова, всегда была и будетъ *лута и мучительна*. Аминь.

СЛОВО

О ТОМЪ, ЧТО ЗА ГРѢХА ПОСЛѢДУЕТЪ НАПОСЛѢДЪ ДАА ЧЕЛОВѢКЪ

ВѢЧНОЕ МУЧЕНИЕ ВО АДѢ ВМѢСТѢ СЪ ДУХАМИ ОТВЕРЖЕННЫМИ.

Идите отъ Мене проклятіи во огнь
вѣчный, уготованный діаволу и аггеламъ
его (Мат. 25, 41)!

отъ послѣдняя награда за грѣхъ, послѣдній вѣнецъ діавольскій! Промучившись въ разныхъ видахъ отъ грѣха всю земную жизнь, протрадавъ отъ него по смерти до кончины міра, бѣдный грѣшникъ долженъ услышать наконецъ на всемірномъ судѣ новый ужасный приговоръ, и отойти во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеламъ его. Долженъ отойти! Ибо надобно же когда либо добру взять во всей силѣ верхъ надъ зломъ; не вѣчно продолжаться борьбѣ неба съ адомъ; а при окончательномъ торжествѣ царства свѣта и любви надъ царствомъ тьмы и злобы, что можетъ ожидать грѣшника, кромѣ совершеннаго отлученія отъ Бога, коего закону онъ всегда противился, кромѣ совершеннаго сближенія съ духами отверженными, коихъ внушеніямъ онъ всегда слѣдовалъ, кромѣ совершеннаго низпаденія въ бездну лишеній и страданій, кои неминуемо влечетъ за собою развратъ и беззаконіе?

Чтобы предотвратить для насъ, въ семъ отношеніи, всякое самообольщеніе, слово Божіе со всею ясностію, на многихъ мѣстахъ, предваряетъ насъ о сей ужасной участи, ожидающей грѣшниковъ послѣ суда всемірнаго, такъ что между всѣми догматами

вѣры нашей нѣтъ болѣе яснаго, какъ догмать • будущемъ вѣчномъ мученіи грѣшныхъ во адѣ.

Что это за мученіе и въ чемъ состоитъ оно? — Чтобы приблизить предметъ сей къ нашему разумѣнію, св. Писаніе употребляетъ для изображенія мученія во адѣ разныя подобія, заимствуя ихъ отъ того, что въ нашемъ нынѣшнемъ мірѣ есть ужаснаго и мучительнаго. И во-первыхъ, оно представляетъ состояніе мучимыхъ во адѣ подъ видомъ тѣмы, самой непроницаемой, или *крошней*, давая симъ знать, что во адѣ нисколько нѣтъ свѣта, столь необходимаго для жизни, столь отраднаго для всего живущаго. Во-вторыхъ, Писаніе изображаетъ состояніе грѣшника во адѣ подъ видомъ непрестаннаго терзанія червями: и *червь ихъ не умираетъ* (Мар. 9, 48), показуя симъ, что мученія адскія всегда будутъ возобновляемы съ новою силою и состоятъ въ непрестанномъ мучительномъ терзаніи грѣшника. Но всегда болѣе и чаще адскія мученія изображаются въ словѣ Божіемъ подъ видомъ пребыванія во огнѣ, или *езерѣ огненномъ* (Апок. 20, 14), такъ что адъ и огонь вѣчный на языкѣ Писанія суть слова почти равнозначущія. Конечно, это будетъ не нынѣшній огонь; ибо нынѣшній огонь самъ, можно сказать, сгоритъ въ послѣдній день міра, когда, по свидѣтельству св. Писанія, самыя наши *стихии сжигаемы разорятся* (2 Пет. 3, 10). Но мы явно погрѣшили бы противъ истиннаго разумѣнія словъ Писанія, если бы вздумали заключать изъ сего, что этотъ адскій огонь, будучи тонѣе и духовнѣе нашего огня, потому самому будетъ слабѣе и сноснѣе: напротивъ, по самой своей тонкости и духовности онъ долженъ быть стократъ яростнѣе и мучительнѣе, такъ что св. отцы нисколько не преувеличиваютъ дѣла, когда говорятъ, что нашъ нынѣшній огонь столь же слабъ въ сравненіи съ будущимъ адскимъ, какъ огонь на картинѣ слабъ въ сравненіи съ огнемъ дѣйствительнымъ.

И сей-то пламень, уготованный вначалѣ одному діаволу и аггеламъ его, содѣляется наконецъ вѣчнымъ наслѣдіемъ твоимъ, душа грѣшная! — Будешь ли сомнѣваться въ дѣйствительности сей угрозы? Пожалуй, сомнѣвайся: мы не можемъ теперь показать тебѣ тѣмы крошней и геенны. Но и врачъ, который говоритъ больному, что если онъ не воздержится отъ того или другаго, то умереть скоро, также не можетъ показать ему его смерти: однако же смерть приходитъ, когда не слушаютъ предостереженій и совѣтовъ врача. Кто же лучше можетъ знать наше будущее—врачи земные, или небесный? Но Врачъ небес-

ный ясно, какъ мы видѣли, говорить и предваряеть, что, въ случаѣ нераскаянности нашей, насъ ожидаетъ геенна огненная. Благоразумно ли не вѣрить словамъ и предостереженію Того, Кто для оправданія словъ своихъ можетъ, если бы то нужно было, сотворить новую геенну?

Но, увѣ, погибающій во грѣхѣ собратъ, геенны и ада не нужно творить вновь: они уже давно произведены грѣхомъ и заключаются въ немъ, какъ древо въ сѣмени. Присмотрись самъ со вниманіемъ къ лицу врага и друга твоего, и ты увидишь, что онъ весь огненного свойства, что всѣ явленія грѣха сопровождаются уже и здѣсь пламенемъ адскимъ, что онъ дѣлаетъ жгущимъ и мучительнымъ даже то, что должно бы радовать человѣка и улаждать.

Въ самомъ дѣлѣ, что, по самой природѣ, отраднѣ свѣта совѣсти?—Но приходитъ грѣхъ, изсушаетъ душу человѣка зноемъ страстей, дѣлаетъ изъ него сухое хвастіе, — и свѣтъ сей обращается въ огонь; совѣсть начинаетъ жечь и мучить душу! До чего жечь? До того, что въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе сего, происходитъ иногда смертельное воспаленіе.

Если за симъ обратитъ вниманіе на существо страстей—сихъ наперсницъ грѣха, кои его именовъ владѣютъ и управляютъ душами грѣшными; то окажется, что онѣ всѣ суть свойства огненного. Мы невольно сознаемъ это, когда говоримъ, напр.: огонь страстей, пламень честолюбія! Огонь сей теперь связанъ многими узами, посему и не такъ примѣтенъ обыкновенно: посмотрите однако же, какъ онъ выступаетъ изнутри человѣка, волнуется, багровитъ лице, приводитъ въ клочотаніе всю кровь въ минуты, напр., сильного гнѣва! Въ это время огонь сей такъ бываетъ яростенъ и силенъ, что иные не могутъ его перенести, и внезапно умираютъ, какъ отъ удара молніи. Пламень другихъ страстей менѣе яростенъ, всегда однако же проникаетъ и съ продолженіемъ времени растлѣваетъ весь составъ человѣка. И какъ видимо это, напр., на человѣкѣ любовнаго, завистливаго, или скупомъ!

Внутренній составъ тѣла нашего, коему особенно угрожаетъ будущее мученіе во адѣ, также представляетъ въ себѣ не только способность къ воспламененію, но и неистощимый запасъ огня. Это видимо на тѣлѣ каждаго человѣка и въ состояніи здоровомъ; ибо изъ каждой части тѣла посредствомъ извѣстныхъ искусственныхъ приемовъ, а иногда и безъ всякаго искусства, можно извлекать множество искръ. Но во время болѣзней это тайное сродство тѣла нашего съ огнемъ обнаруживается еще болѣе.

Ибо какая болѣзнь не обнаруживается жаромъ? Нѣкоторыя явно состоятъ изъ какого-то мучительнаго горѣнія всего тѣла, или большихъ частей его. Отсюда взяты самыя наименованія сихъ болѣзней, напр. огневицы или антонова огня. Кромѣ сихъ повсемѣтныхъ явленій, изъ нѣкоторыхъ, хотя рѣдкихъ, случаевъ видно, что въ тѣлѣ человѣческомъ есть способность воспламеняться какимъ-то особеннымъ огнемъ, коему въ нашемъ мірѣ нѣтъ подобнаго въ силѣ и разрушительности, и который видимо напоминаетъ собою огонь адскій. Это случай такъ называемаго самовозгорѣнія, когда живой и даже не больной, ностроенный въ тѣлесныхъ силахъ человѣкъ, вдругъ возгорается видимо и пожирается пламенемъ до того, что въ самое короткое время,—иногда въ нѣсколько минутъ,—отъ человѣка не остается ничего, кромѣ нѣсколькихъ горстей пепла. Что это, какъ не задатокъ огня адскаго!—Теперешнее бренное тѣло, воспламенившись такимъ образомъ, тлѣетъ и исчезаетъ: но будущее тѣло—бессмертное, воспламенившись, не можетъ исчезнуть, будетъ горѣть вѣчно. И вотъ геенна домашняя, самодѣльная и вмѣстѣ неугасяемая!

Хотя ничего, повидимому, нельзя придать къ ужасу и мучительности такого состоянія; но грѣхъ не удовлетворится и симъ мученіемъ. Обративъ грѣшниковъ въ существа самогорящія, онъ же собственно произведетъ для нихъ и огненный міръ, или какъ называетъ св. Писаніе, озеро огненное, дабы каковы обитатели, таково же было, такъ сказать, и помѣщеніе. Ибо нужно ли, братіе мои, чтобы всемогущество Божіе, само и положительно, творило эту огненную пропасть адскую? Эта бездна сама собою можетъ возникнуть наконецъ изъ грѣха. Какимъ образомъ? Внемлите и познайте ужасное свойство грѣха. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что человѣкъ беззаконіями своими портитъ и оядотворяетъ не только свое тѣло, но всѣ вещи, коими злоупотребляетъ, самыя стихіи его окружающія. Порча сія большею частию непримѣтна, но иногда такъ дѣлается ошутительна, что заражаетъ самый воздухъ, коимъ онъ дышалъ, отъ чего происходятъ повальные болѣзни и заразы. Теперь представьте всю порчу стихій, произведенную грѣхами всѣхъ людей; сложите ее съ тою порчею и ядомъ, коими заражаютъ природу видимую духи отверженные; вообразите за симъ, что въ послѣдній день міра и обновленія всѣхъ вещей, испорченная и оядотворенная грѣхами часть силъ природы отдѣлится отъ новаго, чистаго и свѣтлаго міра Божія: какое изъ сего составитъ скопище яда и тлѣнія!—Какой океанъ огня и пламени!—И вотъ стихія, въ коей

будутъ обитать духи и души отверженные! Ибо вокругъ кого же сосредоточиться ей, какъ не вокругъ тѣхъ, кои своими грѣхами произвели ее?

Не безъ особеннаго намѣренія входимъ мы, братіе, предъ вами въ подобныя объясненія: намъ желательно представить для вѣры нѣкую опору въ самомъ опытѣ, и отнять у невѣрія и вольнодумства предлогъ утверждать, что слово Божіе предлагаетъ намъ касательно будущаго состоянія нашего одни таинства и непостижимости для разума. Нѣтъ, если предлагаемое кажется превышающимъ разумъ, то потому, что разумъ находится теперь во всѣхъ насъ въ состояніи дѣтскомъ. Еслибы онъ возросъ и возмужалъ въ разумѣніи существа человѣческаго и міра, насъ окружающаго, то самъ бы увидѣлъ внутренно истину того, что открываетъ намъ вѣра и Евангеліе. Для сего, говорю, мы вошли въ нѣкоторыя, не такъ обыкновенныя, изъясненія, и для того, чтобы устранить мрачную и ложную мысль, якобы Творецъ самъ непосредственно будетъ мучить тварь своимъ всемогуществомъ. Нѣтъ, любовь вѣчная не мучить и не можетъ мучить никого. Мучить и терзаетъ здѣсь на землѣ, и тамъ — во адѣ грѣхъ. Богъ не сотворилъ ни смерти, ни ада; ихъ произвелъ грѣхъ.

Да обратится же на сего врага все отвращеніе и вся ненависть наша! Да не обрѣтетъ онъ себѣ ни малѣйшаго мѣста не только въ нравахъ и дѣяніяхъ, въ самыхъ мысляхъ и словахъ нашихъ! При первомъ появленіи грѣха въ себѣ, въ какомъ бы то видѣ ни было, да спѣшимъ изгнать и подавлять его совершенно! Средствъ къ сему, какъ увидимъ въ слѣдующихъ собесѣдованіяхъ нашихъ, столько запасено для каждаго изъ насъ, благодатію Божіею, что кто погибнетъ отъ грѣха (а погибнетъ непремѣнно, если не исправится), тотъ долженъ винить въ своей гибели только себя самого. Аминь.

БЕСѢДЫ
НА
СВ. ЧЕТЫРЕДЕСЯТНИЦУ
О
СМЕРТИ.

СЛОВО

О СМЕРТИ БОЖІЕЙ*).

збравъ предметомъ своимъ смерть, намъ хотѣлось бы, братіе мои, сего послѣдняго врага нашего, какъ называется смерть въ словѣ Божіемъ, изобразить предъ вами такъ, чтобы ветхій и плотскій человѣкъ нашъ пораженъ былъ при семъ всѣмъ ужасомъ, могущимъ произойти въ немъ отъ гроба и тлѣнія, и чтобы въ тоже время человѣкъ новый въ насъ и духовный, живущій вѣрою и упованіемъ, могъ поднять при семъ главу и найти для себя утѣшеніе въ томъ самомъ, чего такъ трепещутъ плоть и кровь. То есть, мы желали бы, чтобы въ насъ отъ размышленія и собесѣдованія о смерти остались на всю жизнь два чувства: чувство спасительнаго страха, который бы служилъ намъ въ ограду отъ прелестей и соблазновъ мірскихъ, щитомъ противъ собственныхъ страстей и похотей, и чувство упованія христіанскаго, которое возносило бы насъ надъ тѣми, недостойными христіанина, малодушіемъ и отчаяніемъ, съ коими срѣтають смерть чада вѣка сего, служители грѣха и плоти.

Что же намъ сдѣлать для достиженія сей сугубой цѣли? Повести ли васъ тотчасъ въ Эдемъ, къ запрещенному дереву, изъ коего произникла для насъ смерть, гдѣ въ первый разъ прогрѣмѣло для насъ грозное слово суда и казни: *земля еси и въ землю обратишися?* Или возвести васъ на Голгоѳу и поставить у подножія Креста Христова, гдѣ смерть наша попрана смертію Сына

*) Бесѣда о смерти печатаны съ рукописи.

Божія, и гдѣ во всей силѣ начало сбываться утѣшительное воззание Пророка: *гдѣ ти, смерте, жало, гдѣ ти, аде, побѣда* (Ос. 13, 14; 1 Кор. 15, 55)? Выйти ли тотчасъ съ вами на кладбище къ усопшимъ братіямъ нашимъ и молить ихъ, да повѣдаютъ намъ тайну смерти, да вразумятъ, что ожидаетъ каждого изъ насъ въ часъ скончанія нашего? Или низойти прямо къ собственному послѣднему одру нашему и показать, какъ Ангелъ смерти приблизится и къ намъ, какъ душа наша должна будетъ разлучиться отъ тѣла, и мы пойдемъ въ ту страну, изъ коей нѣтъ возврата? Не будетъ излишне, — если мы сдѣлаемъ все сіе и осмотримъ врага нашего со всѣхъ сторонъ, дабы видѣть всю силу и все безсиліе его.

Благодареніе Богу, что мы можемъ теперь видѣть смерть во всѣхъ входахъ и исходахъ ея. Бѣднымъ язычникамъ, неумущимъ откровенія небеснаго, оставалось токмо трепетать предъ смертію; ибо самые мудрѣйшіе изъ нихъ, будучи предоставлены собственному разуму, который ничего не видитъ далѣе чувствъ, ничего не могли сказать о томъ, откуда смерть и что ожидаетъ человѣка по ту сторону гроба. Но христіанинъ съ Евангеліемъ въ рукахъ смѣло идетъ на кладбище: для него нѣтъ тамъ мрака непроницаемаго; онъ ясно видитъ не только начало, но и конецъ смерти.

Пользуясь симъ свѣтомъ небеснымъ, углубимся въ происхожденіе и сущность смерти, рассмотримъ, что ей предшествуетъ и что за нею послѣдуетъ, вникнемъ въ причины, отчего смерть бываетъ люта и какъ можно сдѣлать ее тихою и безболѣзненною, а въ заключеніе обратимъ вниманіе на собственную кончину, насъ ожидающую, и научимся срѣтить смерть похристіански. Все сіе будетъ предметомъ послѣдующихъ собесѣдованій нашихъ. А на сей разъ ограничимся общимъ обзорѣніемъ смерти и ея владычества надъ родомъ человѣческимъ.

Если бы кто либо изъ небожителей никогда не бывавшихъ на землѣ, нами обитаемой явился на ней и обратилъ вниманіе на нашъ родъ человѣческій: то что бы, вы думаете, наиболѣе могло поразить его взоръ? Мнѣ кажется, что его всего скорѣе удивила бы и поразила наша ужасная смертность. Въ лицѣ человѣка онъ тотчасъ узналъ бы владыку земли, коему все подчинено и волею или неволею служить; а въ смерти онъ тотчасъ увидѣлъ бы лютаго врага и тирана, коему этотъ владыка земли отданъ въ жертву на ряду съ послѣдними изъ безсловесныхъ. И долго ли бы надлежало ожидать ему, дабы сдѣлать это по-

слѣднее заключеніе о насъ? Ни единой даже секунды. Ибо на землѣ, нами обитаемой,—узнайте и ужаснитесь!—не проходитъ ни единой секунды безъ того, чтобы не умеръ кто-либо; такъ что если бы считать непрерывно и по порядку рядъ смертей человѣческихъ, то сей счетъ могъ бы служить вмѣсто самыхъ вѣрныхъ часовъ для измѣренія нашего земнаго времени. Такъ бременъ и мимоходящъ образъ бытія нашего здѣсь! Почти четвертая часть людей для того токмо, повидимому, и рождается, чтобы умереть, не оставивъ слѣда бытія своего, кромѣ только развѣ въ растерзанномъ скорбію сердцѣ родителей; для многихъ минута рожденія служитъ вмѣстѣ и минутою скончанія, многіе умираютъ не выходя на свѣтъ, имѣя гробомъ утробу матернюю. Изъ остающихся жить едва третья часть достигаетъ юношества и едва половина переходитъ за средину жизни; а доживающихъ до послѣднихъ предѣловъ жизни (и велики ли они?—70, 80 лѣтъ!) такъ мало, какъ класовъ, кои ускользнули изъ-подъ серпа жателя. Никто не свободенъ отъ смерти. Войдите въ полуразвалившуюся хижину, увидите гробъ, на горахъ—смерть, въ долинахъ—смерть, на моряхъ и рѣкахъ—смерть. Всему есть сроки и время: смерти — нѣтъ. Она мимоходитъ старца и похищаетъ юношу; оставляетъ младенца и беретъ мать, его питавшую; этотъ употребляетъ всѣ средства, чтобы избавиться отъ неважной, повидимому, болѣзни, и умираетъ отъ нея; а тотъ дѣлаетъ, повидимому, все, чтобы разстроить свое здоровье и сократить дни, и живетъ. Мудрецъ умираетъ, не совершивъ своихъ открытій, надъ коими трудился цѣлый вѣкъ; полководецъ умираетъ въ навечеріи битвы, которая должна бы рѣшить судьбу его отечества; возвращающійся изъ пути дальняго, сынъ умираетъ за часъ пути отъ крова отеческаго; невѣста или женихъ умираетъ, возвратившись токмо или и не возвратившись изъ-подъ вѣнца брачнаго. Смерти нѣтъ дѣла ни до чего нашего человѣческаго: это скелетъ безъ сердца и души, съ одною косою и серпомъ. Большею частію она любитъ предпосылать себѣ, какъ вѣстника и предтечу, различные недуги и болѣзни: иногда какъ бы любуясь страданіями своей жертвы, замедляетъ приходъ и ударъ свой; но она же любитъ поражать и внезапно, какъ тать ночной. Сколько людей не встало отъ ложа ночнаго, легши на него съ замыслами на многіе годы! Сколько уснуло послѣднимъ сномъ за трапезою! Сколько не возвратилось въ домъ, вышедъ на нѣсколько минутъ! Тщетно наука здравія истощаетъ все искусство и всѣ усилія: сила смерти все таже, таже свирѣпость и внезап-

ность. Врачи, какъ бы въ отмщеніе за покушеніе на невозможное, менѣе всѣхъ пользуются долголѣтіемъ. Сама религія не спасаетъ отъ смерти. Вотъ человѣкъ, который всю жизнь посвятилъ Богу, вѣрѣ, добродѣтели и человѣчеству. Всѣ желали какъ милости отъ неба продолженія дней его. Но смерть не внимаетъ ничему, — и праведникъ лежитъ бездыханенъ.

Взирая на все сіе, кто вмѣстѣ съ св. пѣснопѣвцемъ не воскликнетъ отъ всей скорбной души: *что сіе еже о насъ бысть таинство? Како предахомся тлѣнію? Како сопрягохомся смерти?*

Вопросъ горькій, неизбѣжный, но кто изъ людей въ состояніи самъ собою разрѣшить его? Нѣтъ гласа и отвѣта изъ могилы; нѣсть познанъ возвративый изъ ада.

Удивительно ли посему, если и мудрѣйшіе повидимому изъ людей, оставленные бѣдному водительство собственнаго разума и имѣвшіе при томъ несчастіе потерять чистоту души и совѣсти, приходили къ ужасной мысли, что какъ *самослучайно рождены* *есмы и потомъ будемъ, якоже небывше.*

Познаемъ же преимущество нашего состоянія въ вѣрѣ христіанской и возблагодаримъ Господа, что Онъ, безъ всякихъ заслугъ нашихъ, судилъ намъ узрѣть жизнь въ нѣдрахъ Церкви. Теперь отрокъ и младенецъ болѣе знаютъ о цѣли бытія человѣческаго и жизни нашей за гробомъ, нежели знали о томъ всѣ мудрецы и философы языческіе. Съ Голгофы отъ креста и гроба Господня все видно и все ясно. Теперь мы знаемъ не только начало, но и конецъ, можно сказать, смерть самой смерти, какъ то окажется въ слѣдующихъ собесѣдованіяхъ нашихъ. Аминь.

СЛОВО

О СМЕРТИ.

какъ ни поверхностно обозрѣвали мы въ прошедшій разъ владычество смерти надъ родомъ человѣческимъ, но и при семъ не могли не видѣть, какъ это владычество разрушительно и ужасно,—ужасно уже неизбѣжностію своею для всякаго; ибо *кто есть челоѣкъ, иже поживетъ и не узритъ смерти* (Псал. 88, 49)? Ужасно неизвѣстностію часа смертнаго; ибо кто можетъ знать и сказать, что онъ умретъ не прежде, какъ тогда-то? Ужасно предшествующими обыкновенно всякой смерти страданіями тѣлесными и душевными; ужасно даже отсутствіемъ всякихъ страданій, когда смерть постигаетъ челоѣка внезапно и нечаянно.

Хотите ли взглянуть еще вмѣстѣ съ нами на послѣдствія смерти надъ челоѣкомъ, дабы болѣе и прочнѣе пробудить въ себѣ спасительный страхъ смерти, столь нужный и благопотребный для насъ въ дѣлѣ нашего покаянія и спасенія?—Если такъ, то да будетъ извѣстно вамъ, что послѣдствія смерти—во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно важны и рѣшительны, словомъ сказать, таковы, что кто разъ вникнетъ въ нихъ и выразумѣетъ вполнѣ ихъ силу и значеніе, у того никогда они не могутъ выйти изъ головы и мысли.

Мы даже не разумѣемъ при семъ тѣхъ послѣдствій, коимъ подлежитъ челоѣкъ умершій въ другомъ мірѣ, куда онъ приходитъ отъ насъ, и коихъ мы, при всей важности ихъ, не можемъ видѣть, а только можемъ и должны предполагать. Разсмо-

тримъ одни тѣ послѣдствія, кои касаются нашего міра, и кои потому предъ нашими очами и нашимъ судомъ.

Эти послѣдствія, говорю, чрезвычайно важны, неотразимы и рѣшительно непреложны!

И во первыхъ, въ самомъ существѣ человѣка. До смерти,—какъ бы онъ ни страдалъ, въ какомъ бы ни находился истощеніи и безобразіи, хотя бы былъ подобенъ Іову на гноищѣ,—онъ все еще человѣкъ, существо живое, чувствующее и разумное; приходитъ смерть—и этотъ человѣкъ, хотя бы за минуту до того былъ крѣпокъ и цвѣтушъ здравіемъ, становится бездушнымъ, у котораго остается все, что было прежде, но безъ всякаго дѣйствія: очи не видятъ, ухо не слышитъ, уста сомкнуты, руки и ноги, самое сердце недвижимы. И этотъ тѣлесный остатокъ человѣка вскорѣ теряетъ свой видъ болѣе и болѣе, и начинаетъ разлагаться на части, послѣ чего отъ человѣка остается, и то не навсегда, только нѣсколько голыхъ костей, нѣсколько горстей праха. Можно судить по сему, какая ужасная переменѣна должна происходить съ человѣкомъ послѣ его смерти! Тутъ происходитъ болѣе, гораздо болѣе того, какъ если бы человѣкъ какимъ либо чудомъ восхищенъ былъ съ нашей земли и преставленъ въ какой либо изъ небесныхъ шаровъ; ибо, при всей разности образа существованія тамъ отъ нашего земнаго, преставленный туда все еще оставался бы съ своею тѣлесностію и срѣтилъ бы себя среди вещественныхъ стихій, подобныхъ сколько нибудь здѣшнимъ. Въ смерти, напротивъ, оставляетъ человѣка все тѣлесное: онъ остается и дѣлается однимъ духомъ, не имущимъ вовсе плоти и крови; вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ существенно измѣниться весь образъ бытія человѣческаго и всѣхъ его отношеній къ подобнымъ себѣ и ко всему міру.

Доколѣ человѣкъ въ тѣлѣ и живъ, дотолѣ онъ занимается чувственнымъ и тѣлеснымъ; тѣлесное и видимое доставляетъ ему способы къ поддержанію своего бытія и къ занятію самыхъ душевныхъ способностей; съ смертію этотъ союзъ съ видимымъ и чувственнымъ прекращается навсегда. Безъ тѣла человѣку нисколько уже не нужно того, надъ приобрѣтеніемъ чего онъ такъ долженъ былъ прежде трудиться и въ чемъ полагалъ свое блаженство. Съ другой стороны, и чѣмъ занята была здѣсь душа его, какъ бы ни казалось то привычнымъ, любезнымъ, необходимымъ, все это должно оставить и навсегда, ибо безъ тѣла и чувствъ нѣтъ уже средства и возможности заниматься, чѣмъ занимался прежде. Такимъ образомъ у служителя алтаря нѣтъ бо-

лѣе ни алтаря, ни храма; у любителя наукъ и знаній нѣтъ болѣе ни звѣздъ на небѣ для наблюденія, ни травъ и животныхъ на землѣ для разсмотрѣнія; у оратая — полей для воздѣланія, у дѣющаго куплю—предметовъ торговли. Для умершаго нужна уже новая пища, новый кругъ занятій, сообразные его новому образу бытія въ другомъ мірѣ.

Говорить ли послѣ сего, что смерть прекращаетъ навсегда всякую дѣятельность человѣка, надѣ чѣмъ бы ни застала его въ приходѣ своемъ къ нему.

Вы трудились надѣ какимъ либо великимъ и общепользнымъ дѣломъ, не много времени уже требовалось для окончанія его, безъ васъ даже, можетъ быть, никто не въ состояніи кончить его: смерти нѣтъ дѣла до сего; она приводитъ съ собою конецъ самому вашему бытію земному, и недовершенное вами остается для васъ такимъ навсегда. Успѣли вы распорядиться вашимъ имуществомъ и объявить послѣднюю вашу волю — хорошо; не успѣли,—оно пойдетъ, безъ вашей воли, куда бы вы вовсе, можетъ быть, не хотѣли. Вамъ крайне желалось бы перемѣнить что либо изъ вашихъ прежнихъ дѣйствій, на примѣръ примириться по-христіански съ такимъ и такимъ недругомъ, вознаградить кого либо изъ обиженныхъ вами, оставить кому либо знакъ своей любви и уваженія; если этого не сдѣлано до смерти, то никогда уже не будетъ сдѣлано. Смерть единожды и навсегда полагаетъ конецъ нашей дѣятельности, въ чемъ бы она ни состояла и чего бы ни требовала.

Если бы можно было умершимъ по крайней мѣрѣ передавать какимъ либо образомъ въ нашъ міръ свои желанія! Многіе, если не всѣ, изъ сродниковъ и ближнихъ нашихъ почли бы за долгъ для себя привести ихъ въ исполненіе; но сіе невозможно! Лишившись своего тѣла, человѣкъ вмѣстѣ съ нимъ теряетъ всѣ средства къ сообщенію съ симъ міромъ и съ оставшимися въ немъ, кои, съ своей стороны, будучи облечены тѣлесностію, не въ состояніи проникать въ область духовъ, гдѣ находятся умершіе. Посему, какъ бы васъ ни продолжали любить здѣсь, какъ бы ни желали вамъ всякаго блага за гробомъ, никто не въ состояніи знать и исполнить вашу волю, ни вы передать ее имъ. О васъ будутъ жалѣть и плакать, о васъ будутъ молиться и во имя ваше благодѣлать, къ чему такъ располагаетъ всѣхъ чадъ своихъ св. Церковь; но сообщенія съ вами ни у кого не будетъ. Всѣ намѣренія, желанія, нужды ваши погребены будутъ навсегда съ вами, и ихъ никто не узнаетъ на земли, развѣ самъ Го-

сподѣ благоволитъ открыть о томъ кому либо особеннымъ образомъ, что, какъ видимъ изъ св. исторіи, бываетъ крайне рѣдко.

Помыслите, братіе мои, о всемъ этомъ и ужаснитесь! Помыслите и извлеките изъ сего сами правила для своего поведенія и жизни. Они кратки и просты, но столь же полезны и необходимы для каждаго.

Если тѣло наше должно оставить насъ въ смерти и обратиться въ прахъ, что, можетъ быть, уже весьма близко къ намъ: то благоразумно ли заботиться непрестанно объ одномъ тѣлѣ и оставлять безъ вниманія состояніе нашей души, съ коею мы останемся на всю вѣчность?—

Если міръ, насъ окружающій и насъ всецѣло занимающій, долженъ въ смерти исчезнуть для насъ навсегда; то благоразумно ли ограничивать имъ всю дѣятельность нашего духа, привязываться къ нему всѣми силами сердца, и не готовить себя къ дѣятельности высшаго рода, которая срѣтитъ насъ за гробомъ, запасать благовременно то, что тамъ будетъ нужно?—

Если дѣятельность наша въ семъ мірѣ совершенно прекращается съ смертію, и какъ не возможно по смерти не только совершить или докончить что либо изъ дѣлъ нашихъ, даже знать здѣсь кому либо о нашихъ желаніяхъ; то не должно ли стараться каждому дѣлать, что необходимо, заблаговременно, не ожидая часа смертнаго, который можетъ постигнуть внезапно? Здѣсь-то можно повторить слова Спасителя: *еже твориши, твори скоро: тирися съ соперникомъ твоимъ*, то есть, съ правосудіемъ Божиимъ и совѣстію своею, *дондеже еси на пути*. Уготовляй свѣтильникъ и елей добрыхъ дѣлъ, доколѣ не наступила полночь, не пришелъ внезапно женихъ и не затворились предъ тобою двери чертога. Аминь.

СЛОВО

О ТОМЪ, ЧТО ТАКОЕ СМЕРТЬ.

то такое смерть? Что происходитъ съ человѣкомъ въ то время, когда умираетъ онъ? Какъ разрѣшается душа человѣка отъ тѣла?

Кто намъ скажетъ это? Могли бы сказать отцы и братія наши, кои прешли уже мрачнымъ путемъ смерти на онъ-полъ бытія: но они безмолвны!—не потому, конечно, чтобы не хотѣли подѣлиться съ нами своею тайною, а потому, что у нихъ для насъ нѣтъ языка, коимъ можно бы заговорить съ нами, а у насъ для нихъ нѣтъ уха, коимъ можно бы выслушать сказанное, потому что они теперь духъ безплотный, а мы, къ сожалѣнію, нерѣдко бываемъ плоть бездушная.

Остается посему обратиться къ свидѣтельству собственныхъ чувствъ. Какъ оно ни слабо и неполно въ отношеніи къ смерти, но можетъ сообщить намъ нѣчто; потому что смерть отчасти видима; иначе мы не могли бы и знать, что такой-то человѣкъ дѣйствительно умеръ. Что же по наблюденію нашихъ чувствъ происходитъ съ человѣкомъ во время смерти? Закрываются глаза, престаетъ въ человѣкѣ всякое движеніе, теряется самосознаніе? Но это бываетъ и при каждомъ снѣ человѣка. Прекращается дыханіе, останавливается сердце и кровь, исчезаетъ теплота въ тѣлѣ? Но это замѣчается и въ глубокихъ обморокахъ. Чѣмъ же смерть отлична отъ глубокаго сна и обморока? Тѣмъ, что отъ сна пробуждаются, отъ самаго обморока, какъ бы онъ ни былъ глубокъ, приходятъ въ чувство, а отъ смерти—никогда. Значитъ, въ смерти происходитъ съ человѣкомъ нѣчто сторишно большее, нежели во время сна, большее—нежели въ большемъ обморокѣ. Что же именно? То, что въ тѣлѣ человѣка въ часъ смерти ис-

чезаетъ самое первое и послѣднее начало жизни, и оно, сдѣлавшись чрезъ то совершенно неспособнымъ къ обитанію въ немъ души, оставляется ею навсегда. Разлука души съ тѣломъ составляетъ посему послѣднюю степень и сущность смерти. Доколѣ душа не разлучилась отъ тѣла, дотолѣ какъ-бы ни страдалъ человѣкъ, какому бы ни подлежалъ бѣдствію, онъ можетъ быть воззванъ къ жизни; но когда душа оставила тѣло, то хотя бы оно само по себѣ и не было много разстроено, все кончено, всякое усиліе и помощь искусства напрасны, умершій человѣкъ можетъ ожить только силою Того, Кто единъ силенъ сопрячь паки душу съ тѣломъ, дѣйствіемъ всемогущества.

Какимъ образомъ происходитъ самое разлученіе души отъ тѣла? Сего не могутъ сказать ни чувства, ни самый разсудокъ нашъ. Не могутъ сказать чувства, ибо душа сама по себѣ не видима и въ продолженіе жизни: какъ же бы они увидѣли, какъ она выходитъ изъ тѣла. Не можетъ сказать и самый разсудокъ: ибо соединеніе души съ тѣломъ есть тайна для него. Если бы онъ зналъ сію тайну, то зналъ бы и то, какъ разрѣшается душа отъ тѣла.

Какъ же безъ сего узнать, что душа оставила тѣло и человѣкъ умеръ дѣйствительно, а не кажется только таковымъ?— По дѣйствіямъ, кои влечетъ за собою разлука тѣла съ душею. Оставленное душею, оно теряетъ всякую жизненность и предается тлѣнію. Разрушеніе дома показываетъ, что уже жилища въ немъ нѣтъ.

Вся ли тѣлесность спадаетъ съ души во время смерти? Не уноситъ ли она съ собою изъ нашего міра какого либо тончайшаго покрова вещественнаго? Можетъ быть. Ибо собственно безтѣлесенъ единъ Богъ, какъ духъ чистѣйшій и всесовершеннѣйшій. Самые Ангелы, явившись въ нашъ міръ, являются въ образахъ тѣлесныхъ. А душу нашу мы не умѣемъ и представить себѣ иначе, какъ въ тѣлесномъ очертаніи. Если и уноситъ, то развѣ такой, который тонкостію своею превосходитъ все видимое: ибо мы его не видимъ. Но потому что не видимъ, не можемъ отрицать сего; ибо мы и вокругъ себя не видимъ много такихъ вещей, кои принадлежатъ еще, и притомъ постоянно, къ нашему міру и суть вещественны; но по тонкости своей не видимы для нашего глаза.

Откуда душа въ смерти возьметъ нужное для себя (если дѣйствительно нужно?) облаченіе? Изъ того же тѣла, оставленного. Ибо въ тѣлѣ человѣческомъ, какъ и во всѣхъ тѣлахъ, есть много

удобо или неудобо-разрушимаго; есть нѣчто такое, что разрушается на части и исчезаетъ; и всегда есть нѣчто совершенно неразрушимое, которое не подлежитъ никакому тлѣнію. Сіе-то не разрушимое въ нашемъ тѣлѣ можетъ оставаться при душѣ и по смерти, составлять ея одѣяніе и замѣнять до нѣкоторой степени недостатокъ тѣла до будущаго воскресенія. Оно-то, можетъ быть, должно служить основаніемъ и какъ бы зародышемъ тому будущему тѣлу, въ которое душа облечется въ день всемірнаго воскресенія. Кто хочетъ углубиться въ сей важный предметъ, тотъ пусть прочитаетъ пятую главу во 2-мъ посланіи св. Павла къ Коринѳянамъ.

Итакъ въ смерти находятся двѣ какъ-бы стороны: одна,—обращенная къ нашему міру и потому нами видимая; другая,—обращенная къ міру духовному и потому нами не видимая. Мы, можно сказать, видимъ начало смерти, а середина и конецъ ея должны быть видимы для тѣхъ, кои смотрятъ оттуда. — Человѣка умирающаго можно уподобить человѣку, который бы изъ той комнаты, въ коей мы находимся, уходилъ отъ насъ сквозь стѣну. Какъ онъ подойдетъ къ стѣнѣ, мы увидимъ, но какъ выйдетъ изъ нея на другую сторону, сего мы не можемъ видѣть по причинѣ самой стѣны, сквозь которую онъ проходить.

Поелику смерть имѣетъ такимъ образомъ двѣ стороны, чувственную и сверхъ-чувственную; то у явленія сего безъ сомнѣнія и два рода зрителей. Отсюда на умирающаго смотримъ мы, а оттуда смотрятъ духи и души безплотныя. Ибо, быть не можетъ, чтобы человѣкъ, вступая въ новый міръ, не обрѣталъ кого либо у прага его, для своего руководства. Здѣсь первѣе всего душа отшедшаго видитъ своего Ангела-Хранителя и своего ангела искушителя. Ибо гдѣ же и быть имъ, какъ не при развязкѣ дѣла, коимъ каждый изъ нихъ занятъ былъ столько времени?—Тутъ, безъ сомнѣнія, срѣтаютъ душу Ангелы и души праведныхъ, если она того достойна, и тутъ же окружаютъ ее духи злобы, если она въ продолженіе жизни имѣла несчастіе слѣдовать ихъ внушеніямъ, набраться ихъ духа и настроиться по ихъ нраву и образу.

Но мы еще возвратимся къ сему предмету. Теперь посмотримъ паки вообще на смерть.

Изъ всѣхъ явленій въ жизни человѣка это самое поразительное и важное. Равносильно ему, и то не во всѣхъ отношеніяхъ, только рожденіе человѣка. Тутъ человѣкъ начинаетъ жить, и начинаетъ постепенно: цѣлыя годы проходятъ прежде, нежели онъ совершенно воче-

ловѣчится. Въ смерти, особенно въ нѣкоторыхъ смертяхъ, конецъ вдругъ: нѣтъ продолженія, нѣтъ иногда и предваренія. Если представить, какъ тѣсно соединены въ продолженіе жизни душа съ тѣломъ, такъ какъ извѣстно, что составляютъ одно нераздѣльное цѣлое; то въ часть смерти это цѣлое раздвоится совершенно и навсегда: человѣкъ изъ существа чувственнаго становится духомъ безплотнымъ. Тутъ посему происходитъ гораздо болѣе, нежели при рожденіи; ибо хотя младенецъ, находясь въ утробѣ матерней,—жилъ не такъ, какъ живемъ мы, но все же жилъ нашею чувственною жизнію и, выходя на свѣтъ, перемѣнилъ токмо образъ жизни: въ смерти—болѣе: тутъ всякій чувственный родъ жизни оставляетъ человѣка вмѣстѣ съ тѣломъ, и онъ долженъ уже жить однимъ духомъ, на подобіе того, какъ живутъ Ангелы. Много было бы перемѣнъ съ человѣкомъ, если бы его восхитить отъ земли и преставить жить на какую либо изъ звѣздъ, или на солнце: но смерть дѣлаетъ болѣе; ибо и на звѣздахъ и на солнцѣ, хотя въ другомъ видѣ, но тѣже стихіи, что и у насъ; а смерть разбираетъ человѣка со всѣми нашими стихіями, ставитъ его выше всего чувственного.

Уже одно это дѣлаетъ смерть крайне важною для человѣка, и кто имѣетъ разумъ и любовь къ самому себѣ, тотъ не можетъ во всю жизнь не думать ни о чемъ столько, какъ о своей смерти, и ни къ чему такъ не готовиться, какъ къ ней.

(Не кончено.)

СЛОВО

О ТОМЪ, ЧТО ТАКОЕ СМЕРТЬ.

акъ ни слабо и кратко изобразили мы въ прошедшемъ*) собесѣдованіи владычество смерти надъ родомъ человѣческимъ, но изъ сего краткаго изображенія можно видѣть и убѣдиться, что смерть есть ужасное зло для человѣка, въ сравненіи съ коимъ всѣ прочія бѣдствія не такъ велики и губельны. Всѣ чувствуютъ это, посему такъ ничего не страшатся, какъ смерти. Соглашаются переносить самыя величайшія лишенія и скорби, только бы остаться въ живыхъ. Наказаніе смертію есть верхъ наказаній человѣческихъ, и опредѣляется токмо за самыя великія и нетерпимыя преступленія.

Если же смерть есть такое ужасное зло для человѣка, а между тѣмъ ей подлежатъ неизбѣжно всѣ и каждый: то какъ бы разуму и любомудрію человѣческому не обратить на нее вниманія. не изслѣдовать откуда это зло, нѣтъ ли средствъ избѣжать его или отнять у него силу. Но пересмотрите всѣ произведенія такъ называемой философіи человѣческой, вы найдете тамъ размышленія о всѣхъ предметахъ, а о смерти ни слова или весьма мало, какъ бы о такомъ предметѣ, коимъ не стоитъ много заниматься.

Что значитъ это? Развѣ мудрецъ менѣе страдаетъ отъ смерти и гроба, нежели всѣ прочіе? Нѣтъ, если кому, то ему именно

*) Просимъ читателей имѣть въ виду что бесѣды о смерти печатаются въ настоящемъ изданіи въ первый разъ съ рукописей, не приведенныхъ въ окончательный видъ и полный составъ самимъ проповѣдникомъ; поэтому и самыя поученія представляютъ собою какъ бы отрывки и размѣщаются въ приблизительно только порядкѣ. Редак.

она противна и горька, ибо не даетъ ему времени на обрѣтеніе истины, коей посвящаетъ всю свою жизнь. Откуда же это молчаніе о смерти философовъ? Отъ того, что разумъ человѣческій ничего не можетъ сказать о ней твердаго и рѣшительнаго, отъ того, что во тѣмъ гроба и могилы теряется и угасаетъ весь свѣтъ его. Для насъ, кои пользуемся откровеніемъ свыше, это молчаніе—не великая потеря: но, вообразите положеніе рода человѣческаго, когда не было откровенія, когда всѣ и каждый предоставлены были, какъ въ жизни, такъ и въ смерти, самимъ себѣ, своему уму и чувству.

Нельзя безъ глубокой жалости читать жизнь древнихъ философовъ и другихъ самыхъ лучшихъ людей древности. Что касается до жизни человѣческой, они еще могли, посредствомъ своихъ познаній, кое-какъ справляться съ нею, предписывать ей правила, указывать цѣль, улаживать горести; но при гробѣ терялся весь ихъ разумъ; они не знали, что сказать себѣ и другимъ, и вообще какъ въ мысляхъ, такъ и въ дѣйствіяхъ своихъ представляли изъ себя самое жалкое зрѣлище.

Не таково, благодареніе Господу, наше положеніе, у коихъ въ рукахъ слово Божіе и откровеніе небесное. *(Не кончено).*

СЛОВО

О ТОМЪ, ЧТО ТАКОЕ СМЕРТЬ.

Сквозь нѣсколько столѣтій мы тѣлесную область смерти со внѣ, видѣли ея обширность и чрезвычайныя послѣдствія для человѣка его смерти; время теперь подойти ближе къ нашему одру смертному, посмотрѣть пристальнѣе въ лице смерти, дабы узнать, — сколько можно, — что же такое смерть? —

Казалось бы, что болѣе надлежало знать людямъ, какъ этотъ предметъ, встрѣчая такъ часто умирающихъ и умершихъ?

Подивитесь же, братіе мои! Всѣ мудрецы и естествоиспытатели не могутъ сказать опредѣлительно, въ чемъ существо смерти, не могутъ нерѣдко сказать даже того, послѣдовала ли смерть такого-то человѣка дѣйствительно. Оттуда именно столько предосторожностей, принимаемыхъ самимъ закономъ и правительствами, противъ того, чтобы не былъ сочтенъ за умершаго кто-либо такой, который еще не умеръ, и не былъ бы посему погребенъ за-живо.

Отъ чего такая неизвѣстность? Отъ того, что есть состояніе человѣка, похожее на смерть и однако же не составляющее смерти. Таковы именно продолжительные и сильные обмороки. Тутъ представляются всѣ признаки смерти: не видно бываетъ не только движенія, ни теплоты жизненной, нѣтъ самаго даже легкаго дыханія; человѣкъ представляется трупомъ бездушнымъ, и это продолжается не нѣсколько часовъ, а цѣлыя дни, иногда даютъ себя ощущать при семъ даже признаки тлѣнія, — что особенно почитается за рѣшительное доказательство смерти; — и однако же человѣкъ, почитаемый за умершаго, не умеръ, а живъ, можетъ

возвратиться еще къ жизни и здравію и продолжать бытіе свое на землѣ не на краткое время.

Такова завѣса, простертая рукою самого Промысла Божія надъ концемъ жизни человѣческой! —

Кто можетъ приподнять ее отчасти? — Всего бы ближе ожидать сего отъ тѣхъ, кои прошли уже вратами смерти, отъ тоголикаго числа усопшихъ братій нашихъ. Но, доколѣ они были еще предъ сими вратами, дотолѣ, безъ сомнѣнія, сами не знали, что ихъ срѣтутъ тамъ, а когда прошли ихъ, и сіи врата затворились за ними, для нихъ нѣтъ возможности оглянуться назадъ и сказать намъ, что было съ ними, когда они проходили ихъ.

Еще болѣе можно бы ожидать разъясненія для насъ великой тайны смерти отъ тѣхъ, коимъ дано было, оставивъ эту жизнь, перейти обѣ онъ-полъ бытія земнаго, и потомъ возвратиться назадъ къ намъ, въ этотъ міръ, то есть отъ людей, воскрешенныхъ изъ мертвыхъ. Не много таковыхъ было во всей исторіи человѣчества; и однако же были таковые, именно тѣ, кои, напримѣръ, воскрешены были изъ мертвыхъ Спасителемъ нашимъ, какъ напримѣръ праведный Лазарь. Безъ сомнѣнія, современники таковыхъ людей, по самому любопытству, не преминули узнать отъ нихъ, что происходитъ съ человѣкомъ во время его смерти. Но если и узнали что либо, то, такъ устроившу Промыслу Божию, до насъ ничто почти не дошло изъ этихъ свѣдѣній! А всего вѣроятнѣе, — такъ мнится мнѣ, — что эти воскрешенные никому не раскрывали тайну смерти, хотя и извѣдали ее на самихъ себѣ. Почему не раскрывали? Потому, что имъ не дано было раскрыть ее; или даже и потому, что не могли сдѣлать сего. Ибо для предметовъ высшихъ и сверхъестественныхъ на земномъ языкѣ нашемъ нѣтъ даже словъ къ изъясненію. Въ томъ и другомъ смыслѣ — свидѣтель намъ апостолъ Павелъ, который былъ восхищенъ, какъ самъ свидѣтельствуешь, до третьяго небесе, видѣлъ и слышалъ тамъ множество вещей и глаголовъ: но какихъ? — *о нихъ же*, какъ самъ выражается, *нелѣтъ есть глаголати* человѣку. Изъ послѣдующей священной исторіи христіанства мы имѣемъ не болѣе, впрочемъ, двухъ-трехъ сказаній людей, возвратившихся къ намъ изъ области смерти: но сіи сказанія касаются болѣе того, что умершіе видѣли и встрѣчали за предѣлами гроба, въ другой жизни, а не то, что испытали они въ минуту самой смерти; посему и не представляютъ прямого отвѣта на вопросъ нашъ: что такое смерть. —

Что же послѣ сего сказать намъ о ней? — Скажемъ первѣе всего то, что смерть есть тайна, и тайна великая и неисповѣдимая! Такъ угодно было самому Промыслу Божію, и безъ сомнѣнія, по причинамъ, самымъ достаточнымъ, для цѣлей, самыхъ благотворныхъ.

Въ чемъ состоятъ эти причины? По всей вѣроятности, въ томъ, что таковъ самый именно предметъ. Чтобы пояснить намъ смерть, для сего требовалось разъяснить отношенія двухъ міровъ — нашего чувственного и духовнаго, времени и вѣчности: достало ли бы у насъ даже понятій и словъ на это? — Не даромъ, когда наше человѣческое любомудріе подходитъ къ этому предмету; то, при всей охотѣ своей къ многословію, невольно нѣмѣетъ и не знаетъ что сказать. Ужели Откровенію надлежало изобрѣтать для сего новый особенный языкъ и учить насъ оному? —

И для чего бы это оно сдѣлало, хотя бы то и было для него возможно? — Разъясненіе тайны смерти скорѣе бы послужило намъ во вредъ, нежели въ пользу: удовлетворивъ одному любопытству, по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ тѣмъ лишило бы смерть благотворнаго дѣйствія на нашу нравственность. Тогда бы мы приближались къ смерти, какъ къ какому либо темному проходу сквозь горы и лѣса, коихъ мы знаемъ входы и исходы: величественный и священный мракъ смерти потерялъ бы для насъ свой спасительный страхъ и величіе.

Но, какъ же, мыслить кто либо, и оставить насъ было въ совершенномъ невѣдѣніи о такомъ предметѣ, каковъ конецъ нашей жизни? —

Благодареніе Богу, мы и не оставлены въ семъ невѣдѣніи. Слово Божіе сказала намъ все, что нужно для насъ знать касательно сего предмета, какъ мы увидимъ въ слѣдующемъ собесѣдованіи нашемъ.

Теперь же извлечемъ изъ самой таинственности нашей смерти урокъ, для насъ полезный. Намъ предстоитъ такое великое и таинственное событіе, какова смерть: сколь же неразумны тѣ изъ насъ, кои живутъ вовсе не помышляя о томъ, что ожидаетъ ихъ на концѣ жизни! Этотъ всеобщій упрекъ я обратилъ бы особенно къ тѣмъ изъ насъ, кои во всѣхъ занятіяхъ своихъ водятся особенно любознашемъ и любопытствомъ, каковы особенно люди, посвятившіе себя наукамъ. Кто бы ты ни былъ, возлюбленный братъ, изъ таковыхъ, вотъ тебѣ предметъ для размышленія: собственная смерть твоя! — Аминь.

СЛОВО

О ПРОИСХОЖДЕНІИ СМЕРТИ.

Откуда смерть въ людяхъ? Вопросъ чрезвычайно важный не только по предмету своему, какова смерть, но и по своимъ послѣдствіямъ въ отношеніи ко всей нашей жизни. Ибо, если я, умираю потому, что такова именно была всегда и есть природа человѣческая, то мнѣ, оставивъ дальнѣйшую заботу о состояніи по смерти, остается только покориться необходимости и заплатить дань природѣ. А если, напротивъ, смерть не есть слѣдствіе непреложнаго устройства моей природы, а дѣйствіе какой либо особенной причины, испортившей мою природу; то мнѣ нельзя не подумать прилежно о томъ, нѣтъ ли средства, если не уклониться отъ смерти, то по крайней мѣрѣ переизменить ея свойство для меня, защитить себя отъ ея разрушительныхъ послѣдствій, обезвредить себя, такъ сказать, отъ ея ядовитой силы.

Имѣя въ виду это, спросимъ еще: откуда смерть въ людяхъ?

Два противоположные отвѣта имѣемъ мы подъ руками на сей важный, какъ мы видѣли, вопросъ.

Въ одномъ отвѣтѣ утверждается, что смерть есть слѣдствіе самой природы нашей, именно бренности нашего тѣлеснаго состава. Въ другомъ отвѣтѣ утверждается, что смерть не есть принадлежность нашей природы, а какъ зло случайное, вторгшееся въ природу нашу чрезъ грѣхъ и преступленіе закона Божія.

Кто утверждаетъ первое, то есть, что смерть намъ естественна и неизбѣжна по самой нашей природѣ?

Такъ утверждалъ весь міръ языческій со всѣми его мудрецами и философами, до явленія въ міръ христіанства. Такъ, сверхъ ожиданія, утверждали и утверждаютъ нѣкоторые и изъ

самыхъ христіанъ. Это, сами не думая о томъ, нѣкоторымъ образомъ подтверждаемъ мы сами, когда, желая сказать, что такой-то умеръ, говоримъ вмѣсто того, что такой-то заплатилъ долгъ или дань природѣ — выраженіе языческое, перешедшее, къ сожалѣнію, и въ христіанство.

Кто учить, что смерть не есть дань природѣ, а грѣху, что она въ нашу безсмертную природу вторглась случайно — посредствомъ отпаденія нашего отъ Источника жизни — Бога, чрезъ нарушеніе Его животворной заповѣди?

Этому постоянно учить слово Божіе; это внушали всѣ Пророки и всѣ Апостолы; это самое провозвѣщаль Спаситель нашъ, и за Нимъ тоже всегда принималось и нынѣ пріемлется Церковію Христовою.

Вопрошать, какое изъ сихъ двухъ ученій истинное, значило бы оскорблять достоинство христіанской вѣры и чувство каждаго истиннаго христіанина.

Но, поелику, какъ мы видѣли, были и есть въ самомъ христіанствѣ люди, кои, послѣдуя язычникамъ, думаютъ, что смерть есть слѣдствіе самой природы нашей, поелику св. Церковь въ день Православія находитъ нужнымъ торжественно поражать отлученіемъ сіе заблужденіе: то мы сдѣлаемъ, не чуждое нашей обязанности, дѣло, если, въ огражденіе слабости, покажемъ нелѣпость сего заблужденія.

На чемъ стоитъ оно и на что опирается?

На то, что смерть есть явленіе всеобщее и всегдашнее: такъ было отъ вѣка, что природа наша, то есть, составъ тѣлесный такъ бременъ и ломокъ, что по времени непременно ветшаетъ, и трудно представить, какъ бы съ этимъ нынѣшнимъ тѣломъ мы могли жить вѣчно.

Все это совершенная правда; но кто же и утверждаетъ, что намъ принадлежало безсмертіе съ этимъ — смертнымъ тѣломъ? — Слово Божіе, приписывающее нашей природѣ безсмертіе, яснѣе всѣхъ мудрецовъ видитъ бренность нынѣшняго нашего тѣла и неспособность его къ тому; почему и называетъ прямо тѣломъ смерти. Если потому усвоится въ немъ безсмертіе, то не нынѣшней нашей, падшей и грѣховной, природѣ, а первобытной, какою она, вышедъ изъ рукъ творческихъ, была въ состояніи невинности. Тогда было совсѣмъ другое не только съ нашею душею и тѣломъ, но и со всѣми вещами въ мірѣ.

Намъ трудно представить это первобытное состояніе нашего безсмертія, потому что мы не видали его и не видимъ теперь

ничего подобного ни въ себѣ, ни въ другихъ. Но это — не причина отвергать его существованіе, когда есть крайне важныя причины предполагать и допустить его.

Какія это причины?

Во первыхъ, голосъ самой природы нашей, которая, среди великихъ несчастій, отвращается отъ смерти, какъ отъ совершенно ей противнаго.

Кто бы ты ни былъ и какъ бы ни затмѣвали въ твоёмъ умѣ ложныя мнѣнія и мудрствованія здравое понятіе о вещахъ, — стань у гроба напр., юноши, который вчера еще былъ полонъ жизнію и крѣпостію, а теперь лежитъ предъ тобою бездыханенъ и обезображенъ смертію. Посмотри въ лице умершаго и скажи, можешь ли ты утверждать, не запинаясь, чтобы это ужасное явленіе было дѣломъ природы? Дѣло природы? Отъ чего же при семъ содрогается вся собственная твоя природа: сжимается сердце, цѣпенѣтъ чувство, мятется умъ, не знаютъ что сказать уста? Если это природа, то я не знаю, какъ назвать ее, въ какомъ враждебномъ отношеніи представить къ бѣдному роду человѣческому, чѣмъ изъяснить ея свирѣпость надъ нами? Въ такомъ случаѣ одно изъясненіе: принять, что надъ міромъ, въ томъ числѣ и надъ людьми, господствуетъ какое либо темное и злое начало, которое увеселяется разрушеніемъ, услаждается слезами и мученіемъ своихъ тварей.

А въ мірѣ, а надъ нами, какъ показываетъ все другое, — владычествуетъ Промыслъ Божій. Ты самъ признаешь это. Если признаешь воистину и имѣешь правильное понятіе о Богѣ и Его совершенствахъ, то суди самъ: могла ли смерть произойти отъ Бога и быть дѣломъ рукъ Его? — Это все равно, какъ если бы свѣтъ произвелъ изъ себя тьму, сладость источила горечь. И почему бы такъ было? Развѣ у Всемогущаго могло не доставать средствъ, чтобы, создавъ человѣка, не отдавать его въ жертву смерти? — И для чего бы такъ было? — Кто отдается на смерть по суду человѣческому? Самые тяжкіе преступники. Гдѣ же было бы правосудіе Божественное, если бы смерть была удѣломъ человѣка невиннаго, каковымъ онъ вышелъ изъ рукъ творческихъ?

И пусть бы смерть не сопровождалась по крайней мѣрѣ страданіями! Но посмотрите на большую часть умирающихъ: это ли дѣло природы и рукъ Божіихъ? — Нѣтъ, или смерть не естественна человѣку, и есть, какъ учить св. Писаніе, слѣдствіе не природы и Творца, а плодъ поврежденія и грѣха, — или Творецъ не благъ и не правосуденъ.

Посему тѣ, кои легкомысленно думаютъ, что смерть есть ни что иное, какъ дань природѣ, должны вмѣстѣ съ тѣмъ уже иначе думать о Богѣ и Его совершенствахъ, или, точнѣе сказать, отвергать большую часть сихъ совершенствъ, какъ, къ сожалѣнію, и бываетъ со многими изъ нихъ. Мы же возьмемъ изъ сего нашего собесѣдованія тотъ урокъ, чтобы не употреблять легкомысленно языческаго выраженія о смерти, что она есть дань природѣ; нѣтъ, эта дань нѣ природѣ, а грѣху, или, пожалуй, и природѣ, но не первобытной, чистой и невинной,—какою вышла она изъ рукъ Божіихъ, — а природѣ падшей, какою сдѣлалъ ее грѣхъ и діаволъ, какъ увидимъ въ слѣдующемъ нашемъ собесѣдованіи. Аминь.

СЛОВО

О ПРОИСХОЖДЕНІИ СМЕРТИ.

ъ прошедшемъ собесѣдованіи нашемъ мы видѣли, даже при слабомъ мерцаніи слабаго ума человѣческаго, что смерть не есть и не можетъ быть принадлежностію самой природы нашей и произведеніемъ нашего Творца, и что думать такимъ образомъ, какъ, къ сожалѣнію, думаютъ нѣкоторые, значило бы оскорблять величіе Божіе, и особенно Его несомнѣнную, безконечную благодать, даже Его правосудіе. Послѣ сего представляется неизбѣжный вопросъ: откуда же смерть, и какъ она вошла къ намъ въ природу нашу и во весь родъ человѣческій?—

Собственная природа наша не даетъ на это отвѣта; не отвѣчаютъ и лѣтописи, ни самыя преданія рода человѣческаго.

Но даетъ отвѣтъ Откровеніе Божественное, такой отвѣтъ, который невольно принимаетъ здравый разумъ человѣческій, неза-
раженный мудрованіемъ и предразсудками.

Изложимъ сей отвѣтъ во всей простотѣ, какъ подобаетъ важности подобнаго предмета.

Смерти не было и не могло быть во вселенной, какъ произведеніи Существа всесовершеннаго, въ царствѣ Божіемъ. Она есть произведеніе не Творца, а самыхъ тварей, слѣдствіе злоупотребленія ихъ свободы и лѣтательности. Тутъ весьма понятно для каждаго, что существа разумносвободныя могли употребить и произволъ, и волю, и силы свои, какъ восхотѣли—на добро или на зло: могли устремиться по пути правды и жизни вѣчной, или, устремившись по противоположному пути зла и неправды, пойти вопреки законовъ своего Творца, отдѣлиться отъ Него, единственнаго Источника жизни и благобытія, и въ семъ отдѣленіи

отъ Него и противоположности Ему, необходимо срѣтись съ паденіемъ, превращеніемъ своихъ силъ, истощеніемъ и наконецъ смертію.

Гдѣ и какъ произошло это ужасное разлученіе существъ разумно-свободныхъ съ Источникомъ жизни и безсмертія, — съ Богомъ? —

Слово Божіе говоритъ намъ, — и кто бы могъ сказать это намъ безъ него? — что такое ужасное превращеніе послѣдовало не на землѣ, а на небѣ; послѣдовало, по всей вѣроятности, еще до сотворенія земли нашей и рода человѣческаго.

Первый мертвецъ былъ не на земли, въ Эдемѣ, какъ мы обыкновенно представляемъ, а на небѣ, у самаго престола Божія, и былъ не человѣкъ, а Ангелъ, даже едва ли не первый изъ Архангеловъ. Онъ былъ ближайшимъ зрителемъ совершенствъ Божіихъ, первымъ пріемникомъ свѣта несозданнаго, и слѣдовательно блаженнѣйшимъ изъ существъ сотворенныхъ.

Что могло недоставать къ совершенству его, къ упроченію за нимъ сего совершенства на всю вѣчность, кромѣ благодарнаго повиновенія и любви къ своему преблагому Создателю? — Но сего-то именно и недостало! Какъ и почему недостало? Это тайна, для насъ неизслѣдимая! Но сей свѣтоносный Архангелъ не устоялъ въ своемъ чинѣ, не удовлетворился своимъ достоинствомъ и блаженствомъ, возсталъ противъ своего Творца и Благодѣтеля, возмнилъ безумно, что не только можетъ обойтись безъ Его благовolenія, но и открыто вступить съ Нимъ въ борьбу.

Произошла брань — твари съ Творцемъ: Архангелъ съ клеветами своими (ибо безуміе его раздѣлили съ нимъ и другіе Ангелы) не устоялъ противъ Всемогущаго; и съ неба низринуть въ преисподнюю!...

Вотъ первый мертвецъ и первое кладбище въ мірѣ! — Не имѣя, какъ духи, нашего тѣла, возмущившіеся Ангелы не могли имѣть нашей смерти; но вмѣстѣ съ возмущеніемъ своимъ, съ отлученіемъ чрезъ грѣхъ отъ Бога, они тотчасъ потеряли жизнь и блаженство, содѣлались мертвыми для жизни въ Богѣ, потеряли силу и блаженство. Какъ духи нетлѣнные, они не могли потерять вовсе бытія, не могли разрѣшиться на части и истлѣть какъ тлѣтъ наше тѣло: но подверглись стократно большей смерти — вѣчному и невозвратному отлученію отъ Бога — единственнаго Источника всякой истинной жизни.

Можете представить, какой ужасный безпорядокъ долженъ былъ произойти во всемъ сотворенномъ мірѣ отъ этого ужаснаго превращенія безплотныхъ духовъ, отъ этой смерти Архангеловъ.

и Ангеловъ!... Тутъ можно было ожидать разрушенія всей вселенной!... Можно было ожидать, что само творчество Божественное откажется болѣе творить и производить новые роды существъ разумно-свободныхъ.

Но здѣсь-то и открылась преизбыточествующая бездна премудрости и силы Божіей. Явился новый міръ—нашъ, и среди его человѣкъ.... Онъ также, какъ увидимъ, не устоитъ въ данномъ ему совершенствѣ, подвергнется въ свою чреду смерти, но какъ бы именно для того, чтобы на немъ открылось, что для всемогущества и благости Божіей нѣтъ предѣловъ, какъ мечталъ безумно первый падшій Архангелъ. — Аминь.

СЛОВО

О ТОМЪ, КАКЪ ПРОИЗОШЛА СМЕРТЬ ВЪ РОДѢ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ.

ы видѣли, какъ смерть открылась въ первый разъ въ мірѣ, открылась вопреки намѣренію и волѣ Творца; видѣли, какъ произвелъ ее въ себѣ падшій Архангелъ и сообщилъ другимъ Ангеламъ. Теперь прибавимъ только одно, что эта первая смерть въ мірѣ ангельскомъ была самая ужасная; ибо она тотчасъ сдѣлалась смертію и вѣчною, отъ коей нѣтъ воскресенія.

Какъ ни ужасна была эта смерть, на насъ она не имѣла никакого вліянія, ибо насъ, рода человѣческаго, даже нашей земли и неба, тогда, по всей вѣроятности, еще не существовало.

Между тѣмъ, для показанія безпредѣльности своего могущества и благости, Творцу благоугодно было произвести нашъ міръ видимый, чувственный и тѣлесный. Во главу его произведено и поставлено такое существо, которое совокупляло въ себѣ и духъ и тѣло. То былъ первый человѣкъ, наши прародители. По душѣ своей и по внутренности своего существа это были ангелы; но сіи ангелы облечены были тѣлесностію, и въ семъ отношеніи походили на прочія тѣлесныя существа нашей земли.

Тѣло ихъ своимъ видомъ, частями, дѣйствіями, безъ сомнѣнія, походило на наше тѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно имѣло великое число совершенствъ, коихъ нѣтъ въ нынѣшнемъ нашемъ тѣлѣ. А главное—оно было безсмертно, не въ томъ смыслѣ, чтобы не могло умереть, какъ напр. душа, а въ томъ, что заключало въ себѣ возможность и способность не умирать, жить вѣчно, чего нѣтъ уже въ нынѣшнемъ нашемъ тѣлѣ.

Таковая драгоценная способность зависѣла отъ разныхъ при-

чинъ, а первѣе всего отъ того, что невинный человѣкъ былъ образъ Божій, былъ пріускренно соединенъ съ своимъ первообразомъ. Вѣчная жизнь изъ существа Божія прямо струилась въ существо человѣка, наполняя душу его, а чрезъ нее и самое тѣло мощью и нетлѣніемъ. Вмѣстѣ съ симъ, или точнѣе сказать, по тому самому, тѣлесная природа первыхъ человѣковъ была превыше нынѣшняго господства надъ нею стихій, по коему дѣйствуютъ на нее столько началъ разрушительныхъ. Въ природѣ, окружавшей человѣка, ничто не вредило его здравію и силамъ, а напротивъ все стремилось къ поддержанію его, еслибы въ томъ была нужда. Я говорю: еслибы; ибо тѣлесность человѣка чистая, проникнутая силою Богоподобія душевнаго, вмѣсто того, чтобы имѣть нужду въ поддержаніи своей силы, могла сама быть источникомъ подкрѣпленія и оживленія для окружающихъ ее тварей, низшихъ ея.

По всему этому первый человѣкъ, не смотря на то, что въ составъ существа его входило тѣло чувственное, обладалъ способностію не умереть, а жить вѣчно.

Но онъ могъ и умереть. Путь къ этому несчастію былъ одинъ—отдѣленіе отъ Бога, Источника жизни, причемъ неминуемо человѣкъ предоставлялся самому себѣ, и не имѣя въ самомъ себѣ источника живота, долженствовалъ подвергнуться безсилію и разрушенію всего того, что въ немъ было разрушимаго, то есть, всей его тѣлесности. А къ разлученію съ Богомъ путь для человѣка также былъ одинъ—уклоненіе отъ воли Божіей, грѣхъ.

Для того, чтобы не впасть въ грѣхъ и противленіе волѣ Божіей, и чрезъ то не потерять безсмертія, человѣкъ снабженъ былъ всѣмъ нужнымъ до полноты и избытка.

Но въ немъ была свобода, даръ высокій, необходимый для существа разумно-нравственного, но вмѣстѣ и крайне опасный; ибо по силѣ этой свободы и человѣкъ, какъ прежде Архангелъ на небѣ, могъ изъ себя сдѣлать что угодно, могъ остаться въ соединеніи съ Источникомъ жизни — Творцемъ своимъ, могъ и удалиться отъ Него, къ величайшему своему вреду и пагубѣ.

Чтобы помочь человѣку скорѣе обнаружить свою свободу и волю и чрезъ употребленіе ихъ на доброе утвердиться въ добрѣ, отеческій Промыслъ Божій далъ человѣку въ испытаніе положительную заповѣдь о невкушеніи отъ плодовъ одного изъ дровъ райскихъ. Симъ всѣ случаи къ паденію сводились въ одинъ случай, всѣ возможныя искушенія невиннаго человѣка на зло

(которые, какъ увидимъ сейчасъ, предстояли ему) сокращались въ одно, самое невеликое искушеніе, которое преодолѣть было весьма не трудно.

Чтобы еще болѣе оградить человѣка отъ злоупотребленія своею свободою и отъ всѣхъ противныхъ внушеній, всеблагій Творецъ указалъ даже на пагубныя послѣдствія нарушенія заповѣди, данной человѣку, и объявилъ прямо, что непосредственнымъ слѣдствіемъ того будетъ смерть. *Въ оныѣ же еще день снѣсте отъ него* (отъ плодовъ запрещеннаго древа), *смертію умрете* (Быт. 2, 17), то есть, по силѣ сего выраженія на священномъ языкѣ, умрете неминуемо, ужасно, подвергнетесь бѣдствію величайшему.

Такимъ образомъ мы всевозможно ограждены были со всѣхъ сторонъ отъ опасности. Поелику намъ необходимо было показать свою свободу, рѣшить самимъ, яко существамъ разумнымъ, свою участь, избрать, такъ сказать, себѣ образъ бытія или въ соединеніи съ Богомъ, по намѣренію и плану, или по своему мудрованію и прихоти, то для насъ нарочно изобрѣтенъ къ тому самый простой и легкій случай. Но вмѣстѣ съ тѣмъ взяты всѣ мѣры, чтобы этотъ роковой опытъ былъ съ нашей стороны удаченъ и счастливъ.

Вообразимъ теперь положеніе нашихъ прародителей въ Эдемѣ, даже поставимъ себя тамъ вмѣстѣ съ ними—мысленно: вотъ предъ нами древо запрещенное съ его плодами, а надъ нимъ заповѣдь Божія съ угрозою смерти.

Не должно ли сказать о семъ положеніи того, что Пророкъ говорилъ потомъ отъ лица Божія народу Израильскому: *се дахъ предъ лицемъ твоимъ жизнь и смерть* (Второз. 30, 19; см. стихи 15—18), избирай, то есть, самъ любое!

Дѣйствительно, въ Эдемѣ была предъ лицомъ нашимъ не токмо жизнь, ибо мы ею пользовались, а самос безсмертіе и смерть.

Кто бы могъ ожидать, что мы будемъ такъ не разумны, такъ, можно сказать, враждебно ненавистны къ самимъ себѣ, что отвергнемъ и безсмертіе и жизнь, а изберемъ произвольно—смерть?—

Но такъ именно случилось, какъ увидимъ въ слѣдующемъ собесѣдованіи *).

*) Между рукописями покойнаго преосвященнаго не оказалось общаго собесѣдованія.

Теперь же еще скажемъ нѣсколько словъ въ поясненіе нашего эдемскаго безсмертія.

Нѣкоторые, какъ мы замѣтили прежде, смущаетъ недоумѣніе, какъ бы тѣло человѣческое могло быть не смертнымъ?—А почему бы, спросимъ, оно—безъ грѣха—могло быть смертнымъ? Откуда бы возникла въ немъ смерть? Отъ Бога? Но Онъ наполнилъ всего человѣка даже своею жизнію, которая съ усовершеніемъ человѣка проникала бы его до обоженія, какъ въ тѣлесной природѣ Спасителя нашего. Изъ міра внѣшняго? Но въ немъ не было нынѣшней смерти и тлѣнія. Изъ самаго человѣка? Но въ немъ, доколѣ онъ не палъ въ грѣхъ, была единая жизнь. Если солнце и луна доселѣ живы, то почему бы не быть живу человѣку. —

Всѣ недоумѣнія отъ того, что мы составляемъ въ семъ случаѣ свои сужденія, по тѣлу нашему настоящему: но это тѣло не первобытное. Судимъ такъ стократъ неправильно, какъ если бы кто судилъ о драгоценной царской порфирѣ, когда она обратилась въ рубище.

Вспомнимъ при семъ слова ап. Павла: *есть тѣло душевное и есть тѣло духовное* (1 Кор. 15, 44). Первобытное тѣло должно быть близко къ послѣднему, если еще и не было духовнымъ, а въ духовномъ нечему тлѣть и разлагаться на части.

Неужели человѣку, подумаетъ еще кто либо, не предстояло никакого измѣненія, неужели онъ долженъ былъ оставаться на землѣ вѣчно? Такимъ образомъ совершенно не достало бы на землѣ мѣста для обитанія рода человѣческаго.

Можетъ быть, и предстояла нѣкая перемѣна бытія, нѣкій восходъ въ горнія: но развѣ путь къ этому одна нынѣшняя смерть? Посмотрите на Еноха и Илію, безъ смерти взимаемыхъ изъ нашего міра! Посмотрите на возлюбленнаго Спасителя нашего, возносящагося съ Елеона на небо!—Аминь.

СЛОВО

О ТОМЪ, КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ГРѢХЪ ПОРОДИЛЪ СМЕРТЬ.

ы видѣли, что смерть есть наказаніе за грѣхъ, что она произошла не изъ устройства природы нашей, а изъ плода запрещеннаго, или, что тоже, изъ нарушенія заповѣди Божіей. Но здѣсь тотчасъ срѣтается насъ новый и важный вопросъ: какимъ образомъ грѣхъ породилъ смерть: самъ ли изъ себя, какъ изъ ядовитаго сѣмени выходитъ ядовитое дерево, или заставивъ правосудіе Божіе навести на насъ смерть со внѣ? Ибо наказанія вообще бываютъ двоякаго рода: однѣ проистекаютъ изъ существа самыхъ преступленій и слѣдуютъ за ними, какъ тѣнь за вещію; другія налагаются извнѣ, правосудіемъ Божескимъ или человѣческимъ. Такъ напр. мученія совѣсти естественно слѣдуютъ за всѣми грѣхами, равно какъ и нѣкоторыя болѣзни прямо проистекаютъ изъ нѣкоторыхъ пороковъ. Это наказанія за грѣхъ, такъ называемыя, естественныя. Но бываютъ наказанія за грѣхъ совнѣ, какъ напр. потопъ: его навела за грѣхъ на весь родъ человѣческій всемогущая сила Божія.

Какимъ же образомъ, повторяемъ, грѣхъ родилъ смерть—самъ изъ себя, или заставивъ правосудіе Божіе навести на человека смерть совнѣ?

Нисколько не сомнѣваемся, братіе мои, утверждать предъ вами первое и сказать, что и въ семъ отношеніи, Богъ, какъ говоритъ писаніе, *смерти не сотвори*, а она вышла сама собою изъ грѣха. Ибо мы не видимъ изъ священной исторіи, что по паденіи человека сдѣлано было какое либо особенное распоряженіе къ тому, чтобы онъ былъ пораженъ смертію. Напротивъ,

все дѣйствіе Правосудія Божія состояло только въ томъ, что онъ былъ предоставленъ самому себѣ, или точнѣе сказать разрушительной силѣ грѣха, въ него воцарившагося. Правда, Моисей сказываетъ, что прародитель нашъ былъ удаленъ изъ рая именно потому, дабы не вкусилъ онъ плода древа жизни и не остался живъ во вѣкъ, но это было только лишешіе ихъ чрезвычайнаго средства къ поддержанію въ себѣ нескончаемой жизни, а не прямая причина ихъ смертности. Причина сія сокрывалась въ нихъ самихъ—въ грѣхѣ, ихъ заразившемъ собою. Такъ какъ бы кто лишилъ больного лекарства, могущаго предовратить на время смерть, то нельзя было бы сказать, что смерть произошла отъ недостатка лекарствъ. Она произошла отъ болѣзни, а лекарства могли бы только замедлить ее.

(Не кончено).

СЛОВО

О ТОМЪ, ЧТО СДѢЛАЛЪ ИСУСЪ ХРИСТОСЪ СО СМЕРТІЮ.

сли съ чѣмъ, то съ смертію, по видимому, никогда не было никакой перемѣны: она всегда одна и таже. Какъ умеръ первый человѣкъ, такъ умереть и послѣдній.

Между тѣмъ съ смертію произошла перемѣна великая, такъ что она теперь совсѣмъ не то, чѣмъ быть должна была и чѣмъ была бы, если бы не пришелъ Тотъ, Кто смертію своею, какъ воспѣваетъ Церковь, попралъ смерть.

Въ чемъ же перемѣнилась смерть? Въ томъ, что она есть теперь разлученіе души отъ тѣла не вѣчное, а временное; въ томъ, что всѣ умершіе по прошествіи извѣстнаго времени должны выйти нѣкогда изъ гробовъ и паки облечься тѣломъ уже безсмертнымъ; въ томъ, что сама смерть нѣкогда упразднится.

Перемѣна, какъ сами видите, великая. Ея не было бы, если бы смерть осталась такою, какова она по своей природѣ. Тогда человѣкъ остался бы таковымъ вѣчно: тогда тѣло, разлучившись отъ души, никогда уже не соединилось бы съ нею.

Кто же произвелъ эту великую перемѣну съ смертію? Божественный Искупитель нашъ Іисусъ Христосъ. Какимъ образомъ? Тѣмъ, что самъ претерпѣлъ за насъ смерть. *Смертію смерть попралъ*, воспѣваетъ св. Церковь.

Какимъ образомъ смерть Христова перемѣнила нашу смерть?
(*Не окончено*).

СЛОВО

ОБЪ УЧАСТИ САМОЙ СМЕРТИ.

оселъ мы обозрѣвали область смерти въ ея прошедшемъ и настоящемъ: посмотримъ теперь на нее въ ея будущемъ, ибо и это можемъ мы сдѣлать съ сего священнаго мѣста. Разумъ человѣческій ничего не можетъ сказать объ участи самой смерти; а слово Божіе можетъ, и говорить.

Что говорить? Внемлите, въ назиданіе и утѣшеніе ваше.

Владычество смерти, хотя уже и побѣжденной и связанной и предназначенной къ уничтоженію, должно продолжаться до конца міра надъ родомъ человѣческимъ, для его же, какъ мы видѣли, блага и вразумленія. Посему, безразсуденъ былъ бы изъ людей тотъ, кто покушался бы какимъ бы то ни было образомъ избѣжать смерти на землѣ: это не возможно! Всѣ и каждый должны пройти путемъ гроба и тлѣнія въ персти земной. Можемъ только и должны всѣ достигать кончины мирной, непостыдной и даже безболѣзненной, какъ о томъ молить за насъ ежедневно сама св. Церковь.

Но предъ концемъ міра со смертію произойдетъ, по свидѣтельству слова Божія, великая и необыкновенная перемѣна, состоящая въ томъ, что тѣ, коихъ кончина міра застанетъ въ живыхъ (а таковыхъ должно быть великое множество), уже не умрутъ, подобно всѣмъ прежнимъ людямъ, а вмѣсто смерти претерпятъ нѣкое особеннаго рода измѣненіе, которое должно произвести надъ ними тоже, что производила надъ другими смерть, только другимъ образомъ; то есть вслѣдствіе сего чудеснаго измѣненія, имѣющаго, по увѣренію св. Павла, совершиться *во мгновѣніи ока*, самымъ кратчайшимъ образомъ, — все смертное

въ нихъ будетъ пожерто животоу, и они явятся вмѣстѣ со всѣми воскресшими изъ мертвыхъ въ новомъ тѣлѣ, подлежащемъ уже тлѣнію, но безсмертному и вѣчному. *Вси бо, пишетъ Апостолъ, не успѣтъ, то есть, не умремъ, всиже измѣнятся* (предъ концемъ міра): *вскорѣ, во мгновеніи ока* (1 Кор. 15, 51—55).

Такое чудесное измѣненіе и преложеніе временной жизни на вѣчную безъ настоящаго нашего умиранія и разрѣшенія души отъ тѣла, очевидно, будетъ не естественнымъ дѣйствіемъ силъ природы, а слѣдствіемъ всемогущаго гласа Божія, хотя и силы природы, предъ концемъ міра, должны придти въ особенное движеніе и могутъ производить посему явленія необыкновенныя.

Послѣ воскресенія мертвыхъ, послѣ обновленія всего міра, послѣ суда послѣдняго и рѣшенія на немъ участи всѣхъ и всего на всю вѣчность, для смерти нынѣшней, очевидно, не останется никакого мѣста; почему и сказано въ откровеніи Іоанновомъ, что *смерти не будетъ къ толу*, и въ другомъ мѣстѣ: *смерть и адъ будутъ ввержены въ озеро огненное* (Апок. 20, 14. 21, 4).

Такимъ бы образомъ должно было совершенно окончиться ужасное владычество смерти, и исчезнуть самыя послѣднія слѣды ея. Но, увы, она не исчезнетъ совершенно и тогда! Останется, увы, останется навсегда одинъ видъ ея, видъ новый, который обнаружитъ себя именно тогда, какъ настоящая смерть прекратится. Священное писаніе называетъ это смертію второю. Въ чемъ будетъ состоять она? Въ томъ, что нѣкоторые изъ воскресшихъ людей окажутся неимущими въ себѣ жизни Божіей, духа Христова, ни даже начатка того и другаго, окажутся вслѣдствіе грѣховъ и совершенной нераскаянности въ нихъ всецѣло проникнутыми духомъ злобы адской, вообразившими въ себѣ образъ врага Божія, діавола. Надъ таковыми-то несчастными возгосподствуетъ смерть вторая, и они, подобно праведнымъ, будутъ облечены въ тѣла нетлѣнныя, и на нихъ прежняя нынѣшняя смерть не будетъ имѣть никакого дѣйствія; но, не имѣя способности къ жизни въ Богѣ, ко пребыванію въ обителяхъ Отца небеснаго, они будутъ удалены въ адъ, къ духамъ отверженнымъ на всю вѣчность. Такое безсмертіе будетъ стократно хуже смерти: ибо вѣчность ихъ будетъ самая злополучная.

Очевидно, кто виновенъ будетъ въ этой ужасной второй смер-

ти: сами грѣшники. Освободиться отъ нея уже не будетъ возможности. Ибо тогда все кончено, и нѣтъ возврата.

Сея-то смерти должно бояться паче всего, а не нашей тѣлесной, за коей должно слѣдовать воскресеніе. Аминь.

МЫСЛИ

О БѢЗСМЕРТІИ*).

I.

1. Если человѣкъ не безсмертенъ, то на театрѣ міра нѣтъ постояннаго зрителя. Кто же оцѣнитъ достоинство того, что на немъ происходитъ? Надобно кому нибудь быть на землѣ безсмертнымъ.

2. Истина безсмертія не противорѣчитъ ни одной истинѣ: многія, напротивъ, связаны съ нею неразрывно, стоятъ и падаютъ вмѣстѣ съ нею. Весь порядокъ нравственный таковъ именно: нѣтъ безсмертія, нѣтъ и его.

3. Можетъ ли быть человѣкъ честенъ и добръ, безъ безсмертія?—Можетъ—по причинѣ доброты природной, привычки, недостатковъ искушенія сильнаго и проч. Но обязанъ ли быть?—Очевидно, нѣтъ. Ибо, чтобъ быть добрымъ положительно, въ нашемъ мірѣ надобно жертвовать многимъ, иногда даже жизнью. Что же можетъ наградить его за жизнь, если нѣтъ безсмертія? — Тогда законъ самосохраненія есть высшій изъ всѣхъ законовъ.

4. Колѣ скоро есть Богъ, то трудно не быть безсмертною души. Посему-то отвергающіе послѣднее отвергаютъ и первое.

* Изъ этихъ отрывочныхъ, иногда недосказанныхъ мыслей современемъ составилъ бы рядъ поучительныхъ словъ о безсмертіи. Замѣтно уже и начало этого дѣла. Въ одномъ мѣстѣ, между предлагаемыми здѣсь мыслями, при вопросѣ «отъ чего именно усиливается въ человѣкѣ драгоцѣнное чувство своего безсмертія, и отъ чего ослабѣваетъ?»—Читаемъ: «отвѣтъ хотя краткій, на сей важный вопросъ не будетъ чуждъ ни настоящимъ свѣтлымъ днямъ, ни, можетъ быть, душевнаго состоянію нѣкоторыхъ изъ слушателей.» Осталось также и начало слова въ началѣ св. Пасхи;

5. Главное дѣло въ томъ: есть ли чему не разрушиться съ смертію, и пережить разрушеніе тѣла? А это зависитъ отъ того, отлична ли душа отъ тѣла? Два ли въ насъ разныя начала жизни, и такъ ли отличны, что одно духовное, можетъ быть безъ другого, тѣлеснаго?

Есть. Доказательство—жизнь; тутъ начала эти доходятъ даже до борьбы, — одно можетъ жертвовать другимъ, и осуждать его на смерть.

Въ смерти — физика уже разрушается, а душа цѣла. Не отъ разности ли это?

6. Мы не можемъ представить душу матеріальною: не можемъ представить, какъ она можетъ разрушаться, тлѣть. Мысль нетлѣнна, а душа есть мысль; желаніе нетлѣнно, а душа есть желаніе; воля нетлѣнна, а душа есть воля; вообще, сознание нетлѣнно, а душа есть сознание. Все, что мы можемъ представить въ семъ отношеніи, состоитъ въ томъ, что сознание можетъ померкнуть, престать, какъ бываетъ во снѣ. Но самый же сонъ, показывая возможность прекратиться сознанию, обнаруживаетъ, что, прекращаясь, оно чрезъ то не теряется; пробуждаясь, мы всегда находимъ его опять нерушимымъ.

7. Въ тѣлѣ ли условіе сознанія? — Теперь — въ извѣстномъ состояніи тѣла: но всегда ли такъ? Не можетъ ли быть сознанія безъ тѣла? Что теперь не бываетъ, — не доказательство невозможности: ибо теперь душа въ связи съ тѣломъ. Но такъ ли безъ тѣла — по смерти?

8. И если бы нужна была вообще тѣлесность для сознанія, то не остается ли его и въ смерти, сколько нужно? Вся ли тѣлесность исчезнетъ? Нѣтъ ли чего неразрушимого? — Очень можетъ быть. Что оно невидимо, — это не доказательство, что его нѣтъ. Тонкое въ вещественномъ невидимо. Мало ли чего въ воздухѣ, что обыкновенно невидимо, а подъ стекломъ увеличительнымъ видно.

II.

Истина безсмертія есть болѣе предметъ вѣры, нежели исти-

вотъ оно: «отъ чего нѣкоторые люди страдаютъ сомнѣніями о безсмертіи души своей? — Очевидно, потому что въ нихъ нѣтъ чувства безсмертія. А почему нѣтъ сего чувства? Казалось бы, что человѣку, яко предназначенному къ безсмертію, надобно имѣть сіе чувство; а имѣя сіе чувство, нельзя было бы и подлежать сомнѣніямъ: значить, они его потеряли, и значить — сіе драгоценное чувство можетъ теряться? — Да, можетъ теряться, равно какъ можетъ и усливаться.

на бытія Божія. Послѣдняя подлежитъ съ нѣкоторой стороны даже чувствамъ (*невидимая Божія*, говоритъ Апостолъ, *твореньи помышляема видима суть*), а первая всецѣло превышаетъ чувствъ. Отчего такъ?—По естественному ли устройству вещей, или вслѣдствіе какого либо превращенія ихъ порядка?—Слово Божіе открываетъ намъ, что истинна безсмертія затемнилась случайно, по причинѣ паденія человѣческаго. До паденія, безсмертіе было предметомъ не вѣры, а чувства; человѣкъ не чаялъ сего, какъ нынѣ, а обладалъ имъ — подобно тому, какъ будетъ обладать по воскресеніи; тогда смерти вовсе не было, не только въ человѣкѣ, но, конечно, и во всемъ мірѣ: тогда не было вѣка настоящаго и грядущаго, въ томъ смыслѣ, какъ нынѣ, хотя за настоящимъ и слѣдовало будущее; посему истинна безсмертія тогда, если судить по нынѣшнему, была яснѣе и ощутительнѣе самой истины бытія Божія: ибо Бога не всегда видѣлъ человѣкъ очами, а себя и въ себѣ жизнь вѣчную всегда ощущалъ всѣми своими чувствами.

Но пришелъ грѣхъ, и все превратилъ!—Онъ ввелъ смерть въ твореніе, онъ лишилъ человѣка безсмертія. Какъ лишилъ? Совершенно ли? — Слово Божіе сего не опредѣляетъ. Но, поелику оно будущую жизнь и воскресеніе приписываетъ дѣйствию заслугъ Христовыхъ,—значитъ, безъ нихъ всего этого не было бы; значитъ, что же? Что человѣкъ оставался бы въ узахъ смерти—по тѣлу ли одному, или по душѣ? То есть, уничтожился бы совершенно? — Кажется, послѣднее. Но можно утвердить и первое. Послѣднее привыкли утверждать болѣе по школьному понятію о духовности, и, слѣдовательно, неразрушимости души человѣческой, вслѣдствіе коей она якобы не могла умереть, то есть уничтожиться, независимо отъ вліянія на сіе заслугъ Христовыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если душа по натурѣ безсмертна, то грѣхъ не могъ убить ее, или, говоря точнѣе, уничтожить: онъ могъ только отнять у нея тѣло и блаженство.

Чѣмъ же, въ такомъ случаѣ, полезны заслуги Христовы?—Очевидно, не тѣмъ уже, чтобы спасти душу человѣческую отъ уничтоженія; а тѣмъ, что онѣ паки возвращаютъ ей тѣло, теряемое чрезъ смерть, и блаженство. Безъ Христа, человѣкъ, нисходя въ гробъ, уже никогда не вышелъ бы изъ него. Гдѣ же бы былъ, и что бы съ нимъ было?—Былъ бы, очевидно, въ мірѣ не нашемъ, а другомъ; терпѣлъ бы отъ неполноты своего бытія и грѣховности,—и, можетъ быть, что далѣе, то съ нимъ было бы хуже.

Теперь другое: смерть тѣла остается, но уже какъ временное, преходящее бѣдствіе, — притомъ такое, которое, вслѣдствіе особеннаго распоряженія, обращается во благо человѣку, служа къ очищенію его существа отъ всего, что произошло въ немъ зловреднаго отъ грѣха.

Но, вслѣдствіе сего новаго безпорядка и вмѣстѣ порядка вещей, — безпорядка, поколику онъ произошелъ отъ насъ, порядка, поелику выправленъ и благоустроенъ свыше, — бытіе человѣка распалось, пошло по эпохамъ, — потому сдѣлалось непохоже само на себя: вмѣсто одного человѣка, явилось три — человѣкъ живущій, человѣкъ умершій, человѣкъ воскресшій. Каждое изъ этихъ отдѣльных бытій отгорожено одно отъ другаго перегородкою темною, непроницаемою. Человѣкъ живущій не видитъ человѣка умершаго, человѣкъ умершій — живущаго и воскресшаго. Вотъ основаніе и неизбѣжность вѣры; вотъ какъ истина безсмертія одѣвалась облакомъ; вотъ какъ составилось: *чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка*.

Отсюда ясно, что не природное устройство вещей, и, слѣдовательно, не Богъ виною того, что мы теперь не видимъ жизни вѣчной, и должны вѣровать въ безсмертіе. Богъ въ началѣ не только не сокрылъ его, а даровалъ на самомъ дѣлѣ. Но человѣкъ, потерявъ его, необходимо пересталъ видѣть потерянное, и долженъ искать.

Но всемогущество Божіе, можетъ быть, могло бы помочь намъ и приблизить къ нашему разумѣнію. Почему оно не дѣлаетъ сего?

III.

Вѣра въ безсмертіе въ родѣ человѣческомъ.

Вѣра въ безсмертіе и жизнь души за гробомъ была у людей всегда и вездѣ. Не было и нѣтъ народа, который бы вѣрилъ въ уничтоженіе по смерти; то, что нынѣ приводитъ въ невѣріе, всегда было предъ глазами людей, и, однакоже, не помѣшало имъ вѣрить въ безсмертіе. Это тѣмъ удивительнѣе, что простой человѣкъ, каковыми были люди въ глубокой древности, водится (болѣе) чувствами, нежели соображеніемъ. Возраженія противъ безсмертія всѣ, такъ сказать, чувственны, являются на полѣ опыта; подпоры безсмертія сверхчувственны: и, однакожъ, въ семъ отношеніи, чувственный человѣкъ, подвижный чѣмъ-то особенно, умѣлъ въ семъ случаѣ вознестись надъ чувствами, и вопреки тому, что видѣлъ, твердо и постоянно вѣрилъ въ то, что

невиидно, что выше чувствъ. Какъ это могло быть? — Или въ природѣ человѣческой есть побужденія вѣрнуть въ другую жизнь, или эта вѣра получена свыше. Безъ сомнѣнія, она шла по преданію. А преданіе какъ началось?—Или съ опыта—явленій мертвого, или съ откровенія свыше. Какъ именно? — Изъ древнихъ сказаній видно, что вѣра въ безсмертіе соединялась постоянно съ вѣрою въ явленія умершихъ, — ихъ душъ или тѣней. Сказанія о семъ безчисленны. Откуда они? Не было ли тогда дѣйствительно больше явленій изъ другаго міра? — Есть причины думать, что два міра, нынѣ такъ другъ отъ друга разлученные, прежде были ближе одинъ къ другому, — посему и явленія умершихъ чаще...

IV.

Происхожденіе человѣка.

Происхожденіе человѣка нѣкоторымъ представляется дѣйствіемъ матеріальнымъ; какъ будто весь человѣкъ происходитъ отъ тѣла отца и матери.—Нѣтъ! отецъ и мать здѣсь въ отношеніи къ человѣку тоже, что сѣятель и земля въ отношеніи къ сѣмени, которое повергается осенью въ землю, а весною выходитъ изъ земли, и является колосомъ или деревомъ. Въ чредахъ отца сѣмя человѣка готово: кто уготовилъ его! — Очевидно, не самъ человѣкъ: ибо, хотя бы онъ хотѣлъ, не можетъ сдѣлать сего; мать, подобно землѣ, только пріемлетъ сѣмя, но не даетъ ему бытія, а только развиваетъ его,—не по волѣ своей, когда хочетъ или не хочетъ, а когда такъ угодно Богу. Такимъ образомъ, отецъ и мать служатъ оба только поводомъ къ происхожденію человѣка, а отнюдь не производятъ его. Это два снаряда, кои обрабатываютъ третіе,—данное, пріуготовленное. Тутъ дѣйствуетъ сила Божія, непостижимая, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Происхожденіе человѣка — тайна, подобная происхожденію всего міра. Изъ ней ничего нельзя извлечь ни про, ни contra духовности и безсмертія души. Ибо не можемъ сказать строго, какъ образуется и тѣло: удивительно ли, что не можемъ объяснить, какъ происходитъ душа? Очевидно только, что душа является въ тѣлѣ, когда оно уже получило полноту своего состава, и является какъ бы въ сонномъ состояніи, и потомъ пробуждается постепенно къ сознанію и дѣйствію; ясно только, что эта душа прибываетъ не по частямъ, прикладываясь одно къ другому, а развивается изъ какого-то цѣлаго центра, въ коемъ вся была завита.

V.

Откуда сомнѣніе въ безсмертіи.

У каждаго сомнѣвающагося оно раждается особеннымъ, ему свойственнымъ образомъ, въ коемъ онъ часто не можетъ дать отчета. Большею частію бываетъ такъ, что онъ не вѣритъ, такъ что когда онъ начинаетъ размышлять то, уже придумываетъ только причины на продолженіе невѣрія. Слѣдовательно, невѣріе заражается, безъ сознанія человѣка. Какъ? — Изъ разныхъ источниковъ: изъ чувственности, изъ худой жизни, изъ чтенія или обращенія съ людьми невѣрующими и проч. и проч.

Между тѣмъ, нельзя отрицать, что невѣріе можетъ указать, въ опору себѣ и въ извиненіе, на нѣкоторыя явленія въ жизни человѣческой, и преимущественно на смерть.

Въ смерти человѣкъ весь исчезаетъ для насъ: тѣло еще-таки остается на нѣкоторое время, а души нѣтъ тотчасъ въ тѣлѣ; иначе мы и не хоронили бы тѣла въ землю. Душа по смерти невидима, не даетъ знать о своемъ существованіи ничѣмъ; *слѣдовательно, ея нѣтъ.*

Аргументъ—весьма сильный, повидимому; и однакоже, въ устахъ, отрицающихъ безсмертіе, онъ фальшивъ.

Душа невидима; она не даетъ знать о своемъ бытіи; слѣдовательно, ея нѣтъ. Не слѣдуетъ: въ заключеніи больше, нежели въ посылкѣ. Чтобы увѣриться въ семъ, стоитъ только вникнуть —на чемъ основано это заключеніе. На томъ предположеніи, что чего не видно, и что не даетъ о себѣ знать, того нѣтъ, то не существуетъ! Можете ли вы принять это положеніе?—Очевидно, не можете. Ибо есть вещи, кои невидимы, не даютъ о себѣ знать, и, однакоже, существуютъ: иначе существовало бы только то, что видимо и даетъ знать о себѣ: нелѣпность! Душа можетъ быть невидима, можетъ не давать о себѣ знать, и, однакоже, можетъ существовать,—какъ уѣхавшій на корабль, куда либо, когда онъ къ вамъ не пишетъ. Доколѣ вы не получили извѣстія, что онъ умеръ, вы, и не видя его, и не получая отъ него никакого извѣстія, думаете, что онъ живъ и что ему мѣшаетъ что либо дать вамъ знать о себѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаете и объ умершихъ, коихъ уѣхало много, и ни одинъ не пишетъ —не даетъ о себѣ знать. Да этого, во-первыхъ, нельзя сказать: есть явленія умершихъ, или ихъ дѣйствія, кои не подлежатъ

сомнѣнію, хотя они рѣдки. Во-вторыхъ, очевидна причина, по коей они не даютъ о себѣ знать: у нихъ нѣтъ органа тѣлеснаго, чрезъ который могли бы сообщаться съ нами; и эта причина дѣйствуетъ у всѣхъ ихъ равно. Разбейте инструментъ у самаго лучшаго артиста, и не дайте ему другаго: онъ не заиграетъ предъ вами, хотя онъ живъ и цѣлъ, со всею способностію къ игрѣ. Въ сонномъ (человѣкѣ) душа жива и цѣла; онъ лежитъ предъ вами; вы кладете на него руку: однакоже, онъ не даетъ вамъ знать о себѣ, хотя, можетъ быть, въ эту самую минуту видитъ васъ во снѣ, и бесѣдуетъ съ вами.

Какъ люди дѣлятся по отношенію къ догмату о безсмертіи.

Жизнь по смерти для нѣкоторыхъ есть предметъ невѣрія, для нѣкоторыхъ—сомнѣнія, для нѣкоторыхъ — разумнаго убѣжденія, для нѣкоторыхъ — чувства, для нѣкоторыхъ — вѣры, для нѣкоторыхъ—опыта.

Съ невѣріемъ въ безсмертіе совмѣстна ли вѣра въ Бога?

Въ понятіи можно отдѣлять эти двѣ вещи, и, унищая первую, выхитрить существованіе для послѣдней, хотя оно, по необходимости, будетъ гораздо бѣднѣе, нежели въ содружествѣ съ первою. Но на дѣлѣ и опытѣ трудно найти человѣка, который бы твердо и съ сознаниемъ вѣрилъ въ Бога, не вѣруя въ безсмертіе. Сколько знаемъ, всѣ вѣрившіе въ Бога вѣрили и въ безсмертіе; а невѣрившіе въ безсмертіе не вѣрили и въ Бога, или имѣли о Немъ понятіе самое темное и бѣдное.

При невѣріи въ безсмертіе, можетъ ли стоять добродѣтель?

Честность гражданская до извѣстной степени можетъ: потому что ей въ опору остаются страхъ наказанія и удовольствіе естественное отъ добра. Но послѣднее слабо, первое не обнимаетъ всѣ случаи.

Бываютъ случаи, что надобно избирать одно изъ двухъ,—сохранить правду, или жизнь. Что заставитъ человѣка предпочесть правду жизни, если нѣтъ безсмертія?—Любовь къ правдѣ? Нелюбовь къ жизни? — Откуда возьмется первая? Изъ сильнаго развитія чувства правды,—вообще, развитія души?—Но какъ она разовьется, не вспомошествоваемая надеждою жизни вѣчной? — Въ такомъ разѣ, на человѣкѣ будетъ даже обязанность предпочесть

жизнь правдѣ; даже по любви къ правдѣ: ибо, сохранивъ жизнь измѣною правдѣ, онѣ еще много разъ будетъ имѣть случаи дѣлать правду и помогать другимъ дѣлать ее, или препятствовать нарушать ее; а пожертвовавъ правдѣ жизни, онѣ лишится навсегда и жизни и правды.

* *
*

Если нѣтъ безсмертія, то смерть наша есть вещь естественная. Почему же мы отъ ней такъ отвращаемся? Отъ вещей естественныхъ мы не отвращаемся: отъ пищи, отъ сна, отъ дыханія, отъ различныхъ видовъ дѣятельности. Отвращаемся только отъ неестественнаго: отъ голода, отъ болѣзней, отъ жестокости, пьянства и проч. Значитъ, и смерть принадлежитъ, поелику мы отвращаемся отъ ней, къ вещамъ неестественнымъ. Природѣ нашей слѣдовало быть безъ ней.

* *
*

Богъ безсмертенъ. Одинъ ли?—Не можетъ быть, чтобы въ мірѣ не было существъ безсмертныхъ.

Богъ праведенъ,— и далъ намъ стремленіе къ праведности. Но праведность въ этомъ мірѣ требуетъ иногда въ жертву себѣ жизни. Гдѣ же, въ такомъ случаѣ, опора для ней, если нѣтъ безсмертія? Въ такомъ случаѣ, человѣкъ, умирающій за правду, былъ бы,—дерзнемъ сказать,—праведнѣе самого Бога.

Богъ истиненъ, — Онѣ не вложилъ бы въ нашу душу жажду жизни вѣчной, если бы послѣдней не было, и смертію все оканчивалось.

* *
*

Изъ образованныхъ людей немногіе увѣрены въ безсмертіи: большая часть въ сомнѣніи о томъ; иные вовсе не вѣрятъ, да же явно показываютъ свое невѣріе.

Какъ бы образованнымъ людемъ, — подумаетъ кто либо, — не быть увѣреннымъ въ безсмертіи, если бы можно было увѣриться?

Увы,—не хотѣлось бы намъ говорить противъ людей образованныхъ, и винить ихъ въ чемъ либо,—тѣмъ паче въ настоящемъ случаѣ. Но мы увѣрены, что многимъ изъ нихъ самихъ пріятно будетъ узнать и признать свою вину.

1) Не должны ли сознать образованные, что въ нихъ менѣе дѣйствуетъ чистая природа человѣческая, что голосъ ся не такъ слышимъ, что ихъ какъ жизнь, такъ и чувства и мысли заклю-

чаютъ въ себѣ много искусственнаго, не чисто человѣческаго, — что они, въ семъ отношеніи, уступаютъ людямъ необразованнымъ, но сохранившимъ свою природу? Но увѣренность въ безсмертіи выходитъ изъ природы, изъ внутренняго чувства, изъ совѣсти. Удивительно ли, послѣ сего, что голосъ безсмертія менѣе слышенъ людямъ образованнымъ?

2) Многіе ли изъ людей образованныхъ серьезно размышляли о истинѣ безсмертія?—Рѣдкіе. А истина безсмертія, коль скоро приводится къ допросу ума, требуетъ въ жизни многихъ справокъ, изслѣдованій, соображеній. Послѣ сего, нечего дивиться, что люди образованные страдаютъ невѣріемъ въ жизнь будущую.

3) Спросите у сомнѣвающихся: убѣждены ли они въ невѣріи своемъ? По справкѣ окажется, что убѣжденія нѣтъ, потому что и изслѣдованія не было, — и что невѣріе есть слѣдствіе лѣности умственной, подражанія, худой совѣсти, нечистой жизни.

4) Большею части людей образованныхъ выгоднѣе не вѣрить, нежели вѣрить въ безсмертіе.

VI.

Есть ли въ человѣкѣ чувство своего безсмертія? — Должно быть. Какъ существо, предназначенное къ безсмертію, человѣкъ по этому самому не можетъ не имѣть предчувствія о томъ; и дѣйствительно, нѣтъ человѣка, который, въ извѣстныя минуты жизни, не ощущалъ въ себѣ того, что превышаетъ смерти. Во всѣхъ ли равно это чувство?—Нѣтъ: въ иныхъ очень сильно, въ иныхъ такъ слабо, что почти его нѣтъ. Отъ чего зависитъ эта разность? Отъ природы, или воли самого человѣка? — Чувство безсмертія, какъ и всѣ прочія чувства въ нашей душѣ, можетъ усиливаться и ослабѣвать. Когда прилагаютъ стараніе, то оно усиливается; когда небрегутъ о томъ, — тѣмъ паче когда дѣйствуютъ противнымъ образомъ, то оно ослабѣваетъ.

Отъ чего же именно усиливается это драгоценное чувство и отъ чего ослабѣваетъ?—Отвѣтъ, хотя краткій, на сей важный вопросъ не будетъ чуждъ ни настоящихъ свѣтлыхъ, дней ни, можетъ быть, душевнаго состоянія нѣкоторыхъ изъ слушателей.

Въ настоящемъ состояніи человѣка, въ составѣ его очевидно два начала: одно—безсмертное, которое не исчезаетъ въ смерти, другое—смертное, которое продолжается только до гроба, и тамъ разлагается и исчезаетъ. Каждое изъ сихъ началъ производитъ въ человѣкѣ сродное себѣ чувство: начало безсмертное производитъ чувство безсмертія, начало смертное производитъ чувство

смертности. Оба начала эти, безсмертное и смертное, такъ тѣсно сочтаны, что составляютъ теперь одно цѣлое: посему-то и чувство безсмертія съ чувствомъ смертности сливается въ одно неопредѣленное чувство. Такая неопредѣленность чувствъ не долго можетъ продолжаться: съ продолженіемъ времени, когда человѣкъ начинаетъ дѣйствовать самостоятельно, одно какое либо чувство беретъ верхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ другое слабѣетъ и умаляется. Если беретъ верхъ чувство безсмертія, то чувство смертности слабѣетъ; если, напротивъ, усиливается чувство смертности, то чувство безсмертія дѣлается слабѣе. Зависитъ же это отъ того, чѣмъ наиболѣе человѣкъ начинаетъ жить и дѣйствовать. Если онъ живетъ болѣе тѣмъ, что есть въ немъ истинно безсмертнаго—духомъ, совѣстію, закономъ: то усиливается чувство безсмертія. А если предается сильно тому, что въ немъ есть смертнаго,—плоти и крови: то усиливается чувство смертности. И съ чѣмъ наиболѣе онъ живетъ, то наиболѣе и чувствуетъ, тѣмъ наиболѣе и проникается, отъ того заимствуетъ силу и чувство.

И вотъ причина, почему въ міролюбцахъ сильно чувство смертности, и они боятся смерти, а въ людяхъ добродѣтельныхъ сильно чувство безсмертія, и они смотрятъ на гробъ, какъ другіе смотрятъ на свое ночное ложе.

VII—X.

Возраженія и рѣшеніе возраженій.

1) Человѣка невидно до рожденія, и мы говоримъ, что онъ не существовалъ. Его невидно по смерти: зачѣмъ же мы будемъ говорить, что онъ существуетъ? Случай равны, — равное должно быть и заключеніе.

2) Въ смерти условія существованія, намъ извѣстныя, прекращаются: слѣдовательно, прекращается и бытіе, *cessante causa, cessat effectus*.

3) Если бы человѣкъ существовалъ по смерти, то онъ далъ бы знать какъ либо о своемъ существованіи; но этого нѣтъ; слѣдовательно....

4) Если бы была жизнь за гробомъ, то отчего бы такъ прятать и скрывать ее? Невидно цѣли въ скрытности.

5) Животныя явно суть подобіе человѣка, и нѣкоторые очень близки къ нему: но мы о всѣхъ ихъ утверждаемъ, что они не-

безсмертны. Зачѣмъ же исключеніе въ пользу одного человѣка? Это несправедливость, эгоизмъ человѣческій.

6) Въ человѣкѣ нѣтъ желанія безсмертія: есть только охота пожить подольше. Но, долго живши, онъ наскучилъ бы жить; вѣчность для него невыносима. Если въ насъ теперь не является этой скуки отъ бытія, то причиною сего сонъ; въ немъ мы кончаемъ бытіе, и опять принимаемъ; безъ него, не смотря на краткость жизни, мы наскучили бы ею.

7) Если бы человѣку суждено было жить всегда, то зачѣмъ и къ чему смерть? Она была бы не въ порядкѣ вещей. Какъ конецъ бытія, смерть умѣстна; а иначе—абсурдъ.

8) Доказательство отъ духовности души ничего недоказываетъ въ пользу безсмертія, ибо мы не знаемъ природы души. Слова: духъ, матерія, суть чисто относительны и условны: мы не знаемъ природы ни того, ни другаго; слѣдовательно, и не можемъ брать изъ нея твердыхъ заключеній.

9) Ученіе о небезсмертіи человѣка можетъ имѣть практическія полезныя стороны: заставить дорожить жизнію, нетерпѣть притѣсненій и самовластия, стремиться къ равенству и безобидному раздѣлу благъ жизни и проч. и проч.

10) Человѣку, большею частію, лучше быть добродѣтельнымъ, нежели порочнымъ,—хотя бы онъ не былъ безсмертнымъ.

11) Лучшіе изъ язычниковъ—Сократъ, Платонъ, Цицеронъ—не были твердо увѣрены въ безсмертіи; изъявляли болѣе желанія и догадки, нежели убѣжденіе и увѣренность въ семъ.

12) Усилиться ученію о безсмертіи помогли нужды и безпорядки этого міра. Будучи недовольны настоящимъ, естественно обращаются къ будущему. Чего сильно желаютъ, то кажется существующимъ.

Вотъ все, что можно возразить противъ безсмертія *), Нѣкоторыя возраженія особенно могутъ смущать. Но на сторонѣ

*) На л. VII нѣкоторыя изъ этихъ возраженій предложены въ другомъ видѣ,—именно:

Человѣка не было, можетъ по этому и не быть: ибо онъ, явно, существо случайное,—безъ него міръ сущесвоетвалъ и можетъ существовать.

Въ рожденіи, явно,—возникновеніе новое; почему не быть въ смерти уничтоженію?

Физическія явленія при смерти заставляютъ ли предполагать жизнь?—Нисколько. Напротивъ, они повелѣваютъ считать ее оконченною. По смерти, ни малѣйшаго слѣда бытія умершаго.

истины есть довольно средствъ къ уничтоженію всѣхъ сихъ возраженій.

Что имѣло начало, то будетъ имѣть и конецъ. Такъ обыкновенно говорятъ: но почему такъ говорятъ? Всѣ причины сводятся къ тому, что на опытѣ такъ бываетъ: имѣвшее начало—потомъ имѣетъ и конецъ. Дѣйствительно, опытъ вокругъ насъ представляетъ, большею частію, это явленіе. Большею частію,—но не всегда. Земля, явно, имѣла начало, но будетъ-ли имѣть конецъ?—этого опытъ не говоритъ нисколько. Небо имѣло начало, но будетъ ли имѣть конецъ?—этого опытъ не показываетъ. Вообще міръ имѣлъ начало; но послѣдуетъ ли конецъ?—этого по опыту нельзя сказать. Такимъ образомъ, самый опытъ, откуда добыто извѣстное правило, что имѣющее начало имѣетъ и конецъ, подтверждаетъ его только по частямъ, а не вообще. Вообще говоря, опытъ показываетъ, что многое, имѣющее начало, не имѣетъ конца.

Если за симъ отъ опыта взойти къ умозрѣнію, то окажется совершенно противное. Надобно сказать, что все, возимѣвшее начало, вѣчно, покуда не должно имѣть конца. Почему?—Потому что конецъ противоположенъ началу, такъ же какъ, —холодъ жару, какъ тѣма свѣту. Какъ одно выйдетъ изъ другого?—это не возможно. Тутъ, вообще, тотъ же законъ, по коему физики утверждаютъ, что тѣлу, коему сообщено движеніе, вѣчно должно двигаться въ ту сторону, куда двинуто, доколѣ не встрѣтитъ препятствія. *).

Если бы человѣкъ созданъ былъ для земли, и не продолжалъ жить за гробомъ, то онъ въ правѣ жаловаться, что не попеклись хорошо помѣстить его. Зачѣмъ ему тогда было давать такія желанія и мысли! Зачѣмъ не дать то, что нужно для удобства земной жизни? Теперь онъ можетъ переносить сіи неудобства благодушно, въ чаяніи вѣчной жизни; а коль скоро вознагражденія нѣтъ, то онъ въ правѣ роптать и обвинять. Скажутъ: ему все дано, что нужно. Нѣтъ, очевидно, недостаетъ многого.

Царство животныхъ, явно, во многомъ сходно съ человѣкомъ: жизнь, движеніе произвольное, искусство, смыслъ, чувство, усердіе, злость, вѣрность, страсти. Мы все царство животныхъ обрекаемъ смерти; а себя однихъ исключаемъ! Резонно ли это? не явный ли эгоизмъ? Если же добиваться права на безсмертіе,—то всему семейству, а не Ивану только съ Петромъ.

*) На этомъ же листкѣ, отдѣльно, записано: «Воскресеніе Лазаря.—Паденіе Петра.»

Безсмертіе никто не можетъ сдѣлать очевиднымъ, — правда: но кто можетъ очевиднымъ сдѣлать и небезсмертіе? — Доказательства матеріалистовъ нерѣшительны; все сводится къ тому, что тѣло умершаго истлѣваетъ, и мы перестаемъ видѣть его. Для насъ его болѣе нѣтъ: но есть ли оно само для себя,—этого мы не можемъ отвергать рѣшительно, уже потому, что не можемъ видѣть, какъ душа уничтожается. Скажутъ: есть причина подозрѣвать, что нѣтъ, коль скоро не видимъ. Такъ; но есть причина подозрѣвать, что есть. Какая причина? — Не только нравственная,—даже матеріальная: наприм., присутствіе полной души предъ самою смертію, когда тѣло уже, можно сказать, полуразрушилось.

Я не былъ и не существовалъ, — а, очевидно, началъ быть, существую, *cogito, ergo sum*. Была какая-то сила, которая воззвала меня отъ небытія къ бытію, и которая потомъ содержитъ меня доселѣ въ бытіи.

Поелику я прежде не былъ, то могу и опять не быть: но поелику не былъ, и сталъ быть, то по опыту уже заключаю, что могу опять прійти въ небытіе и снова быть воззванъ — тою же силою—къ бытію. Это чистая и прямая логика.

Какъ же нѣкоторые думаютъ, что я, если потерялъ бытіе,—наприм., въ смерти, то уже потерялъ его навсегда и не возвратно?—Тутъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ логики... Кто бы Онъ ни былъ, но воззавши меня изъ совершеннаго небытія, то есть, когда я вовсе не существовалъ,—какимъ образомъ не въ состояніи воззвать меня изъ временнаго небытія, въ которое, положимъ, приведетъ меня смерть? Но и это—чистое предположеніе. Сроднѣе, по мнѣ, думать, что, разъ получивши бытіе, должно уже существовать,—въ такомъ или другомъ видѣ,—вѣчно.

XI—XII.

Гдѣ говорится о безсмертіи?

У Даленбурга—въ «Богъ въ натурѣ». Том. 3, ст. 3п — 23. Разсужденіе не сильное и не глубокое, но не худое.

«Легче быть безбожникомъ, нежели сомнѣваться въ безсмертіи.»

2) Въ статьѣ о сумасшедшихъ—Низара, сказано, въ примѣчаніи, что сумасшедшіе предъ своею смертію приходятъ въ здравый разсудокъ и умираютъ съ сознаніемъ. Почему такъ, гг. физиологи?

3) Лафатера «*Ansichten in die Ewigkeit.*»

4) Екклесіаста глав. III, 19—22.

У Массильона проповѣдь о достовѣрности будущей жизни—витіеватая, но внутрь дѣла не проникаетъ, безъ философіи.

Въ Апостольскихъ постановленіяхъ.

Recognitiones Clementis начинаются прекраснымъ разсужденіемъ о безсмертіи.

У Ефрема Сирина (въ «Христіанскомъ чтеніи») есть проповѣдь противъ невѣрующихъ въ воскресеніе.

Отрывокъ въ рѣчи профессора Филомафитскаго,—въ Московскомъ университетѣ, на актѣ, 1844.

Н.В. Удивительно было бы, если бы натура производила только такія временныя разумныя существа, какъ люди. Это значило бы, что матеріальная часть въ ней сильнѣе и продолжительнѣе; гора, напримѣръ, стоитъ цѣлыя тысячелѣтія, рѣка течетъ тоже и проч.; а разумные зрители входили бы и выходили,—перемѣнялись, какъ въ театрѣ. Въ театрѣ это неизбѣжно и хорошо, а въ природѣ показывало бы слабость и брѣнность руки производящей.

ЗАМѢТКИ*).

I.

уша наша окована со всѣхъ сторонъ воображеніемъ: образъ за образомъ. Эти образы составляютъ изъ себя міръ воображенія. Міръ этотъ крайне много значитъ для души. Слѣпой напримѣръ въ немъ только и живетъ. Мертвый **) имѣть, можетъ быть, только и ограниченъ. Слѣдовательно какъ важно наполнять душу воображеніями чистыми. Это все равно какъ бы кто созидалъ для себя домъ, готовилъ кушанье, шилъ платье, собиралъ библіотеку: очевидно, всякій старается, если можно, устроить всѣ эти вещи какъ можно лучше.

Думаемъ ли мы объ этомъ?... И какъ жалко не думать объ этомъ! Кто день провелъ въ сценахъ ужасныхъ, отвратительныхъ, тому какіе чудовищные видятся сны! Кто жизнь провелъ въ этихъ сценахъ,—тому что будетъ видѣться по смерти?

Но вотъ еще замѣчаніе: нѣкоторые образы до того овладѣваютъ душою, что занимаютъ ее всю—въ нихъ сосредоточивается для души цѣлый міръ и цѣлая (вся) жизнь. На такіе образы крайне нужно обращать вниманіе. Бѣда связаться такимъ образомъ съ образомъ художимъ.

*) Преосв. Иннокентій имѣлъ обыкновеніе—читая или размышляя—набрасывать летучія замѣтки на листахъ, поллистахъ и четвертинкахъ бумаги. Имѣя цѣнить все, что какимъ-либо образомъ выходило изъ-подъ пера или хотя изъ устъ такого архипастыря, лица приближеннаго къ нему не теряли случая списывать для себя эти замѣтки. Такъ у одного изъ келейныхъ іеромонаховъ покойнаго владыки составила цѣлая тетрадь «Замѣтокъ».

**) Т. е. душа умершаго человека.

Такия *praedominantes ideae* лишаютъ душу самостоятельности болѣе или менѣе. «Я самъ не свой»,—говорятъ въ такомъ случаѣ. Эгого мало: образъ можетъ отнять всю самостоятельность, вывести человѣка изъ себя, лишить его сознанія. Сколько помѣшанныхъ помѣшалось именно такимъ образомъ!

И этого мало. Лишивъ самостоятельности, образъ можетъ вообразиться въ человѣкѣ, заставить его принять свою личность. Помѣшанный, вообразивъ себя собакою, лаетъ, кусается, мяучить и проч.

Предѣлъ ли здѣсь метаморфозу? Очевидно нѣтъ: онъ можетъ идти далѣе. До чего? Въ Сарданапалѣ—до оскотненія.

Но здѣсь тѣло, грубость, все еще мѣшаетъ душѣ преобразиться такимъ несчастнымъ образомъ: а по смерти? Тутъ душа бѣдная, воспріявъ всю гибкость, текучесть свою, можетъ всецѣло вылиться въ образъ, ею овладѣвшій.

Стоитъ подумать о семъ!

II.

Магнитезеръ приходитъ въ особенное соотношеніе съ душою магнитизируемаго и командуетъ ею. Послѣдняя теряетъ самостоятельность и живетъ магнитезеромъ. Съ человѣкомъ ли только у человѣка можетъ быть такое сообщеніе? Не можетъ ли быть и съ духами добрыми и злыми? Добрые, конечно, не злоупотребятъ этимъ, и какъ это противно порядку вещей, то можетъ быть и не пользуются этою возможностью. А злые? На что они не могутъ покуситься? А между тѣмъ, очевидно, какъ бѣдной душѣ надобно быть осторожной—чтобы не подпасть вліянію духа тьмы!

III.

Я сравниваю природу, въ отношеніи къ познанію, съ высокою горою. Кои живутъ у подошвы ея,—тѣ, кромѣ того, что могутъ наслаждаться величественнымъ видомъ горы (хотя таковыя рѣдко способны къ тому), пользуются еще всѣми житейскими выгодами мѣстоположенія: тутъ пристани, рыболовья, пастбища и проч. Ученые восходятъ выше до середины горы: тутъ прелестные виды, но все еще удобность жизни. Горѣ тѣмъ, кои, не удовлетворяясь срединными познаніями, взошли на верхъ горы, или—по крайней мѣрѣ—подошли къ ея вершинѣ, то есть, вступили въ область метафизики. Тутъ все сухо, голо или покрыто льдомъ. Съ горы чувственной можно воротиться назадъ;

съ высоты метафизической, если на нее сдѣланъ дѣйствительный восходъ, нѣтъ возврата.

IV.

Правда Божія въ природѣ видимой.

Апостолъ замѣчаетъ, что невидимыя совершенства Божіи, обнаруживаясь въ твореніи, становятся видимыми до того, что внимательный зритель можетъ видѣть въ природѣ самую *приспосущую силу* творческую и *Божество*. О нѣкоторыхъ совершенствахъ Божіихъ это такъ ясно, что не можетъ подлежать никакому сомнѣнію; наприм. всемогущество, премудрость, благодать видны въ природѣ на каждомъ шагѣ. Но нѣкоторыя совершенства составляютъ въ семъ отношеніи какъ бы исключеніе. Такова особенно правда Божія. Кто думаетъ видѣть ее въ твореніи, внѣ себя? И однако же она, будучи однимъ изъ основныхъ совершенствъ Божественныхъ, должна по сему самому отражаться въ природѣ видимой, не менѣе другихъ совершенствъ. Почему же не замѣчаютъ ея? или не столько какъ другія совершенства? Уже потому, что человѣку грѣшнику замѣчаніе сего совершенства не такъ пріятно, какъ другихъ, наприм. благодати и премудрости; а извѣстно, что менѣе любимое, менѣе и замѣчается. Притомъ для открытія правды потребенъ взглядъ—такъ сказать—праведный; а въ немъ то же не большой избытокъ у людей грѣшныхъ. Наконецъ и въ самой природѣ правда Божія открывается менѣе, нежели другія совершенства, потому что воспящается милосердіемъ. Открываясь во всей силѣ, она устремлялась бы всего болѣе противъ человѣка,—а онъ подъ кровомъ милосердія. Посему обнаруженіе правды приостановлено до великаго дня суда, и правды, и воздаянія.

Однако же открывается!

V.

Человѣка можно буквально кормить секретами. Знающій секретъ уже почитаетъ себя выше другихъ, и готовъ лишиться многого. Поэтому должность секретаря по секретной части пріятнѣе другихъ должностей. Ничѣмъ вы такъ не привяжете человѣка къ себѣ, какъ допустивъ его въ свой секретъ.

VI.

Самое большое несчастіе Наполеона, во время послѣдней его

кампаніи, мнѣ кажется, состоить въ томъ, что ему было хорошо, лучше, нежели каждому изъ его арміи, въ физическомъ отношеніи. Потерпи онъ день-два то, что терпитъ бѣдный солдатъ, или будь покрѣпче раненъ, и пострадай отъ раны хотя недѣлю, — не бось, миръ былъ бы заключенъ тотчасъ, и всѣ честолюбивые помыслы ушли бы какъ мыши въ нору, при появленіи кота. Великое дѣло—нужда физическая!

VII.

Что воздастъ Господеву о всѣхъ, яждъ воздаде ми?

Ко всякому ли идетъ вопросъ сей? Ко всякому, и самому—повидимому—несчастному. Ибо, если есть какія несчастія, то онѣ не отъ Господа, а или отъ самаго человѣка, или отъ людей другихъ. Притомъ, несчастія, какія есть или бываютъ, касаются только поверхности бытія нашего и суть нѣчто преходящее; а фондъ—то, что отъ Господа—всегда благо и хорошо. Душа всякая одарена образомъ Божиимъ; искуплена всякая кровію Сына Божія; освящена всякая благодатію Св. Духа; предназначена всякая къ вѣчному блаженству; поставлена среди міра Божія.

Но если и самый послѣдній бѣднякъ въ мірѣ долженъ говорить такимъ образомъ, то что сказать о васъ, богатыхъ счастливыхъ міра? Изъ васъ каждый, и вставая и ложась, долженъ говорить: *что воздастъ Господеву о всѣхъ, яже воздаде ми?*

И что же въ самомъ дѣлѣ можно воздать Ему? Благихъ нашихъ Онъ не требуетъ. Чего же хочетъ? Сердца твоего: *Сыне, даждь Ми сердце твое.* У тебя все—Мое, но сердце—твое. У не могу имъ располагать. Если въ самомъ дѣлѣ хочешь возблагодарить Меня, то дай Мнѣ сердце. Такимъ образомъ мы составимъ одно. А то, что дано тебѣ, получить чрезъ сіе правильное употребленіе.

VIII.

Помянухъ Бога и — возвеселихся (Псал. 76).

Одно воспоминаніе о Богѣ наполняетъ душу отрадою и веселіемъ. Ибо съ именемъ Божиимъ соединено все, что только можно представить великаго, премудраго, благаго и любвеобильнаго. Отрадно вспоминать среди горя объ отцѣ, о наставникѣ мудромъ, о дручаѣ неизмѣнномъ, о покровителѣ могущественномъ, о врачѣ искусномъ: Богъ есть и Отецъ, и Наставникъ, Другъ, и Покровитель, и Врачъ такой, предъ Коимъ всѣ земные и наставники, и отцы, и врачи малы и слабы.

Но чтобы одно воспоминаніе о Богѣ уже веселило насъ, — надобно, чтобы у насъ была связь съ Богомъ; надобно, чтобы мы были—Его, и Онъ—нашъ. Чужое не веселитъ. Тѣмъ паче не веселитъ чужое противное. Посему на человѣка нечестиваго воспоминаніе о Богѣ производитъ другое дѣйствіе: *помянухъ Бога, и убояхся*. Ибо съ именемъ Бога соединяется понятіе Обличителя, Суды, Наказателя.

Какое горькое состояніе, что мысль о Богѣ производитъ уныніе и страхъ! Не все ли это равно, какъ и лучъ свѣта леденить? Такъ грѣхъ превращаетъ порядокъ вещей!

Бѣжимъ сего состоянія. Будемъ и среди грѣховъ не терять духа покаянія,—и тогда всякая мысль о Богѣ будетъ сопровождаться радостію духовною. *Помянухъ Бога и возвеселихся!* Ибо съ именемъ Бога пробуждается мысль объ Отцѣ, приемиющемъ кающихся съ распростертыми объятіями.

IX.

Седмерицею днемъ хвалихъ Тя о судьбахъ правды твоея!

Вотъ каковы судьбы Божіи предъ очами людей, умѣющихъ смотрѣть на нихъ! Таковы, что за нихъ надобно прославлять премудрость Божію не разъ, не два, а седмижды на день! А у насъ бываетъ иногда то, что мы седмирицею днемъ бываемъ готовы роптать о судьбахъ той же правды Божіей. Откуда эта жалкая разность? Оттого, что мы не умѣемъ смотрѣть на сіи судьбы. Пусть будетъ самая величественная картина, но если вы не найдете истинной точки зрѣнія,—она вамъ покажется самою обыкновенною; а если это картина перспективная, — то потеряетъ всю цѣну. Судьбы Божіи суть именно картины послѣдняго рода: онѣ требуютъ, что бы мы стояли въ извѣстномъ разстояніи: а мы становимся или слишкомъ близко, или слишкомъ далеко, —то все относя къ себѣ и ничего къ другимъ,—то все относя къ другимъ и ничего или слишкомъ мало къ себѣ. — Будемъ смотрѣть на судьбы Божіи очами вѣры и преданности, очами смиренія и любви, и—можетъ быть—и намъ будетъ тоже, что съ Давидомъ—мы будемъ хвалить Господа.

X.

Въ скорби расшѣстали мѧ еси.

А скорбь, — говорятъ психологи, — сжимаетъ сердце. Да, Иннокентій. Сочиненія, VII.

скорбь сжимаетъ чувственность, сжимаетъ самолюбіе; духъ же и совѣсть распространяетъ, освобождаетъ, изводитъ на безпрѣдѣльность. *Въ скорби распространилъ мя еси.* Въ счастіи, по видимому, человѣкъ великъ,—ибо надменъ собою, презорливъ, гордъ; а въ самомъ дѣлѣ — малъ, ибо ограниченъ собою, удаленъ отъ всего истинно-великаго. Въ несчастіи же человѣкъ, по видимому, малъ; но если онъ растворяетъ несчастіе вѣрою, — то, среди сей внѣшней малости, онъ внутри себя бываетъ гораздо больше. Не въ скорби ли человѣкъ устремляется мыслію къ Богу, къ концу своей жизни, всего міра? А это, очевидно, великое пространство. Не въ скорби ли человѣкъ холоденъ ко всему міру, отдѣляется отъ него, становится внѣ времени и пространства? И это также видимое распространіе. Не въ скорби ли человѣкъ способенъ рѣшиться на самые трудные подвиги, лишенія, пожертвованія? А это что другое, какъ не слѣдствія распространія? Вообще въ скорби и несчастіи съ духомъ нашимъ бываетъ то, что съ веществами, когда ихъ кладутъ въ огонь: они ширѣютъ, смягчаютъ, расплавляются и испаряются. Если душа добрая,—то съ нею бываетъ тоже, что съ благовоннымъ веществомъ: воня смиренія, преданности несется далеко. А если душа нечистая, злая, безвѣрная,—то отъ нея, какъ отъ зловоннаго вещества, несется ропотъ хулы, ожесточеніе и гнѣвъ.

XI.

Вѣра безъ дѣлъ мертва (Іак. 2, 20).

А дѣла безъ вѣры? И дѣла безъ вѣры мертвы: это не добродѣтели, а можно сказать — струпъ добродѣтелей, или, если не нравится это сравненіе, это — видъ, картина добродѣтелей, а не самая добродѣтель. Ибо откуда взяли бы дѣла жизнь, если не отъ вѣры? Отъ склонности къ добру? Она въ насъ мала и слаба, сама требуетъ оживленія. Отъ соображеній разсудка и внушеній ума? Они во-первыхъ холодны и коль скоро сами не проникнуты чувствомъ добра, не утверждены на глубшемъ основаніи, — то слабы,—притомъ перекрещиваются въ дѣйствіи внушеніями страстей, самолюбія, разсчетами *) и пр. Отъ примѣра другихъ людей? Но много ли примѣровъ добра чистаго, дѣйствій святыхъ? Отъ хвалы и одобренія человѣческаго? Этого вѣтеръ

*) Пропущено слово по неразборчивости.

перемѣнчивъ и испостояненъ. Онъ иногда рветъ паруса порывами, а иногда вѣетъ въ противную сторону; иногда нельзя узнать по немъ — куда вѣтеръ.

Посему и дѣла безъ вѣры мертвы.

XII.

Въ премудрости ходите ко вѣшнимъ (Кол. 4, 5).

Такой совѣтъ давалъ нѣкогда ап. Павелъ возлюбленнымъ ученикамъ своимъ Колоссанамъ. Подъ *вѣшными* разумѣются у него не-христіане, іудеи и язычники. Со всѣми ими Апостолъ велитъ ходить христіанамъ въ *премудрости*, то есть — съ особенною осторожностію, благоразуміемъ, приличіемъ. Кто вспомнитъ — въ какомъ положеніи находились тогда христіане между невѣрующими, въ рукахъ коихъ была вся сила и все могущество земное и кои притомъ смотрѣли на христіанъ, какъ на враговъ своей вѣры и нравовъ, — тотъ пойметъ всю нужду апостольскаго совѣта.

Времена гоненій давно прошли; но потерялъ ли употребленіе сей благій совѣтъ? Нѣтъ, истинный христіанинъ всегда странникъ и пришелецъ въ мірѣ. Между царствомъ Христа и духомъ міра, между чадами Божиими и сынами вѣка сего нѣтъ и не будетъ никогда мира. Посему вы, кои рѣшились носить не одно имя христіанъ, а и стяжать вещь, приобрести ту драгоцѣнную жемчужину, для стяжанія коей надобно продать или презрѣть все, — не забывайте совѣта апостольскаго ходить въ *премудрости ко вѣшнимъ* — къ тѣмъ ложнымъ христіанамъ, кои, довольствуясь однимъ празднымъ именемъ христіанъ, нисколько не думаютъ о томъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ принадлежать Христу, — или, что еще хуже, отвергнувъ внутреннихъ силъ благочестія, стараются удержать на себѣ его вѣшній образъ. *Ходите въ премудрости*, не принимая на себя чуждаго образа, не представляясь тѣмъ, чѣмъ вы не есть, — это не ваша мудрость, — а не выставляя всѣмъ и каждому свой образъ, не обнаруживая безвременно — что въ васъ сокрывается. Если для васъ не дорого собственное спокойствіе, которое могутъ нарушить люди плотскіе, по неспособности оцѣнить васъ, — то подорожите честію вѣры и Евангелія, которая можетъ страдать отъ превратныхъ толковъ о васъ. Что пользы, что вы будете разсыпать драгоцѣнный бисеръ предъ тѣми, у коихъ нѣтъ для него глазъ и рукъ? Они потопчутъ его ногами, обра-

тятся на васъ же, — не для того, чтобы благодарить, а чтобы ра-
сторгнуть васъ.

XIII.

Аще кто не хочетъ дѣлати, ниже да ястъ (2 Сол. 3, 10).

Такъ говорить государственное хозяйство; такъ учить и слово Божіе. Если набожность служила иногда покровомъ для тунеядства,—то эта набожность ложная, отвергаемая вѣрою христіанскою. Истинно набожный трудолюбивъ. Онъ почитаетъ за грѣхъ жить трудомъ другаго, когда можетъ самъ снискивать себѣ пропитаніе. Примѣръ—всѣ самые великіе подвижники, даже тѣ, кои, бывъ призваны къ совершенію великихъ дѣлъ или преданы жизни созерцательной, не имѣютъ, по видимому, времени трудиться трудомъ тѣлеснымъ. На комъ лежали болѣе подвиговъ, какъ на апостолѣ Павлѣ?—Попеченіе, говоритъ онъ, о всѣхъ Церк-вахъ. Но, посмотрите, откуда онъ беретъ себѣ пропитаніе. Ему ли, апостолу языковъ, всей вселенной, не могла доставить вселенная насущнаго хлѣба? Но онъ не ѣстъ *чужаго хлѣба: ниже туне хлѣбъ ядохомъ, но въ трудѣ и подвижѣ, нощь и день дѣлающе, да не отягчимъ никогоже изъ васъ.* И, что особенно надобно примѣтить, забота о собственномъ пропитаніи не мѣшаетъ у него нисколько его главному дѣлу, проповѣди вселенной, апостольству; напротивъ, обращается въ содѣйствіе тому. Ибо онъ употребляетъ для сего ночи, то есть, то время, когда свободенъ отъ дѣлъ апостольства. А во-вторыхъ, независимость экономическая дѣлаетъ его гораздо свободнѣе въ дѣйствованіи апостольскомъ: онъ никому ничѣмъ не долженъ, — посему дѣйствуетъ съ равною властію на всѣхъ. Его безкорыстіе отворяетъ ему двери вездѣ,— и слово Божіе, сѣемое руками чистыми, *растетъ и славится.*

Великіе подвижники временъ древнихъ показали—какъ трудъ можетъ быть сочетанъ съ жизнію созерцательною и служить для ней на пользу вѣчную. Кто доставлялъ пропитаніе Евѡиміямъ, Оеодосіямъ, Саввамъ, коихъ обители превосходили города множествомъ братіи и помѣщались среди многихъ песковъ сирійскихъ?—Императоры, префекты? Нѣтъ, собственные руки, тѣ руки, кои непрестанно воздѣяны были къ небу. Совершивъ молитву, столѣтній старецъ сидитъ у порога келліи и плететъ кошицу; въ извѣстный день недѣли братъ несетъ содѣланное въ Александрію или Антіохію и приносить хлѣба и сочива на слѣ-

дующую седмицу. Такъ питались тѣ, *ихже не бѣ достоинъ весь міръ*. Такой родъ жизни нисколько не вредитъ созерцанію. Послѣ тѣлеснаго труда, духъ тѣмъ охотнѣе паритъ туда, гдѣ нѣтъ печали и воздыханія. Напротивъ, праздность тотчасъ ослабляла и наконецъ убивала духъ подвижничества. Посему великіе изъ подвижниковъ ничѣмъ лучше не считали начать свою покаянную молитву, какъ прошеніемъ: *духа праздности не даждь ми*.

XIV.

Доброхотство дающія любить Богъ.

За что любить? Ужели за дающіе? Такъ любить могутъ только люди, бѣдные, своекорыстные, — а не Тотъ, Кто самъ даетъ всѣмъ *жизнь, дыханіе и вся*. Господь любитъ доброхотнаго дателя не за то, что онъ датель, а за то, что датель доброхотный.

Что такое доброхотство?

То, когда даютъ не только съ доброю цѣлію, но и отъ доброй воли, отъ души, полною рукою, — когда даютъ, не озираясь десяти разъ на то, что остается у себя, не увлекаясь разсчетами, не заставляя себя просить долго, не показывая при даваніи вида скуки и отвращенія, — когда даютъ и находятъ удовольствіе въ томъ, что даютъ, — обнаруживаютъ это всѣмъ — чѣмъ могутъ; когда даютъ больше, нежели сколько можно было предполагать. Скажите: можно ли не любить такой души? — особенно, когда вспомнишь при семъ о датель недоброхотномъ, у котораго и малое даваніе надобно испрашивать большими просьбами; который даетъ, но съ трудомъ, показывая, что онъ чрезъ даваніе лишается какъ бы нѣкоей части самаго себя, — даетъ, и въ тоже время наказываетъ за то, ты отъ него получишь. Въ послѣднемъ случаѣ явно видна душа черствая, сомкнутая сама въ себѣ, опутанная со всѣхъ сторонъ разсчетами, не способная раскрываться для сообщеній — и потому для принятія даровъ свѣше отъ Того, Который пріемлетъ только для того, чтобы воздать сторицею. — Доброхотное даваніе напротивъ предполагаетъ въ датель душѣ чувствительную, сердце нѣжное и открытое для всего добраго, а потому и способную для вмѣщенія даровъ благодатныхъ. Можно ли не любить такую душу и такое сердце?

XV.

Гнѣвъ въ ярости Его, и животъ въ волѣ Его.

Такова самая ярость небесная! Въ ней самой, въ выраженіи

ея—гнѣвъ; но въ волѣ, въ намѣреніи—*жизнь*! Это начало жизни, нетерпящее начала смерти, и потому тревожащееся, чтобы повергнуть его и уничтожить.

У людей—напротивъ! Тутъ нерѣдко бываетъ въ выраженіи и обхожденіи—любовь, а въ волѣ и намѣреніи—смерть.

Посему-то нѣкто изъ испытывшихъ небесную ярость и земную пріязнь говоритъ: да впаду лучше въ руки Божіи, нежели въ руки человѣческія; якоже бо величіе Его, тако и милость Его!

XVI.

Вѣдь избыточествовати, вѣдь и лишатися.

Вотъ истинная мѣра совершенства и умѣренности! Умѣть лишаться значитъ не мало. Но сколь многіе, умѣя лишаться, не умѣютъ избыточествовать. А умѣть избыточествовать также нужно, какъ и умѣть лишаться. Ибо человѣкъ идетъ къ тому состоянію, что надобно будетъ только умѣть избыточествовать, а лишениій никакихъ уже не будетъ.

Какъ приобрѣтается это великое вѣдѣніе избыточествовать? Безстрастіемъ. А безстрастіе? Самоотверженіемъ. А самоотверженіе? Умѣніемъ лишаться. Послѣднее есть условіе и приготовленіе къ первому, хотя не всегда даетъ его, подобно тому, какъ цвѣтъ не всегда даетъ плодъ.

Умѣнье избыточествовать, подобно умѣнію лишаться, имѣетъ свой корень, простираетъ свои вѣтви, цвѣтетъ и плодоноситъ въ душѣ. Но, въ высшей степени, самое бренное тѣло, качествуясь по душѣ, приобрѣтаетъ умѣніе не только лишаться, но и избыточествовать. Величайшіе подвижники могли безъ всякаго вреда употреблять, когда хотѣли, всѣ роды снѣдей. Что это—какъ не вѣдѣніе избыточествовать въ самомъ дѣлѣ?

XVII.

Уадо Тимовее, трезвися о всемъ (2 Тим. 4, 5).

О всемъ, а не объ единомъ. У насъ трезвость, обыкновенно, сводится на воздержаніе отъ охмѣляющихъ напитковъ, — много, если и отъ излишнихъ яствъ; но у истиннаго христіанина должно быть не такъ.

Онъ трезвится во всемъ! объ излишнемъ употребленіи питья и яствъ нечего было и напоминать тѣмъ, кои, по апостолу, *уперщивляли тѣло свое*, распинали плоть съ ея страстями и похотями; а между тѣмъ св. подвижники любили говорить и пи-

сать о трезвости: есть цѣлыя главы, даже книги, надписанныя: *о трезвеніи духовномъ, о трезвеніи ума* и проч.

Что это за трезвеніе?

Душа, подобно тѣлу, имѣетъ своего рода питія и яства, при употребленіи коихъ потребна умѣренность; иначе можно упитъ-ся или пресытиться, и чрезъ то подвергнуться духовной болѣзни,—сдѣлаться, подобно нетрезвому, неспособнымъ къ дѣйствованію правильнымъ образомъ,—допустить или произвести безпорядокъ, подать соблазнъ, впасть даже въ какое-либо преступленіе. Нуженъ примѣръ въ поясненіе дѣла? Посмотрите на упившагося ревностію *не по разуму*: онъ готовъ убивать за вѣру,—за то, что другіе не такъ думаютъ, какъ онъ,—и, убивая, будетъ думать, что онъ приноситъ службу Богу.

XVIII.

Какъ хорошо, что нашъ Творецъ есть существо безпредѣльное, всесовершенное, такое, что у Него бездна всего не только для Него самого, но и для насъ! Теперь мы, какъ дѣти величайшаго богача, всего можемъ надѣяться и не боимся никакого стѣсненія въ своемъ бытіи. А что было бы дѣлать, если бы Творецъ нашъ былъ не такъ великъ, если бы мы могли видѣть предѣлы Его силъ и совершенствъ? Мы были бы похожи на крестьянина съ большими способностями у мелкаго помѣщика. Душа рвалась бы къ небу, а насъ заставили бы сидѣть весь вѣкъ въ передней или ходить за свиньями. Итакъ, слава Тебѣ Господи, и за Твою безпредѣльность!

XIX.

Какимъ образомъ произошли громады камней? Одни отвѣчаютъ—посредствомъ огня, другіе—посредствомъ воды, третіи—ни то ни се, или—и то и се. Все это кажется не такъ. Зачѣмъ заставлятъ огонь и воду производить камни, когда мы видимъ по опыту, что отъ нихъ камни распадаются и пропадаютъ?

Спрашиваю: въ человѣческомъ тѣлѣ есть ли камни? Не только есть, но и растутъ, наприм. кости. По какой системѣ? Нептунической? вулканической? Нѣтъ, а по силѣ организма. Почему же не произойти и не происходить такимъ образомъ всему каменному и въ землѣ?

XX.

Состарѣніе въ тѣлѣ человѣческомъ обнаруживается между прочимъ оскудѣніемъ влаги: оттого старики и особенно старѣющіе

бываютъ сгорблены и кожа покрыта морщинами. Не то же ли происходитъ съ землею? Воды во многихъ рѣкахъ видимо оскудѣли, а протоки и источники одинъ за другимъ вовсе иссыхаютъ. Въ замѣнъ сего умножается число бугровъ, логовинъ и неровностей.

XXI.

Подозрѣніе въ дѣлахъ житейскихъ простирающееся гораздо далѣе достовѣрности, не всегда бываетъ вѣрно, но во многихъ случаяхъ оправдывается; почему не быть мѣсту подозрѣніямъ и въ области философіи? И то, что мы называемъ умозрѣніями; не суть ли большею частію чистыя подозрѣнія? Посему не худо бы заняться приложеніемъ правилъ обыкновеннаго, если угодно — юридическаго, подозрѣнія къ предметамъ метафизическимъ.

XXII.

Творецъ отдалъ нѣчто твари единожды и на всегда—невозвратно; это остается у твари. Когда она идетъ противъ Творца, этимъ она—такъ сказать—пробавляется и въ удаленіи отъ Него. Но Творецъ не все далъ, что нужно для блаженства; многое онъ предоставилъ непосредственному дѣйствію своему на тварь, что должно служить въ видѣ дара награды за вѣрность. Этого тварь непокорная не имѣетъ, а безъ этого не можетъ быть блаженною.

XXIII.

Можно ли видѣть ушами? Отчасти можно. Когда вы слышите извѣстный шумъ, то догадываетесь — какую форму имѣетъ шумящее тѣло. Можно ли слышать глазами? Отчасти можно. Когда вы видите издали сильно вертящееся тѣло, то по фигурѣ его догадываетесь—какого рода шумъ долженъ отъ него происходить.

XXIV.

Преобразованія въ учрежденіяхъ политическихъ подобны плоду въ утробѣ матери: онѣ имѣютъ свое время зачатія, возрастанія и наконецъ рожденія. Революціи подобны выкидыванію младенцевъ: рѣдко выкинутое дитя остается живымъ. Слѣдовательно, надобно ждать всегда времени разрѣшенія? Да. Впрочемъ и естественные роды требуютъ иногда хирургической помощи.

XXV.

Между людьми есть не малое число людей, страждущихъ униженіемъ. Нѣтъ ли и между злыми духами духовъ сего рода? Между людьми есть съумасшедшіе. Нѣтъ ли съумасшедшихъ и между бѣсами? Въ извѣстномъ смыслѣ, они и всѣ суть съумасшедшіе, подобно какъ есть съумасшедшій всякій грѣшникъ. Но, кромѣ сего, нѣтъ ли такихъ духовъ, кои подобно съумасшедшимъ людямъ, потеряли свое сознаніе? Какъ ужасно должно быть съумасшествіе въ духѣ!

XXVI.

Понятія чѣмъ ниже и индивидуальнѣе, — тѣмъ богаче частными признаками, тѣмъ болѣе имѣютъ свою собственную физиономію, свой родъ жизни; а чѣмъ выше и общѣе, — тѣмъ бѣднѣе признаками и, разширяясь, можно сказать, пустѣютъ. Не то же ли и съ людьми? Съ возвышеніемъ по званію, человѣкъ дѣлается тоже пространнѣе, ему подчиняется многое, — но за то характеромъ, душою, чувствомъ, личностію пустѣетъ. На языкѣ у него формулы болѣе общія; поступки его тянутся столбовою дорогою, въ шестерку; чувства сердца непрестанно подавляются отношеніями, приличіями, наконецъ избыткомъ.

XXVII.

У нѣкоторыхъ растений прежде появляются плоды, а потомъ листья; не такъ ли бываетъ и съ нѣкоторыми людьми? Самыя лучшія, общепользныя произведенія ихъ суть первыя; въ послѣдствіи, они производятъ одни листья, которые прикрываютъ ихъ наготу, но не могутъ питать другихъ. Между тѣмъ какъ у большей части людей бываютъ прежде листья, потомъ — цвѣты, а потомъ уже плоды, т. е. произведенія, годныя къ употребленію.

XXVIII.

Дѣтскій возрастъ самый невинный и самый смѣшливый. Значитъ, смѣхъ не всегда предполагаетъ злость. Бойтесь не столько тамъ, гдѣ надъ вами смѣются, сколько тамъ, гдѣ о васъ, по видимому, плачутъ. Самый злой человѣкъ въ минуты смѣха бываетъ добрѣе и не такъ опасенъ.

XXIX.

Для чего человѣкъ существуетъ? Если по дѣйствіямъ машины можно судить о намѣреніи художника, ее произведшаго; то,

къ сожалѣнію, должно сказать, что человѣкъ существуетъ, чтобы грѣшить: ибо человѣкъ, взятый въ сложности всѣхъ людей, ничего столько не дѣлаетъ, какъ грѣшить. Таковъ человѣкъ! Но онъ не машина; поэтому не должно прилагать къ нему закона о машинахъ и ихъ отношенія къ художникамъ. Или, если угодно удержать сравненіе, человѣкъ—машина, но испорченная. Часы испорченные врутъ и показываютъ не тотъ часъ; но какъ глупо было бы заключать изъ сего, что они сдѣланы художникомъ для того, чтобы врать и обманывать! О назначеніи, слѣдовательно, человѣка должно судить не по дѣйствіямъ его, а по его составу; а составъ человѣческій говорить о цѣли его совѣмъ другое—что онъ созданъ для добродѣтели.

XXX.

Говорятъ, что лекарства самыя дѣйствительныя тѣ, по приѣмѣ коихъ болѣзнь ожесточается нѣсколько, чтобы потомъ ослабѣть и пройти. Можетъ быть, лекарства, дѣйствующія подобнымъ образомъ и пользуютъ; только я не думаю, чтобы онѣ были самыя лучшія для болѣзни, отъ коей даются. Признакъ прямого, дѣйствительнаго врачевства долженъ быть тотъ, что оно тотчасъ утишаетъ боль, производитъ облегченіе, оживляетъ больного и радуется; такъ точно и дѣйствуютъ нѣкоторыя лекарства; такъ должно дѣйствовать имъ и всѣмъ. Противное не естественно, хотя и можетъ быть иногда полезно. Подтвержденіе этого замѣчанія мы можемъ находить въ инстинктѣ. Извѣстно, что инстинктъ есть голосъ природы; извѣстно также, что больные по инстинкту иногда сильно желаютъ чего-нибудь, и удовлетвореніе (благоразумное) ихъ желанію служить имъ вмѣсто самаго лучшаго лекарства. Спрашивается: какъ дѣйствуютъ эти лекарства? Производятъ отягченіе болѣзни? Нѣтъ, а тотчасъ сопровождаются сномъ и облегчаютъ. Вотъ норма къ оцѣнкѣ лекарствъ.

XXXI.

Греческая Церковь представляетъ, въ сравненіи съ другими Церквами, нѣкоторую запоздалость, или какъ бы нѣкоторое полуомертвеніе, — неизбѣжное слѣдствіе ея внѣшнихъ обстоятельствъ. Съ Церквами въ семъ отношеніи происходитъ тоже, что съ странами: которыя лежатъ подъ южнымъ солнцемъ, тамъ давно весна,—въ иныхъ уже лѣто; между тѣмъ какъ на сѣверѣ еще все цѣпенѣтъ отъ холода. За то сѣверъ любитъ весною,

когда на югѣ близка осень. Въ самомъ дѣлѣ, не похожи ли нѣкоторыя Западныя Церкви уже на садъ осенній, съ коего собраны плоды, и у коего нѣтъ уже и достаточной тѣни отъ листьевъ древесныхъ? А Греческая Церковь явно готовится стряхнуть съ себя иней и снѣгъ, и начать цвѣсти весеннимъ цвѣтомъ. Всего вѣроятнѣе, что Западнымъ Церквамъ, во время ихъ зимы, придется брать плоды свѣжіе отъ лѣта Греческой церкви.

XXXII.

Нельзя отрицать, что въ Церкви западной болѣе внѣшняго единства, нежели въ восточной. Послѣдняя, особенно въ нѣкоторые вѣка, представляетъ *membra disjuncta*. Но вотъ что удивительно, что, при такомъ сосредоточеніи Церкви западной, она не спаслась отъ раздробленія; между тѣмъ какъ восточная Церковь, не смотря на внѣшнюю разрозненность свою, осталась при древнемъ единствѣ и избѣгла раздробленій. Что раздробило Западъ? То, что тамъ слишкомъ участвовала сила центростремительная: сжимаемость усиленная раздробляетъ тѣло. Что удержало отъ разрозненія Востокъ? То, что въ немъ слабо дѣйствовали силы центробѣжныя. Почему слабо? Уже потому, кромѣ другихъ причинъ, что въ немъ мало было дѣйствія силы центростремительной. Кромѣ сего, счастье всегда разъединяетъ людей, а несчастье сближаетъ и связуетъ: Западъ былъ счастливъ и не тужилъ въ мирѣ съ самимъ собою; Востокъ страдалъ и искалъ единства.

XXXIII.

По плоти раждаются мертвые; не раждаются ли и по духу мертвые, т. е. не бываетъ ли и духовныхъ родинъ такъ несчастныхъ, какъ и плотскихъ? Мнѣ кажется—бываетъ.

XXXIV.

Что есть наигорчайшаго въ бѣдности? Между прочимъ то, что она дѣлаетъ человѣка смѣшнымъ.

XXXV.

Если на судѣ Божиѣмъ будутъ испытаны не только дѣла, но и самыя слова и мысли худыя; то тѣмъ паче не будутъ забыты слова и мысли добрыя. Значитъ, не мало значить то, чтобы при недостаткѣ добрыхъ дѣлъ, какъ можно болѣе думать о добромъ. Трудно ли это?...

XXXVI.

Возстанутъ лжехристи, и дадутъ знаменія велія и чудеса, яко прельстити, аще возможно, и избранныя (Матѣ. 24, 24). Сила сихъ словъ та: много знаменій и число чудесъ будетъ такъ велико, что по всѣмъ правиламъ разсудка надобно повѣрить имъ, прельститься ими. Почему же избранные не прельстятся? Потому что они слѣдуютъ не одному разсудку: у нихъ есть нѣчто высшее разсудка. Что такое? Совѣсть, чувство внутреннее и истинно-духовное—Духъ Святый. Бѣда безъ разсудка, бѣда и съ разсудкомъ. Одинъ развѣ данъ худой вождь? А сколько людей, кои кромѣ своего разсудка не хотятъ и слышать о другомъ вождѣ! Оттого-то какъ мало надобно и знаменій, чтобы прельстить ихъ, повести за собою, не смотря на разсудокъ ихъ, какъ плѣнныхъ, хотъ на край свѣта!

XXXVII.

Какое наиощутельнѣйшее нынѣ доказательство свободы человѣка? Его противоборство закону и совѣсти. Тутъ всякій невольно ощущаетъ въ себѣ двѣйственность *) и вмѣстѣ возможность поступать такъ и иначе. Несчастное доказательство, несчастная свобода, несчастный человѣкъ!

XXXVIII.

Неизбѣжимая невыгода людей, состоящихъ на вершинѣ общественныхъ должностей, есть одиночество: все ниже ихъ и далеко отъ нихъ. Вокругъ ихъ только барьеры и разные истуканчики—слуги и льстецы. На нихъ—первые лучи солнца; на нихъ первыхъ—градъ, снѣгъ и даже молнія.

XXXIX.

Отъ чего не раскаянъ діаволъ? Отъ того, что онъ не знаетъ болѣзни и смерти. Почему не знаетъ? Потому что у него нѣтъ тѣла. Боль даетъ знать скорѣе, вѣрнѣе и сильнѣе всего, что значить грѣхъ.

XL.

Говорятъ, что мы о собственномъ образѣ бытія Божія вовсе не знаемъ ничего. Нѣтъ,—такъ нельзя говорить,—знаемъ нѣчто.

*) По всей вѣроятности опуска — вмѣсто двойственности.

Напр. мы знаемъ и увѣрены, что Богъ знаетъ все будущее. Но это черта, явно, не нашего образа бытія, а божественнаго. Еще другое отношеніе: въ насъ, или лучше сказать—во всѣхъ разумныхъ тваряхъ есть двойственность закона съ волею. Чувствуешь, что въ тебѣ есть законъ не отъ тебя, а для тебя,—что онъ выше тебя и есть нѣчто тебя превосходящее, отъ тебя независимое. Въ Богѣ эта двойственность быть не можетъ: тамъ воля есть сама себѣ законъ. Посему *stat pro ratione voluntas* въ отношеніи къ Богу есть чистая истина. Это худо только въ отношеніи къ тварямъ.

XLI.

Въ нѣкоторыя минуты чувствуешь, что ты существенно состоишь изъ головы и сердца, что въ этихъ однихъ мѣстахъ есть нѣчто такое, безъ чего ты быть не можешь.

XLII.

Изгнаніе Златоуста есть примѣръ разительный столкновенія ревности пастырской съ духомъ міра.

XLIII.

Тѣ, кои не допускаютъ паденія духовъ, человѣка..... *), всей твари, непремѣнно должны допустить два начала—доброе и злое. Ибо въ мірѣ ясно видны двѣ струи—свѣтлая и мрачная, и обѣ параллельны, сколько можетъ завидѣть ихъ глазъ нашъ.

XLIV.

Какой лучшій образъ представленія Бога?—Какъ высочайше свободнаго. Въ свободу надобно сводить окончательно всѣ дѣйствія Божественныя, самый умъ, самыя идеи. Такъ и поступаетъ свящ. писаніе. О, какъ оно глубже и премудрѣ нашихъ теорій и системъ!

XLV.

По ученію рационалистовъ, христіанская религія есть религія самая лучшая къ укрѣпленію человѣка въ добродѣтели, къ воодушевленію его вѣры упованіемъ. По моему, они или лгутъ, обманываютъ, или сами не понимаютъ того, что говорятъ. Какое укрѣпленіе вѣрованіемъ если Христосъ умеръ и не воскресъ? Какая подпора вѣры, если жизнь такого святѣйша-

*) Пропускъ въ рукописи.

го Лица, какъ Сынъ Маріи, окончилась такъ, какъ она оканчивается по мнѣнію іудеевъ? Въ такомъ случаѣ исторія Пророка Назаретскаго есть новое неразрѣшенное возраженіе противъ міроправленія Божественнаго.

Неологи утверждаютъ, что Христосъ возвращенъ къ жизни попеченіемъ друзей Его,—и въ этомъ самомъ, что Онъ, будучи распятъ, могъ не умереть, возвратиться опять къ жизни,—находятъ знаменіе Промысла о Немъ, знакъ любви къ Нему Божіей. Великій знакъ любви—не умереть, претерпѣвши всѣ мученія смерти! Скорѣе, это знакъ любви дружеской. Важная награда за такой подвигъ—остаться въ живыхъ съ тѣмъ, чтобы потомъ прожить еще 20 и 30 лѣтъ во мракѣ дѣлателя, какъ то предполагается о І. Христѣ неологами!... Нѣтъ, господа, этимъ вы немногихъ заохотите говорить истину Каіафамъ и Пилатамъ.

Мученики умирали не за обмершаго и ожившаго Христа.....*) Изчезнетъ все достоинство, вся угѣшительность вѣры христіанской.

XLVI.

Одна изъ величайшихъ таинъ всемогущества Божія, или другимъ языкомъ—творческая сила природы проявляется въ образѣ происхожденія на свѣтъ тварей: посему естествоиспытателямъ всего болѣе надобно обращать на это вниманіе. Образы рожденія различны; но смерть для всѣхъ одинакова.

XLVII.

Въ болѣзни обнаруживаются сочувствія членовъ тѣхъ, кои состоятъ въ особенной связи дружества или противоположности. Тоже бываетъ въ несчастіи: тутъ видно — кто истинный пріятель, и кто врагъ.

XLVIII.

Рѣка все живое поглощаетъ, а коль скоро поглощенное ею умираетъ, то извергаетъ на поверхность и выбрасываетъ на берегъ. Не такъ ли поступаетъ и рѣка времени со многими великими людьми? Доколѣ они живы,—она влечетъ ихъ въ глубину неизвѣстности, пренебреженія, а по смерти представляетъ взору всѣхъ и каждаго.

*) Въ рукописи написано сплошь, но тутъ очевидно пропускъ.

XLIX.

Когда у солнца поворотъ на зиму,—тогда у насъ наступаетъ больше жара; а когда поворотъ на лѣто,—сильные, большіе наступаютъ морозы. Не такъ ли и съ судьбою человѣка? Не тогда ли начинается противный поворотъ, когда человѣкъ находится среди высшаго или счастья или несчастья?

L.

Человѣкъ самый обыкновенный любитъ, чтобы вѣрили ему на слово, и обижается знакомъ недоверія, не охотно опирается на доказательства, хотя не имѣетъ въ нихъ недостатка. Какъ же Творцу не требовать вѣры отъ своей твари? Какъ не обижаться, когда не хотятъ... *) сдѣлать ни одного шагу, не высмотрѣвъ прежде—куда ведетъ, и что тамъ будетъ... **)? Право, мы себя трактуемъ какъ боговъ, а Бога какъ нашего какого-либо должника или непріятеля. Отцу и матери вѣрятъ, друзьямъ и товарищамъ вѣрятъ, великому ***) не безчестному человѣку вѣрятъ, а Богу не хотятъ вѣрить и требуютъ доказательства!

LI.

Спрашиваютъ: какъ Робеспьеръ, не имѣя отличныхъ талантовъ, взошелъ на самый верхъ Франціи, въ самое бурное время ея? Отвѣтъ на сіе—въ той же бурѣ, которая бушевала надъ Франціей, и въ томъ, что Робеспьеръ былъ легче всѣхъ другихъ,—почему вихрь и поднялъ его выше всѣхъ. Въ чемъ эта легкость? Въ томъ, что онъ не имѣлъ никакихъ привязанностей, былъ самоотверженъ, честенъ, не подкупенъ, фанатически стремился къ одному же и тому же... Еще: давленія во время землетрясенія, нерѣдко поднимаютъ, съ поверхности, даже со дна моря, горы къ облакамъ, и такимъ образомъ—что было внизу, оказывается выше всего, напр. раковины. Тоже и съ Робеспьеромъ и ему подобными. Волканъ революціи поднялъ надъ всѣми—почему—ихъ именно? Потому что они находились надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, которое взорвалъ вихрь, то есть, своимъ об-

*) Въ рукописи написано: «не хотятъ Нимъ и по гласу 'сдѣлать'... очевидная неправильность. Не должно ли исправить: не хотятъ *предъ* Нимъ *иногда*?...

**) Опять написано: «будетъ — собственно мизами» (?) Не должно ли читать: *собственными глазами*

***), Конечно — описка, вмѣсто: *всякому*.

разомъ? мыслей и внѣшнимъ положеніемъ были у самаго сердца революціи.

ЛII.

Есть внезапная смерть тѣлесная. Есть внезапная смерть духовная, наприм. паденіе денницы.

ЛIII.

Болѣзнь самая смертельная можетъ случиться толчкомъ, чрезъ одно прикосновеніе. А здоровье Самое слабое не сообщаетъ са ниже посредствомъ многихъ и сильныхъ ударовъ. Что значитъ это? Или смерть важнѣе жизни? Не можетъ быть. Если такъ бываетъ, то потому, что жизнь, какъ прахъ, ослабѣла. А когда она выше,—то ложе, однимъ прикосновеніемъ, мгновенно слѣдуетъ смерти отраженіе, убываетъ зараза, возвращаетъ здоровье и жизнь *). Примѣръ—прикосновенія Спасителя.

ЛIV.

Какъ ни величественъ сводъ небесный, но коль скоро внимательно посмотришь на него, то тотчасъ чувствуешь, что (это) одна изнанка, а лицо—*тамъ!*

LV.

Есть ли въ звѣздномъ небѣ какое либо правильное расположение? Въ общей сложности, по видимому, нѣтъ. Все размѣстилось какъ будто послѣ какого-либо сотрясенія сильного: тамъ сгустилось, индѣ правильною фигурою, индѣ какъ попало. Между тѣмъ совершенно-правильныя геометрическія фигуры въ размѣщеніи нѣкоторыхъ звѣздъ показываютъ, что при размѣщеніи былъ не только смыслъ, но и умъ геометрическій. Этотъ отрывокъ порядка наводитъ на мысль о порядкѣ въ цѣломъ. Есть онъ и теперь, или былъ? Можно утверждать то и другое. Въ первомъ случаѣ надобно говорить, что съ нашей точки зрѣнія не видно цѣлаго, а потому не видно и порядка. Въ послѣднемъ случаѣ,—основываясь на томъ, что видѣли на дѣлѣ, какъ оно есть.

*) Такимъ написано; но тутъ списано, по всей вѣроятности, неправильно хотя смыслъ понятенъ.

LVI.

Грѣхъ беретъ челоуѣка или силою, не давая ему опомниться, какъ гнѣвъ,—или хитростію, какъ прочіе пороки.

LVII.

Можно ли возвратить невинность тѣлесную? Нельзя. А невинность духовную и нравственную? Должно быть, также нельзя. А говорятъ, можно! Такъ ли, и почему такъ, если такъ?

LVIII.

Бога боюся, и—никого не боюся. Бога не боюся, и — всего и всѣхъ боюся.

LIX.

Богъ сотворилъ міръ—по какому образу? У Бога нѣтъ другаго образа, кромѣ собственнаго. Если такъ, то міръ сотворенъ по образу Божію; слѣдовательно долженъ отражать въ себѣ всю Троицу. И точно, *in toto mundo lucet trinitas*, какъ сказалъ еще древнѣйшій языческій философъ. Какая Троица? Та самая, ко-ей учитъ христіанство. Вездѣ видно отчество; вездѣ слышно слово; все дышетъ духомъ, и вездѣ вѣетъ духъ.

LX.

Богъ говоритъ: *смертію умреши*, діаволъ—противное. Богу не вѣрять, а діаволу вѣрять, повѣрять въ раю, вѣрять и теперь—это абсурдъ. Но таковъ грѣхъ, онъ всегда есть родъ помѣшательства.

LXI.

Въ мірѣ діавольскомъ нѣтъ смерти, — но лучше ли? Тамъ нѣтъ и покаянія.

LXII.

Разбойнику на крестѣ кающемуся сказано: *днесъ со Мною будеши въ раю*. Однакоже, послѣ такого успокоительнаго изреченія, ему перебиты голени. Знакъ, что наказанія не отпускаются и послѣ прощенія. Почему? По ихъ, вѣроятно, нравственной нуждѣ для наказуемаго.

LXIII.

Крайность въ порокѣ можетъ быть полезна для добродѣтели: тутъ видна становится вся неестественность порока, и онъ дѣлается тяжелымъ для души и невыносимымъ. Если когда, то въ минуту крайности грѣха можетъ быть поворотъ назадъ — въ область добродѣтели.

LXIV.

Есть внутри насъ законъ нравственный и свобода; слѣдовательно, есть внѣ насъ Богъ и безсмертіе. Это сущность метафизики и нравственности.

LXV.

Грамматика, особенно глаголь, могутъ быть разсматриваемы какъ вывѣска свободы и духовности души. Можетъ ли вещество сказать: ступай, дѣлай то или то! — Сослагательное наклоніе все дышетъ умомъ и свободою. Прошедшее и будущее времена—знакъ современности души, то, что она не заключена въ настоящемъ.

LXVI.

Тогда не постыжуся, вѣгда призрѣти ми на вся заповѣди Твоя
(Псал. п8, 6).

Подлинно, человѣкъ тогда только можетъ быть пріятель Богу, когда онъ добродѣтеленъ истинно, а истинно добродѣтеленъ онъ тогда, когда добродѣтеленъ весь, всегда и во всемъ.

Но когда же будетъ это вожелѣнное *тогда*? Гдѣ взять такой добродѣтели?—Хорошо, по крайней мѣрѣ, если человѣкъ хотя *призираетъ на вся заповѣди*, чувствуетъ себя обязаннымъ ко всякому благу, прилагаетъ стараніе быть непорочнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, не почитаетъ для себя дозволеннымъ ничего, противнаго закону: хорошо и это! А прочее, многое еще, очень многое — содѣлаетъ самъ Господь и Его благодать всемогущая—для тѣхъ, которые *призираютъ* неуклонно смотрятъ на *всѣ заповѣди* Его.

LXVII.

Окованные сердцемъ въ мудрости (Псал. 89, 12).

Быть окованнымъ въ мудрости, по видимому, очень хорошо: оправа прекрасная! Но быть окованнымъ сердцемъ—это ужасно

съ перваго взгляда. И однако же есть люди—*окованные сердцемъ въ мудрости!* Кто это? Тѣ, кои, погнавшись за мудростію и познаніями, потеряли изъ виду любовь: кои холоднымъ познаніямъ, сухимъ теоріямъ, отвлеченнымъ словопреніямъ дали охладить свое чувство, изсушить свое сердце. Посмотрите на инаго мудреца!... У него бездна познаній; онъ весь въ соображеніяхъ; что шагъ, то цѣль и планъ. А сердце! бѣдное сердце заключено въ этой мудрости, какъ въ темницѣ; кругомъ оковано разсчетами, не смѣетъ пошевелиться для милости и состраданія.

Такая окованность сердца есть почти неизбѣжная доля мудрствующихъ по стихіямъ міра, ибо земная мудрость, по природѣ—желѣзнаго (сидерическаго) свойства. Мудрость небесная, напротивъ, даетъ движеніе и пространство сердцу; потому что она по природѣ своей исполнена *милости и плодовъ благихъ* (Іак. 3, 17).

LXVIII.

Въ сердцѣ тоемъ скрыхъ словеса Твоя, яко да не соерѣшу Тебѣ
(Псал. п8, и).

Вотъ куда надобно класть библію тому, кто, при помощи ея, хочетъ избавиться отъ проклятой привычки грѣшить! На какомъ бы почетномъ мѣстѣ она ни была поставлена, все стоитъ еще не на своемъ мѣстѣ, покуда не будетъ сокрыта въ сердцѣ. Эту истину надобно замѣтить особенно тѣмъ, кои любятъ библію въ богатыхъ оправдахъ, за золотыми рамами.

Какъ сокрывать библію въ сердцѣ? — Прилежнымъ чтеніемъ ея, прилежнымъ размысленіемъ о ней и ея содержаніи, прилежнымъ наконецъ выполненіемъ того, что въ ней написано.

LXIX.

Расточи гордыхъ мыслию сердца ихъ (Лук. 1, 51).

Вотъ средство у премудрости Божіей къ наказанію гордыхъ! Для сего не нужно никакихъ усилій, никакихъ особенныхъ мѣръ: довольно одной мысли—ихъ же собственного сердца. *Расточи мыслию сердца ихъ.* Какъ мысль расточаетъ гордыхъ? Весьма естественно и вмѣстѣ необходимо. У смиреннаго сердца какъ глубокій кладезь, въ коемъ вода стоитъ тихо, зыблясь отъ вѣянія благодати Божіей, отражая въ себѣ полный ликъ духовнаго солнца, и источая изъ себя токи благихъ мыслей и дѣлъ. А у

гордаго сердце какъ гордый кипучій родникъ, который, падая съ утеса на утесъ, разлетается непрестанно въ брызгахъ. Разлетаясь сами, мысли гордыхъ расточаютъ ихъ самихъ. Увлекаясь то тѣмъ, то другимъ высокоумнымъ замысломъ, гордый непрестанно, такъ сказать, раздробляется на части, расточаетъ напрасно свои силы, способности и самое время. Покушаясь на многое, превыше силъ, онъ нерѣдко падаетъ и разбивается. Еще сильнѣе дѣйствуетъ сей законъ расточенія въ приложеніи ко многимъ гордымъ. Имъ никакъ нельзя ужиться вмѣстѣ. Мысли сердца ихъ идутъ на переکورъ одна другой, и заставляютъ ихъ не терпѣть другъ друга. *Расточи гордыя мыслию сердца ихъ.*

LXX.

И молиши Его того, да не пошлетъ ихъ въ страны. Бѣ же ту при горѣ стадо свиное велие пасомо: молиши Его вси ѡбси, глаголюще: послѣ ны во свинія, да въ ны вниде. нъ (Марк. 5, 10—12).

Какая ужасно-жалкая молитва! Просить, какъ особенной милости—позволенія войти на пребываніе во стадо свиней: можетъ ли быть участь презрѣннѣе? И кто просить такой жалкой милости? Безплотные духи, кои обитали нѣкогда на небѣ, обладали величайшею силою и властію, выну блаженствовали во свѣтѣ лица Божія.

Вотъ что значитъ грѣхъ! Ибо грѣхъ свергнулъ сатану и ангеловъ его съ неба; грѣхъ сдѣлалъ ихъ столь несчастными, что позволеніе войти въ стадо свиней составляетъ для нихъ великую милость.

Въ одномъ ли мірѣ духовъ грѣхъ производитъ такое ужасное превращеніе? Нѣтъ;—вездѣ, гдѣ только можетъ появиться хотя тѣнь грѣха. Съ намѣреніемъ говоримъ: *тѣнь* грѣха. Въ мірѣ вещественномъ, среди твореній неразумныхъ, нѣтъ грѣха въ собственномъ его видѣ, поелику нѣтъ и свободы: но и здѣсь можетъ быть тѣнь грѣха,—уклоненіе отъ лучшихъ законовъ бытія къ менѣе совершеннымъ. Ибо каждая тварь можетъ со всею точностію слѣдовать образцовой формѣ своей породы, можетъ и уклоняться отъ нея, не достигать, такъ сказать, своего назначенія вполнѣ. Это самое мы называемъ тѣнію грѣха.

Что же производитъ сія тѣнь?

Всегда сопровождается несовершенствомъ, безобразіемъ, слабостію, брэнностію. Возьмите кристаллъ съ неправильными гра-

нями, съ незаконнымъ, такъ сказать, изломомъ: въ немъ нѣтъ надлежащей чистоты и блеска; онъ ломокъ и малоцѣненъ. Посмотрите на растеніе, уклоняющееся отъ образа своей породы: оно малоросло, криво, безобразно; менѣе приноситъ плодовъ, живетъ не такъ долго. Обратите вниманіе на животныхъ, произшедшихъ отъ неестественнаго смѣшенія породъ: они бываютъ также малорослы, слабы и неспособны къ продолженію своего рода.

Производя такимъ образомъ безобразіе и разрушеніе на обоихъ концахъ мірозданія,—въ мірѣ духовъ и въ мірѣ вещественномъ, грѣхъ съ особенною свирѣпостію обнаруживаетъ ядовитую силу свою въ средоточіи творенія, гдѣ стоитъ человѣкъ. Какъ существо, связующее между собою видимое и тѣлесное съ невидимымъ и духовнымъ, какъ сокращеніе всего сотвореннаго, человѣкъ по тому самому способенъ и къ самому высшему блаженству и къ самому большому несчастію. Посему грѣхъ никого такъ не губитъ, какъ челоуѣка. И въ мірѣ вещественномъ, и въ мірѣ духовномъ грѣхъ произвелъ смерть; но въ первомъ одну тѣлесную, въ послѣднемъ одну духовную: въ челоуѣкѣ грѣхъ произвелъ смерть сугубую, тѣлесную и духовную. Въ самомъ адѣ будетъ едва ли не отраднѣе злему духу, нежели нераскайному грѣшнику: ибо духъ будетъ мучиться однимъ духомъ, а грѣшный челоуѣкъ—духомъ и тѣломъ.

Итакъ, челоуѣкъ, бойся болѣе всего грѣха: это первый и послѣдній врагъ твой!

LXXI.

Отчасти разумѣваетъ (1 Кор. 13, 9.)

Такъ уже 18 вѣковъ провозглашаетъ вѣра, а бѣдный разумъ доселѣ не слышитъ сего; и нерѣдко кричитъ, что вѣра несомнѣстна съ разумомъ. Нѣтъ, вѣра *разумѣваетъ* такъ же, какъ и разумъ, разумѣваетъ еще лучше разума то, что разумѣваетъ, только разумѣваетъ *отчасти*. А разумъ, который все беретъ за разумъ и истолковать,—развѣ все и совершенно разумѣетъ? Кругъ познаній, какъ и шаръ земной, не имѣетъ ли своихъ, недоступныхъ изслѣдованію—полюсовъ? На самой срединѣ познаній, какъ подъ экваторомъ, нѣтъ ли земель, куда еще не ступила нога ни одного мыслителя?—*отчасти*—есть удѣлъ всѣхъ нашихъ познаній, удѣлъ неизбѣжный не только для земнаго бытія, а, по всей вѣроятности, и для вѣчнаго. Всевѣдуще единъ Богъ.

Напротивъ, если сравнить — *отчасти разумѣваемъ* вѣры съ *отчасти—разумѣваемъ* разума; то послѣднее во многихъ отношеніяхъ окажется тѣснѣе и бѣднѣе перваго. Для совершеннаго убѣжденія въ семъ, стоитъ только взять одно простое оглавленіе предметовъ, входящихъ въ составъ вѣроученія христіанскаго, и предметовъ, надъ коими трудится философія: случивъ одно съ другимъ, вы увидите, что кругъ вѣроученія гораздо обширнѣе круга философіи, что первое обнимаетъ много такихъ, весьма важныхъ, сторонъ бытія человѣка и вещей, до коихъ философія не доходитъ и дойти не можетъ.

LXXII.

Аще земная рекохъ вамъ, и не вѣруете: како, аще реку вамъ небесная, увѣруете? (Іоан. 3, 12.)

Значить, небесное очень, очень не похоже на земное! Не похоже до того, что хотя бы оно было открыто, и притомъ такимъ пренебеснымъ лицомъ, каковъ былъ Іисусъ Христосъ: и тогда бы не нашло себѣ вѣры между нами!...

Отъ чего такъ? — отъ крайней отдаленности предметовъ небесныхъ отъ всего земнаго. Астрономія сказываетъ намъ, что и вещественное небо, хотя оно подлежитъ даже чувственному взору нашему, устроено однако же по другимъ законамъ, нежели какіе въ силѣ, большею частію, у насъ, на землѣ: кольми паче должно быть многое и многое инаково, нежели у насъ, на небѣ духовномъ.

Вообще, чѣмъ выше образъ бытія, тѣмъ онъ противоположенъ образу бытія самому низшему: это мы видимъ на всей лѣ ствицѣ существъ, кои подъ нами. Но нашъ настоящій образъ бытія въ отношеніи къ міру духовному, явно, есть первая ступень. Удивительно ли же, если онъ не только отмѣненъ, даже противоположенъ образу бытія небеснаго?

А находясь въ состояніи противоположности небесному, удивительно ли, если мы не можемъ понимать послѣдняго?

И вотъ, безъ сомнѣнія, одна изъ главныхъ причинъ, почему св. писаніе такъ немного говоритъ намъ о тайнахъ вѣка грядущаго, о состояніи нашемъ по смерти.

Какъ говорить о томъ, для чего въ нашемъ умѣ нѣтъ понятій, а въ нашемъ языкѣ—словъ? Опытъ св. Павла, который былъ восхищенъ въ рай, прекрасно поясняетъ сію важную истину. Въ раю Апостолъ видѣлъ и слышалъ многое, чего никакъ

нельзя видѣть и слышать на землѣ. Нѣкое понятіе о видѣнномъ и слышанномъ осталось въ немъ и по возвращеніи на землю. Но что же? Онъ не находилъ на языкѣ человѣческомъ словъ къ пересказанію того, что видѣлъ и слышалъ. Даже не могъ навѣрное сказать (ибо не зналъ навѣрное): въ тѣлѣ ли онъ былъ тогда, какъ находился въ раю, или внѣ тѣла? Такъ все видѣнное и слышанное имъ на небѣ было не похоже на все наше земное!— Такъ самое состояніе его въ это время было отчуждено отъ всѣхъ нашихъ и обыкновенныхъ, и самыхъ необыкновенныхъ, состояній!

Что изъ сего? То во-первыхъ, что бы не судить о небесномъ по земному. Большею части того что мы здѣсь дивимъ, слышимъ, чѣмъ занимаемся, — *тамъ* вовсе не мѣсто; а напротивъ *тамъ* именно мѣсто тому *яже око не видѣ, ухо не слыша, и яже на сердце челоуѣку не въздоша.*

Во-вторыхъ, не будемъ скучать тѣмъ, что не открыты намъ подробности будущаго нашего состоянія за гробомъ. Напротивъ, это должно радовать и утѣшать насъ; потому что такъ поступлено именно по причинѣ величія сего состоянія и крайней возвышенности его предъ состояніемъ нашимъ настоящимъ.

Въ-третьихъ, не будемъ прилѣпляться много къ настоящему нашему земному образу бытія; потому что онъ не только данъ на время, и притомъ весьма краткое, но и во многомъ противоположенъ нашему образу бытія будущему, такъ что прилѣпившійся къ нему, по тому самому не скоро и не удобно можетъ сродниться съ образомъ бытія высшимъ. Напротивъ, будемъ, по возможности, заранѣе отрѣшаться отъ всѣхъ земныхъ и плотскихъ связей, и возноситься къ образу бытія высшаго, коего главныя черты указаны намъ въ словѣ Божіемъ, и коего образецъ оставили намъ въ себѣ св. Божіи челоуѣки. Сего требуетъ собственное вѣчное благо наше.

LXXIII.

Отмѣтаяйся Сына, ни Отца имать; а исповѣдуяй Сына и Отца имать (Іоан. 2, 23).

Нѣкоторые (и мало ли такихъ?), отмѣтаяся Сына, думаютъ однако же имѣть Отца: нѣкоторые даже (такъ по крайней мѣрѣ говорятъ они) для того и отмѣтаются Сына, чтобы имѣть Отца. Да вѣдаютъ же таковыя всѣ, что это не возможно, рѣшительно не возможно: *отмѣтаяйся Сына, потому самому— ни Отца имать!*...

Хочется знать: почему такъ? Потому, что—*никтоже знаетъ Отца, токмо Сынъ, и емуже еще волитъ Сынъ открыти*: но какъ Онъ откроетъ Отца тому, кто отчается Его самого?... Потому, что *никтоже можетъ приити ко Отцу, токмо Сынъ*; но какъ Сынъ поведетъ чрезъ Себя къ Отцу, когда убѣгаютъ отъ Него самого?... Потому наконецъ, что *Сынъ и Отецъ суть едино!*

Какъ же послѣ сего жалка участь тѣхъ, кои всю жизнь проводятъ надъ тѣмъ, чтобы познать Отца безъ Сына!... И не подобно ли это тому, какъ если бы кто усиливался познать солнце безъ лучей его,—громъ безъ звука, имъ производимаго,—вѣтеръ —безъ движенія воздуха?

LXXIV.

Всегда радуйтесь (1 Сол. 5, 16).

Значитъ, оптимизмъ, или—что «*все къ лучшему*», не мечта. Иначе, какъ бы можно было всегда радоваться? Радость есть чувство не произвольное: когда человѣку хорошо, — то онъ, и безъ позволенія, самодоволенъ и веселъ; а когда кому худо, то, сколько бы ни приглашали его радоваться, не зарадуешься.

И дѣйствительно, св. Павелъ, прежде нежели сказалъ: *всегда радуйтесь*, давно уже изрекъ, что *вѣрующимъ въ Бога вся споспѣшествуютъ во благое* (Рим. 8, 28). Послѣ сего очень понятно, какъ можно всегда радоваться; даже непонятно, какъ бы послѣ сего можно было не всегда радоваться: ибо если вѣрующимъ все споспѣшествуетъ во благое; а благое, по самому существу своему, таковокаго, что вся и всегда можетъ радовать: то въ такомъ случаѣ печалиться, особенно безотрадно, свойственно только тому, кто не вѣруетъ въ Бога. Но желательно знать, на чемъ опираясь, проповѣдуютъ оптимизмъ тѣ, кои проповѣдуютъ его безъ вѣры въ Бога и Ходатая Бога и человѣковъ, безъ Коего вѣра въ Бога не столько радуетъ, сколько страшитъ человѣка-грѣшника? Въ такомъ случаѣ, скорѣе надобно сказать на оборотъ, вмѣсто: *всегда радуйтесь*—всегда скорбите! Ибо посмотрите на себя и вокругъ себя безпристрастно: много ли причинъ ко всегдашней радости? Соломонъ умѣлъ находить источники радости; онъ особенно трудился надъ открытіемъ и умноженіемъ ихъ: что же? На днѣ всякой радости онъ находилъ — *суету и крушеніе духа!*... Безъ Бога и Единороднаго Сына Его, Спасителя человѣковъ, нѣтъ радости для человѣковъ. *Всегда ра-*

доваться можетъ и долженъ только одинъ истинный христiанинъ.

LXXV.

Велика вещь человѣкъ (Прем. 20, 6).

Такъ велика, что самъ великій Цѣнитель и Судія всяческихъ ставилъ ее выше всѣхъ вещей въ мірѣ. *Какъ польза человѣку*, говоритъ Онъ, *еще пріобрѣщаетъ міръ весь, душу же свою отщепитъ?*

Велика вещь человѣкъ, потому что сія вещь произошла отъ Величайшаго, въ слѣдствіе великаго Совѣта, и стояла не мало. *И рече Богъ: сотворилъ человѣка* (Быт. 1, 26). *И созда Богъ человѣка, персть взявъ отъ земли, и вдуну въ лице его дыханіе жизни* (Быт. 2, 7).

Велика вещь человѣкъ, потому что сія вещь имѣетъ величайшее значеніе и чрезвычайно много заключаетъ въ себѣ. *И сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его* (Быт. 1, 27).

Велика вещь человѣкъ, потому что предназначена для великихъ цѣлей. *И благослови Богъ (человѣка), глаголя: раститесь, и множитесь, и наполните землю, и господствуйте ею* (Быт. 1, 28). *И взя Богъ человѣка, егоче созда, и введе его въ рай сладости, дѣлати его и хранити* (Быт. 2, 15).

Велика вещь человѣкъ, потому что и паденіе этой вещи превратило и опрокинуло за собою все. *Вѣты, яко вся тварь совоздыхаетъ и сболѣзнуетъ съ нами даже доннынѣ. Суетъ бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю (человѣка)* (Рим. 8, 20—22).

А какъ цѣнится сія великая вещь у самихъ человѣковъ? Чему не подчиняется? На что не мѣняется?

Человѣкъ подобенъ сыну и наслѣднику великаго царя, который, находясь съ малолѣтства въ изгнаніи, забылъ о своемъ великомъ происхожденіи и столько же великомъ предназначеніи. Посему первый и послѣдній урокъ человѣку долженъ быть: *познай самага себя!*

LXXVI.

Открый очи мои, и разумѣю чудеса отъ закона Твоего
(Псал. 118, 18).

Какія очи? Безъ сомнѣнія, не чувственные, а духовныя: —

очи ума, и еще болѣе—*очи сердца*, просвѣщенія коихъ свѣтомъ благодати такъ уседно желалъ нѣкогда апостолъ Павелъ своимъ возлюбленнымъ ученикамъ Ефесскимъ (Еф. 1, 18). Въ естественномъ падшемъ состояніи человѣка, очи сіи закрыты, какъ у слѣдующихъ, а ими-ти одними и можно видѣть *чудеса* закона Божія. *Чудеса*, а не смыслъ обыкновенный закона: послѣдній видимъ и очами разума естественнаго. Но законъ Божій имѣетъ не только смыслъ, подобно законамъ человѣческимъ, но и чудеса, какъ произведеніе премудрости Божественной. Въ семъ отношеніи откровеніе Божіе подобно видимой природѣ: порядокъ, величіе, красота видны въ ней и для слабаго глаза; но чтобъ видѣть внутренній составъ вселенной, для сего потребно прозрѣніе подъ поверхность вещей,—глазъ особенный.

Обыкновеннымъ вѣдѣніемъ закона св. Давидъ давно обладалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ, что въ законѣ Божіемъ сокрывается стократно болѣе, нежели онъ видитъ, и что для уразумѣнія послѣдняго тѣхъ очей, коими онъ видѣлъ, не достаточно, — и вотъ онъ молить Самого Законодателя, открыть ему очи, дабы видѣть уже не смыслъ, а самыя чудеса закона Божія, то, что въ немъ есть превосходящаго нашъ разумъ. Не слѣдствиемъ ли открытія сихъ очей въ Давидѣ былъ Псаломъ (118), гдѣ такъ разительно и подробно описываются совершенства закона Божія?—А можетъ быть слѣдствиемъ сего былъ не Псаломъ, а безмолвіе: предъ чудесами не согласишься...

LXXVII.

Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю (Іоан. 5, 17).

Какъ же сказано у Моисея: *и почи въ день седмый отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, яже сотвори?*—Ужели шестидневное твореніе было не полное, такъ что, послѣ нѣкотораго успокоенія, опять надлежало приниматься за дѣло и продолжать его или доканчивать?

Нѣтъ, тогда было сдѣлано все, что нужно, и все сдѣланное было весьма хорошо, какъ показываетъ отзывъ о дѣлѣ самого великаго Дѣлателя;— посему и покой Божій былъ всецѣлый и продолжался бы всегда, если бы не открылось нужды въ новомъ твореніи. Кто открылъ сію нужду? Ты, человѣкъ. Какъ?—Твоимъ паденіемъ и превращеніемъ чрезъ него всѣхъ вещей.

Съ тѣхъ поръ, какъ ты палъ съ высоты богоподобія и убился до смерти, Отецъ и Сынъ *доселѣ снова дѣлаютъ*, и будутъ дѣлать дотолѣ, пока ты не воскреснешь и не возстанешь, не

начнешь жить всею полнотою первобытной жизни, не станешь паки на свое мѣсто, и чрезъ тебя не возстановятся и не возглавятся и всѣ прочія твари. Дѣланіе въ то время, когда бы предлежало только покаяніе, само по себѣ есть состояніе не возжелѣнное: но человѣкъ, нарушивъ покой Божій и заставивъ любовь Творца своего снова дѣйствовать и, такъ сказать, трудиться, не только не облегчаетъ собою этого труда, но всемѣрно отягчаетъ, ожесточаетъ, преогорчаетъ его, такъ что само долготерпѣніе Божіе принуждено иногда бываетъ жаловаться на трудъ, даемый Ему человѣками (Исаі. 7, 13).

Теперь, если есть гдѣ-либо нѣкое мѣсто успокоенія для творческой дѣятельности; то — въ душахъ людей праведныхъ. *Ту покой Мой*, говоритъ самъ Богъ; *здѣ вселюся*. Въ семь-то разумѣ и св. Церковь, устами священнослужителей своихъ, возглашаетъ *единъ святъ и во святыхъ поживай!* Выраженіе глубокое и премного-знаменательное! Если же во всемъ мірѣ теперь одинъ только ты, человѣкъ, можешь доставлять успокоеніе Творцу своему: то познай свое преимущество и не упускай драгоценнаго случая послужить нынѣ своему Господу, дабы имѣть участіе и въ той Субботѣ божественной, которая послѣдуетъ за новымъ твореніемъ.

LXXVIII.

Аще исповѣдаетъ грѣхи наша, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша, и очиститъ насъ отъ всякія неправды (1 Іоан. 1, 9).

Какая необыкновенная логика! Вѣренъ и праведенъ: потому и оставить намъ всѣ грѣхи, коль скоро мы исповѣдаемся въ нихъ и признаемъ себя виновными! Но такъ дѣйствовать прилично одному милосердію; а правды неотъемлемое свойство — судить, осуждать виновныхъ и наказывать. Какимъ же образомъ тутъ божественная правда забыла, такъ сказать, свою природу и обратилась въ милосердіе? Слѣдующимъ: Сынъ Божій, Существо чистѣйшее и всесовершеннѣйшее, по любви къ падшему роду человѣческому, принявъ на Себя всѣ грѣхи человѣковъ, и страданіями и смертію своею удовлетворилъ за нихъ правосудію божественному во всей полнотѣ и силѣ, на томъ условіи, чтобы тѣ, кои обращаются отъ пути злаго и неправды своихъ, и будутъ просить помилованія во имя Его, всегда и невозбранно по-

лучали оное. Премилосердый завѣтъ сей въ пользу падшаго человечества и всѣхъ грѣшниковъ принять и утверждень на всю вѣчность самую правдою Божіею. Послѣ сего, каждый разъ, когда грѣшникъ раскаивается и проситъ помилованія, не только милосердіе Божіе, всегда и безъ того стоявшее за несчастныхъ грѣшниковъ, но самая правда божественная, по самой природѣ своей стоявшая нѣкогда противъ насъ, требуетъ, чтобы грѣшнику подаваемо было прощенье. Иначе, со стороны самого Судіи небеснаго не было бы соблюдену вѣрности тому завѣту и договору, который принять, одобренъ и утверждень Имъ самимъ; иначе правосудіе божественное престало бы быть правосуднымъ... Итакъ вотъ откуда эта необыкновенная логика! Съ Голгофы!...

LXXIX.

Упованіемъ спасохомся (Рим. 8, 24).

Точно упованіемъ; ибо чѣмъ — другимъ? Наше прошедшее ужасно мрачно! Наше настоящее удивительно худо и бѣдно! Посему если есть спасеніе, то въ будущемъ: но, кто поручится и за будущее? Если судить по прошедшему и настоящему, — то скорѣе надобно отчаяваться и за будущее: потому что будущее есть слѣдствіе прошедшаго и настоящаго. — Только во свѣтѣ откровенія можетъ представляться свѣтлымъ и отраднымъ само будущее, — и представляется!

Не можетъ быть ничего величественнѣе тѣхъ видовъ, въ коихъ божественное откровеніе изображаетъ наше будущее; тутъ многое выходитъ за предѣлы не только нашего опыта, даже понятія: *яже око не видѣ, яже ухо не слыша, яже на сердце челоуѣку не въздоша*, то, по свидѣтельству слова Божія, уготова Господь любящимъ Его.

LXXX.

Во всемъ и во всѣхъ навыкохъ, и насыщатися и алкати, и избыточествовати и лишатися (Филип. 4, 12).

Вотъ истинная мѣра полного совершенства! Для сего надобно умѣть не только избыточествовать, но и лишаться, — не только лишаться, но и избыточествовать. Умѣніе лишаться значитъ много, очень много, но далеко не все. Какъ не мало такихъ, кои, умѣвъ лишаться, не умѣютъ потомъ избыточествовать! А

послѣднее, и теперь бываетъ нерѣдко также нужно, какъ и первое, а въ послѣдствіи составить единственную необходимость: ибо человѣкъ ведется къ тому состоянію, въ коемъ не будетъ никакихъ лишеній, и гдѣ посему надобно будетъ только—умѣть избыточествовать.

Какъ пріобрѣтается это великое умѣніе? — Безстрастіемъ. А безстрастіе? — Самоотверженіемъ. — А самоотверженіе? — Самопознаніемъ. — А самопознаніе? — Самозанятіемъ и самоуглубленіемъ.

Умѣніе избыточествовать, подобно умѣнію лишаться, есть качество и принадлежность души; но, усиленное постояннымъ навыкомъ, оно, чуднымъ образомъ, сообщается самому тѣлу. Изъ жизнеописаній великихъ подвижниковъ видно, что самая плоть ихъ умѣла, не только лишаться, но избыточествовать, по волѣ ихъ духа; такъ что они, наприм., вдругъ послѣ самаго строгаго поста и величайшихъ лишеній, могли, когда то было нужно, позволять себѣ безвредно вкушеніе самыхъ разнообразныхъ яствъ.

LXXXI.

Грядый принеси и книги, паче же кожаныя (2 Тим. 4, 13).

Кто пишетъ такимъ образомъ къ другу своему и даетъ ему такое порученіе?

Ученикъ, занимающійся науками, и потому чтеніемъ книгъ? Или наставникъ, преподающій науки, и для сего имѣющій нужду въ книгахъ? Или по крайней мѣрѣ, человѣкъ, который имѣетъ много свободнаго времени и хочетъ употребить его на чтеніе книгъ? Нѣтъ, это пишетъ ап. Павелъ, — пишетъ къ апост. Тимоѣю! пишетъ изъ темницы! Пишетъ въ твердой увѣренности, что *часъ отшествія его насталь* (2 Тим. 4, 6), и онъ уже какъ жертва близокъ къ жертвеннику!

Что это за драгоценныя книги, кои могли занимать собою такого человѣка, въ такомъ мѣстѣ, въ такое время? Безъ сомнѣнія, первое мѣсто занимали между сими книгами св. писанія Ветхаго и Новаго Завѣта: но съ другой стороны, выраженіе: *книги, паче же кожаныя*, само собою приводитъ къ мысли, что между сими избранными книгами, коихъ Павелъ хочетъ видѣть предъ смертію и, такъ сказать, проститься съ ними, были не одни книги Ветхаго Завѣта, а и другія—какія именно? Церковь ветхозавѣтная, подъ конецъ существованія своего, имѣла уже, кромѣ священнаго кодекса богодухновенныхъ, не малое чис-

ло и другихъ книгъ, написанныхъ священными мужами. Книги сіи не могли быть чужды Апостолу, который, до обращенія въ христіанство, прошелъ всѣ степени образованія іерусалимскаго, слушая уроки мудрости изъ устъ самого лучшаго изъ учителей закона Гамалиила. Кромѣ сего, если судить по нѣкоторымъ мѣстамъ посланій Павловыхъ, въ его святыхъ рукахъ бывали и другія книги, написанныя писателями и неіудейскими.

Для насъ довольно здѣсь замѣтить, что такое вниманіе на книги обращаетъ самъ апостолъ Павелъ!

Для чего довольно?—дабы показать, что чтеніе не грѣхъ, что занятіе полезными книгами не противно даже апостольскому достоинству, что обхожденіе съ сими мертвыми наставниками не казалось бесполезнымъ даже для того, кто самъ былъ живымъ наставникомъ для всей вселенной. Довольно сего.

LXXXII.

На всяко время очи злыхъ приемятъ злая: добріи же безмолвствуютъ присно (Прит. 15, 15).

Первое нисколько не удивительно: ибо такъ какъ міръ весь *лежитъ во злѣ*, то стоитъ только, такъ сказать, открыть окно, чтобы зло тотчасъ полилось со всѣхъ сторонъ въ душу: *очи злыхъ*, предъ всѣми прочими чувствами ихъ, суть отверстыя окна для зла: мудрено ли, что они *на всяко время приемятъ злая*?

Но какъ *добріи безмолвствуютъ присно*?—безмолвствуютъ, когда вокругъ ихъ все мятется? когда сами они нерѣдко должны участвовать, болѣе или менѣе, въ молвѣ житейской? Добрый какъ море; оно сильно волнуется, иногда какъ бы стонетъ и выпускаетъ вопли: но все это на поверхности; нѣсколько сажень въ глубь, и море, какъ увѣряютъ естествоиспытатели, стоитъ недвижимо въ самую сильную бурю. Таковъ и праведникъ: не смотря на внѣшнее движеніе и страданія человѣка своего внѣшняго, онъ внутренно *безмолвствуетъ присно*. Законъ Бога его *посреди чрева его*: и онъ *не подвижится во вѣкъ*. Въ немъ *тиръ Божій*, *превосходяй всякъ умъ*.

LXXXIII.

Аще кто любитъ отца или мать паче Мене, нѣсть Мене достоинъ (Матѣ. 8, 34).

Такъ могъ сказать только Богъ, или Богочеловѣкъ. Въ отно-

шеніи ко всѣмъ другимъ существамъ, какъ бы они ни были велики, могущественны и благотворны, такое требованіе было бы не по нимъ, превыше ихъ и неприлично имъ. Но въ отношеніи къ Богу, такое требованіе совершенно справедливо и необходимо. *Справедливо*: ибо Отецъ небесный первѣе и выше всѣхъ отцевъ и матерей земныхъ. Послѣдніе сами должны любить Его паче всего, и слѣд. сами же должны требовать отъ дѣтей своихъ, чтобы и они любили Его паче всего, и слѣд. паче ихъ. *Необходимо*: ибо если человѣкъ не будетъ любить Бога паче отца и матери: то у него земной отецъ и мать будутъ выше Бога, что совершенно противозаконно.

Но сей же самой любви, какая подобаешь единому Богу, и въ той же самой степени, требуетъ отъ насъ, и требуетъ непремѣнно, Іисусъ Христосъ: ибо Онъ есть Богъ истинный и вѣра въ Него, какъ истиннаго Бога, есть необходимая обязанность каждаго.

LXXXIV.

Богъ премудростію основа землю, въ чувствѣ же Его бездны разверзошася (Прит. 3, 19. 20).

При взглядѣ на разныя стороны и силы природы приходятъ въ движеніе и дѣятельность разныя стороны и силы нашего духа: при иныхъ тотчасъ пробуждается умъ и начинаетъ работать воображеніе самаго небогатаго мышленіемъ человѣка; а при иныхъ, въ наименѣе чувствительномъ, возбуждается чувство, а мысль устраняется, даже подавляется.

Такъ бываетъ съ зрителемъ природы, очевидно, потому, что такъ устроена сама зримая природа: а почему такова природа, что иною стороною своею возбуждаетъ умъ, иною чувство? — Глубокій отвѣтъ на сіе даетъ въ выше приведенныхъ словахъ Премудрый. По его чистой и святой метафизикѣ, въ самой природѣ иное (какъ небеса съ ихъ строгимъ математическимъ порядкомъ) произошло преимущественно подъ вліяніемъ *премудрости* божественной; другое (какъ бездны водъ съ ихъ непрестанною движимостію и неопредѣленностію формъ) подъ особеннымъ вліяніемъ *чувства* божественнаго.

Въ одномъ человѣкѣ, яко образъ Божіемъ, отразилась вся совокупность свойствъ божественныхъ, весь Творецъ.

Итакъ, человѣкъ, познай свое высокое достоинство, и будь тѣмъ, чѣмъ былъ предназначенъ.

LXXXV.

Явился Сынъ Божій, да разрушитъ дѣла діаволя (1 Іоан. 3, 8).

Какія дѣла? Тѣ ли, кои учинены діаволомъ уже по сотвореніи человѣка, и коихъ сущность состоитъ въ погубленіи человѣка? Или и тѣ, кои произведены діаволомъ до сотворенія человѣка, и, можетъ быть, всего видимаго міра, въ кругѣ вещей вышемъ, въ собственной его области?—Первѣе всего, безъ сомнѣнія, первыя; ибо Сынъ Божій для того явился разрушить дѣла діаволя, чтобы спасти чрезъ то человѣка, имъ погубленнаго. Но, конечно, спасительное разрушеніе дѣлъ діаволя прострется за симъ и на прочіе ужасные плоды его несчастной дѣятельности; ибо въ мірѣ все связано такъ, чтобы отъ того не страдало совершенство цѣлаго. Одно только дѣло діаволя останется неразрушеннымъ—то, что онъ себя изъ архангела свѣта сдѣлалъ архистратигомъ, и увлекъ въ ту же бездну зла для другихъ духовъ. За то онъ самъ, какъ неисцѣльное зло, будетъ со всѣми клеветами изгнанъ вонъ изъ вселенной, исключенъ изъ круга вещей, составитъ особенность, ни къ чему не принадлежащую и ничего собою не составляющую.

Но дѣла діаволя не таковы ли по своей натурѣ, что разрушаютъ сами себя? Для чего же нуженъ такой великій разрушитель? Для того, что надобно было не только разрушить сіи ужасныя дѣла, но и воздвигнуть на мѣсто ихъ паки дѣла Божіи. Діаволъ паденіемъ своимъ возмутить порядокъ вещей, превратить все, что могъ: но сущность превращеннаго осталась неизмѣнною. Изъ сего новаго хаоса паки можетъ быть воздвигнуть прекрасный Божій міръ. И вотъ для сей-то великой цѣли является Сынъ Божій. Тотъ, кѣмъ все сотворено, является и для воссозданія всего.

LXXXVI.

Тѣю не блуженію, но Господеви, и Господь тѣю.

(1 Кор. 6, 13).

Апостолъ Христовъ желаетъ отвратить коринѣскихъ учениковъ своихъ отъ плотскихъ пороковъ, къ ксимъ такъ склонна

падшая природа наша, и кои съ такою неимоверною силою свирѣпствовали въ древнемъ мірѣ языческомъ, не смотря на его возвышенную, по видимому, образованность, и для сего указываетъ въ сихъ словахъ на цѣль существованія нашего человѣческаго тѣла. Чувственный человѣкъ смотритъ на свое тѣло именно какъ на орудіе чувственныхъ, плотскихъ наслажденій, и въ семъ ставляетъ цѣль его бытія: апостолъ внушаетъ другое, говоритъ, что тѣло наше, хотя плотское, имѣетъ цѣль не плотскую, а духовную, высокую, святую, нѣкоторымъ образомъ—божественную;—что оно предназначено *окончательно* не только не для какихъ-либо плотскихъ, преступныхъ наслажденій, но, вообще, не для нашихъ наслажденій, даже не для одного нашего духа, а для Виновника всяческихъ—Бога. *Тѣло Господеви*,—уже этого одного достаточно было бы, дабы вселить уваженіе къ тѣлу, заставить обращаться съ нимъ, какъ съ сосудомъ благодати, какъ съ храмомъ божества; но апостолъ симъ не довольствуется, открываетъ достоинство тѣла человѣческаго еще съ другой, высшей стороны, такой, которая выходитъ даже за предѣлы нашего постиженія; онъ говоритъ, что и Господь (Самъ Господь) *тѣлу*, то есть, какъ тѣло принадлежитъ, подобно нѣкой собственности, Господу, такъ и Господь благоволитъ принадлежать тѣлу—какъ глава, какъ жизнь и свѣтъ человѣчества, ему вѣрно.

Сколько мыслей рождаются при семъ выраженіи такихъ, кои нельзя изобразить языкомъ человѣческимъ!... И каждая изъ нихъ должна служить побужденіемъ блюсти свое тѣло въ чистотѣ и святости

LXXXVII.

О велицѣ и о малѣ не неразумѣвай (Сир. 5, 18).

Почему и о малѣ?—Потому, что и великое слагается изъ малого; потому что самыя огромныя событія начинаются большею частію съ самыхъ малыхъ вещей; потому что непривыкшій обращать вниманія и на малое, скоро привыкаетъ пропускать безъ вниманія и большое.

Не неразумѣвай, то-есть, не отпускай вовсе изъ вниманія, а не то, что бы привязываться къ малому и дорожить имъ какъ великимъ. Въ послѣднемъ случаѣ выходитъ другая крайность: задумываются надъ всякою малостию, какъ бы отъ ней зависѣло все, и чрезъ то самое не имѣютъ времени обратить надлежа-

щаго вниманія на большее, на то, что дѣйствительно того заслуживаетъ.

Каждому свое: большому большое вниманіе, меньшему—меньшее: но непремѣнно каждому свое: вотъ чего хочетъ отъ насъ Премудрый.

LXXXVIII.

Брашна чреву, и чрево брашноль: Богъ же и сіе и сія упразднитъ
(1 Кор. 6, 13).

Когда упразднить? Безъ сомнѣнія, тогда какъ будетъ упраздняться все ветхое—и ветхій міръ и ветхій человѣкъ.

Брашна чреву и чрево брашномъ не будетъ,—значитъ будущее состояніе возстановленія человѣка будетъ еще выше его состоянія въ земномъ раю: ибо здѣсь заповѣдано: *отъ всякаго древа, еже въ раю, съѣдоу съѣси* (Быт. 2, 16), слѣд. брашна были чреву и чрево брашналь, а тамъ, въ будущемъ состояніи, не будетъ ни того, ни другаго.

Съ другой стороны, какъ чрево для брашенъ и брашно для чрева упразднятся, когда и на новой землѣ, подъ новымъ небомъ, побѣждающимъ обѣщано вкушеніе *отъ древа животнаго* (Апок. 2, 7) и *манны сокровенной* (17)?

Это дерево животное, сія манна сокровенная есть, безъ сомнѣнія, не другое что, какъ—то брашно, *пребывающее въ животъ вѣчный* (Іоан. 6, 27), которое и Самъ Спаситель, еще бывъ на земли, обѣщаль вѣрующимъ; но сіе пренебесное брашно есть—Онъ Самъ!... Для вкушенія сего божественнаго брашна не чрево, а душа чистая и святая.

Чрево для брашенъ и брашно для чрева упразднятся!... что же будетъ съ тѣми, для коихъ, по выраженію апостола, *чрево есть богъ*? (Фил. 3, 19). Что будетъ съ низкими поклонниками студнаго кумира, когда самъ кумиръ распадется въ прахъ? Да помышлять они, въ свободный часъ, о семъ сами!... Или пусть справятся въ посланіи апостольскомъ: тамъ ясно указанъ ужасный конецъ тѣхъ, *имъ же богъ чрево, и ихъ же слава въ студѣ*.

LXXXIX.

Гнѣвъ и ярость умаляютъ дни (Сир. 30, 26).

Хотя бы эта опасность и страхъ за свою жизнь и здоровье

обуздывали людей гнѣвливыхъ и удерживали отъ припадковъ ярости! Ибо малая ли опасность? Напрасный ли страхъ? Сколько людей, коимъ порывъ гнѣва стоилъ жизни, коихъ онъ убилъ мгновенно, въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, среди предпріятій и надеждъ? Надъ другими гнѣвъ хотя не разражается такъ губительно, за то всегда разстроиваетъ ихъ здоровье и сокращаетъ жизнь. Иначе и быть не можетъ, по самому существу гнѣва.

Сотрясая всѣ жизненные стихіи тѣла, возмущая и даже оставившая на время всѣ отправленія душевныя и тѣлесныя, приводя въ состояніе кипѣнія и разливая по всему тѣлу желчь, гнѣвъ, потому самому, неизбѣжно разстроиваетъ весь тѣлесный составъ, неотразимо портить кровь и соки. Опустошеніе, имъ производимое, можно даже видѣть и осязать. Посмотрите на себя въ минуту сильнаго гнѣва въ зеркало: вы ужаснетесь собственного вида; такъ онъ свирѣпъ, багровъ, отвратителенъ! Приложите въ это время руку къ сердцу: оно бьется, какъ млатъ о наковальню. Такое кипѣніе крови, такое сотрясеніе нервовъ, такое разлитіе желчи можетъ ли не дѣйствовать губительно на жизнь и здоровье? Отъ того гнѣвливые обыкновенно сухи, желты, какъ бы испечены въ огнѣ.

Итакъ, если не ради другаго чего, то ради собственного здоровья, каждый долженъ быть какъ можно свободнѣе отъ гнѣва; потому что и однократный, сильный гнѣвъ, какъ-видно изъ многихъ примѣровъ, можетъ убить гнѣвающагося—до смерти *).

КОНЕЦЪ СЕДЬМАГО ТОМА.